

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ПОЛКОВОДЦЫ
И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Сборник

Второе издание, исправленное

ВЫПУСК 1
(482)

МОСКВА
1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В серии «Жизнь замечательных людей» уже были изданы и получили признание читателей сборники «Полководцы гражданской войны» (1960) и «Герои гражданской войны» (1963). В предлагаемой читателю книге речь пойдет о жизненном пути и боевой деятельности замечательных советских полководцев и военачальников, чье военное искусство и талант, мужество и воля к победе наиболее полно проявились на полях сражений в суровые годы Великой Отечественной войны. Конечно, рассказать обо всех выдающихся военных деятелях Великой Отечественной войны в одной книге невозможно. Только поэтому редакция вынуждена ограничиться 12 очерками.

Авторами большинства из них выступают соратники и боевые друзья тех, о ком идет рассказ. Так, Маршал Советского Союза М. В. Захаров в годы Великой Отечественной войны был начальником штаба фронта, которым командовал Р. Я. Малиновский; генерал армии С. М. Штеменко возглавлял Оперативное управление Генерального штаба и работал под непосредственным руководством А. И. Антонова; генерал армии П. И. Батов командовал армией, которая действовала в составе фронтов, возглавлявшихся К. К. Рокоссовским. В равной мере сказанное относится и генерал-полковнику К. В. Крайнюкову — бывшему члену Военного совета Воронежского и Первого Украинского фронтов, генерал-полковнику Ф. М. Малышину — ответственному работнику тыла Советских Вооруженных Сил, генерал-полковнику артиллерии в отставке Ф. А. Самсонову — начальнику штаба артиллерии Красной Армии, генерал-майору М. И. Чередниченко — работнику Оперативного отдела армии в годы минувшей войны.

Такой состав авторов обусловил еще одну особенность книги. В ней нет придуманных коллизий, вымышленных героев. Речь идет только о том, что было в действительности, все называемые имена и приводимые факты — подлинные. Это правило выдержано всеми авторами.

Книга «Полководцы и военачальники Великой Отечественной» повествует о тех, кого уже нет в живых, но чьи имена золотыми буквами вписаны в боевую летопись Советских Вооруженных Сил. Их ратные дела во славу Родины всегда будут служить вдохновляющим примером для поколений советских людей.

**Составитель и научный редактор —
кандидат исторических наук
полковник А. Н. КИСЕЛЕВ**

Алексей Антонов
Николай Ватутин
Николай Воронов
Леонид Говоров
Арсений Головкин
Семен Жаворонков
Родион Малиновский
Константин Рокоссовский
Павел Рыбалко
Василий Соколовский
Андрей Хрулев
Тимофей Хрюкин

Генерал армии

АЛЕКСЕЙ АНТОНОВ

1916 год. Первая мировая война в разгаре. Воюющие державы призывают под ружье все новые контингенты мужчин и бросают их в пекло сражений... В этот год на призывной пункт вызвали и Алексея Антонова. Как ни странно, но для него призыв в армию означал возобновление прерванной незадолго до этого учебы. Это было даже нечто вроде удачи в цепи потрясений, которые пришлось пережить ему в последние годы.

Алексей Иннокентьевич Антонов родился 15 сентября 1896 года в городе Гродно в семье командира батареи царской армии. Жизнь семьи офицера невысокого ранга в небольшом крепостном гарнизоне никогда не была легкой. И все же, пока служил отец, у нее были средства к существованию. Отец умер, когда сыну Алексею не исполнилось и двенадцати лет. А в 1914 году умерла мать. С ее смертью прекратилась выдача пенсии за отца. Теперь жить было уже совсем не на что. По совету знакомых Алексей Антонов перебрался в Петроград. Здесь он все-таки закончил гимназию без оплаты за обучение как нищий сын офицера. В 1915 году поступил даже в университет. Учиться, однако, не пришлось, нужда заставила пойти работать на завод.

И вот теперь, после призыва в армию, его, как бывшего студента, направили в Павловское военное училище. Ускоренный курс обучения военного времени был закончен к декабрю того же года. Затем новоиспеченного прапорщика Антонова зачислили в егерский полк. В июле 1917 года он уже участвовал в затеянном Временным правительством бессмысленном и безнадежном наступлении. В боях получил ранение, был награжден орденом за храбрость.

Боевая служба прапорщика Алексея Антонова проходила в бурные дни революционных событий. Страна шла от Февральской буржуазно-демократической революции к пролетарскому Октябрю. Кипела солдатская масса на

фронте, и молодой офицер, чутко принимавший к сердцу чаяния и тревоги народа, все более сближался с людьми в серых шинелях — солдатами. Его избрали помощником полкового адъютанта. В этой должности в составе полка он участвовал в разгроме корниловского мятежа и принял всей душой Великую Октябрьскую социалистическую революцию. По расформировании частей царской армии А. И. Антонов 1 мая 1918 года уволился в запас. До апреля 1919 года работал в продовольственном комитете Петрограда.

В запасе пришлось быть недолго. Иностранная интервенция и внутренняя контрреволюция развязали в стране гражданскую войну. В. И. Ленин и Коммунистическая партия организовали вооруженный отпор врагам. Миллионами штыков оцетинилась созданная в ходе войны Красная Армия.

1919 год был для Советской России годом трудным и славным. Полчища врагов рвались к самому сердцу Страны Советов. Однако не пришлось им торжествовать. На зов партии «Все на борьбу с Деникиным!» откликнулись сотни тысяч рабочих, крестьян, представителей трудовой интеллигенции, которые остановили, а затем и разгромили врага.

В жизни Антонова наступил новый этап — 11 апреля 1919 года он встал под боевые красные знамена и с тех пор непрерывно шел в рядах воинов Советских Вооруженных Сил. Сначала Первая Московская рабочая, затем Пятнадцатая Инзенская дивизия, где он служил на штабных должностях. В их составе он бил врага под Луганском и Лисками, под Валуйками и Волчанском, Коротояком, Ростовом-на-Дону и Азовом. В марте 1920 года Антонов был участником завершающих боев против деникинцев на Северном Кавказе и добывал последних белогвардейцев в Новороссийске. Затем, уже на заключительном этапе войны, он вначале участвовал в отражении войск Врангеля, наступавших из Крыма, а в ноябре 1920 года в составе той же Пятнадцатой Инзенской дивизии, которая форсировала Сиваш, сражался против армии белых в Крыму.

Мирные годы между гражданской и Великой Отечественной войнами были для Алексея Иннокентьевича Антонова временем глубокой и напряженной учебы и работы по укреплению боеготовности частей и соединений Советской Армии, периодом становления как коммуниста и бое-

начальника с большим общим политическим и военным кругозором. В 1926 году тридцатилетний красный командир вступает в кандидаты РКП(б). Через два года он член партии и слушатель основного (командного) факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В процессе учебы выявились его большие способности к военному делу, склонность к научным исследованиям и аналитический склад ума. В стенах академии Антонов успешно осваивает французский язык и получает квалификацию военного переводчика. Он окреп физически, стал выносливым, научился отлично стрелять. Его аккуратность, настойчивость и добросовестность, живой пылкий ум обращают на себя внимание начальников. «В общественной и партийной работе силен», — отмечается в одной из аттестаций, написанных тогда на А. И. Антонова.

После окончания академии, проработав некоторое время в войсках на должности начальника штаба Сорок шестой стрелковой дивизии, Алексей Иннокентьевич вновь вернулся к учебе и в 1933 году окончил оперативный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе. Эту академию окончили многие знаменитые в будущем советские военачальники — И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, П. С. Рыбалко, Я. Н. Федоренко, М. С. Калинин, И. Х. Баграмян, В. В. Курасов и другие, — чьи дарования широко раскрылись в годы Великой Отечественной войны. Учеба на оперативном факультете Военной академии стала важной ступенью роста теоретических знаний и практических навыков А. И. Антонова. Он формировался и вырос в крупного военного специалиста-оператора. «Отличный оперативно-штабной работник. Готов для работы в высших штабах» — так с большим предвидением характеризовал его начальник и комиссар факультета Г. С. Иссерсон.

По окончании оперативного факультета А. И. Антонов служил последовательно начальником штаба Сорок шестой стрелковой дивизии, укрепленного района и начальником Первого (оперативного) отдела штаба Харьковского военного округа. Несмотря на большую загруженность служебными делами, он постоянно стремился к расширению и обогащению своего военного кругозора, повышению знаний. Работа в штабе военного округа способствовала развитию его эрудиции и общей культуры. Следует отметить, что Алексей Иннокентьевич не останавливался

на достигнутом, постоянно расширял свой общий и военный кругозор, отличался исключительной работоспособностью.

Учтя выдающиеся способности А. И. Антонова, командование округа в 1936 году направило его учиться в открывшуюся тогда Академию Генерального штаба РККА. Создание этого высшего военно-учебного заведения было велением времени. Красная Армия, во всех отношениях вполне современная, не имела еще в необходимом количестве кадров с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Вплоть до 1936 года командный состав, призванный руководить такими войсковыми оперативными объединениями, как армия и фронт, готовился только на одногодичном факультете Академии имени М. В. Фрунзе. Но во второй половине тридцатых годов жизнь настоятельно потребовала наладить более массовую и глубокую подготовку руководящих военных кадров. К тому же надо было развивать теорию оперативного искусства, чем Академия имени М. В. Фрунзе из-за своего профиля в должных размерах заниматься не могла. Учитывая все это, Коммунистическая партия и Советское правительство и приняли решение об организации нового высшего военно-учебного заведения Советских Вооруженных Сил.

В Академию Генерального штаба собрали весь цвет тогдашних теоретиков военного дела. Среди них — В. А. Меликов, Д. М. Карбышев, Н. Н. Шварц, А. И. Готовцов, Г. С. Иссерсон, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, Н. И. Трубецкой, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский, В. К. Мордвинов, П. П. Ионов. Многим из профессоров Алексей Иннокентьевич Антонов был уже известен по предшествующим годам учебы на основном, а затем и на оперативном факультете Академии имени М. В. Фрунзе.

В свою очередь, Антонову также не нужно было привыкать к манере чтения и ведения семинарских занятий тем или иным преподавателем. У него, кстати, как и у очень многих других слушателей академии, особой популярностью пользовался Дмитрий Михайлович Карбышев, ученый-инженер, умевший преподнести свой, казалось бы, «сухой предмет» очень остроумно, оригинально. Простыми методами он помогал слушателям запоминать сложные технические расчеты. Вот, например, в его интерпретации формула для расчета сил и средств оборудования позиций заграждениями из колючей проволоки, удобная для запоминания: один батальон, один час, один

километр, одна тонна, один ряд. Шутники-острословы переиначили ее: один сапер, один топор, один день, один пень. Шутка дошла до Карбышева и несколько не обидела его. Он ценил острое слово и сам при случае любил пошутить. Пожалуй, ни одна из его лекций не обходилась без этого.

Более строгими по тону, более «академичными», но столь же глубокими, содержательными были лекции Г. С. Иссерсона по оперативному искусству и стратегии, а также лекции по тактике высших соединений, которые читал А. В. Голубев. Отлично знали свой предмет и были великолепными методистами такие талантливые преподаватели, как А. В. Кирпичников, В. К. Мордвинов, Е. А. Шиловский, С. Н. Красильников.

Очень сильный в академии подобрался и состав военных историков. Они умели строить свои лекции таким образом, что слушателям была ясно видна не только общая линия развития армий и способов военных действий, но и то, что с пользой можно взять из прошлого для современности. Особенно выделялся в этом отношении В. А. Меликов, с увлечением читавший историю первой мировой войны. Автор этих строк хорошо помнит, как иногда он увлечется настолько, что сядет, бывало, лицом к схемам, развешанным на стойках, и ведет свой интересный красочный рассказ, повернувшись спиной к аудитории. Звенит звонок на перерыв, а лекция все продолжается. И даже завязтые курильщики не спешат уйти на перерыв. Только когда в классе появляется другой преподаватель, слушатели отрываются наконец от битв на Марне или драматических событий в Августовских лесах.

С таким же жаром читал историю русско-японской войны профессор Н. А. Левицкий. Он так же свободно излагал материал и так же покорял слушателей подробностями и перипетиями сражения или боя, воссоздавая зримую картину борьбы воли и ума военачальников.

Я считаю необходимым это небольшое отступление о преподавателях Академии Генерального штаба предвоенных лет для того, чтобы подчеркнуть лишний раз, что собравшимся туда на учебу командирам было у кого и чему учиться. И надо ли говорить, что Алексей Иннокентьевич Антонов полностью использовал предоставившуюся возможность серьезно пополнить свои военно-теоретические знания и навыки, которые необходимы военачальнику в его деятельности. Он не терял времени даром.

Окончив академию, в годы перед Великой Отечественной войной А. И. Антонов одно время служил начальником штаба Московского военного округа, затем готовил кадры командиров, работая на кафедре общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. Вторая мировая война вынуждала ускорить создание массовых контингентов хорошо подготовленных командиров частей и подразделений Советской Армии, и Антонов полностью отдавал себя этому важному и трудному делу.

Великая Отечественная война застала А. И. Антонова на посту заместителя начальника штаба Киевского особого военного округа. Теперь, когда началась невиданная по напряженности и ожесточению вооруженная борьба, когда дело шло о свободе и независимости Советского государства, о победе над наиболее сильным, коварным и отлично подготовленным врагом, каким являлась гитлеровская армия, военно-стратегические дарования Алексея Иннокентьевича развернулись в полную силу. С первых дней войны он возглавил группу, предназначенную для формирования управления Южного фронта. Поставленную задачу успешно выполнил и в августе 1941 года был назначен начальником штаба этого фронта. В июле 1942 года Антонов занял такую же должность вначале на Северо-Кавказском, а затем на Кавказском фронтах. Его действия на посту начальника штаба фронтов, где отличные знания должны были подкрепляться незаурядными организаторскими способностями, умением проникнуть в замыслы врага и затем предложить способы для их разрушения, были такими четкими и целесообразными, что обратили на себя внимание высших начальников.

Вся последующая деятельность Алексея Иннокентьевича связана с Генеральным штабом Вооруженных Сил Советского Союза. Вот на ней-то я позволю себе остановиться более подробно. Я считаю необходимым сделать это потому, что было бы слишком упрощенным рисовать образ А. И. Антонова, ограничиваясь общими мазками, свойственными краткой биографической справке. Кроме того, моя собственная судьба сложилась так, что начиная с весны 1940 года я нес службу в Генеральном штабе и поэтому с момента прихода туда А. И. Антонова имел возможность работать и постоянно с ним общаться.

С прибытия А. И. Антонова в Генштаб я и продолжу свой рассказ, сделав предварительно еще одно небольшое отступление для пояснения.

В нашей литературе Генштабу не повезло. О нем, как и о Ставке Верховного Главнокомандования, до последнего времени ничего почти не было написано. А если в каких-то книгах и заходила речь об этом, то преимущественно в смысле отрицательном: дескать, сидели там в шикарных кабинетах, совершенно оторванные от жизни, и пытались управлять войной по глобусу.

К счастью, на самом деле было не так. Ставка Верховного Главнокомандования и ее рабочий орган — Генеральный штаб — твердо держали в своих руках и планирование кампаний войны, и руководство операциями, распоряжались резервами, тщательнейшим образом следили за развитием событий на огромных пространствах, охваченных войной. Ни один поворот фронта или армий не проходил без их ведома. Ни на минуту не утрачивались здесь живые контакты с войсками. Представители Ставки и Генерального штаба все время находились на решающих участках в действующей армии, контролировали исполнение директив и приказов Верховного Главнокомандующего, вносили свои предложения по ходу боев.

О том, что Ставка и Генеральный штаб успешно справлялись со своими задачами, свидетельствуют итоги Великой Отечественной войны. В соревновании воли, знаний, искусства управления войсками они одержали верх над высшим военным руководством гитлеровской Германии. Как бы вы ни были молоды, читатель, или далеки от военного дела, вы в состоянии разобраться, что именно в этом заключается главный критерий, позволяющий правильно оценить все то, что было свершено всеми советскими людьми, и в том числе теми, кто стоял у руководства вооруженной борьбой в годы минувшей войны.

Коллектив Генерального штаба внес свою немалую лепту в достижение великой нашей победы над врагом. Я хочу подчеркнуть заслугу именно коллектива, потому что только коллективный разум и коллективный опыт в состоянии были охватить с должной полнотой явления войны и найти пути правильного решения труднейших задач, возникавших перед Вооруженными Силами. Однако всякий коллектив слагается из отдельных лиц — руководителей и исполнителей.

Алексей Иннокентьевич Антонов и был одним из тех руководителей Генерального штаба, кто отдал всего себя без остатка порученному народом и партией делу и ис-

пытал на своих плечах бремя ответственности за решение сложнейших задач вооруженной борьбы.

В июне 1942 года Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников из-за крайнего нездоровья был вынужден покинуть пост начальника Генерального штаба и перейти на более спокойную работу начальника Высшей военной академии. На его место был назначен А. М. Василевский, ранее возглавлявший Оперативное управление Генштаба.

Александр Михайлович Василевский почти с самого начала Великой Отечественной войны — с 25 августа 1941 года — возглавлял Оперативное управление и одновременно был заместителем начальника Генерального штаба. Глубокое знание природы войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений выдвинули его впоследствии в первый ряд советских военных руководителей.

Авторитет Василевского, вполне понятно, повышал значение повседневной работы и всего коллектива Оперативного управления. Уход Василевского чрезвычайно тяжело сказался на работе этого ведущего в Генеральном штабе управления. Начался период смены начальников. В течение каких-нибудь полугода эту должность занимали генералы А. И. Бодин, дважды А. Н. Боголюбов, В. Д. Иванов, а между ними временно исполняли обязанности генералы П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный и Ш. Н. Гениатуллин.

Положение осложнялось тем, что по условиям работы Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский уже и после назначения на должность начальника Генерального штаба большую часть времени находился на фронтах и не мог руководить Генштабом. Сталин посылал его туда всякий раз, когда возникала необходимость поглубже проанализировать тот или иной вопрос и выработать наиболее верное решение, сформулированное в виде готовых предложений. Работу начальника Генштаба в таких случаях по необходимости исполнял комиссар Генштаба генерал-майор Ф. Е. Боков — прекрасный человек, хороший партийный работник, но для выполнения чисто оперативной функции не подготовленный.

Длительные разъезды по фронтам начальника Генерального штаба, частая смена начальников Оперативного управления создали у нас атмосферу нервозности, из-за

чего нередко нарушались ритм и четкость в работе. За короткое время пребывания во главе управления никто из вновь назначаемых начальников не успевал как следует войти в курс дела, врать в обстановку, а значит, и не мог уверенно чувствовать себя при выезде в Ставку для доклада. Приходилось «на всякий случай» держать возле себя начальников направлений — вдруг понадобится какая-либо справка. В «предбаннике», как мы называли приемную начальника Оперативного управления, всегда было полно народу. Некоторые и здесь пытались что-то сделать, сидели, склонившись над какими-то документами, но большинство теряло время попусту, протирая диваны. Иногда из Ставки звонили по телефону, кто-нибудь из офицеров отвечал на поставленный вопрос, и потом опять все погружалось в ожидание. Иногда в Ставку вызывались начальники направлений для более детального доклада. Вот такой была обстановка, в которой проходила работа Генштаба летом и осенью 1942 года.

Отлично понимая, сколь отрицательно сказывается на работе Генштаба частое отсутствие на месте его начальника, Александр Михайлович настойчиво искал себе достойного заместителя. И такой человек был найден. В начале декабря мы узнали, что на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба по рекомендации А. М. Василевского назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов, занимавший до того пост начальника штаба Закавказского фронта. Многие его знали и одобрительно отзывались о нем. Другие, скептики, говорили, что судить будут после двух-трех поездок в Ставку: как он с этим справится.

Вскоре А. И. Антонов прибыл в Москву. Мне пришлось его встречать, так как в то время я возглавлял южное направление.

Уже с первых дней работы в управлении почувствовалось, что прибыл недюжинный человек и большой знаток штабной службы и что теперь дело пойдет. Антонов повел себя очень умно. Он детально ознакомился с людьми, тщательно изучал оперативную обстановку на фронтах и не спешил с докладом в Ставку, как его предшественники, а сразу же с головой окунулся в текущие дела Оперативного управления. Суточный цикл в нем, как и во всем Генеральном штабе, начинался с семи утра. В этот час начальники направлений, ведавшие каждый делами одного фронта, приступали к сбору обстановки за прошедшую

ночь. К каждому из них являлся представитель разведки и уточнял на карте данные о противнике. Одновременно обобщались сведения о положении и состоянии своих войск. В этом начальникам направлений помогали все другие органы Генштаба, каждый по роду своей деятельности.

А у начальника Оперативного управления не смолкали телефонные звонки. Он вел переговоры с начальниками штабов фронтов, лично уточнял обстановку. Они обязательно звонили сами, если в течение ночи был достигнут серьезный успех, занят важный пункт. При неудачах со звонками не спешили. Но когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе: в этом случае приходилось вызывать на провод «запоздавшего», и истина прояснялась.

По мере готовности материалов появлялись с докладами начальники направлений. Само собою разумеется, доклады эти не были длинными. Мы все детально знали обстановку, и поэтому часто докладчик не произносил ни слова, а просто сверял свою карту с картой начальника управления, разложенной на столе. Если обнаруживались какие-то расхождения, он обращал на них внимание начальника, говорил, что надо дополнить. В иных случаях у начальника Оперативного управления были более свежие данные, полученные в результате переговоров со штабом фронта. При таком стечении обстоятельств начальник направления вносил исправления на свою карту. И лишь изредка, когда расхождения оказывались слишком уж значительными или по каким-то другим причинам возникали сомнения относительно истинного положения войск, тут же еще раз вызывали по ВЧ штаб фронта для нового уточнения обстановки.

Осваиваясь со всем этим порядком работы, генерал А. И. Антонов выразил неудовлетворенность ведением обстановки на картах. Она велась на каждом направлении по-разному, и ее трудно было читать без помощи автора карты. Впоследствии с помощью Алексея Иннокентьевича в этом важном деле был наведен образцовый порядок. Четкость ведения карт стала, можно сказать, идеальной. В Оперативном управлении стали применять единые условные цвета и знаки для определенного времени и любого вида боевых действий. Неукоснительное исполнение этого однажды установленного порядка и длительная практика позволяли легко читать обстановку с карты лю-

бого направления без пояснений. В высшей мере добросовестное отношение офицеров и генералов ко всем «мелочам» службы извлекло от многих непродуманных потерь времени и, главное, ограждало от ошибок.

Наряду со справедливой критикой новый начальник сразу же заметил все хорошее, что было в работе Оперативного управления, и одобрил, хотя, конечно, далеко не все наши генштабистские тонкости предусматривались наставлением по службе штабов.

Лишь после того, когда Алексей Иннокентьевич стал вполне свободно ориентироваться в делах Генштаба и хорошо изучил обстановку на всех фронтах, он отправился на первый свой доклад в Ставку Верховного Главнокомандования. Это случилось примерно дней через шесть после прибытия на новое место службы. Нам всем понравилась такая основательность: мы поняли, что новый начальник Оперативного управления представляет собой именно то, что нужно Генштабу. Такое мнение еще более окрепло после первых поездок Антонова в Ставку, когда не только все обошлось благополучно, но постепенно прекратились постоянные ненужные бдения в приемной. Не без помощи Антонова Верховным Главнокомандующим был установлен трудный и жесткий, но в целом необходимый и приемлемый регламент работы Генштаба, который сохранился на все последующие годы. При этом сам А. И. Антонов нес наравне с нами все тяготы служб.

Не прошло и месяца с момента назначения А. И. Антонова в Генеральный штаб, как он получил чрезвычайно ответственное задание Ставки Верховного Главнокомандования — разобраться в обстановке на Воронежском, Брянском, а несколько позже и на Центральном фронте, с тем чтобы внести конкретные предложения о дальнейшем использовании их сил. Командировка продолжалась с 10 января по 27 марта 1943 года. Как все мы понимали, это был для нового начальника Оперативного управления экзамен на зрелость. Видно, Алексей Иннокентьевич пришелся по душе Верховному Главнокомандующему, и теперь он желал окончательно убедиться, правильно ли решение Ставки, назначившей Антонова на один из самых ответственных военных постов. Иначе Алексей Иннокентьевич не получил бы подобной командировки.

Вопреки установившимся канонам Сталин считал, что хороший штабист никогда не подведет и на командной работе, но для того, чтобы быть полноценным штабным ра-

ботником, надо знать жизнь войск. Поэтому ответственных работников Генштаба всех без исключения командировали на фронты очень часто и порой на продолжительное время. Такая практика в некоторых случаях заметно ослабляла состав Генерального штаба, создавала дополнительные трудности в его повседневной работе. Однако у Верховного Главнокомандующего и на сей счет существовала своя твердо установившаяся точка зрения: он полагал, и, очевидно, не без основания, что «на месте Генштаба всегда как-нибудь выкрутятся», а войсковая практика в боевых условиях полезна каждому генштабисту, тем более руководителю Оперативного управления.

Итак, 10 января 1943 года А. И. Антонов выехал в первую свою командировку на фронт в качестве руководителя одного из ответственных управлений Генерального штаба. Советская Армия наступала тогда в трудных зимних условиях и одержала на указанных фронтах славные победы, но затем вынуждена была прекратить наступательные действия. А. И. Антонов, работая под руководством А. М. Василевского, вместе с командованием фронтов дал правильную оценку сложившегося положения. Эта оценка помогла Ставке разобраться в обстановке и перспективе ее дальнейшего развития на важнейшем в то время орловско-курском направлении.

Отличные знания, высокие организаторские способности, ясный ум и большая выдержка наряду с выдающимся оперативным дарованием, проявившимся уже в первое время работы А. И. Антонова в Генштабе, были для него лучшей аттестацией в глазах членов Ставки. По всем признакам получалось, что А. И. Антонову обеспечено длительное пребывание у кормила Оперативного управления. Но в отсутствие А. М. Василевского — а оно становилось все чаще и длительнее — на плечи Алексея Иннокентьевича ложился непомерный груз обязанностей начальника Генерального штаба. Исполнять одновременно две такие тяжелые должности, да еще во время войны, было не под силу даже Антонову. Убедившись в этом, Ставка освободила его от непосредственного руководства Оперативным управлением. Через пять месяцев пребывания в должности его начальника А. И. Антонов был назначен первым заместителем начальника Генштаба. Это позволило ему сосредоточить свои усилия на самом ответственном участке, практически возглавив Генеральный

штаб. При этом, конечно, поддерживал контакт с А. М. Василевским, постоянно информировал его обо всем существенном, а взамен получал соответствующие советы и поддержку.

Большой труженик и блестящий знаток штабной службы, Алексей Иннокентьевич крепко держал в своих руках все нити оперативного руководства боевыми действиями многомиллионной армии. За счет своей богатейшей эрудиции и тогда еще молодых сил он справлялся с этим безупречно. Представители Ставки, направляя свои доклады Верховному Главнокомандующему, непременно адресовали их копию «товарищу Антонову». Каждый знал, что Антонов предпримет по этим докладом все необходимое точно и в срок.

Без преувеличения можно сказать, что Алексей Иннокентьевич был человеком исключительным. Его отличительными чертами являлись прежде всего высокая эрудиция, общая и особенно военная культура, которые проявлялись в широте и глубине подхода ко всем вопросам работы, в речи, поведении, отношении к людям. За шесть лет совместной работы в Генеральном штабе мне ни разу не приходилось видеть его «выпешшим из себя», всплывшим, обругавшим кого-то. Он обладал удивительно ровным, уравновешенным характером, ничего, однако, общего не имевшим с мягкотелостью. Уравновешенность и задушевность у Антонова сочетались с редкой твердостью и настойчивостью, я бы сказал, даже с некоторой сухостью в официальных делах. Он не терпел верхнего взгляда, спешки, недоделок и формализма. На поощрения он был скуп, и заслужить их могли лишь люди думающие, инициативные, точные и безукоризненные в работе. Он очень ценил время и тщательно его планировал. Видимо, поэтому речь его отличалась лаконичностью и ясностью мысли. Враг длинных и частых совещаний, он проводил их только в исключительных случаях и всегда коротко. Кое-кто даже называл его педантом в делах и поведении. Но это суждение было опрометчивым: дело шло о другом, и мы, вместе с ним работавшие, хорошо понимали и были благодарны А. И. Антонову за его принципиальную последовательную требовательность, совершенно необходимую на военной службе, да еще в дни тяжелой войны.

Случается, что человек на работе бывает одним, а дома другим. Мне неоднократно приходилось бывать у Ан-

тонова в семье. В домашней обстановке он был приятным собеседником и гостеприимным хозяином. Его жена, Мария Дмитриевна, была ему под стать, а по характеру и отношению к людям чем-то даже на него похожа. Недаром говорят, когда муж с женой долго и хорошо живут, они становятся похожими друг на друга. Все это можно отнести и к семье Антоновых.

Служба в Генеральном штабе никогда не была легкой, тем более в военное время. Главное место в ней занимали, естественно, сбор и оценка разведывательных данных и текущей обстановки на фронтах, разработка вытекающих отсюда практических предложений и распоряжений, замыслов и планов предстоящих операций, планирование, обеспечение фронтов вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами, создание резервов. Все это было очень сложно и не всегда осуществлялось так, как хотелось бы.

Как уже было сказано выше, И. В. Сталин с помощью А. И. Антонова установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. По этому распоряжению самому Антонову — первому заместителю начальника Генштаба — полагалось находиться при исполнении служебных обязанностей по 17—18 часов в сутки. Автору этих строк, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18—19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10—11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16—17 часов, докладывал обычно А. И. Антонов. Таким образом, ездить в Ставку Антонову приходилось ежедневно, а иногда и по два раза в сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1 : 200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях и до полка. А. И. Антонов досконально знал, где что произошло в течение суток. Тем не менее он все равно перед каждой поездкой в Ставку в течение 2—3 часов тщательно разбирался в обстановке. Он связывался с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточнял

с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовался с ними и проверял через них правильность своих предположений, затем готовил на этой основе свои предложения Верховному Главнокомандующему. Потом он вместе с начальником Оперативного управления рассматривал просьбы и заявки фронтов, а в последний час перед отъездом в Ставку просматривал и редактировал подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений Ставки Верховного Главнокомандования.

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. На доклад в Ставку вместе с начальником Генерального штаба из Генштаба ездил только, как правило, начальник Оперативного управления или его заместитель. А это обязывало последних знать все, что делается в Генеральном штабе и чем он располагает. Тут и данные о противнике, и данные о ходе оперативных перевозок, и укомплектованность фронтов, и состояние резервов. Без этого не обойтись при разработке оперативных предложений. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве отправлялись в Кремль или на ближнюю — кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем раскладывались карты, по которым докладывалась обстановка за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент развертывались главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку докладывающий знал на память, и она была отражена на карте.

Кроме Верховного Главнокомандующего, на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующие родами войск и видами Вооруженных Сил, начальник тыла Красной Армии и т. д. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стене кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Правее письменного стола, стоявшего в глубине кабинета справа, на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина. Изредка Сталин подходил к письменному столу, брал две папиросы «Герцеговина Флор», разрывал их и набивал табаком трубку.

Доклад начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Фронты, армии, танковые и механизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии — по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому, и в Генштабе придерживались такой же системы.

Совместная работа с Алексеем Иннокентьевичем была хорошей школой штабной службы. Он обладал даром точного, ясного и краткого изложения мыслей, умел схватить и показать главное, отделить его от второстепенного. Как правило, его доклады в Ставке проходили гладко и не вызывали особых вопросов. Перед отъездом в Ставку мы заранее сортировали, если так можно сказать, материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, и клали их в три разноцветные папки. В красную папку помещали документы первостепенной важности, неотложные для доклада в первую очередь, в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам; в синюю — бумаги по вопросам второй очереди: различного рода просьбы; наконец, в зеленую папку — представления к званиям, наградам, бумаги по переводам и назначениям командного состава, которые шли через Генштаб, и другие документы.

Документы красной папки докладывались обязательно полностью. Алексей Иннокентьевич был необыкновенно настойчив и не уходил от Верховного до тех пор, пока все они не получали ход или подпись. Синяя папка докладывалась по мере возможности, но, как правило, ежедневно. Зеленая — только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось ее раскрывать по три-четыре дня, но бывало и так, что находившиеся в ней документы докладывались в первую же поездку. Алексей Иннокентьевич был мастер пачет правильного определения си-

туации, позволявшей доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибался, говоря мне: «Давайте зеленую». Правда, И. В. Сталин вскоре раскусил эту нехитрую механику. Иногда он сам говорил, как бы предупреждая: «Сегодня рассмотрим только важные документы», а в другой раз обращаясь к Антонову со словами: «Ну, а теперь давайте и вашу зеленую».

В конце ежедневного итогового доклада было принято представлять на подпись проекты директив, которые надлежало отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его первый заместитель или начальник Генерального штаба. Но так как в Москве очень часто не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Ему обычно, но уже одному, приходилось ставить свою подпись под документами, излагавшими распоряжения меньшей важности, которые заканчивались фразой «По поручению Ставки». Обычно они формулировались прямо в Ставке. Эти документы, как правило, не перепечатывались на машинке, а прямо в оригинале поступали в находившуюся неподалеку аппаратную узла связи и немедленно передавались на фронты.

У Верховного Главнокомандующего Алексей Иннокентьевич пользовался большим авторитетом за знание дела, за мужество, выражавшееся в прямоте и правдивости докладов, в которых ничто не приукрашивалось. Все всегда соответствовало истине, как бы горька она ни была. Видимо, авторитетом Антонов пользовался и за то, что осмеливался, если было нужно, возражать Сталину и, уж во всяком случае, высказывать свое мнение.

При докладах командующих фронтами Верховный Главнокомандующий, как правило, спрашивал у нас, «каково мнение Генштаба», «рассматривал ли этот вопрос Генштаб», и Генштаб в лице Антонова всегда излагал свою точку зрения, которая во многих случаях не отличалась от мнения командующих фронтами, но раз о ней спрашивали, то она излагалась.

Верховный не терпел малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом. Так, в ноябре 1943 года начальник штаба Первого Украинского фронта был снят с должности за то, что не донес о занятии противником одного населенного пункта, откуда наши войска были выбиты. Можно вспомнить и другие случаи подобного рода. Естественно,

что при докладах мы внимательно следили за формулировками. Само собой у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировали фразы: «войска *ворвались* в пункт Н.», «наши войска *заняли* или (удерживают) окраину пункта Х.», и тому подобные неточные формулировки. Антонов в таких случаях докладывал: «наши войска *ведут бой* за пункт Н. (или Х.)», так как на опыте не раз убеждался, что это наиболее точная характеристика действительного положения на фронте.

Как-то уж повелось, что, говоря о людях интеллектуального творческого труда, имеют в виду работников искусства, литературы, реже техников и почти никогда — военных.

Между тем военное дело тоже требует и творческого вдохновения и высоко развитого интеллекта. Подчас военным людям приходится обращаться с неизмеримо большим, чем другим специалистам, количеством исходных элементов и слагаемых, осмысление которых позволяет сделать определенные выводы и на основе их прийти к наилучшему решению.

В первую очередь все это относится, конечно, к руководящим военным кадрам. Военный руководитель должен хорошо знать не только военные вопросы и видеть перспективы их развития. Он обязан уметь ориентироваться в сложном переплетении политических, экономических, технических проблем, правильно понимать их и предвидеть возможное их влияние на военную теорию и практику, на войну в целом, на операцию и бой.

Особенно необходимы такие качества руководителям Генерального штаба Вооруженных Сил. Диапазон их деятельности поистине огромен. На них лежит громадная ответственность за подготовку всех видов Вооруженных Сил и родов войск в мирное время и за правильное использование их в ходе войны. Кому-кому, а уж руководителю Генерального штаба всегда полагается заглядывать далеко вперед!

Но каким бы он ни был талантливым — один, как говорят, в поле не воин; помимо всего прочего, от него требуется умение опираться на коллектив, особым образом

подобранный, подготовленный и организованный, при этом не обойтись без опытных заместителей и помощников, которые несли бы на себе часть руководства работой этого коллектива и, в свою очередь, обладали бы творческим, пытливым умом, незаурядными организаторскими способностями.

Генерал А. И. Антонов, будучи образцовым штабным работником и руководителем крупного масштаба, все это хорошо понимал и умело использовал творческий коллектив Генштаба. Алексей Иннокентьевич не только требовал от других, но и сам всегда тщательно обрабатывал документы и, как истый штабник с творческой жилкой, любил «поразмыслить», как он выражался, над картой. Как правило, он брал чистую карту, обычно 1 : 100 000 масштаба и за наклонным столом начинал графически прикидывать контуры будущей операции, чертить стрелки, указывая направления наступления, рубежи, куда войска должны выйти к определенному сроку, делать расчеты и пометки по составу войск.

Карта весьма наглядно выражала все то, что было необходимо оператору. Потом она передавалась начальнику Оперативного управления, который имел право со своими ближайшими сотрудниками ее «критиковать», если можно так выразиться. Наконец нанесенный на карте замысел обсуждался А. И. Антоновым вместе с начопером и начальником соответствующего направления. Сомнительное при этом отменялось, неясное уточнялось, добавлялось новое, и в результате на карте отображалась идея предстоящих действий того или иного фронта или группы фронтов с основными данными по размаху операций.

Теперь это уже был материал для обсуждения с командующими войсками фронтов, с представителями Ставки, а в последующем он докладывался Ставке.

А. И. Антонов, как и большинство операторов, часто излагал свои мысли графически или таблицей. Надо сказать, работе над картой, ее осмысливанию, раздумьям над ней ежедневно отводилось время, и всегда такая общая карта хранилась у него в сейфе.

Алексей Иннокентьевич после первой поездки почти не выезжал на фронты, так как обстановка не позволяла этого делать. Однако он держал постоянную связь с ними, ежедневно разговаривал по телефону с их командующими и начальниками штабов, читал донесения представителей Генштаба на фронтах и заслушивал доклады генералов и

офицеров, прибывавших с фронтов. Кроме того, постоянными представителями Генштаба в действующей армии были офицеры Генерального штаба. Все это позволяло ему не только знать истинное положение на фронтах, их нужды и запросы, но и, как говорится, чувствовать биение пульса каждого фронта.

Командующие войсками фронтов, довольно часто бывавшие в Ставке, обязательно предварительно обсуждали в Генеральном штабе с А. И. Антоновым и его ближайшими помощниками свои планы и вопросы подготовки боевых действий.

Вот почему Алексей Иннокентьевич и мы, его соратники по Генштабу, всегда были в курсе дел и могли в любое время доложить Верховному Главнокомандующему все вопросы, касающиеся операций действующей армии и каждого фронта в отдельности.

С декабря 1942 года и до конца войны ни одна более или менее значительная операция Великой Отечественной войны не прошла без участия А. И. Антонова в ее планировании и подготовке. Автором замыслов и планов некоторых операций был он сам, а в планирование многих, начиная с Курской битвы, внес значительную лепту.

Ярко выраженная типичная черта его как оператора и стратега состояла в том, что в основу замысла операции он клал задачу сосредоточения сил и разгрома какой-либо определенной группировки противника и никогда не подменял ее только задачей захвата территории.

В связи с этим вспоминается эпизод, связанный с проведением наступательной операции, получившей условное название «Полководец Румянцев». К этому эпизоду имел отношение и Алексей Иннокентьевич.

Какого-либо единого письменного или графического документа с планом этой операции не было. Ставка и Генеральный штаб в данном случае подразумевали под этим условным наименованием не документ, а совместные действия войск Воронежского, Степного и отчасти Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством.

Целью действий являлся разгром противника в районе Белгорода, Харькова, после чего перед советскими войсками открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и воспрепятствовать отходу немецко-фашистским войскам из Донбасса на запад. В совокупности все это сулило нам большие оперативные выгоды.

Однако такой замысел требовал максимального сосредоточения сил фронтов на избранных направлениях. Генеральный штаб во главе с А. И. Антоновым тщательно следил за этим.

На четвертый день наступления выяснилось, что Пятая гвардейская армия А. С. Жадова и Первая танковая армия М. Е. Катукова действуют с нарушением принципа массирования сил. При докладе обстановки в ночь на 7 августа А. И. Антонов обратил на это внимание Верховного Главнокомандующего. По результатам этого своего доклада он подписал затем следующее указание командующему Воронежским фронтом генералу Н. Ф. Ватутину:

«Из положения войск Пятой гвардейской армии Жадова видно, что ударная группировка армии расплылась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов (так тогда условно именовался И. В. Сталин. — *Прим. авт.*) приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не расплывая ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к Первой танковой армии Катукова».

В тот момент сосредоточение усилий наших наступающих войск приобрело исключительную важность, поскольку сражение под Харьковом вступало в решающую фазу. Поэтому в ночь на 10 августа А. И. Антонов от имени Ставки Верховного Главнокомандования направил еще одну телеграмму, на этот раз адресованную представителю Ставки Г. К. Жукову. Речь шла опять-таки о сосредоточении усилий танковых армий на определенных направлениях, что ставило врага в крайне тяжелое положение.

Далее, однако, обстановка получила несколько неожиданное развитие. Противник срочно стал сосредоточивать в район сражения свои резервы (в основном танковые дивизии), намереваясь приостановить наше наступление, и нанес мощные контрудары: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18—20 августа — из района западнее Ахтырки. В итоге ожесточенных боев 17—20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии.

Докладывая в ночь на 22 августа обстановку Верховному Главнокомандующему, генерал А. И. Антонов сделал вывод о том, что наши возможности выйти в тыл

харьковской группировки противника ухудшились. А произошло это потому, что командование фронтом недооценило нависающую угрозу, даже, правильнее сказать, проглядело ее. Продвижение наступающих войск продолжалось без достаточного закрепления отвоеванных рубежей и обеспечения флангов.

Вот тогда-то, после этого заключения А. И. Антонова, Верховный Главнокомандующий продиктовал директиву командующему фронтом Н. Ф. Ватутину, ставшую впоследствии известной всем командующим и штабам. Содержание ее отчетливо выражало центральную идею о том, что продвижение вперед в ходе наступления не должно превращаться в самоцель. В частности, в этой директиве было сказано:

«Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приведет к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям».

Как известно, нашим войскам к моменту издания этой директивы удалось отбить контрудар противника. Действия правого крыла Воронежского фронта стали более организованными, и попытки противника приостановить наше наступление провалились.

Этим же замедлил воспользоваться И. С. Конев, командовавший в то время Степным фронтом. Его войска штурмом взяли Харьков, 23 августа в 21 час Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий доблестным войскам Степного фронта, освободившим при содействии Воронежского и Юго-Западного фронтов второй по величине город Украины.

С ликвидацией харьковской группировки противника закончилась и Курская битва, знаменовавшая новый исторический этап на пути к нашей полной победе над фашистской Германией. Впереди был Днепр, освобождение Правобережной Украины, ликвидация блокады Ленинграда и другие славные боевые операции.

Алексей Иннокентьевич Антонов являлся последовательным выразителем советского военного искусства и его основных принципов: решительности, гибкости, маневренности.

Это проявлялось и в характере планов, над которыми работал А. И. Антонов. Именно в таком духе разрабатывался под непосредственным его руководством в Генеральном штабе общий оперативный замысел, а затем и план действий в летней кампании 1944 года. В основу его были положены предложения командующих фронтами, которые знали обстановку до деталей. Все соображения командующих и военных советов фронтов по поводу летней кампании во второй половине апреля в Генеральном штабе были сведены воедино. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь одновременно не менее пяти-шести фронтов. Дальнейшее изучение существа дела определило, однако, целесообразность проведения самостоятельной большой операции на львовском направлении, а также операций на выборгском и свирско-петрозаводском направлениях.

Теперь летняя кампания вырисовывалась в такой последовательности. Открывал ее в начале июня Ленинградский фронт наступлением на Выборг. Затем подключался Карельский фронт с целью разгрома свирско-петрозаводской группировки противника.

В итоге этих операций должен был выпасть из борьбы финский партнер гитлеровской Германии. За выступлением Карельского фронта без промедления следовали действия в Белоруссии, рассчитанные на внезапность. Затем, когда немецко-фашистское командование уже поймет, что именно здесь происходят решающие события, и двинет сюда свои резервы с юга, должно было развернуться сокрушительное наступление Первого Украинского фронта на львовском направлении.

Разгром белорусской и львовской группировок противника составлял содержание главного удара Советских Вооруженных Сил в летнюю кампанию 1944 года. В то же время предполагалось проводить активные действия силами Второго Прибалтийского фронта, чтобы сковать войска вражеской группы армий «Север», которая, несомненно, сделает попытки обеспечить устойчивость соседа справа — группы армий «Центр». И наконец, когда в результате всех этих могучих ударов враг понесет поражение, можно считать обеспеченным наступление на новом направлении — в Румынию, Болгарию, Югославию, а также в Венгрию, Австрию, Чехословакию.

В таком виде генерал Антонов доложил Ставке к концу апреля наметки плана летней кампании 1944 года. Они и послужили основой при формулировании в первом приказе Верховного Главнокомандующего политический целей Советских Вооруженных Сил. Этот праздничный приказ призывал войска очистить от врага всю землю нашей Родины и выволить из гитлеровской неволи братские народы Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы.

Алексей Иннокентьевич взял на себя нелегкий труд — лично разработать основы плана решающего наступления в летней кампании 1944 года, то есть Белорусской стратегической операции, получившей кодовое наименование «Багратион». Приступая к ее подготовке, он видел одну из первоочередных задач Генерального штаба в том, чтобы как-то убедить гитлеровское командование, что летом 1944 года главные удары Советской Армии последуют на юге и в Прибалтике. В связи с этим уже 3 мая командующему Третьим Украинским фронтом было отдано следующее распоряжение:

«В целях дезинформации противника на вас возлагается проведение мероприятий по оперативной маскировке. Необходимо показать за правым флангом фронта сосредоточение восьми-девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией... Ложный район сосредоточения следует оживить, показав движение и расположение отдельных групп людей, машин, танков, орудий и оборудование района; в местах размещения макетов танков и артиллерии выставить орудия ЗА [зенитной артиллерии], обозначив одновременно ПВО всего района установкой средств ЗА и патрулированием истребителей.

Наблюдением и фотографированием с воздуха проверить видимость и правдоподобность ложных объектов... Срок проведения оперативной маскировки с 5 по 15 июня с. г.».

Аналогичная директива пошла и на Третий Прибалтийский фронт. Маскировочные работы он должен был осуществлять восточнее реки Череха.

Противник сразу клюнул на эти две приманки. Немецкое командование проявило большое беспокойство, особенно на южном направлении. С помощью усиленной воздушной разведки оно настойчиво пыталось установить, что мы затеваем севернее Кишинева, каковы наши намерения.

Своего рода дезинформацией являлось также оставление на юго-западном направлении танковых армий. Разведка противника следила за нами в оба и, поскольку эти армии не трогались с места, делала вывод, что, вероятнее всего, мы предпримем наступление именно здесь. На самом же деле мы исподволь готовили танковый удар совсем в ином месте. Людьями и техникой в первую очередь укомплектовывались те танковые и механизированные соединения, которым предстояло в скором времени перегруппироваться на белорусское направление.

Приняты были меры и к обеспечению тайны наших намерений. К непосредственной разработке плана летней кампании в целом и Белорусской операции в частности привлекался очень узкий круг лиц. В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: первый заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими. В войсках развернулись работы по совершенствованию обороны. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы только по оборонительной тематике. Вся устная агитация была нацелена на прочное удержание занимаемых позиций. Работа мощных радиостанций временно прекратилась. В учебно-тренировочные радиосети включались только маломощные передатчики, располагавшиеся не ближе 60 километров от переднего края и работавшие на пониженной антенне под специальным радиоконтролем.

Весь этот комплекс мер оперативной маскировки в конечном счете оправдал себя. История свидетельствует, что противник был введен в глубокое заблуждение относительно истинных наших намерений. К. Типпельскирх, в то время командовавший Четвертой немецкой армией, писал впоследствии, что генерал Модель, возглавлявший фронт в Галиции, не допускал возможности наступления русских нигде, кроме как на его участке. И высшее гитлеровское командование вполне с ним соглашалось, считая, однако, что наш удар в Галиции может сочетаться с ударом в Прибалтике. Развертыванию

же советских войск перед группой армий «Центр» придавалось второстепенное значение.

Всю первую половину мая 1944 года шла черновая работа над планом летней кампании. Еще и еще раз уточнялись детали наступления в Белоруссии.

К 14 мая разработка Белорусской операции закончилась. Все было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты. Текст с карты писался от руки генералом А. А. Грызловым, и 20 мая после нескольких дней раздумий его скрепил своей подписью А. И. Антонов.

По первоначальному варианту плана «Багратион» цель операции состояла в том, чтобы ликвидировать выступ неприятельской обороны в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на рубеж Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Замыслом предусматривался разгром фланговых группировок противника, охват флангов и прорыв центра его позиций с последующим развитием успеха по сходящимся направлениям на Минск. Все силы четырех наших фронтов — трех Белорусских и Первого Прибалтийского — нацеливались на группу армий «Центр».

В общей сложности против 42 неприятельских дивизий (по нашим тогдашним несколько заниженным подсчетам), оборонявшихся в белорусском выступе, должны были наступать 77 наших стрелковых дивизий, три танковых корпуса, один механизированный, один кавалерийский, шесть дивизий ствольной артиллерии и три дивизии гвардейских минометов.

Генеральный штаб во главе с генералом А. И. Антоновым полагал, что такие силы гарантируют выполнение замысла операции. Однако вскоре выяснилось, что количество дивизий противника несколько превышает наши данные, а слабый Второй Прибалтийский фронт не в состоянии надежно сковать войска группы армий «Север», и потому последняя может нанести чрезвычайно опасный для нас фланговый удар в полосе своего соседа справа — группы армий «Центр». По мере уточнения сил и средств противника план пришлось корректировать. Неизбежность этого мы в какой-то степени предвидели. Для того ведь, собственно, и намечалось организовать обсуждение плана с командующими фронтами примерно за месяц до начала наступления, с учетом последних данных обстановки и тенденций ее развития на ближайшее время.

Важнейшим элементом плана всякой операции является ее замысел. По плану «Багратион» замышлялось полное уничтожение основных сил противника, оборонявшихся в Белоруссии. Этот вопрос неоднократно и всесторонне обсуждался с начальником Генерального штаба А. М. Василевским и с первым заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым. Мыслилось, что разгром значительной части наиболее боеспособных неприятельских войск будет достигнут уже в период прорыва обороны, первая полоса которой была особенно насыщена живой силой. Поскольку противник резервировал свои войска мало, возлагались большие надежды на первый огневой удар по его тактической зоне. С этой целью фронтам и давалось такое большое количество артиллерийских дивизий прорыва.

В Ставке план обсуждался 22 и 23 мая с участием Г. К. Жукова, А. М. Василевского, командующего войсками Первого Прибалтийского фронта И. Х. Баграмяна, командующего войсками Первого Белорусского фронта К. К. Рокоссовского, членов военных советов этих же фронтов, а также А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, М. П. Воробьева, И. Т. Пересыпкина и работников Генштаба во главе с А. И. Антоновым. 24 и 25 мая был рассмотрен и план Третьего Белорусского фронта, которым командовал генерал И. Д. Черняховский.

В течение этих двух дней была окончательно сформулирована цель Белорусской операции — окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий «Центр».

После того как план грандиозной Белорусской операции был тщательно откорректирован большим коллективом военачальников на заседании в Ставке и утвержден Верховным Главнокомандующим, Алексей Иннокентьевич настойчиво следил за проведением его в жизнь.

Я остановился сравнительно подробно на разработке плана одной лишь Белорусской битвы. Подобных примеров можно было бы привести много. Орден «Победа», которым Антонов был награжден за участие в разработке решающих операций войны, — высокая оценка Родины его трудов. Этим орденом всего награждено 11 советских военачальников и среди них Алексей Иннокентьевич.

Рисуя портрет А. И. Антонова, нельзя хотя бы кратко

не упомянуть о его деятельности в качестве военного представителя на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Антонов входил в состав советской делегации на конференциях в Ялте в 1944 году и в Потсдаме в 1945 году. Он готовил военные вопросы и вел там переговоры в различных комиссиях и на встречах с военными представителями союзников. Сталин знал, кого брать. Алексей Иннокентьевич в то время был, пожалуй, наиболее подготовленным для этой цели военным руководителем. Он был в курсе событий на всех фронтах, ему были хорошо известны планы советского командования и в пределах возможного — намерения союзников и все вопросы взаимодействия с ними. Помимо этого, как уже сказано, Антонов был очень точный человек, хорошо излагал мысли устно и письменно, обладал даром мало говорить, а больше слушать, что представляет несомненное достоинство при всяких переговорах. В общем он как нельзя лучше подходил для этой цели.

К каждой из этих поездок Алексей Иннокентьевич долго и скрупулезно готовился, прорабатывая различные варианты той или иной ситуации, которая могла возникнуть на конференции, изучал документы и запасался справками. Насколько мне известно, глава делегации был доволен его работой.

Заключительный период Великой Отечественной войны и первые послевоенные месяцы Алексей Иннокентьевич провел в Генеральном штабе уже в качестве его официального начальника. В феврале 1945 года, в связи с тем, что Маршал Советского Союза А. М. Василевский стал командующим Третьим Белорусским фронтом, А. И. Антонов был назначен на должность начальника Генерального штаба, которую исполнял до 25 марта 1946 года. Когда А. М. Василевский вернулся на свой прежний пост начальника Генерального штаба, А. И. Антонов стал опять его первым заместителем и пробыл на этой должности до 6 ноября 1948 года, проработав, таким образом, в Генеральном штабе без малого шесть лет.

Около пяти лет А. И. Антонов служил в Закавказском военном округе. Он был назначен туда для получения командной практики. В течение года был первым заместителем командующего войсками Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина, а затем более четырех

лет, до апреля 1954 года, командовал войсками этого округа. Он быстро освоился с делом и успешно выполнял свои обязанности. Ему помогла общая эрудиция, хорошее знание военного дела и большой опыт штабной службы. Следует заметить, что офицеры и генералы, имеющие опыт штабной службы, как правило, становятся хорошими командирами и командующими. Алексей Иннокентьевич с увлечением отдался новому делу, проводил учения, занятия с командирами, вносил много дельных предложений по организации и подготовке войск. Он оставил добрую память о себе в Закавказье у местных партийных и советских органов. Мне пришлось служить в Закавказье шесть лет спустя, и очень многие товарищи помнили Алексея Иннокентьевича и отзывались о нем с большой теплотой.

Начало пятидесятых годов нашего столетия было для Советского государства и других социалистических стран временем быстрого экономического подъема, широкого строительства и развития основ социализма, временем укрепления политического влияния в сфере международной жизни. Вместе с тем это был исторический период, когда силы империализма перешли к новым формам активной борьбы против социалистической системы. Отчетливо проявились признаки назревания военной опасности и угрозы новой мировой войны.

Одним из наиболее существенных и грозных признаков военной опасности была политика создания агрессивных военных блоков, инициатором и главой которых являлись Соединенные Штаты Америки. Особенно опасным для дела мира было возникновение в 1949 году и быстрое развитие Североатлантического союза, известного под именем НАТО, который вобрал в себя также и 15 европейских государств. Теперь угроза безопасности странам социализма и всеобщему миру гнездилась уже непосредственно в центре Европы.

В блоке господствовали и продолжают хозяйничать США, проводившие политику «холодной войны» против СССР и стран социализма, политику гонки вооружений и раздувания военного психоза. Размахивая сверхмощным атомным оружием, Соединенные Штаты претендовали на мировое господство. Естественно, что к этой политике системой внутриблоковых обязательств и соглашений подключались все государства — члены НАТО с их высоким военным потенциалом. Положение усугуби-

лось 5 мая 1955 года, когда членом НАТО стала Федеративная Республика Германии, руководящие круги которой вынашивали и провозглашали идею реванша. В ФРГ срочно формировался и вооружался бундесвер как будущее ядро ударных сил НАТО в Европе. С того времени руководящие круги ФРГ потянулись к ядерному оружию.

Пропаганда империалистических стран не скрывала, что острие Атлантического союза направлялось против Советского Союза и других социалистических стран. На глазах у всех блок НАТО усиливал подготовку к войне, наращивал вооружения, повышал боеспособность и боеготовность войск, создавал разветвленные органы военного руководства. Одновременно с этим продолжалась милитаризация экономики, росли военные бюджеты входящих в блок государств. Против социалистических стран и Советского Союза организовывались разного рода подрывные акции.

В то же время политика США, направленная на достижение целей мирового господства, как бы дублировалась в других районах земного шара. Там тоже под тем же руководством из Вашингтона и с той же антисоветской и антисоциалистической направленностью возникали военные блоки: в Юго-Восточной Азии — СЕАТО, на Ближнем Востоке — Багдадский пакт. Эти военные союзы, в свою очередь, нагнетали напряженность в районах своего влияния.

В создавшихся условиях у социалистических государств Европы не было иного пути, как сплотиться воедино на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который обеспечил бы отражение совместными усилиями возможной агрессии против них. И такой договор был заключен. Ныне его участниками являются Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, СССР и Чехословацкая Социалистическая Республика.

Существенным элементом организации Варшавского Договора явилось военное сотрудничество входящих в него стран. Такое сотрудничество возникло впервые в истории человечества. Оно опирается на социалистические экономические системы, на власть народа во главе с рабочим классом при руководящей роли коммунистических

и рабочих партий, на единую идеологию — марксизм-ленинизм, на общие интересы по защите революционных завоеваний и национальной независимости от посягательств империалистического лагеря, на единую цель — коммунизм.

Дело строительства военной организации Варшавского Договора было новым и ответственным во всех отношениях. Коммунистическая партия и Советское правительство предложили доверить должность начальника штаба армий стран Варшавского Договора генералу армии А. И. Антонову. Выбор его кандидатуры определялся многими политическими и военными соображениями.

Руководство и управление военной организацией Варшавского договора представляло собой прежде всего очень тонкую и сложную задачу. Опыта военного сотрудничества на столь широкой основе у стран социалистического лагеря в то время не имелось. Все приходилось налаживать с самого начала. Нужно было создать тесное боевое братство и разработать сложные вопросы взаимодействия многих армий и родов войск, различных по своей национальной форме, но спаянных единством политических целей и задач. При этом требовалось сочетать национальные традиции, характерные для армий каждой социалистической страны, в рамках единых военных взглядов и договорных обязательств.

КПСС, коммунистические и рабочие партии наших союзников и правительства стран Варшавского пакта взаимно согласились с кандидатурой А. И. Антонова как достойного человека, который был в состоянии возглавить штаб этого договора и способен правильно решать вопросы, стоявшие перед армиями социалистического сотрудничества.

А. И. Антонов горячо взялся за это новое большое благородное дело. В короткий срок был налажен аппарат управления для армий стран Варшавского Договора, организовано обучение войск совместным действиям в современной войне. Неутомимый начальник штаба лично участвовал во многих учениях войск союзных стран, отдавая нашим друзьям бесценный опыт советского народа, добытый дорогой ценой в Великой Отечественной войне. На этом посту А. И. Антонов работал до конца своей жизни — до 18 июня 1962 года — и внес большой вклад в общее дело упрочения военного могущества лагеря стран социализма.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Алексея Иннокентьевича Антонова перед Родиной, наградив его тремя орденами Ленина, орденом «Победа», четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова и Отечественной войны 1-й степени и медалями. Он был также награжден многими орденами и медалями социалистических и других государств.

Жизнь А. И. Антонова не была длинной, но сделал он для Советской Армии, для государства много. Вот почему советские люди, Вооруженные Силы СССР и братских социалистических стран с благодарностью называют Алексея Иннокентьевича в ряду имен славных сынов, составляющих гордость советского народа.

Генерал армии С. ШТЕМЕНКО

Генерал армии НИКОЛАЙ ВАТУТИН

В столице Советской Украины Киеве, над синим и привольным Днепром, высится величественный памятник генералу армии Н. Ф. Ватутину. Полководец, одетый в походную шинель, как бы наблюдает с днепровских круч за ходом сражения. Мне навсегда запомнился он таким, каким был в жизни: простым, скромным, трудолюбивым и самоотверженным человеком, который мало о себе заботился и себя не жалел.

В народе говорят, что глаза — зеркало души человеческой. У этого коренастого, плечистого генерала было простое, истинно русское лицо и живые, ясные глаза. Они всегда добро и приветливо смотрели на друзей, с участливым вниманием и сочувствием — на пришедших за помощью, строго и взыскательно, а подчас сурово — на людей нерадивых, с великой ненавистью и беспощадностью — на врагов нашей Родины.

Николай Федорович был серьезен, задумчив и молчалив, по-военному точен и скуп на слова. Он предпочитал им реальные дела. Я близко знал его недолго, всего шесть-семь месяцев. Но то было время трудное и напряженное, насыщенное большими боевыми событиями. А ведь ничто так не сближает людей, как пережитые вместе трудности и боевые испытания.

Вообще-то Николая Федоровича я знал еще до Великой Отечественной войны. Не раз встречал и слушал его выступления на совещаниях руководящего состава в 1939 году, когда он был начальником штаба Киевского особого военного округа. Многократно встречался и в Отечественную войну, весной 1943 года, перед Курской битвой, когда генерал Н. Ф. Ватутин командовал войсками Воронежского фронта. Но те встречи носили кратковременный характер. Когда же в октябре 1943 года меня назначили членом Военного совета Первого Украинского фронта (бывший Воронежский), мне довелось, можно ска-

зять, каждодневно видеть, как живет, работает, дерзает, творит этот замечательный советский военачальник.

Вместе с командующим фронтом мы не раз выезжали в войска и в дороге коротали время в беседах. Хоть и не очень-то он был разговорчив, а все же иногда предавался воспоминаниям, лаконично и сдержанно рассказывал о своей жизни.

Николай Федорович Ватутин родился 16 декабря 1901 года в селе Чепухино бывшей Воронежской губернии в семье крестьянина. У Федора Григорьевича и Веры Ефимовны Ватутиных, кроме Николая, было еще четыре сына и четыре дочери. Эта большая семья долгое время входила составной частью в еще большее семейство деда Григория, насчитывавшее в общей сложности около тридцати душ. О своем деде, отслужившем в старой русской армии восемнадцать солдатских лет, так же как и об отце, Николай Федорович всегда говорил с большим уважением и душевной теплотой.

После успешного окончания начальной сельской школы Николаю Ватутину была уготована судьба многих его сверстников — идти в подпаски, впрягаться в сельскохозяйственную работу. Однако сельский учитель принял с жаром уговаривать деда Григория и родителей будущего полководца не препятствовать дальнейшему образованию способного ученика. Главным препятствием были, конечно, не родители, а семейная нужда. Энергичный учитель с невероятным трудом добился от земства небольшой стипендии и пристроил Николая Ватутина в коммерческое училище в городе Уразово.

Быстро пролетели четыре учебных года, после чего выплату стипендии прекратили. Николай вынужден был прервать учебу и вернуться в родное село.

Великий Октябрь, ознаменовавший коренной поворот в жизни народов России, преобразил и жизнь Ватутиных. Как и миллионы тружеников, они получили землю, свободу, стали хозяевами своей судьбы. Однако начавшаяся гражданская война принесла с собой суровые испытания. На родную землю надвигались германские дивизии кайзера, ее терзали украинские гайдамаки, деникинцы и прочая нечисть. Николаю Ватутину еще и девятнадцати не исполнилось, когда он вступил в ряды Красной Армии. В сентябре 1920 года принял боевое крещение, участвуя в боях с махновцами и показав себя смелым, находчивым бойцом...

Жизнь не баловала ни самого Николая Федоровича, ни его родных. Мне, уроженцу Нижнего Поволжья, хорошо известно, какое огромное бедствие принесла народу жестокая засуха 1921 года. Люди ели мякину, лебеду, желуди, перемалывали кору с деревьев и снимали прелую солому с крыш. Многие умирали от голода, истощения, тифа, холеры и других эпидемических болезней. Засуха, особенно сильно свирепствовавшая тогда в Поволжье, обошла стороной и Воронежскую губернию, село Чепухино и семью Ватутиных. Об этом бедствии я узнал от самого Николая Федоровича при следующих обстоятельствах.

Однажды мы с ним отправились в войска первой линии, решив проверить организацию питания бойцов. И вот возле одной из походных кухонь генерал Ватутин обратил внимание на разбросанные хлебные корки и объедки. Он сразу нахмурился, посуловел и, обратившись к сопровождавшему нас командиру, приказал собрать личный состав. Затем, когда его распоряжение было выполнено, командующий фронтом, генерал армии, сам в детстве познавший нелегкий крестьянский труд и нужду, напомнил бойцам о тех огромных усилиях, которые приходится прилагать, чтобы вырастить золотой колос. А потом нужно собрать урожай, обмолотить и помолоть зерно, выпечь добытый в поте лица хлеб наш насущный.

— Колхозный труженик не даст пропасть ни одной хлебной крошке, — говорил Николай Федорович. — Он все как есть подберет. А некоторые молодые солдаты еще не научились ценить и беречь хлеб — золото наше народное.

Он напомнил присутствующим о том, что в разоренных фашистами колхозах женщины и дети, заменившие ушедших на фронт мужчин, пахали на коровах, а подчас и сами впрягались в плуги, чтобы добыть драгоценный хлеб и накормить им прежде всего воинов на фронте. Напомнил о том, что в тылу страны жестко нормирована выдача продуктов, и сказал о том, что ленинградцы в дни блокады получали всего лишь четвертушку хлеба.

А потом вспомнил и о том, как в далеком 1921 году он вместе с товарищами по службе отчислял из своего курсантского пайка в фонд помощи голодающим.

— Хорошо памятен мне двадцать первый год, — глухо промолвил генерал армии Н. Ф. Ватутин. — Умерли то-

гда от голода мой младший брат Егор, мой отец и мой дед. И все они мечтали хоть о крошечке хлеба...

Слова командующего произвели необычайное впечатление на бойцов. Думается, каждый запомнил их на всю жизнь. А для присутствовавших командиров, политработников, наших агитаторов и пропагандистов это был наглядный пример воспитания воинов в духе бережного, рачительного отношения к народному достоянию.

Из воспоминаний, услышанных мной от Николая Федоровича, из документов, хранящихся в его личном деле, в моем представлении сложилась биография командующего фронтом, столь характерная для многих наших военачальников, вышедших из народных масс, воспитанных партией и выдвинутых ею на высокие посты.

Осенью 1920 года командование направило Николая Федоровича Ватутина в Полтавскую пехотную школу. Курсанты напряженно учились и постоянно были начеку. Не раз их по тревоге поднимали по ночам, и они отправлялись на подавление объявившихся поблизости вооруженных банд.

То было время, о котором пролетарский поэт Владимир Маяковский образно говорил: «с пулей встань, с винтовкой ложись». В такой вот обстановке и учились будущие красные командиры, всегда имея при себе винтовку, патроны и гранаты.

В 1921 году Николай Ватутин вступил в ряды РКП (б), навсегда связав свою жизнь с ленинской партией. Молодой коммунист энергично занимался общественной работой, изучал марксистско-ленинскую теорию, стремясь на деле быть активным бойцом партии. Полтавскую пехотную школу, когда там учился Н. Ф. Ватутин, посещал М. В. Фрунзе, внимательно следивший за системой обучения и воспитания будущих красных командиров. Он бывал в классах, на стрельбище и на полях тактических учений, выступал перед личным составом школы с докладами, не раз беседовал с курсантами о жизни, учебе и будущей командирской деятельности.

— В то время я был еще зеленым юнцом и не мог знать всех теоретических трудов Фрунзе, — вспоминал Николай Федорович, — но его выступления и беседы с курсантами запомнились. Михаил Васильевич убедительно и доходчиво разъяснял нам, как после победоносного окончания гражданской войны будет строиться государство рабочих и крестьян, подчеркивая, что для защиты мо-

лодой Советской республики и мирного социалистического строительства необходима сильная и могучая Красная Армия.

Курсанты горячо любили бесстрашного революционера-ленинца, видного деятеля партии, прославленного военачальника. Николай Федорович с гордостью вспоминал о том, что М. В. Фрунзе 1 октября 1922 года на историческом поле Полтавской битвы вручил ему и другим питомцам первого выпуска школы удостоверение красного командира. В приказе, прочтенном М. В. Фрунзе, красный командир Н. Ф. Ватутин назначался командиром взвода в Шестьдесят седьмой стрелковый полк Двадцать третьей стрелковой дивизии.

Напутствуя выпускников школы, Михаил Васильевич призывал каждого из них быть действительно красным командиром, интересоваться вопросами политического характера, так как дело воспитания Красной Армии и ее обучения трудно разделить на резко разграниченные области — политическую и военную. Пролетарский полководец требовал беречь революцию и быть на страже. Он учил молодых красных командиров быть не только мастерами вождения войск, но и мастерами воспитания людей, формирования их морально-боевых качеств и высокого духа войск.

Напутственные слова М. В. Фрунзе не прошли даром. Они дали хорошие плоды. Командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, как я убедился, прекрасно сочетал в себе эти важнейшие качества. Чем ближе я узнавал Николая Федоровича, тем все больше раскрывался передо мной духовный мир этого скромного, работающего человека, которому высокий пост не вскружил головы, не поколебал его душевной простоты. Это был глубоко партийный, нравственно цельный и требовательный к себе военачальник. Он и на фронте находил время, порой урывая его от сна, для совершенствования военных и политических знаний и требовал того же от командармов и командиров всех степеней.

Как-то мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным собирались в длительную поездку по войскам. Николай Федорович положил в портфель рабочую тетрадь, необходимые документы, а затем раскрыл чемодан с походной библиотекой, где хранились книги Маркса, Энгельса, Ленина. В этом чемодане он разыскал и томик с произведениями М. В. Фрунзе.

— По многим фронтам прошла со мной эта книга, — произнес Николай Федорович. — Люблю читать Фрунзе, которого по праву называют выдающимся военным теоретиком и виднейшим строителем Красной Армии. Владея марксистско-ленинским методом, он четко, с исчерпывающей полнотой определил сущность советской военной доктрины. А как высоко он оценивал роль политработы и как образно, выпукло и ярко характеризовал деятельность политорганов в гражданской войне!

И Николай Федорович по памяти почти дословно привел известное высказывание М. В. Фрунзе о политических органах армии, которые вносили элементы порядка и дисциплины в ряды рождавшихся под гром пушечных выстрелов молодых красных полков и в часы неудач и поражений поддерживали мужество и бодрость бойцов, вливая новую энергию в их ряды. Политорганы налаживали тыл армии, насаждали там Советскую власть и создавали советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед.

— Так было в годы гражданской войны, — закончил свою мысль командующий фронтом, — когда в полках коммунистов насчитывалось, пожалуй, не больше, чем сейчас мы имеем в ротах и батареях. Теперь политорганы могут и должны работать еще лучше, ибо в войсках сосредоточена могучая партийная сила, способная творить чудеса.

Чем ближе узнавал я Ватутина, тем больше убеждался, что именно на партийную силу, способную творить чудеса, всегда опирался в своей полководческой деятельности он сам — воспитанник партии и Советской власти, военачальник нового типа.

Без малого за четверть века Ватутин прошел по всем ступеням воинской службы от рядового бойца до командующего фронтом. Он последовательно командовал взводом, ротой, воспитывал младших командиров в учебном подразделении, являлся помощником начальника отдела штаба дивизии, затем работал в штабе Северо-Кавказского военного округа и, как опытный и способный офицер, был назначен начальником штаба горнострелковой дивизии.

Николай Федорович неумоимо совершенствовал свои знания, приобретал навыки, но вместе с тем ему последовательно и заботливо помогали. Он окончил Киевскую высшую объединенную военную школу, затем курсы усовер-

шенствования, ему предоставили возможность учиться в Военной академии имени М. В. Фрунзе и, наконец, в Академии Генерального штаба. Обогащенный академическими знаниями и многолетним опытом строевой и штабной работы в войсках, Н. Ф. Ватутин вступил в должность заместителя, а в конце 1938 года и начальника штаба Киевского особого военного округа.

В аттестации того времени служебная деятельность и качества Н. Ф. Ватутина характеризовались весьма высоко: «Всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба, проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями.

...В период освобождения единокровных братьев украинцев Западной Украины из-под ига польских панов, капиталистов как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией».

Способный, растущий военачальник возглавил сначала Оперативное управление, а в 1940 году был выдвинут на должность первого заместителя начальника Генерального штаба РККА.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, бывший в то время начальником Генштаба, в своей книге «Воспоминания и размышления» отмечает, что генерал Н. Ф. Ватутин отличался исключительным трудолюбием и широтой стратегического мышления.

В последние предвоенные месяцы работникам высших штабов, в первую очередь Генерального штаба, нередко приходилось трудиться с колоссальной нагрузкой. Напряжение нарастало с каждым днем. В приграничных военных округах развернулись огромные по своим масштабам работы по оборудованию театров военных действий, созданию сети аэродромов, возведению оборонительных сооружений и т. д. Весной 1941 года в армию было призвано из запаса около 800 тысяч военнообученных на учебные сборы, из внутренних округов в приграничные началось выдвижение нескольких армий.

В общем в Генеральном штабе и суток для работы не хватало. Однако и в этих условиях Н. Ф. Ватутина неизменно отличали выдержка и собранность, хладнокровие и оперативность, трезвый расчет и решительность — те самые качества, которые отличали его и в период суровых испытаний Великой Отечественной войны.

Из мемуаров Г. К. Жукова сейчас широко известно о том, чем был занят генерал-лейтенант Н. Ф. Ватунин в самый канун нападения вооруженных гитлеровских полчищ на нашу родную землю. «Вечером 21 июня, — пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев. И. В. Сталин сказал:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей...

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома».

С этой директивой, предлагавшей привести в боевую готовность войсковые части и противовоздушную оборону страны, генерал Ватутин немедленно выехал в Генштаб. Передача ее в военные округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года, то есть совсем незадолго до первых залпов на границе, знаменовавших начало вражеского нашествия.

А в ночь на 30 июня 1941 года — через неделю после начала Отечественной войны, — простившись с женой

Татьяной Романовной, поцеловав сына Виктора и младшенькую дочурку Леночку, Николай Федорович Ватутин выехал с группой генералов на фронт.

В годы суровых военных испытаний наиболее полно и ярко раскрылся полководческий талант генерала Н. Ф. Ватутина.

— В академии мне приходилось сдавать немало серьезных экзаменов, но самый главный и трудный приходится держать на полях войны, — говорил Николай Федорович.

И этот суровый экзамен он выдержал с честью, заслужив высокие награды Родины — ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова 1-й степени, почетное звание Героя Советского Союза, всенародную любовь.

В годы Великой Отечественной войны генерал Н. Ф. Ватутин занимал ответственные посты начальника штаба Северо-Западного фронта, командующего войсками Воронежского, Юго-Западного и Первого Украинского фронтов.

В очень трудной обстановке пришлось ему руководить боевыми действиями наших войск в 1941 году, когда он прибыл в Псков, где находился штаб Северо-Западного фронта. Он провел огромную работу, налаживая твердое и устойчивое управление войсками. С перемещением штаба фронта в Новгород принял активное участие в его обороне, непосредственно возглавив действовавшую здесь оперативную группу наших войск.

Точно так же Николаю Федоровичу выпало на долю в качестве представителя Ставки выехать на Брянский фронт в начале июля 1942 года, когда немецко-фашистские войска начали свое летнее наступление к Дону и Волге. А вскоре он был назначен командующим вновь сформированного Воронежского фронта и сделал немало, чтобы остановить врага и организовать прочную оборону на этом участке фронта. В октябре того же года Ставка поручила ему новый ответственный пост — руководство Юго-Западным фронтом.

Испокон веков в военных академиях всех стран изучают как классический пример окружения и разгрома противника сражение при Каннах, имевшее место в 216 году до нашей эры. Но «Канны» повторить не удавалось ни Наполеону, ни другим видным полководцам прошлого.

А крестьянский сын, молодой советский генерал Николай Ватутин совместно с другими военачальниками дважды устраивал гитлеровцам сокрушительные «Канны». Один раз это случилось под Сталинградом, где советские войска окружили 330-тысячную немецко-фашистскую армию, а другой раз под Корсунь-Шевченковским, где войска Второго и Первого Украинских фронтов взяли в кольцо крупную группировку врага, насчитывавшую десять дивизий и одну бригаду противника, а также отдельные вспомогательные части. В первом случае Николай Федорович возглавлял войска Юго-Западного фронта, во втором — командовал Первым Украинским фронтом.

Трудно даже перечислить все операции, в которых участвовал и которыми руководил молодой и талантливый генерал Н. Ф. Ватутин — человек необычайно скромный, меньше всего мечтавший о легендарной славе, честно и самоотверженно выполнявший свой воинский долг.

...И вот почти четверть века спустя я перелистываю пожелтевшие записи времен минувшей войны, поставив себе целью вспомнить о Ватутине, о его славных боевых делах самое-самое главное. Что же наиболее было присуще этому человеку, коммунисту, полководцу? — ставлю я перед собой вопрос. И из всего, что знаю о нем, что навсегда хранится в памяти, ответ может быть только один: огромное трудолюбие.

В свое время изобретатель Эдисон признавался, что его открытия и изобретения содержат 98 процентов «потения» и 2 процента вдохновения. Такое соотношение вряд ли в точности соответствует истине. Но ясно одно: успех куется трудом и только трудом. Это в не меньшей мере относится и к полководческой деятельности, требующей предельного напряжения умственных и физических сил.

Деятельность советских военачальников строго научна и опирается на точные законы, выработанные марксистско-ленинской теорией о войне и армии. В минувшей войне участвовали многотысячные армии, огромные массы боевой техники. Планирование операций в подобных условиях представляло собой невероятно сложный и трудоемкий процесс. И тем не менее в любой сложной обстановке генерал армии Н. Ф. Ватутин быстро находил правильные решения. Он мог это делать быстро и успешно потому, что текущим оперативным решениям предше-

ствовала большая предварительная подготовка, непрестанная работа мысли, кропотливый повседневный труд. Генерал армии Н. Ф. Ватутин прекрасно понимал, что масштабы работы по планированию боевых операций под силу только большому коллективу штаба и начальников родов войск, и в своей повседневной работе опирался на них, на Военный совет фронта. Так в совместных поисках находились наилучшие решения, определялись наиболее верные пути к победе. Ватутин был человек инициативный и дерзающий, умеющий направить и воодушевить подчиненных на большие дела. План операции он стремился раскрыть в динамике, в развитии, стараясь предугадать, как на практике может обернуться дело, прикидывал и оценивал многие варианты.

Николай Федорович со своим штабом неумоимо разрабатывал планы операций, входил в Ставку со своими предложениями. Как правило, они соответствовали обстановке и задачам, а потому внимательно рассматривались и уточнялись в Генштабе и затем утверждались Ставкой.

С мнением генерала армии Н. Ф. Ватутина, надо заметить, в Ставке и Генштабе считались, высоко ценили его опыт и талант. Он умел глубоко и ясно анализировать события войны, сложившуюся на фронте обстановку, обладал широким оперативно-стратегическим кругозором, всегда вдумчиво подходил к анализу фактов, стремился видеть сильные и слабые стороны противника и, конечно, хорошо знал свои войска. Но случалось и так, что Ставка отклоняла его предложения, хотя и очень редко, указывала на отдельные промахи. Генерал Н. Ф. Ватутин обладал хорошим качеством самокритично оценивать свою деятельность, извлекать полезные уроки на будущее.

Вспоминаю сложившуюся обстановку в двадцатых числах октября 1943 года. Перед Первым Украинским фронтом стояла ответственная и трудная задача — разгромить противостоящую группировку противника и освободить от гитлеровских захватчиков многострадальную столицу Украины. Войска фронта располагали двумя захваченными плацдармами. Южнее Киева мы имели Букринский плацдарм, который образовался раньше и был по крупнее Севернее украинской столицы находился его младший собрат — Лютежский плацдарм.

Все попытки войск фронта овладеть Киевом ударом с Букринского плацдарма результата не дали. Прорвать глубокоэшелонированную оборону врага и выйти на опе-

ративный простор нашей ударной группировке так и не удалось. И пожалуй, не меньше, чем упорство сильного и коварного врага, продвижение наших войск, а особенно танков, сдерживала чрезвычайно пересеченная местность. Куда ни глянешь — кругом холмы, поросшие кустарником и лесом, крутые обрывы да глубокие овраги. Естественные препятствия были усилены инженерными заграждениями, минными полями, прикрыты огневыми средствами.

Командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин, обосновав на Букринском плацдарме вспомогательный пункт управления, лично руководил боевыми действиями войск. Но и второе наше наступление не имело существенных успехов.

А перед нами находился славный древний Киев, измученный и истерзанный врагом. Мы хорошо видели его с левого берега Днепра. Наблюдали пожары. До нас доходили страшные вести о жестоких расправах фашистов над советскими людьми.

Н. Ф. Ватутин сильно переживал наши временные успехи. Мне, молодому члену Военного совета фронта, не все еще было ясно. Я знал лишь одно, что Н. Ф. Ватутин, находясь непосредственно на Букринском плацдарме, вникая во все детали боя, пришел к заключению, что искать выхода надо в другом месте. Превыше всего он ценил жизнь солдатскую и очень бережно относился к вверенным ему войскам. Он стремился побеждать врага с наименьшими потерями и требовал этого от командиров всех степеней.

Помню заседание Военного совета фронта, проходившее в двадцатых числах октября 1943 года. Н. Ф. Ватутин дал на этом заседании короткую, но глубокую оценку причинам неудач, которые диктовали необходимость отказаться от Букрина как главного плацдарма, а нанести удар по врагу с Лютежского плацдарма.

Такое же решение было принято Ставкой, приказавшей произвести перегруппировку войск Первого Украинского фронта и усилить правое крыло, чтобы создать на Лютежском плацдарме перевес в силах и средствах. Было предложено перевести с Букринского плацдарма на участок севернее Киева Третью гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко, использовав ее здесь совместно с Первым гвардейским кавалерийским корпусом генерала В. К. Баранова.

В ночь на 25 октября 1943 года, когда была получена директива Ставки, в Военном совете, штабе и управлениях фронта никто не спал. В домик командующего приходили все новые и новые люди. Получив важные распоряжения от генерала армии Н. Ф. Ватутина, командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант А. Д. Штевнев сел в машину и глубокой ночью помчался на Букринский плацдарм, в Третью гвардейскую танковую армию, которой предстояло совершить большой и трудный марш-маневр. В район днепровских переправ выехал и начальник инженерных войск фронта генерал Ю. В. Благославов.

Направляя руководящих работников штаба и политуправления в части и соединения, генерал армии Н. Ф. Ватутин напутствовал их:

— Если мы не сумеем скрытно и в срок перегруппировать войска, то успеха нам не видать. Пусть каждый командир и политработник поймет, что от строгого сохранения военной тайны, соблюдения всех мер маскировки, от высокой дисциплины и организованности во многом зависит исход Киевской операции.

Командующий фронтом возложил ответственность за своевременную перегруппировку и сосредоточение войск на Лютежском плацдарме на своего заместителя генерал-полковника А. А. Гречко. На подготовку операции отводилось мало времени — каких-нибудь семь-восемь суток. Дорог был каждый день и каждый час. И уже в ночь на 26 октября 1943 года началась крупная перегруппировка войск фронта, проводившаяся в трудных метеорологических условиях, по раскисшим от дождей полевым дорогам. На Букринском плацдарме вместо убывших боевых машин расставлялись макеты танков, оборудовались ложные огневые позиции батарей и дивизионов. Радиостанции Третьей гвардейской танковой армии продолжали радиообмен, хотя ни войск, ни штабов этой армии там уже не было. Словом, делалось все, чтобы ввести противника в заблуждение.

Надо заметить, что в канун Киевской операции наш фронт почти не имел численного превосходства над противником. В том-то и состоит полководческое искусство, чтобы и при равных силах суметь использовать их наиболее целесообразно, чтобы разгромить врага. Генерал армии Н. Ф. Ватутин, как и другие наши военачальники, неизменно руководствовался марксистско-ленинским

положением о том, что необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент. В результате перегруппировки войск и ослабления второстепенных участков командование и штаб Первого Украинского фронта, творчески выполняя директиву Ставки, создали на Лютежском плацдарме на направлении главного удара значительный перевес в силах и средствах.

И снова, как и всегда, во время подготовки Киевской наступательной операции генерал армии Н. Ф. Ватутин поражал нас всех огромной работоспособностью, трудолюбием, умением увлечь работой и других. Как-то, показав нам, членам Военного совета, карту, на которой графически был запечатлен оперативный замысел наступления на киевском направлении и отражены ближайшие и последующие задачи фронта, Николай Федорович сказал:

— А знаете, товарищи, я ведь зримо ощущаю все эти высотки, рожицы и населенные пункты, которые предстоит освободить нашим войскам. В бытность начальником штаба Киевского особого военного округа мне довелось исколесить все эти места вдоль и поперек... При разработке операции знание местности очень помогало мне. Все, что возможно, старался учесть.

Генерал Н. Ф. Ватутин еще раз окинул взором карту и добавил в заключение:

— Прошу и вас, товарищи, поразмыслить над картой, критически рассмотреть проект плана. Надеюсь, вы еще кое-что подскажете мне, выскажете замечания, поправки, а мы потом все это обсудим и внесем коррективы.

Николай Федорович довольно часто обсуждал возникшие замыслы со своим заместителем генералом А. А. Гречко, с начальником штаба генералом С. П. Ивановым, членами Военного совета и командармами. Порой он откладывал свои наброски и изучал разработки оперативного отдела штаба, отбирая, развивая и углубляя предложенное кем-либо наилучшее решение. Генерал Н. Ф. Ватутин всегда внимательно выслушивал предложения подчиненных, и все ценное и полезное находило у него активную поддержку. Он умел ободрить и поощрить людей, организовать и направить их творческую мысль и практическую деятельность на решение поставленных перед войсками задач. Он никогда не дергал людей и в любой, даже сложной, обстановке отдавал распоряже-

ния ровным голосом, вселяя в окружающих спокойствие и уверенность. Это создавало хорошую рабочую обстановку.

Будучи военачальником, обладавшим большим оперативным кругозором, генерал Ватутин являлся и хорошим организатором. Он постоянно заботился о том, чтобы оперативные планы материально обеспечивались и солдаты имели все необходимое для жизни и боя. По его предложению Военный совет заслушал 28 октября 1943 года информацию начальника тыла фронта генерал-лейтенанта интендантской службы В. Н. Власова о материально-техническом обеспечении предстоящей операции по освобождению столицы Украины. Трудностей было немало. Разрушенный гитлеровцами железнодорожный транспорт работал с большим напряжением, и его пропускная способность продолжала оставаться низкой. На днепровском рубеже железнодорожное сообщение полностью обрывалось. Накопление необходимого для операции количества боеприпасов проходило медленно. Например, запас горюче-смазочных материалов составлял 1,5 заправки, а непосредственно в войсках имелось в среднем 0,5 заправки на машину.

Кто-то из присутствующих невесело пошутил, вспомнив знаменитый эпизод из фильма «Чапаев». Когда легендарный наездник размышлял над картой, Петька с восхищением воскликнул: «Недоступный ты, Василий Иванович, для моего разума человек. Наполеон, прямо Наполеон». И тогда Чапаев ответил: «Наполеону-то легче было. Ни тебе пулеметов, ни тебе аэропланов — благодать. Вот в дивизию недавно самолет прислали. Ведь одного бензина жрет — не напасешься!»

А у командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина и Военного совета забот, конечно, было во много крат больше. Перед началом Киевской операции на Первом Украинском фронте насчитывалось 700 самолетов, 675 танков и самоходно-артиллерийских установок, несколько тысяч автомашин. Всем им требовалось горючее. Но ведь это не все. На каждое орудие и миномет надо было подготовить несколько боекомплектов снарядов и мин. А их, орудийных и минометных стволов, насчитывалось ни много ни мало около семи тысяч единиц.

Военный совет под председательством Н. Ф. Ватутина предусмотрел ряд действенных мер, позволяющих улучшить материально-техническое обеспечение войск. В ча-

стности, решено было привлечь гражданское население для разгрузки огромного количества вагонов, скопившихся на станции Бахмач, и для доставки некоторой части грузов гужевым транспортом. Прифронтовой тыл эффективно помогал действующей армии.

Скрытная перегруппировка огромной массы войск в основном прошла успешно. Сыграли свою роль и меры оперативной маскировки. Вражеская авиация не раз бомбила на Букринском плацдарме дерево-земляные макеты, ложные артиллерийские позиции и ложные переправы.

Однако немецко-фашистское командование, разумеется, догадывалось о готовящемся советском наступлении и прекрасно понимало, что наши войска нацелены на Киев. А вот где и когда будет нанесен главный удар — этого противник не знал и пытался во что бы то ни стало разгадать наш оперативный замысел. Чувствуя неладное, он предпринял на ряде участков разведку боем. Немецкая авиация усилила разведывательные полеты. Вражеские лазутчики настойчиво пытались проникнуть за линию Днепра, на наше Левобережье.

...Командующий Первым Украинским фронтом с большой настороженностью взял в руки очередную разведсводку, вчитываясь в каждую строку. Придирчиво задавал вопросы начальнику разведывательного отдела штаба генерал-майору И. В. Виноградову. Узнав, что противник активизировал все виды разведки, Николай Федорович в раздумье проговорил:

— Манштейн сейчас рвет и мечет, требует точных данных о советских войсках, о сосредоточении наших ударных группировок. Это хитрый, умный, злобный и опасный враг. У гитлеровцев имеется еще немало боеспособных дивизий, в том числе и танковых. Сражение будет жестоким...

Присутствуя при этом разговоре, я попросил начальника разведотдела генерала И. В. Виноградова ознакомить меня с материалами о пресловутом Манштейне, командующем группой армий «Юг». Досье сразу же принесли. Я раскрыл папку и увидел фотографию холерного, надменного фельдмаршала с большими залысинами, с холодными глазами. Его мундир был украшен рыцарским крестом.

Читаю краткую его биографию: «Эрих фон Левинский, он же фон Манштейн. Родился 24 ноября 1887 года в Берлине в семье прусского офицера Эдуарда фон Левинского, ставшего затем генералом артиллерии. Двойную фамилию получил вследствие усыновления его генералом Георгом фон Манштейном. После прихода Гитлера к власти началась бурная карьера Эриха фон Манштейна, типичного представителя прусской офицерско-генеральской касты. В 1935 году Манштейн — начальник оперативного управления Генштаба сухопутных сил; в 1936 году стал первым обер-квартирмейстером и одновременно первым помощником и заместителем начальника генштаба...» — стало быть, одним из тех, кто готовил чудовищные планы порабощения народов. За кампанию на Западе Манштейн награжден рыцарским крестом, за участие в вероломном нападении на Советский Союз Гитлер произвел его в генерал-фельдмаршалы.

Вот с каким матерым фашистским волком довелось вступить в единоборство молодому советскому военачальнику Николаю Ватутину.

— Старый «знакомый», — усмехнулся Николай Федорович, мельком взглянув на фотографию. — Еще в сорок первом пришлось столкнуться с ним под Ленинградом: тогда я был на Северо-Западном фронте. Наши основательно потрепали корпус Манштейна. Под Сталинградом ему пришлось еще более туго. А с событиями Курской битвы вы и сами знакомы по личным впечатлениям.

Летом сорок третьего года на южном фланге Курской дуги, на направлении главного удара танковых дивизий врага, как известно, держали оборону войска Воронежского фронта. В те знойные дни Николай Федорович объезжал войска, поднимался на самолете и с воздуха просматривал, как построены оборонительные рубежи и как они замаскированы. По солдатским траншеям он исходил не один десяток километров, присутствовал на многих учениях и, как мне рассказывали, сам вместе с молодыми солдатами был «обкатан» танками.

Командующий готовил войска к жестокому поединку с фашистскими «тиграми». Он делал все возможное, чтобы выбить у врага из рук инициативу, в какой-то мере парализовать его действия, ослабить силу танкового удара. Лично допрашивая пленных, генерал армии Н. Ф. Ватутин установил день и час начала немецкого наступления. После этого он принял ответственное реше-

ние об артиллерийской контрподготовке. И Ставка утвердила его. Командующий шел на большой риск. Ошибка могла оказаться непоправимой и чреватой тяжелыми последствиями. Если впустую расстрелять боеприпасы, доставленные многими десятками железнодорожных эшелонов, то в таком случае оказалось бы весьма трудно парировать само немецкое наступление. Однако риск в данном случае основывался на точных разведывательных данных, а значит, был оправдан.

Гитлеровскому фельдмаршалу Манштейну казалось, что все готово для внезапного и стремительного броска вперед. В ночь на 5 июля 1943 года пришел в движение передний край. Скрытно выдвигались и развертывались пехотные соединения. Танки занимали исходное для атаки положение. Немецкие саперы снимали минные заграждения, расчищая путь для стальной лавины.

И вдруг дремотную тишину расколол грохот советской артиллерии. Небо расчертили огненные трассы прославленных «катюш». Вздрыгнул, окутался дымом и пламенем передний край врага. Земля задрожала от разрывов сотен и тысяч снарядов и мин. А в рассветном небе гудели наши самолеты, бомбившие скопления немецких «тигров», пехоты, самолеты на аэродромах и переправы врага.

3 часа 30 минут. Для фашистских войск это был час намеченного наступления. Но ураган советской артиллерии продолжал бушевать. Вражеские солдаты не могли и головы поднять. Управление войсками противника на некоторое время оказалось дезорганизованным. Манштейн вынужден был на полтора-два часа задержать наступление.

А потом, как известно, было знаменитое Прохоровское танковое побоище, были тяжелые многодневные бои, и на заранее подготовленных оборонительных рубежах кровью истекли фашистские войска Манштейна. Все это мне, участнику Курской битвы, было хорошо известно и памятно до сих пор.

У наших полководцев, в том числе и у генерала армии Н. Ф. Ватутина, при разработке операций была своя, советская мера, учитывающая главные источники экономического и военного могущества СССР и прежде всего необходимость общественного и государственного строя, крепость тыла, народный характер войны. Вот этого и не могли никогда понять немецкие генералы.

Советские военачальники трезво оценивали сильные и слабые стороны противника, учитывали высокие морально-боевые качества наших войск, народную сметку и находчивость бойцов и командиров.

Когда пехотинцы Тридцать восьмой армии форсировали Днепр севернее Киева и завязали бой за Лютежский плацдарм, командующий войсками Первого Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин приказал Пятому гвардейскому танковому корпусу немедленно прийти на помощь стрелковым частям, иначе не удержать захваченный за рекой «пяточок». А ведь нам требовалось не только удержать плацдарм, но и расширить его. Первые подразделения, высадившиеся на правом берегу Днепра, ждали боевой поддержки гвардейцев-танкистов.

— Но на пути к Днепру,— предупредил генерал армии Н. Ф. Ватутин командира танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко, — серьезным препятствием является Десна. Восемь-десять суток уйдет на постройку моста большой грузоподъемности. Время упустим и потеряем плацдарм. Надо постараться преодолеть Десну вброд.

Разведка показала, что глубина брода почти в два раза превышает норму, установленную для «тридцатьчетверок».

На помощь танкистам пришли местные старожилы, посоветовавшие переправляться в районе села Летки. Комсомольцы Семен Кривенко и Иван Горбунов несчетное число раз ныряли в воду в районе намечаемой переправы, промеряя дно, разведывая характер грунта. Танкисты обозначили маршрут вешками. Гвардейцы задраили люки боевых машин, проконопатили щели паклей, пропитанной солидолом, залили их смолой. Они удлиннили выхлопные трубы промасленными брезентовыми рукавами, что обеспечило выход отработанных газов. Для доступа воздуха оставался открытым башенный люк, через который командир экипажа мог вести наблюдение и указывать маршрут механику-водителю, управляющему машиной вслепую.

И вот машины одна за другой двинулись по дну глубоководной Десны. Сейчас, как известно, имеются плавающие танки и бронетранспортеры. Теперь форсирование реки с ходу с технической точки зрения уже не представляет особого труда. Но во время Отечественной войны такой техники мы не имели, если не считать ограничен-

ного числа легких автомобилей-амфибий. В данном же случае по дну Десны переправлялись обыкновенные многотонные средние танки Т-34.

Отважные и смекалистые гвардейцы совершили небывалое. Когда танк достигал середины реки, вода подступала к самому верху башни, брызги и волны порой перехлестывали через люк. Иногда вода пробивалась сквозь паклю, заливала людей. Проявив мужество, выдержку и стойкость, участники переправы за восемь часов провели по дну реки на противоположный берег Десны более 70 боевых машин. Танкисты, не медля и часа, устремились к Днепру, на выручку советской пехоте. На Лютежском плацдарме наш танковый корпус появился гораздо раньше, чем это мог предположить противник. Положение на плацдарме упрочилось.

Великая всенародная Отечественная война, не подчиняющаяся «классическим» буржуазным канонам, тайла для немецко-фашистских оккупантов бесчисленное множество неожиданностей. Это и партизанские налеты на гарнизоны гитлеровцев, и засады на дорогах, и пущенные под откос фашистские эшелоны...

В битве за Днепр и Киев еще ярче проявился народный характер Отечественной войны. Коммунистическая партия объединила все усилия советского народа и его воинов. В тылу врага активизировали свои действия отважные партизаны и герои большевистского подполья. Они наносили удары по коммуникациям противника и помогали советским войскам при форсировании Десны и Днепра. Военный совет фронта поддерживал самую тесную связь с начальником Украинского штаба партизанского движения Тимофеем Амвросиевичем Строкачем, в прошлом пограничником и опытным чекистом. Боевые действия войск и партизанских соединений постоянно координировались.

При планировании боевых операций наши военачальники учитывали и партизанскую силу, и множество других особенностей народной войны. Главное же внимание они сосредоточивали на подготовке войск фронта.

На основе директивных указаний Ставки быстро и организованно была осуществлена крупная и невероятно сложная перегруппировка войск Первого Украинского фронта. Командиры и политработники сумели довести до сознания каждого значение маскировки, скрытного

маневра, строгого хранения военной тайны, и это способствовало достижению стратегической внезапности.

Немецко-фашистскому командованию не сразу удалось узнать о характере нашей перегруппировки. Это подтверждает такой, например, факт. В то время как Третья гвардейская танковая армия уже полностью ушла из-под Букрина и сосредоточивалась под Лютежем, противник по-прежнему считал Букринский плацдарм наиболее опасным.

Все это обрадовало нас.

Первыми перешли в наступление части и соединения, располагавшиеся на Букринском плацдарме, то есть южнее Киева. Противник, давно уже ожидавший наступления именно отсюда, принял эти атаки за главный удар. На этом и строился расчет. Когда враг окончательно утвердился в мысли, что на Букринском плацдарме действуют якобы основные силы, и стал нацеливать сюда свои резервы, началось мощное наступление нашей главной ударной группировки фронта, расположенной севернее Киева, на Лютежском плацдарме.

Еще накануне наступления командующий с оперативной группой штаба переместился в район села Ново-Петровцы на командно-наблюдательный пункт, расположенный недалеко от переднего края. Отсюда хорошо просматривалась местность на направлении главного удара. Именно отсюда он и руководил боевыми действиями вверенных войск.

3 ноября 1943 года началось сражение за освобождение столицы Украины. Войска Тридцать восьмой армии под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко, действуя на главном направлении, прорвали сильно укрепленную оборону противника и с тяжелыми боями решительно продвигались вперед.

На КП фронта в Ново-Петровцы я прибыл из Шестидесятой армии И. Д. Черняховского на другой день после начала операции, 4 ноября 1943 года. Как раз в этот момент Николай Федорович давал указания командующему Третьей гвардейской танковой армией генералу П. С. Рыбалко:

— Настал твой час, Павел Семенович. Пора вводить в сражение и Третью гвардейскую танковую. Как ни крути, а «чистого» прорыва ожидать не приходится. Танкисты должны помочь пехоте «допрорывать» вражескую обо-

рону, а затем вводить в прорыв и свои главные силы. Медлить нельзя.

Рыбалко что-то сказал Ватутину. Николай Федорович слегка улыбнулся и продолжил:

— Танковый кулак у тебя мощный. Громыхни им так, чтобы все тылы и коммуникации противника затрещали. Надеюсь на успех...

Здороваясь со мной, Николай Федорович пояснил:

— Третья гвардейская танковая вступает в сражение. Впрочем, ты и сам, видимо, догадался об этом из нашего разговора с генералом Рыбалко.

Второй день наступления отличался возросшим напряжением боев. Противник, не считаясь с потерями, лихорадочно закрывал брешь, маневрировал резервами, вводил в бой новые части и соединения. Как и предполагали, находившаяся в ближайшем резерве Седьмая немецкая танковая дивизия 4 ноября была брошена в контратаку и причинила нашим войскам немало хлопот. Особенным ожесточением отличались бои в районе дач Пуца-Водица. Стойко дрались в полуокружении подразделения Двадцатой гвардейской танковой бригады, возглавляемой гвардии полковником С. Ф. Шустовым, и другие наши части.

Данные воздушной разведки свидетельствовали о том, что из районов Белой Церкви и Корсунь-Шевченковского на север, к Лютежскому плацдарму, двигались большие колонны немецко-фашистских войск. Надо было предупредить врага.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин, неослабно державший в своих руках все нити управления войсками, был внешне спокоен, энергичен, находчив и тверд в решениях. Настойчиво и последовательно он наращивал удар на главном направлении, стремясь опередить противника, подтягивавшего стратегические резервы, и быстрее развить успех.

Если в первый день нашего наступления вместе с пехотинцами отличились артиллеристы, то во второй день главными героями стали танкисты. В сражении они были призваны склонить чашу весов на нашу сторону. Им предоставили решающее слово.

Перед вводом подвижных частей в прорыв 4 ноября командующий войсками фронта направил танковым военачальникам следующую телеграмму: «Успешное выполнение задачи зависит в первую очередь от стремительно-

сти, смелости и решительности ваших действий. Ваша цель — в самый кратчайший срок выполнить поставленные вам задачи, для чего, не боясь оторваться от пехоты, стремительно двигаться вперед, смело уничтожать отдельные очаги противника, нанести панику среди его войск. Стремительно преследовать их, с тем чтобы к утру 5 ноября 1943 года нам занять Киев. Командирам всех степеней быть со своими частями и лично вести их для выполнения задачи».

Выполняя приказ командующего войсками Первого Украинского фронта, генерал П. С. Рыбалко ввел в сражение Третью гвардейскую танковую армию. В первом эшелоне наступали Девятый механизированный корпус и часть сил Шестого гвардейского танкового корпуса. Вслед за ними следовал Седьмой гвардейский танковый корпус.

Но это было лишь на первых порах. Когда нам удалось завершить прорыв тактической обороны противника и перед нашими войсками открылся оперативный простор, Седьмой гвардейский танковый корпус, возглавляемый генерал-майором танковых войск К. Ф. Сулейковым, обогнал боевые порядки наступавших стрелковых частей и танков, поддержавших пехоту, и начал стремительно развивать наступление.

В середине дня 4 ноября Седьмой гвардейский танковый корпус овладел населенным пунктом Берковец, а к 23 часам его передовые подразделения вышли к Святошино и к шоссе Киев — Житомир. Появление советских танков в тылу неприятеля, несомненно, оказало сильное психологическое воздействие на немецко-фашистские войска, оборонявшие Киев. Генерал П. С. Рыбалко доносил о том, что подразделения Седьмого гвардейского танкового корпуса дополнили внезапную ночную атаку световыми и шумовыми «эффектами». Танки, развернувшись в линию, двигались вперед, прорезая ночную темень ярким светом множества зажженных фар, ослепляя метавшихся в панике гитлеровцев.

В течение всей ночи шел ожесточенный бой. К утру 5 ноября гвардейцы-танкисты окончательно перерезали шоссе Киев — Житомир, лишив противника важной коммуникации.

В районе Святошино, на подступах к основному городскому району Киева, проходил последний оборонительный рубеж врага. Оправившись от внезапного нашего

натиска, гитлеровцы дрались с ожесточением. Но гвардейцы-танкисты во взаимодействии с подразделениями Пятидесятого стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор С. С. Мартиросян, разгромили в этом районе оборонявшихся гитлеровцев. Успешно действовала и Сто шестьдесят седьмая стрелковая дивизия, ворвавшаяся на западную окраину Киева, в район кинофабрики. В числе первых пробилась к центру города, на Крещатик, экипажи Пятого гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко.

К 4 часам утра 6 ноября 1943 года руководимые Ватутиним войска полностью овладели столицей Советской Украины Киевом — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу Днепра. Освобождению города и спасению многих его древнейших исторических памятников во многом способствовал глубокий обходной маневр Третьей гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и других подвижных соединений фронта. Они перерезали не только шоссе Киев — Житомир, но и другие дороги, ведущие на запад. Для киевской группировки врага создавалась угроза полного окружения. Противник начал поспешно, а порой и в панике, отступать в юго-западном направлении.

6 ноября 1943 года в 5 часов утра Военный совет фронта направил в Ставку Верховного Главнокомандования телеграмму, в которой говорилось: «Город Киев полностью очищен от немецких оккупантов. Войска Первого Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

В то же утро мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиним выехали в Киев. Николай Федорович много лет жил и работал в этом городе. Он помнил столицу Украины во всей ее довоенной красе и теперь с душевной болью молча и мрачно глядел на пожарища и руины, на разрушенный Крещатик и обуглившиеся стены Дома обороны, на охваченный огнем университет. Наконец, нарушив молчание, гневно произнес:

— Что они, проклятые гитлеровцы, варвары двадцатого века, сделали с тобой, страдалец Киев! За одно только это злодейство они заслужили самой жестокой кары.

И, обернувшись ко мне, добавил:

— Пусть политуправление примет меры к тому, что-

бы вся фронтовая печать, наши агитаторы рассказали бойцам о преступлениях фашистов в Киеве.

Гитлеровцы нанесли городу громадный ущерб. За два года своего хозяйничанья оккупанты разрушили 800 предприятий, 140 школ, 940 зданий государственных и общественных организаций, дворцов культуры и клубов. Перед своим отступлением фашистские варвары вознамерились взорвать, сжечь и уничтожить и все остальные здания, стереть с лица земли украинскую столицу. Но стремительное наступление советских войск разрушило этот подлый замысел. Город был спасен.

В первые часы освобождения Киева, когда только что туда вошли советские войска, город произвел на нас удручающее впечатление. Его улицы были безлюдны, так как фашисты угнали значительную часть населения. Преследуя врага и перерезая ему пути отхода, советские танкисты вызволили из фашистской неволи многих киевлян, и уже во второй половине дня жители начали возвращаться в родные дома. Но рано утром 6 ноября, когда мы с генералом Н. Ф. Ватутиним медленно проезжали по разрушенным улицам, город был почти пуст. Вот из развалин выбрался какой-то человек и робко махнул рукой. Машина остановилась. Изможденный, оборванный старик подошел к нам и горько заплакал. Сбивчиво и торопясь, он кратко поведал нам об ужасах немецкой оккупации. А потом спросил:

— А как же дальше будет, не вернется опять фашист?

Николай Федорович ответил:

— Не вернется, не пустим! Будем гнать дальше, пока гром военный не прогрехочет и над Берлином.

На площадях, где мы останавливались, вокруг машины командующего собирались местные жители и воины. Узнав, что войскам Первого Украинского фронта, освободившего столицу СССР, командует бывший начальник штаба Киевского особого военного округа генерал Н. Ф. Ватутин, люди оживлялись. Порой стихийно возникали короткие митинги. А Николай Федорович смущенно улыбался и жестами показывал на бойцов, как на главных «виновников» торжества и творцов победы.

Киевляне выражали благодарность родной ленинской партии и героической Советской Армии за освобождение от фашистского ига, за спасение столицы Украины.

Слышались радостные возгласы и аплодисменты в адрес командующего фронтом.

Н. Ф. Ватутин был простым и душевным человеком, который никогда не выпячивал себя, никогда не бахвалился ратными делами и все одержанные победы относил к боевому коллективу, ко всем войскам фронта. Я не помню случая, чтобы когда-либо Николай Федорович сказал, что это сделал он. Яканья он терпеть не мог и никогда не любовался собой. Скромность облагораживала его и усиливала наши симпатии и уважение к этому замечательному военачальнику.

Вскоре после освобождения Киева ЦК КП(б)У и правительство республики устроили прием, где скромно, по-фронтовому чествовали героев, освободивших столицу Советской Украины. Выступали партийные и советские руководители республики, знатные люди Украины — рабочие, колхозники, ученые, деятели искусств. Провозглашались здравицы в честь ленинской партии и нашей любимой Родины, в честь доблестной Красной Армии и полной победы над фашизмом. Кто-то из присутствовавших, не жалея пышных слов, стал говорить о Ватутине, освободившем Киев. Николай Федорович рассердился не на шутку.

— К чему славословие и такие неуместные эпитеты? — с возмущением говорил мне об ораторе генерал Ватутин. — Зачем возвеличивать меня? Просто неловко слушать подобные речи. Разве я один брал Киев? Тысячи солдат его освобождали и кровь свою проливали.

Он поднялся и, прервав словоохотливого оратора, сказал:

— Мои заслуги более чем скромны. Хочу отметить главных героев Киевской битвы — рядовых наших бойцов, умелых и мужественных командиров и политработников, бесстрашных людей, воспитанных партией. Великий советский народ — труженик и герой — творит победу, творит историю. Честь ему и слава! Честь и слава партии родной!

Строптивный февраль, прошумев метелями, внезапно, за какие-нибудь сутки, растопил снега, расквасил дороги. Сырой, пронизывающий ветер шумел ветвями оголенных деревьев, сбивал с крыш капель, гудел в проводах. Авто-

мобиль с надрывным стоном карабкался на ослизлые пригорки, перемешивал колесами топкую грязь в низинах и, выбравшись наконец на большак, бойко запрыгал по булыжной мостовой.

Генерал Н. Ф. Ватутин возвращался из района боев в штаб фронта. Различив в синих сумерках плотную, коленастую фигуру командующего, часовой встрепенулся, взял автомат «на караул». Николай Федорович поздоровался с солдатом, потер уставшие глаза и, с усилием открыв набухшую дверь, сказал мне:

— Заходи, Константин Васильевич, посидим...

Сняв бекешу, он улыбнулся и добавил:

— Надо немножко заглянуть вперед, прикинуть, что дальше будем делать.

Обладая широким оперативно-стратегическим кругозором, Николай Федорович никогда не пренебрегал опытом и знаниями других. С планами и замыслами он непременно знакомил всех членов Военного совета, просил обдумать проект и высказать свою точку зрения. Мы, члены Военного совета, и другие работники фронта часто собирались в кабинете командующего и по-товарищески, вполне откровенно беседовали о ходе боевых действий и новых планах. Временами даже и горячо спорили. А в деловых, принципиальных спорах хорошо проверялась и оттачивалась мысль, рождалась истина, вырабатывалось правильное решение.

Но когда решение обретало форму директивы или приказа, командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин становился тверд и непреклонен и всю энергию и волю, все свои усилия употреблял на то, чтобы вырвать у врага победу и достичь конечного результата запланированной операции.

Время уже перевалило за полночь, а я, забыв про сон и усталость, жадно продолжал слушать командующего. На моих глазах совершалось таинство рождения оперативного замысла. Выход войск Тринадцатой и Шестидесятой армий на рубеж Луцк, Млинов, Изяслав открывал большие перспективы. Об этом говорил Николай Федорович. Я глядел то на карту, на которой командующий что-то примерял, то на вдохновенное лицо обычно сдержанного в чувствах человека и зримо представлял себе наши войска, приближающиеся к государственной границе СССР.

...Я уже говорил, что Николай Федорович любил чи-

тать произведения М. В. Фрунзе. Вот и в эту нашу встречу он вновь уселся за рабочий стол, перелистывая книгу.

— Знаешь, Константин Васильевич, опять я перечитываю томик сочинений Фрунзе, — сказал он. — Всякий раз нахожу все новые и новые, полезные для себя советы. Михаил Васильевич Фрунзе — большой человек и крупный марксист. Как глубоко он мыслил и двигал военное дело! И как заботился, чтобы во главе наших войск стояли умные, образованные, хорошо знающие военное дело, политически и нравственно совершенные командные кадры. Вот послушай, что он советует нашим командирам.

И Николай Федорович прочитал: «Только тот из вас, кто будет чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа, вынесенного из стен академии, кто будет стремиться к расширению своего кругозора, к повышению своего теоретического и практического багажа, — только тот не отстанет в военном деле, будет идти вперед и, быть может, проведет за собой десятки и сотни других людей».

Переложив страничку тонкой бумажной закладкой, Николай Федорович закрыл книгу и продолжал:

— Как метко сказано: «Чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа»! Надо постоянно напоминать это нашим командирам. Тогда и зазнайства меньше будет. А то иной командир выиграет бой, операцию и уже чванится, нос задирает, думает, что достиг вершин. А если по-настоящему потрясти такого, то на поверку выходит, что знания-то у него непрочные, жиденькие.

Ватутин встал, прошелся по хате, потом продолжал:

— Скажи мне, Константин Васильевич, откуда у некоторых командиров берется проклятое зазнайство? Убежден, что это исходит не от большого ума, а от себялюбия и недостатка культуры. Зазнайство — это пережиток прошлого. Как оно нам вредит...

Разговор затянулся допоздна. Николай Федорович перебирал в памяти прошлое, много говорил о том, какие нам нужны знания, чтобы умело бить врага, что нынешняя война, даже отдельный бой и операция, требует новаторского подхода, широкого применения не только личного опыта, но и опыта всей армии.

Потом Николай Федорович, как бы спохватившись, сказал

— Да, чуть не забыл прочитать тебе еще одну интересную выдержку из сочинений М. В. Фрунзе. Она имеет отношение ко всем командным кадрам, к политработникам особенно. «Сохранит ли в будущем политическая работа в армии то место, которое она имела в минувшей гражданской войне?» — Я отвечаю категорически, несомненно «да». Политические органы были, есть и будут одной из основных баз нашего военного строительства».

Высказывание М. В. Фрунзе о роли политработы в армии я хорошо знал. Но мне вдвойне было приятно, что на этих словах акцентировал мое внимание и командующий войсками фронта, высоко ценивший политработу. Генерал армии Н. Ф. Ватутин всегда учитывал замечательные морально-боевые качества советского воина. Он знал, что когда волей к победе проникнуты все, от генералов до рядовых, то никакие преграды не сдержат неукротимого порыва наших войск.

18 февраля 1944 года Военный совет Первого Украинского фронта получил директиву Ставки, обязывающую командующего подготовить наступательную операцию на прокуровско-черновицком направлении. Генерал армии Н. Ф. Ватутин с головой ушел в работу. Он трудился упоенно, не давая покоя ни себе, ни работникам штаба. Вздремнет, бывало, часа три-четыре, освежится принесенной из колодца холодной, с льдом, водой, взбодрит себя гимнастикой — и снова за дела.

За каких-нибудь пять дней и ночей генерал армии Н. Ф. Ватутин вместе со штабом разработал план новой наступательной операции. За такой короткий срок командующий вряд ли сумел бы выполнить эту сложную задачу, если бы у него, самоотверженного трудолюбца, не имелись предварительные наброски и разработки, подготовленные в результате многодневных размышлений и черновой кропотливой работы.

И вот члены Военного совета собрались у командующего. Николай Федорович поднялся из-за стола, обернулся к стене и решительно отдернул шторку, за которой висела оперативная карта фронта.

— Итак, смотрите, что задумано...

Красные стрелы, изображенные на карте, дробили оборону противника, расчленили его фронт сходящимися ударами. Наши танковые клещи охватывали немецко-фашистские дивизии, угрожая врагу окружением и уничто-

жением. В новом оперативном плане ярко была выражена идея сокрушительного разгрома крупной группировки немецко-фашистских войск.

Замысел операции Первого Украинского фронта заключался в том, чтобы ударами на ряде направлений раздробить оборону противника на части и уничтожить вражеские войска порознь.

Главный удар наносился силами трех общевойсковых армий, которыми командовали генералы А. А. Гречко, Н. П. Пухов и И. Д. Черняховский, и двух танковых армий генералов В. М. Баданова и П. С. Рыбалко с фронта Торговица, Шепетовка, Любар, в общем направлении на Тернополь, Чертков. Обеспечение ударной группировки слева возлагалось на армии под командованием генералов Е. П. Журавлева и К. С. Москаленко.

Ставка план утвердила. Командующий войсками Первого Украинского фронта и Военный совет сосредоточили все внимание на том, чтобы быстро и скрытно осуществить перегруппировку частей и соединений, хорошо и всесторонне подготовить наше весеннее наступление.

Рассказывая о стиле работы Н. Ф. Ватутина, мне хочется снова и снова подчеркнуть, что он трудился всегда с подъемом и напряжением. Это был необыкновенный трудолюбец. Даже когда все дела переделаны, все донесения и сводки прочитаны, все приказы и распоряжения подписаны и все люди, пришедшие на прием, выслушаны, — он и тогда находил себе занятие.

А вот для досуга выкроить время не мог. Этого работающего, мало отдыхающего человека я как-то затащил на концерт украинского ансамбля песни и пляски, прошедшего с нашим фронтом большой боевой путь.

Девушки, одетые в яркие, красочные национальные костюмы, весело и задорно запели украинскую народную песню «Ой ходила дивчина бережком». И в такт песне, легко и плавно, словно не касаясь земли, проходит в танце артистка Вишнева, которую на фронте любовно называли Вишенкой.

На смену украинской песне пришла и русская. Тихо и грустно наигрывает баянист. Негромко и согласно слышатся голоса:

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубится в заревах туман,
Там лежит, ох там лежит убитый,
Там схоронен красный партизан.

Я вижу, как нахмурился, сдвинул брови Николай Федорович. Песня произвела на него большое впечатление... Концертом командующий остался доволен. Он хвалил артистов, благодарил и меня за то, что я взял над ним «культурное шефство». А когда выходили из сельского клуба, неожиданно сказал:

— Зайдем ко мне, Константин Васильевич. Пока я сидел на концерте, мне одна заманчивая мысль покоя не давала...

И я понял, что Николай Федорович продолжал думать даже тогда, когда казалось, что он наконец-то отдыхает. Жизнь талантливого полководца была замечательным подвигом творческой мысли и вдохновенного труда.

29 февраля 1944 года мы с Николаем Федоровичем Ватутиным выехали в штаб Тринадцатой армии, находившийся в то время в городе Ровно. Командующий войсками фронта решил ознакомить руководящий состав армии с планом предстоящей операции и уточнить задачу армии, проверить готовность войск к наступлению.

На совещании присутствовали командарм генерал-лейтенант Н. П. Пухов, член Военного совета армии генерал-майор М. А. Козлов, начальник штаба генерал-лейтенант Г. К. Маладин, командир Двадцать пятого танкового корпуса генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин, командир Первого гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор В. К. Баранов и некоторые другие командиры.

В своем выступлении перед руководящим составом армии командующий войсками фронта познакомил собравшихся с общим замыслом предстоящих действий. Он подчеркнул, что мартовская наступательная операция преследует цель разгромить группировку немцев в районе Кременец, Старо-Константинов, Тернополь и овладеть рубежом Коселин, Горохов, Радзехув, Красне, Золочев, Тернополь, Проскуров, Хмельник. В дальнейшем войска фронта наносят удар в общем направлении на Чертков с целью перерезать южной группе немецких войск пути отхода на запад в полосу севернее реки Днестр.

В заключение Николай Федорович дал последние устные указания командарму Н. П. Пухову и потребовал Дубно не атаковать с фронта, а непременно обходить его с северо-запада и юго-востока. Он подчеркнул, что

жизни солдатские надобно особенно заботливо сберечь и учиться побеждать врага с малыми потерями. Поэтому не стоит идти на противника в лоб, нужно обходить его опорные пункты, используя слабо защищенные места.

— А когда оборона противника взломана, — продолжал генерал армии Н. Ф. Ватутин, — то уж времени не терять и наращивай силы, расширай брешь и как можно быстрее вводи в прорыв танки — главную ударную силу наших войск.

Командующий фронтом особо предупредил, что танки надо применять умело, с учетом местности, не посылать через леса, по толям и болотам. Он напомнил, что, кроме двух танковых корпусов, Тринадцатой армии приданы и два кавалерийских корпуса. А в лесной местности конница может легче маневрировать, нежели танки. Кавалерия хорошо подкрепит нашу главную ударную силу, но для этого нужны согласованность, четкое взаимодействие.

Вопросам взаимодействия, связи и управления войсками командующий фронтом уделял особо пристальное внимание. Он лично проверил, как в Тринадцатой армии налажено взаимодействие между наземными войсками и авиацией, между пехотой, артиллерией и танками.

— Тринадцатой армии надлежит не только нанести удар в направлении на Броды, — отметил в заключение генерал Н. Ф. Ватутин, — но и надежно прикрыть фланг фронта, обеспечить справа нашу главную ударную группировку. Помните о своей особой ответственности, будьте начеку, в боевой готовности. Желаю вам боевых успехов!

...Совещание закончено. Карты свернуты, оперативные документы уложены в портфель. Завязался непринужденный разговор о служебных и житейских делах, о поступившем в войска пополнении.

— Прежде чем стать кадровым военным, вы, говорят, были учителем? — спросил Николай Федорович генерала Н. П. Пухова.

— Так точно, — ответил Николай Павлович. — Впрочем, я и сейчас не оставляю любимого дела. Командир, независимо от его ранга, есть воспитатель бойцов.

— Совершенно верно, — соглашаюсь я. — Но вам, Николай Павлович, также известно, что воспитание людей — дело сложное, а у нас в войсках сейчас много молодых офицеров, прошедших в училищах и на курсах

ускоренную подготовку. Опыта у них маловато, и надо бы им помочь.

Мы с Ватутиным порекомендовали генералу Н. П. Пухову поделиться на страницах фронтовой газеты своим богатым опытом, высказать полезные советы и предложения по вопросам воинского воспитания.

— Что же, если выкроится свободное время, я это сделаю, — в раздумье проговорил Николай Павлович и, погладив ладонью бритую бугристую голову, с усмешкой спросил: — А будет ли оно, свободное время?

— Как хочешь, но дал слово — держись, — заметил на это Н. Ф. Ватутин.

Генерал Н. П. Пухов сдержал свое слово. Он написал очень интересную и содержательную, богатую фактическим материалом и яркими, очень полезными мыслями статью «О воинском воспитании молодых офицеров». Она с продолжением печаталась примерно в десяти номерах фронтовой газеты «За честь Родины». Ее сокращенный вариант был опубликован в журнале «Военный вестник». Статья видного военачальника, умудренного богатейшим опытом воспитания людей, оказала помощь командным кадрам.

Из Ровно мы уезжали, находясь под впечатлением встречи с генералом Н. П. Пуховым и его ближайшими помощниками. Настроение у командующего войсками фронта было превосходное. Все шло по намеченному плану. Николай Федорович оживленно беседовал и в пути задавал вопросы то мне, то помощнику начальника оперативного отдела штаба фронта майору Белошицкому.

— Армии, возглавляемой генералом Пуховым, даже под тринадцатым номером везет, — шутиливо говорил Николай Федорович. — В Киевской операции она дальше всех продвинулась на запад. Затем, не имея численного превосходства, овладела Ровно и Луцком и прорвалась к Дубно. Видно, кроме «везения», у руководящего состава армии есть еще и умение. Пухов — опытный генерал, настоящая военная косточка. Еще в первую мировую войну в прапорщиках ходил. Хорошую боевую закалку он получил в годы гражданской войны, а в мирное время много занимался и работал в военно-учебных заведениях Красной Армии.

Немного помолчав, Н. Ф. Ватутин продолжил свою мысль:

— Пухов — военачальник мыслящий, дерзающий. Он умеет передать свои знания подчиненным, а вместе с тем слушает, берет от них разумное. Недаром говорят, что уметь слушать подчиненного и впитывать в себя все ценное, полезное — это тоже талант.

Мы с командующим пришли к единому мнению, что в Тринадцатой армии Военный совет подобран удачно: люди деловые, инициативные, энергичные.

Генерал Н. П. Пухов блестяще знал свою армию и бесменно командовал ею с 25 января 1942 года. Во главе штаба Тринадцатой армии стоял образованный и талантливый генерал Г. К. Маландин, имевший за плечами опыт работы в Генеральном штабе. Ветераном армии по праву считался член Военного совета генерал М. А. Козлов, опытный кадровый политработник. В сорок первом году он занимал некоторое время пост начальника политуправления вновь образованного Центрального фронта, затем был назначен членом Военного совета Тринадцатой армии и почти всю войну бесменно находился на этой ответственной должности. Все эти руководящие работники были знатоками своего дела, дополняли один другого и трудились слаженно, дружно, сплоченно, добиваясь общего успеха.

Делясь впечатлениями о людях армии и коротая время в разговорах, мы ехали по Ровенскому шоссе, направляясь в Слауту, в штаб Шестидесятой армии, к И. Д. Черняховскому. Заметив проселочную дорогу, ответвляющуюся от большака, генерал армии Н. Ф. Ватутин дал водителю знак остановиться.

— А зачем нам, собственно, делать крюк по шоссе? — спросил Николай Федорович. — Эта дорога тоже ведет в Слауту. Здесь всего каких-нибудь двадцать пять километров. Черняховский, наверное, ждал нас. Давайте свернем напрямик и не будем делать объезд через Новоград-Волынский.

И мы свернули на проселок.

Дорога петляла по лощинам и буеракам, мимо маленьких рощиц. Проехали одно село, другое. И нигде ни души. Словно все вымерло.

Неожиданно рядом послышалась стрельба. Машина с охраной, въехавшая было на окраину села Милиятин, начала быстро пятиться. Порученец командующего полковник Семиков взволнованно выкрикнул:

— Там бандеровская засада! Бандиты обстреляли машину и теперь наступают на нас.

— Все к бою! — выйдя из машины, скомандовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь.

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было немало, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков.

Обстрел все более усиливался. Факелом вспыхнула легковая машина командующего, подожженная зажигательными пулями. Затем запылал и другой автомобиль.

Бандеровцы приближались. Наши автоматчики, занявшие позицию в глубоком придорожном кювете, открыли огонь. Заговорил и пулемет. Длинную очередь прострочил по врагу находившийся возле нас рядовой Михаил Хабибулин. Организованный отпор охладил пыл бандитов. Они залегли и в атаку поднимались уже менее уверенно.

Я посоветовал Николаю Федоровичу взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Он наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов на произвол судьбы. А портфель приказал вынести офицеру штаба, дав ему в сопровождение одного автоматчика. Когда офицер замялся в нерешительности, Николай Федорович сурово прикрикнул:

— Выполняйте приказ!

И офицер с автоматчиком поползли.

Положение усложнилось. На фоне закатного неба было отчетливо видно, как перебежками подбираются бандиты, намереваясь охватить нас с двух сторон.

Бой продолжался. Во время перестрелки генерал армии Н. Ф. Ватутин был тяжело ранен. То, что не удавалось совершить гитлеровцам, сделали их подлые наемники — бандеровцы-националисты, нанешие предательский злобный удар.

Мы бросились к раненому командующему и положили его в единственную уцелевшую машину. Под обстрелом врага открытый «газик» проехал немного и остановился. То ли мотор был прострелен, то ли испортилось что-то. Выяснить было некогда, и мы понесли Николая Федоровича на руках, спеша доставить его в укрытие. А охрана продолжала вести бой.

Нежданно-негаданно навстречу показались сани с парой лошадей. Возница пытался было уйти от нас, так как его напугала перестрелка. Но мы его все же остано-

вили и положили в сани командующего. Перевязав наскоро кровотокающую рану, мы тронулись в путь по направлению к Ровенскому шоссе.

Притомившиеся кони не спеша тащились по проселочной дороге, подбрасывая сани на бесчисленных ухабах. Николай Федорович, крепившийся до последней возможности, морщился от жгучей боли. Пола его простреленной бекеши намокла от крови. Генерал ослабел, у него появился болезненный озноб.

Наконец мы выбрались на Ровенское шоссе, усеянное синими мерцающими огоньками. Сумерки уже сгустились, и переброска войск по дорогам усилилась. В одной из хат, прилепившихся возле шоссе, мы нашли военного врача. Он оказал Николаю Федоровичу медицинскую помощь. После этого снова двинулись в путь и вскоре встретили машины с пехотой, высланные нам на выручку командующим Тринадцатой армии генералом Н. П. Пуховым. О чрезвычайном происшествии ему, оказывается, доложил офицер штаба, выносивший портфель с документами. Колонну замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович был доставлен в Ровно, где ему тотчас сделали первую операцию.

Таковы обстоятельства ранения и эвакуации с поля боя командующего войсками Первого Украинского фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина. К сожалению, некоторые литераторы и мемуаристы, пользуясь непроверенными слухами, не совсем верно описывают эту историю.

Доставив раненого командующего фронтом в военный госпиталь в Ровно и проконсультировавшись с врачами, я доложил о происшествии по ВЧ Верховному Главнокомандующему, сообщил о состоянии здоровья Н. Ф. Ватутина и о том, что оперативные документы не попали к врагу. Сталин более или менее спокойно пожурил нас и с укоризной сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы не взяли даже надежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба Тринадцатой армии следующее письменное донесение:

«Тов. Сталину

Докладываю о происшествии с генералом армии Ватутиным. 29 февраля 1944 года, возвращаясь из штаба Тринадцатой армии вместе с тов. Ватутиным в составе

четырёх машин и личной охраны в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде в северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоца, подверглись нападению бандитов...

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга Тринадцатой армии ранение относится к категории тяжелых, требующих лечения минимум два месяца. К оказанию мед. помощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в Пятьсот шестом армейском госпитале в Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3 обязательно эвакуировать самолетом «Дуглас» в Москву.

Член Военного совета Первого Украинского фронта генерал-майор *Крайнюков*.

Нр. 1568. 1.3.44 года».

Утром, без особой, правда, охоты, врачи разрешили мне на несколько минут навестить раненого командующего. Услышав шаги, Николай Федорович открыл глаза, спросил:

— Все целы? Как документы?

Я поспешил успокоить его. Портфель с документами сохранен. В лапы к бандитам никто не попал.

— Что же, бойцы охраны сделали все, что могли, — прерывисто дыша, произнес генерал армии Н. Ф. Ватутин. — Они держались мужественно и достойно. Скажите бойцам, что командующий благодарит их. Прошу отличившихся представить к награде.

Помолчав с минуту, Николай Федорович тихо сказал:

— Да-а, неприятная приключилась история. Обидно. Ведь я хорошо знал поганую натуру бандитов. Помню, когда еще был красноармейцем, гонялся за шайками Махно и Беленького. У бандеровцев та же подлая тактика: внезапные налеты на малочисленные группы, змеиные укусы, засады, нападение из-за угла.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин был эвакуирован в Киев, ибо город Ровно в те дни часто подвергался налетам вражеской авиации. Для его лечения в столицу Советской

Украины были командированы из Москвы опытные специалисты.

Вспоминается моя беседа с Н. Ф. Ватутиным в санитарном поезде, направлявшемся в Киев. Николай Федорович встретил меня обрадованно и спросил:

— Ну как думаешь, Константин Васильевич, разрешат мне после лечения вернуться на фронт? — И, не дождавшись ответа, уверенно заявил: — Разрешат! Недельки три поснуваю на госпитальной койке, а там на фронт приеду. На костылях, а доберусь! И снова за работу. Эх, да что там нога! Голова еще пока цела и способна мыслить, решать оперативные задачи.

Я уверял генерала армии Н. Ф. Ватутина и был в этом искренне убежден, что он непременно поправится и вернется в боевой строй.

— А жить-то, Константин Васильевич, оказывается, хочется, — грустно покачав головой, признался Николай Федорович. — Конечно, если надо, то я, не колеблясь, отдам свою жизнь без остатка за дело партии. Но невероятно хочется снова вернуться в кипение боя и своими глазами увидеть нашу великую победу.

Вскоре после происшествия с Ватутиным мы получили приказ Ставки Верховного Главнокомандования, датированный 9 марта 1944 года. В нем было сказано:

«При всех выездах командующих фронтами и армиями, лиц высшего командного состава, а также при перевозке важных оперативных документов выделять для сопровождения указанных лиц надежную личную охрану».

В Военный совет и штаб фронта из столицы Советской Украины приходили утешительные вести. Мы ежедневно получали из Киевского военного округа по телеграфу бюллетени о состоянии здоровья тов. Николаева (так кодировалась фамилия Н. Ф. Ватутина).

Здоровье генерала армии Н. Ф. Ватутина начало идти на поправку. Николай Федорович, как сообщали нам, интересовался обстановкой на фронте и искренне радовался боевым успехам перешедших в наступление войск Первого Украинского фронта.

Однако через 33 дня после ранения Николая Федоровича в бюллетене о состоянии здоровья, подписанном видными деятелями медицины тт. Шаповым, Вовси, Гуревичем, Ищенко и Василенко, появились тревожные нотки, хотя первые строки документа и не предвещали ничего

опасного: «В течение ночи температура больного была нормальная. Больной удовлетворительно спал. Утром больной довольно активен, хорошо покушал. Пульс 104. Температура к 12 часам поднялась до 39,3 без озноба. Пульс 120».

Несмотря на энергичное лечение, направленное на борьбу с инфекцией, состояние больного продолжало оставаться тяжелым и температура не спадала, колеблясь от 38,2 до 40,2. От заместителя главного хирурга Красной Армии генерал-майора медицинской службы Шамова пришло сообщение о том, что на консилиуме с академиком Бурденко признано необходимым для спасения жизни больного произвести срочную ампутацию ноги.

5 апреля 1944 года Военный совет получил сообщение: «В 14.00 была произведена высокая ампутация бедра. Операцию больной перенес удовлетворительно. К концу дня больной постепенно выходит из состояния послеоперационного шока. Пульс колеблется в пределах 120—140, наполнение его улучшилось, синюхи нет, температура 37,6, появился аппетит, и больной поел».

Мы вздохнули облегченно, надеясь, что после операции дело пойдет на поправку. Тем более что температура снизилась и у больного появился аппетит. Однако в последующих бюллетенях, подписанных Бурденко, Стороженко, Шаповым, Бакулевым, Семяка, Вовси и другими, отмечалось, что состояние больного остается серьезным. Исследование ампутированной конечности показало распространенный гнойный процесс в костном мозгу, что, несомненно, обусловило тяжелую картину развития инфекции в глубине. Операция, видимо, не смогла пресечь губительного процесса. Никакими стараниями известнейших врачей и ученых не удалось спасти жизнь Николая Федоровича. В ночь на 15 апреля 1944 года генерал армии Н. Ф. Ватутин скончался. Было ему тогда сорок два с небольшим года — пора расцвета его дарования и полководческой зрелости.

«В лице товарища Ватутина государство потеряло одного из талантливых молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны», — говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и Наркомата обороны СССР.

Военный совет поручил мне возглавить делегацию от бойцов и офицеров Первого Украинского фронта. Возложив венок, мы в течение двух дней несли почетный караул.

ул у гроба генерала армии Н. Ф. Ватутина, установленного в Киевском дворце пионеров.

Тяжко было смотреть на убитую горем жену генерала Татьяну Романовну и осиротевших детей, на престарелую мать полководца Веру Ефимовну Ватутину.

Вера Ефимовна Ватутина, эта скромная и трудолюбивая женщина земли русской, в феврале 1944 года получила известие о том, что скончался от тяжелых ран, полученных в бою, ее сын красноармеец Афанасий Ватутин. Через месяц новая скорбная весть: погиб ее младший сын Федор. А в апреле она, выплакавшая глаза по двум сыновьям, пришла к гробу третьего своего сына, гордости семьи и всей страны, генерала армии Николая Ватутина. И все они, братья-патриоты, полководец и солдаты, пали в жарком бою, на переднем крае борьбы за честь и свободу Отчизны.

Нескончаемым потоком с утра и до вечера шли трудящиеся столицы Украины, отдавая последний долг выдающемуся военачальнику, самоотверженно сражавшемуся за родную советскую землю, за освобождение Киева и других городов и сел республики. Почтить светлую память прославленного полководца прибыли представители других фронтов и войсковых объединений. Приехал генерал М. В. Рудаков, служивший с Николаем Федоровичем, а также другие боевые соратники. Траурную вахту вместе с воинами Советской Армии несли прославленные партизаны С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров, А. Н. Сабуров и многие ветераны.

17 апреля 1944 года при огромном стечении людей столица Советской Украины провожала в последний путь генерала армии Н. Ф. Ватутина. На траурном митинге, который открыл З. Т. Сердюк, с речами выступили представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник Ф. И. Голиков, академик Н. Н. Гришко, поэт Микола Бажан, председатель Киевского областного Совета депутатов трудящихся С. И. Олейник. От имени воинов Первого Украинского фронта довелось выступить мне и перед свежей могилой друга, товарища, генерала армии дать слово, что наши войска будут беспощадно громить немецко-фашистских захватчиков, добывая полную и великую победу над ненавистным врагом.

В час погребения генерала армии Н. Ф. Ватутина, когда войска склонили боевые знамена перед гробом выдающегося военачальника, радио донесло до украинской сто-

лицы раскаты прощального траурного салюта Москвы, отдавшей от имени Родины последнюю воинскую почесть полководцу, коммунисту, герою.

В канун 20-летия великой победы советского народа над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР присвоил посмертно звание Героя Советского Союза генералу армии Н. Ф. Ватутину. Все советские люди и особенно воины-фронтовики, знавшие Николая Федоровича, встретили эту весть с большим удивлением и одобрением. Да, в нашей Советской стране никто не забыт, ничто не забыто! Высшей воинской наградой партия и правительство отметили ратный подвиг военачальника, отдавшего свою жизнь за свободу и счастье Отечества.

...В Киеве, над привольным Днепром, возвышается монумент генералу армии Н. Ф. Ватутину. Отсюда, с кургана, хорошо видны пути-дороги, по которым талантливый военачальник вел советские войска в победное наступление.

Генерал-полковник К. КРАЙНЮКОВ

Главный маршал артиллерии

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

Николай Николаевич Воронов отдал полвека службе в Вооруженных Силах СССР (март 1918 — март 1968) и носил высшее воинское звание советского артиллериста — Главного маршала артиллерии, присвоенное ему первому в нашей армии в феврале 1944 года. Точно так же ему было первому присвоено только что введенное у нас в январе 1943 года звание маршала артиллерии. В годы Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов руководил советской артиллерией — главной огневой ударной силой Советской Армии. Его имя связано с выполнением ряда ответственных поручений Ставки Верховного Главнокомандования по координации действий нескольких фронтов в крупных операциях Советских Вооруженных Сил, в том числе в ликвидации окруженных немецко-фашистских войск под Сталинградом. Заслуги Н. Н. Воронова перед социалистической Родиной отмечены присвоением ему звания Героя Советского Союза, награждением его пятнадцатью орденами Советского Союза и девятью медалями, среди которых шесть орденов Ленина и орден Октябрьской Революции. Прах его в марте 1968 года был захоронен в кремлевской стене.

Мне пришлось много раз встречаться с Н. Н. Вороновым и ряд лет работать под его непосредственным руководством в качестве одного из ближайших помощников. Помимо служебных официальных отношений, мы много беседовали, обменивались мнениями по разным вопросам строительства нашей артиллерии как рода войск, определяли очередные проблемы ее развития и способы их решения. Беседы в свободное время захватывали большой круг разнообразных интересов Николая Николаевича от искусства и литературы до спорта, которым он увлекался, будучи страстным болельщиком футбола и шахмат и активным участником спортивной охоты и рыбной ловли.

Все это оправдало мое согласие выступить с кратким

рассказом об этом замечательном человеке и войне, используя для этого документы и личные впечатления. Ведь кому, как не нашей молодежи — продолжательнице великих дел своих отцов и дедов, — знать и учиться на богатейшем опыте тех, кто составляет славу и гордость народа.

Отец Н. Н. Воронова — Николай Терентьевич, сын повара, получил в Петрограде достаточное образование для службы в качестве конторщика. Однако его, казалось бы, благополучное существование было разрушено. Его тянуло к образованным рабочим, социал-демократам, он сочувствовал им и был на том замечен политической полицией. Царское правительство после революции 1905 года сурово расправлялось не только с участниками выступлений против правительства, но и с сочувствующими им. Как «неблагонадежный», Николай Терентьевич стал безработным. Три года он не мог найти себе работу. Замученная беспросветной нуждой, мать Н. Н. Воронова покончила с собой. Когда, наконец, Николай Терентьевич нашел работу и смог взять к себе сына с дочерью от приютившей их подруги жены, Коля Воронов начал готовиться к поступлению в гимназию. Шел 1908 год. В гимназию его, как сына «неблагонадежного», не приняли. Только на следующий год он смог начать учиться в частном реальном училище. Такие училища, содержавшиеся общественными организациями либо частными лицами, имелись в ряде крупных городов. В них обучались дети, которым по тем или иным причинам был закрыт доступ в казенные средние учебные заведения.

Удары судьбы продолжали преследовать маленького Воронова — началась первая мировая война, с нею пришла дороговизна: отцу одному стало трудно содержать семью, и Николай ушел из училища по окончании 4-го класса, поступив работать к одному преуспевающему адвокату техническим секретарем. Отец же с семьей переехал в сельский район, где легче было пропитать семью. Но... в 1916 году его мобилизовали в армию, и молодому Воронову пришлось взять заботы о семье на себя. Тем не менее он все же не оставил вечерние общеобразовательные курсы и сдал экзамены экстерном за среднее учебное заведение в 1917 году.

После Февральской революции приехал в Петроград и отец, приехал как делегат полкового солдатского комите-

та. В октябре Николай Воронов остался без работы — свою контору адвокат был вынужден закрыть. После Октябрьской революции служащие банков объявили бойкот Советской власти, тогда большевики обратились с призывом к трудящимся помочь наладить банковское дело. Николай Воронов пошел работать в банк.

После Октябрьского переворота молодой Советской республике пришлось защищаться от внутренней контрреволюции и интервентов буквально с первого дня. Началось формирование Красной Армии. Прочитав обращение в газете, Воронов в марте 1918 года поступил на Петроградские артиллерийские курсы. С этого времени началась его новая жизнь — жизнь воина пролетарской революции.

В сентябре 1918 года, окончив курсы с новым званием — краском (красный командир), — он назначается командиром взвода в гаубичную батарею и убывает на фронт против войск Юденича. Еще на курсах он вступает в группу сочувствующих РКП(б). В числе рекомендовавших его был и член партийного бюро курсов М. В. Захаров, ныне Маршал Советского Союза.

Первым наставником в боевой обстановке стал командир батареи А. Г. Шабловский. Ему Н. Н. Воронов остался благодарен на всю жизнь и поддерживал связь с ним до своей кончины. В своих воспоминаниях полковник запаса А. Г. Шабловский рассказывает о том, что молодой краском Воронов пользовался у красноармейцев особым расположением за веселый нрав, он умел заставлять «забывать про опасности и поддерживал высокий боевой дух красноармейцев». Приводит он примеры героизма бойцов и командиров батареи, в частности припоминает такой факт: «...для выполнения частной огневой задачи пришлось выдвинуть вперед километра на полтора от позиции одну гаубицу с орудийным расчетом. Прибывший незадолго до этого Первый стрелковый полк рано утром внезапно, без предупреждения и без видимой причины, отошел к основной позиции батареи. Выдвинутая гаубица оказалась брошенной без запряжки. К счастью, подошла из резерва бронемашина, которая огнем рассеяла белых; увлеченные преследованием нашей пехоты севернее шоссе, белые не заметили хорошо замаскированную в кустах гаубицу южнее шоссе. Воспользовавшись благоприятно сложившейся обстановкой, упомянутый мною краском Н. Н. Воронов поскакал во главе запряжки к брошен-

ной пехотой гаубице и благополучно вывел ее к батарее».

Неоднократно командир взвода, а затем и командир батареи Николай Воронов в боях с войсками Юденича и в боях с белополяками показывал пример личной храбрости бойцам. Во время наступления на Варшаву батарея, которой он командовал, находилась все время в боевых порядках Восемьдесят третьего полка Десятой стрелковой дивизии. Она была вооружена к тому времени легкими 76-мм пушками взамен постепенно выбывших из строя 122-мм гаубиц. Командование легкой пушечной батареей, более подвижной, облегчало непрерывное сопровождение пехоты огнем и колесами.

Военное счастье изменило нашим войскам, и они были вынуждены отходить под ударами свежих оперативных резервов белопольских войск. Батарея Николая Воронова прикрывала отход пехоты. Полки и батальоны Двадцать восьмой стрелковой бригады Десятой стрелковой дивизии таяли в боях, не получая пополнений. К середине августа каждый из них насчитывал менее 200 человек. 17 августа бригада была окружена польскими войсками. Об этом дне бывший командир Десятой стрелковой дивизии Н. Какурин писал, что командир Восемьдесят третьего стрелкового полка решил в селе Юзефове, где белополяки окружили всю Двадцать восьмую стрелковую бригаду, нанести удары в северо- и юго-восточном направлениях и расчистить дорогу для следовавших за ним Восемьдесят второго и Восемьдесят четвертого стрелковых полков. «Развернувшись в эксцентричный боевой порядок, Восемьдесят третий стрелковый полк двинулся в атаку. Несмотря на свою малочисленность и сильный огонь противника, стрелки смело бросились вперед. После минутного успеха отхлынули назад в с. Юзефов, понеся большие потери убитыми и ранеными. Бой был настолько скоротечен, что батарея, стоявшая в узкой улице с. Юзефов, едва успела дать один-два выстрела картечью по перешедшим в атаку полякам и была захвачена противником, так как подать передки и повернуться в узкой улице, забитой бегущими людьми и обозами, она не могла и не успела. Здесь смертью храбрых пал командир первой батареи тов. Воронов, отстреливавшийся картечью и оставшийся один, чтобы испортить свои орудия».

Все было так, как писал Н. Какурин, кроме последней части. Испортив с одним из бойцов оставшиеся два ору-

дия, Н. Н. Воронов попал под разрыв снаряда, был контужен и потерял сознание. Очнувшись, он увидел, что противник уже прошел село, а около него с конем стоял красноармеец Волков из его батареи. Волков помог командиру подняться в седло, и они начали пробираться к своим. Однако ночью по ошибке попали в расположение белополяков. Николай Воронов из-за контузии ног не мог управлять конем и попал в плен. Дважды ему грозила ампутация ног. После заключения мира через 8 месяцев пребывания в плену был репатрирован, долго лечился в госпитале. Но все же вернулся в строй. Снова командовал батареями, сначала во Второй, а потом — в Двадцать седьмой Омской стрелковой дивизии. Здесь и состоялась моя первая встреча с Н. Н. Вороновым.

Весной 1923 года я в составе группы сотрудников политического отдела дивизии проверял постановку партийно-политической работы в артиллерии дивизии.

Артиллерия дивизии после очередной реорганизации в январе 1923 года была в это время малочисленной — всего два дивизиона (гаубичный, пушечный), школа младшего состава и артиллерийский парк. Поэтому мы быстро познакомились с командирами дивизионов и батареями. Командир гаубичной батареи Н. Н. Воронов сразу обратил на себя наше внимание своим внешним видом — очень высокий и очень худой. Как выяснилось несколько позже, это был общительный, располагающий к себе каким-то особым радушием и постоянной шуткой человек. Мягкий глубокий тенор, слегка заикающаяся речь. Говорил он медленно, тщательно следил за формулировками. Физически подготовлен был хорошо, любил конный спорт и начинавший прививаться в армии футбол, теннис, увлекался фотографией.

Спустя много лет Николай Николаевич на мой вопрос, где он учился играть в футбол, рассказал, что в детстве его отец снимал квартиру на окраине Петербурга, в Удельном. Это был в то же время и дачный район. Летом там обычно тренировалась команда из иностранцев — кажется, из англичан, живших в Петербурге. Все свободное время маленький Воронов как завороченный мог часами смотреть на тренировки. Наконец на него обратил внимание тренер команды и стал обучать ударам по мячу.

До участия в этой футбольной команде он не дорос, но многому научился и сохранил привязанность и лю-

бовь к футболу до конца жизни. В 1937—1968 годах это был самый серьезный и преданный болельщик команды ЦСКА. В конце и после войны старший тренер команды Б. А. Аркадьев свободно заходил в кабинет Главного маршала артиллерии, и тот всегда находил время обсудить с ним ряд нужд команды, порядок их удовлетворения, а затем беседы переходили в критический разбор последней игры и к тактическому плану предстоящей. Однажды, в августе 1946 года, я возвращался с ним в его служебном самолете с учений в районе Ленинграда. Дорогой у нас была серьезная и интересная беседа о ряде очередных проблем развития артиллерийских наук; он весьма активно ее вел. В момент захода на посадку на Центральный аэродром в окно самолета был виден футбольный матч на стадионе «Динамо». Николай Николаевич вспомнил, что играет команда ЦСКА, и предложил прямо с аэродрома поехать на стадион. Мы оба были утомлены порядком и, естественно, торопились отдохнуть. Я сначала принял его предложение за шутку, на которые он был щедр. Однако когда мы сели в машины, он приказал шоферу своей машины ехать на стадион.

Даже при физических недомоганиях, особенно беспокоивших его в последнее десятилетие жизни, Николай Николаевич редко пропускал футбольные матчи любимой команды. Лишь одно еще увлечение, которое он пронес через всю жизнь, — охота — могло отвлечь его от присутствия на стадионе в день игры команды ЦСКА. С игроками этой команды он провел множество бесед, знал личные нужды каждого и как мог помогал команде.

А тогда, в двадцатые годы, в Дорогобуже, он сам учил бойцов батареи играть в футбол, и они с восхищением следили за ловкими приемами в обращении с мячом.

Но не только этим привлекал к себе внимание Николай Воронов. В его батарее соблюдался отменный внутренний порядок, а с точки зрения интересов нашей инспектирующей группы этот командир батареи выделялся активным участием в партийной и агитационно-пропагандистской работе и, в частности, по этой причине пользовался у товарищей и подчиненных высоким авторитетом.

Вторая встреча с Н. Н. Вороновым была продолжительнее. Артиллерия дивизии была переведена в Витебск, осенью 1924 года реорганизована в артиллерийский полк,

в нем я с начала 1924 года был старшим политраб-отником. При мне прибыл из Высшей артиллерийской школы Н. Н. Воронов и был сначала заместителем, а потом и командиром дивизиона. Здесь я имел возможность познакомиться с ним близко.

Обращали на этот раз внимание его увлечение военной литературой и содержательные выступления с докладами и сообщениями на собраниях военно-научного общества полка и Витебского гарнизона. В это время он поместил несколько статей в «Вестнике АКУКСа» (Артиллерийские курсы усовершенствования комсостава. — *Прим. авт.*). По-прежнему активно участвовал в партийно-политической работе, также пользовался авторитетом как отличный командир и хороший товарищ, всегда готовый помочь каждому, кто обращался к нему (по теории и практике артстрельбы, по тактике артиллерии и общевойскового боя). Был чутким к настроениям и нуждам подчиненных.

Весной 1925 года я убыл к новому месту службы и в следующий раз встретился с Вороновым неожиданно только через 12 лет. Как сложилась его жизнь за эти годы, я узнал позже из его рассказов.

В 1927 году он поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе, окончил ее в мае 1930 года. Три года командовал артиллерийским полком в Московской Пролетарской стрелковой дивизии и некоторое время был начальником артиллерии дивизии.

С учебы в академии фактически начался второй период жизни и службы в армии. В Московской Пролетарской дивизии он активно участвовал в опытных учениях и стрельбах, в войсковых испытаниях новых образцов артиллерийского оружия, а затем в работе уставной комиссии по разработке Боевого устава артиллерии (часть 2-я — боевое применение артиллерии дивизии и корпуса). Отсюда же он в составе нашей военной миссии ездил в Италию (август 1932 г.) на войсковые маневры.

В эти годы ему приходилось часто встречаться в служебной обстановке с руководящими работниками Народного комиссариата обороны. Они, конечно, заметили скромность, работоспособность и трудолюбие молодого командира полка. Должность командира полка в армии была тяжелой, но почетной службой. Развивая способности к высокой ответственности за порученное дело, она учила руководство боевой подготовкой, воспитанию кадров, пони-

манию всех тонкостей управления полком в бою. На этом посту окончательно отшлифовывался характер командира, укреплялась его воля. С выработанными в практике командования полком качествами командир, как правило, проходил потом все ступени служебной лестницы до ее вершин и обычно выгодно отличался от тех, кто не получил закалки в командовании полком.

Поэтому не случайным было его назначение весной 1934 года начальником и военкомом старейшей в Советской Армии Первой Ленинградской артиллерийской школы. Отсюда он еще раз ездил в Италию на маневры. Успешное командование школой было отмечено первой правительственной наградой — орденом Красной Звезды. Получил и звание высшего командного состава — комбриг (соответствует примерно современному воинскому званию генерал-майора. — *Прим. авт.*). Здесь завершился, по существу, второй период службы Воронова в Советской Армии. Он обладал знаниями и навыками руководства артиллерией в тактическом звене управления войсками (дивизия, корпус).

В конце 1936 года была удовлетворена его просьба о посылке волонтером в сражающуюся республиканскую Испанию. Там он получил новый боевой опыт и обильный материал для размышлений. Оттуда он был вызван ранее срока, на который был отпущен. По представлениям старших советников он был дважды награжден за время пребывания в Испании правительственными наградами — орденами Ленина и Красного Знамени.

Меня интересовало, как оценивалась очевидцами боевая деятельность Н. Н. Воронова в Испании. Знакомые мне офицеры охотно делились впечатлениями о старшем артиллерийском советнике. Они отмечали его удивительный такт в обращении к своим подчиненным и во взаимоотношениях с командирами испанских частей и соединений. В боевой обстановке он был всегда спокоен, сдержан, часто прибегал к шутке, скрывая за ней намеки на допущенные собеседниками оплошности, при этом в не обидной форме и с явным расположением к собеседнику. Он действительно передавал свои знания и опыт и делал это весьма тактично. Отмечали его настойчивое стремление убеждать на месте, как ведет бой артиллерия, насколько соответствуют донесения и доклады действительности. Он не изменял афоризму: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Надо сказать, что мы в своей практике узнаем много афоризмов, справедливых и полезных, но часто забываем следовать им именно тогда, когда это необходимо. Николай Николаевич не заслуживал такого упрека, всегда поступая соответственно своему убеждению. Стремление к наибольшей достоверности знания обстановки было выработанным практикой стилем работы Н. Н. Воронова.

Далеко не всегда можно самому видеть все, что делается на поле боя. Чем выше звено управления войсками, тем меньше у его командира возможностей к этому. В лучшем случае и не всегда он успевает лично ознакомиться с ходом событий на главном направлении или на наиболее ответственном участке боя, сражения. Приходится пользоваться донесениями и докладами, хотя нередко они не дают достоверного отображения действительности. Один военный деятель прошлого как-то сказал, что «на войне большая часть донесений ложна, а остальная их часть недостоверна». Он рекомендовал между тем уметь, особенно штабным офицерам и генералам, из этой массы недостоверных сведений составлять наиболее близкое к действительности представление об обстановке. Этот совет, как ни кажется он парадоксальным, применим для людей, прошедших через хорошую школу полевой службы и участия в сражениях. Для его применения надо по-настоящему хорошо знать действующих на поле боя командиров, донесениями которых приходится пользоваться. Хорошо, конечно, иметь подручных офицеров, освобожденных от ответственности за ход и исход боя, и использовать их в помощь себе для контроля. Но и эти последние должны быть так воспитаны, чтобы их доклад пользовался доверием.

Видимо, этим объясняется то, что во время Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов расставался очень неохотно с теми, кто ему помогал в работе и к кому он питал доверие.

Мне пришлось слышать от него первые выводы из размышлений над опытом войны в Испании, в части боевого применения артиллерии в современной войне. Случилось это в первые же дни его возвращения из Испании.

Июньским днем 1937 года в вагон дачного поезда Ленинград — Луга, в котором все места были отведены для двух сборов командиров-артиллеристов: заместителей начальников артиллерийских училищ по учебной части и

слушателей — артиллеристов выпускного курса Академии имени М. В. Фрунзе, вошел комкор-артиллерист. Тогда такое высокое звание среди командного состава артиллерии не носил никто, оно соответствовало примерно современному воинскому званию генерал-полковника. Стало ясно, что перед нами новый начальник артиллерии Красной Армии. Это был Н. Н. Воронов, которому звание комкора было присвоено во внеочередном порядке после возвращения из Испании, незадолго до описываемых событий. Он ехал в Лугу за семьей. Подсев к комдиву В. Д. Грендалю, возглавлявшему группу офицеров академии, Н. Н. Воронов завязал беседу. Постепенно в нее включились многие ехавшие в вагоне. Беседа приняла своеобразный характер «пресс-конференции». Н. Н. Воронову задавали много вопросов о событиях в Испании, и он с завидной добросовестностью не только отвечал, но и стремился убедить нас в правоте своих выводов об использовании артиллерии, стремился, чтобы мы поняли вытекающие из них задачи для нас, артиллеристов. Все четыре часа пути прошли в оживленной беседе, от ответов на вопросы постепенно перешли к обмену мнениями. Это тоже надо было уметь сделать с первой встречи — надо обладать особым обаянием, тогда с высоким начальником начинают беседовать смело.

Мне из этой беседы запомнилась глубокая убежденность Н. Н. Воронова в том, что роль артиллерии в современной войне не падает, а возрастает. Он это доказывал примерами из опыта войны в Испании. Говорил о том, что рост танковой техники и авиации не снижает потребности в артиллерии, а увеличивает ее. Указывал на благоприятные условия для роста массового артиллерийского производства в связи с успехами индустриализации страны в 1929—1937 годах. Известно, что во время войны никто еще не жаловался на излишек вооружения и каждый стремился ускорить и процесс перевооружения армии новыми образцами и ускорить процесс смены одних образцов новыми, еще более совершенными по своим боевым качествам.

Тогда этот вопрос не был праздным. Нас, артиллерийских командиров, любивших свой род войск, волновали проникавшие из-за рубежа идеи о неизбежной потере роли артиллерии в современной (для тридцатых годов) войне. Такие взгляды проникали по тем или иным причинам и в нашу военно-теоретическую печать и даже

в официальные руководства, отражавшие тенденцию развития военной доктрины.

В таком серьезном труде, как «Характер операций современной армии» В. К. Триандафиллова (3-е изд., 1936, стр. 115), говорилось, что два батальона танков могут заменить один артиллерийский полк резерва Верховного Главнокомандования. Писалось это в 1929 году, когда мы располагали крайне маломощной артиллерией. Эту замену автор рассматривал, видимо, как выход из положения. Однако и к моменту упомянутой беседы такой взгляд еще имел отражение в официальных руководствах, в том числе и в уже прошедшем все стадии разработки проекте Боевого устава артиллерии (часть 2-я, 1937).

В середине тридцатых годов на учениях бывало и так, что в расчете потребных огневых средств на решение боевой задачи применяли замену артиллерии авиацией; «эквивалентом» считали один артиллерийский дивизион за одну эскадрилью легких бомбардировщиков.

Все это мы, артиллеристы, внутренне не разделяли, интуитивно понимая неправомерность самой постановки вопроса о подобной «замене» артиллерии танками или самолетами. Но не было среди нас «эрудированных и смелых» людей, способных противопоставить такой точке зрения другую. Конечно, высказывания Н. Н. Воронова тогда, в вагоне, нас обрадовали — в его лице мы увидели человека, глубоко понимающего роль артиллерии и любящего свой род войск по-настоящему. Его точка зрения пробивала себе путь в жизни. Несколько позднее об огромной роли артиллерии в современной войне сказал И. В. Сталин. Он высказал пожелание иметь ее первоклассной. Затем уже появились и серьезные обоснования необходимости всемерного развития артиллерии, именно в связи с бурным развитием танкового и авиационного вооружения, в работах, возглавившихся такими авторитетными теоретиками боевого применения артиллерии, как В. Д. Грендаль и А. К. Сивков.

Запомнились из той же беседы высказывания Н. Н. Воронова о растущем значении массированного огня артиллерии. Он пришел к этому выводу и иллюстрировал нам его скромным опытом массированного применения артиллерии в Испании. Как наиболее подходящий пример он привел случай сосредоточения на одной высоте, занятой мятежниками в районе Мадрида, огня 22 артиллерийских батарей. Воронов понимал, конечно, что

в условиях отсутствия крупных масс артиллерии этот опыт неполноценен, но сумел увидеть и в нем прообраз ближайшего будущего. Тогда он еще не мог предвидеть того могучего расцвета советской артиллерии, которого она достигла в годы Великой Отечественной войны. Но он уже понимал тенденцию ее развития, ее закономерности и правильно понимал свою собственную роль как начальника артиллерии Красной Армии, считал своей главной задачей расчистку путей для быстрейшего роста и развития артиллерии.

Из понимания значения массированного огня артиллерии вытекало признание большой роли маневра в создании крупных артиллерийских группировок, а следовательно, и зависимость их от наличия резервных средств. Из этого же вытекало и большое значение централизованного управления этими группировками в интересах боевого взаимодействия с танковыми и стрелковыми соединениями. Не без удовольствия вспоминал Николай Николаевич в беседе с нами о прекрасных дорогах Испании, позволявших даже в условиях гористого характера местности быстро и легко совершать оперативные переброски батарей легких пушек за грузовыми автомашинами, использовавшимися в качестве тягачей. В этом он угадывал рост значения оперативного маневра артиллерией в ближайшем будущем.

Позднее, во время Великой Отечественной войны, я убеждался неоднократно в том, что Н. Н. Воронов сумел рассмотреть в ограниченном масштабах опыте войны в Испании многое из того, что пришлось решать в масштабе крупной войны.

Запомнилось также настойчивое его предупреждение об опасностях нарушения взаимодействия артиллерийского огня с ударом пехоты. Он рассказывал о случаях запоздания подъема пехоты в атаку по окончании артиллерийской подготовки. В результате такие атаки срывались оживающими огневыми средствами обороняющегося противника. Он предупреждал, что артиллерийская подготовка атаки, построенная на подавлении системы огня противника (в первую мировую войну артиллерийская подготовка атаки вплоть до 1918 года строилась на уничтожении и полном разрушении обороны противника), не обеспечивает молчания вражеских огневых средств, они оживают через некоторое время после подавления. К этому надо быть готовым. Мы тогда по наивности полагали,

что так было «там», а у нас этого быть не может. Через четыре года мы убедились, что так нередко бывает и у нас: грубейшие нарушения во взаимодействии артиллерии с пехотой и танками встречались часто, особенно в первый период Отечественной войны.

Я подробно рассказываю об этой беседе потому, что она оставила у всех нас глубокое впечатление; со многим, от чего он нас предупреждал тогда, пришлось встретиться в боевой обстановке. Наконец, рассказываю и потому, что, работая с ним потом бок о бок, я убедился, как последовательно он проводил в жизнь идеи, которые считал полезными для дела.

Итак, для Николая Николаевича Воронова начался новый период службы в Советской Армии — он поднялся в те круги военного командования, которые непосредственно возглавляли Вооруженные Силы и имели прямой контакт с руководством страны в целом.

Вначале казалось, что решать очередные проблемы вооружения, войсковой организации, роста и развития артиллерии, выработать способы ее боевого применения в новых условиях будет легко. Исходя из этого, Воронов разработал целую программу мероприятий и изложил их в подробной докладной записке, представленной в ноябре 1937 года наркому обороны. Оказалось, однако, что легко решать вопросы, только традиционно подведомственные начальнику артиллерии, — вопросы боевой подготовки и разработку теории и практики боевого применения артиллерии. Что касается программы вооружения, то тут дело обстояло гораздо сложнее. Нарком лишь включил Воронова в комиссию, разрабатывавшую систему артиллерийского вооружения (системой называлась программа вооружения, с указанием, какие орудия, для каких войск, в каком звене управления содержать и в каком количестве. — *Прим. авт.*)

В докладной записке была развернута широкая программа оснащения артиллерии разведывательной техникой, без которой эффект ее боевого применения, в первую очередь тяжелой и дальнобойной, резко ограничивался, а в ряде случаев само ее применение становилось бесцельным. В программе ставился вопрос о создании артиллерийского самолета-корректировщика, позволяющего разведывать артиллерийские батареи противника, не наблюдаемые с высотных наблюдательных пунктов и укры-

тые в глубине боевого порядка противника, определять их точное местоположение (координаты) и корректировать артиллерийский огонь по ненаблюдаемым целям.

Ставил Воронов вопрос и о разработке новой звукометрической станции для обнаружения, определения места и корректирования стрельбы по звучащей цели (артиллерийская батарея). Правда, в 1936 году уже была принята на вооружение звукометрическая станция, намного совершеннее предыдущих, но и она еще не решала многие задачи с необходимой точностью. Николай Николаевич писал: «Звукометрия в будущей войне будет играть большую роль». Этот прогноз оправдался: артиллерийские штабы подсчитали, что за 1942—1945 годы в 46 операциях Советской Армии с помощью звукометрических батарей были разведаны 33 721 артиллерийская батарея (т. е. 83,5 процента от числа всех разведанных батарей артиллерийской инструментальной разведкой) и 3435 минометных (63,5 процента).

Ряд предложений Воронова имел целью развитие средств оптической, топографической и метеорологической разведки, обеспечение разведывательных органов автотранспортом и средствами тяги. Точно так же он предусмотрел и дальнейшее усовершенствование и создание новых образцов тяжелой и большой мощности артиллерии, несмотря на то, что с 1937 года уже начали поступать новые и модернизированные артиллерийские системы. В его докладной записке ставился вопрос об усовершенствовании зенитной артиллерии и приборов управления ее огнем, о развитии самоходной артиллерии, расширении образцов минометного вооружения, средств механической тяги, радиосвязи и т. д. Целые разделы записки посвящались очередным проблемам боевой подготовки личного состава артиллерии и организационно-штатной структуре артиллерийских частей.

В таком обширном докладе не все было, разумеется, равномерно по глубине мысли, убедительности и яркости обоснования. Многие вошло из того, что «переболело» в самом Воронове, что сложилось в результате длительного и мучительного осмысливания опыта. Вошло в доклад и кое-что из высказываний новых сотрудников — с ними Воронов много беседовал в процессе ознакомления с состоянием дела в том обширном «хозяйстве», во главе которого он встал. Не все проблемы он сумел критически изучить в истории вопроса с вооружением

армии теми или иными видами артиллерийского вооружения типами орудий и их образцами. Его собственный опыт в боевом применении был ограничен 76-мм пушкой, 122-мм и 152-мм гаубицами, близко наблюдал в действии 122-мм пушку, 152-мм гаубицу-пушку, с остальными системами он был знаком, но еще не проникал непосредственно в специфику их боевого применения.

Своей докладной запиской Н. Н. Воронов вторгался в функции ряда главных управлений, по неопытности обойдя сложный, трудный и не всегда приятный путь предварительных согласований. Поэтому его предложения и встретили возражений больше, чем могло бы быть в других условиях.

Сначала Н. Н. Воронову казалось, что достаточно обратиться с обоснованным заявлением о содействии, и оно получит поддержку. На практике, однако, это бывало далеко не так. Например, как мы уже сказали, в ноябре 1937 года Н. Н. Воронов поставил вопрос о создании специального артиллерийского самолета-корректировщика. В связи с этим он писал наркому обороны: «Все попытки приспособлять существующие самолеты для этой цели следует считать задачей невозможной». Затем представляет согласованный с начальником Военно-Воздушных Сил проект тактико-технических требований к специальному самолету. Но и спустя три с половиной года, в марте 1941-го, ему опять пришлось писать о том же самом начальнику Главного артиллерийского управления: «...У нас артиллерия продолжает оставаться слепой, три года с половиной идет какая-то непонятная волокита с артиллерийским самолетом... Дальше терпеть уже невозможно». И снова излагаются практические предложения. Но они опять-таки не встретили поддержки. Так и вошли мы в войну со снятыми с вооружения ВВС самолетами Р-5, переданными в отряды артиллерийских самолетов-корректировщиков. Непригодность же их для этой цели была известна еще в середине тридцатых годов.

Это лишь один из многих примеров того, что недостаточно иметь свое мнение, хотя бы и обоснованное, для решения нужного дела. Постепенно Н. Н. Воронов учится искусству убеждать необходимых для этого людей, завоевывая среди них себе «единомышленников», так как совместные выступления по какому-либо вопросу находили к реализации предложения более короткий путь.

В общем путь начальника артиллерии к совершенство-

ванию артиллерии не был «усыпан розами», на нем было больше «терний». Видимо, он и сам понимал, что ему надо многое уяснить и узнать глубже, чем он себе представлял до сих пор. Этим может быть объяснено и то, что он активно участвует в испытаниях образцов орудий, средств тяги и т. д., непосредственно часами, до физического переутомления, проводит время на тягаче и совершает сам испытательные пробеги, участвует в испытаниях боеприпасов и т. д. Казалось, мог бы ограничиться получением отчетных материалов по испытаниям и их изучением. Он же стремился все увидеть сам. Во время испытаний десятки и сотни раз беседовал с инженерами, конструкторами, мастерами, офицерами, младшими командирами, рядовыми красноармейцами. Всех он умел «расшевелить» и заставить искренне высказать свои впечатления и мнения об испытывавшихся образцах вооружения.

По мере совершенствования своих знаний Воронов уже не ограничивается только вопросами боевого применения испытываемых и создаваемых образцов, он вникает в дела конструкторских бюро и артиллерийских заводов. Узнавая от них много полезного, он, в свою очередь, обогащал их своим боевым опытом и помогал лучше осмысливать тактико-технические требования к артиллерийскому вооружению.

В связи с этим народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов все чаще стал поручать ему участие в различных комиссиях по разрешению споров, возникших между заказчиком и поставщиком, так как он уже убедился в беспристрастности Воронова и смелости его суждений.

Бывший директор одного из артиллерийских заводов, а затем начальник Главного управления артиллерийской промышленности в Наркомате вооружения и член коллегии этого наркомата Н. Э. Носовский в своих воспоминаниях отмечает решительность Н. Н. Воронова в принятии на себя ответственности за рекомендации правительству. В ряде случаев он принимал сторону работников артиллерийской промышленности, предварительно на месте глубоко изучив причины тех или иных расхождений.

С разрешения Н. Э. Носовского я позволю себе привести отрывок из его воспоминаний. Однажды, пишет он, срывалась программа производства 45-мм противотанковых пушек из-за несущественного дефекта. С таким де-

фектом Главное артиллерийское управление раньше принимало пушки, их живучесть и надежность проверялись опытными стрельбами. И после, во время войны, когда из таких пушек стреляли много, рекламаций на них не поступало. Тогда же, в 1939 году, стояла угроза срыва программы их производства, так как военный представитель прекратил их прием, а Главное артиллерийское управление его поддержало. Н. Н. Воронов был на заводе, на месте разбирался в сути спора и встал на сторону завода, а не своего ведомства. Комитет обороны разрешил прием таких пушек.

И еще один момент из воспоминаний Н. Э. Носовского о Н. Н. Воронове, думается, стоит здесь привести.

На заводе, где изготавливали новую 122-мм гаубицу конструкции Ф. Ф. Петрова, по технологическим соображениям вводились изменения в уже утвержденные чертежи. Представители ГАУ не давали согласия на эти изменения. Разрешить возникший спор было поручено Н. Н. Воронову и Н. Э. Носовскому непосредственно на заводах. Тщательно изучив суть дела и обоснования тех или иных изменений, Н. Н. Воронов, которому принадлежало решающее слово, встал на сторону производственников. «Можно сказать, — вспоминает Носовский, — что благодаря Н. Н. Воронову решилось важное дело, которое стоило в двух крупнейших заводах в течение нескольких месяцев. Хорошо и по-деловому решались вопросы вместе с Н. Н. Вороновым, который подходил всегда внимательно, разумно. Он был человеком большой культуры, простым, умевшим относиться с уважением и доверием к производственникам артиллерии... Руководители артиллерийских заводов со своей стороны любили и уважали Н. Н. Воронова, который всегда был отзывчив к делам артиллерийских заводов».

Из этого отзыва нельзя делать вывод о том, что Н. Н. Воронов легко соглашался с инженерами-производственниками и конструкторами. Известен, например, такой случай. Еще в 1936 году была постановлением Комитета обороны принята на вооружение 76-мм дивизионная пушка Ф-22. Н. Н. Воронов провел дополнительные ее испытания в зимних условиях, выявились многие конструктивные недостатки, и он опротестовал постановление. На такой шаг мог пойти человек, обладающий мужеством, смелостью и волей. Ведь он довел дело до обсуждения в верховных органах власти. Для него это вы-

ступление против ГАУ и Наркомата вооружений, а по существу, и против Комитета обороны могло иметь далеко идущие последствия.

Во время дискуссии он оказался один против всех, и, если бы его не поддержал И. В. Сталин, пришлось бы ему туго. Как мне рассказал сам Н. Н. Воронов, И. В. Сталин сказал примерно следующее: «Производство пушек не производство мыла! Нужно прислушиваться к критике, нужно устранить у пушки все обнаруженные недостатки, чтобы она стала боеспособной...» Была создана новая правительственная комиссия с участием Н. Н. Воронова. Провели параллельные испытания еще четырех образцов пушек, и тогда было принято решение о доработке образца. В нем удалось устранить прежние конструктивные недостатки, но пришлось отказаться от идеи универсальной пушки (стреляющей по наземным и по воздушным целям), и новая пушка пошла в массовое производство с 1940 года.

Несмотря на то, что далеко не все удалось сделать из намеченного, сделано было многое. До начала Великой Отечественной войны (за 1938—1941 годы) было принято на вооружение новых образцов орудий почти втрое больше, чем за всю вторую пятилетку. Николай Николаевич Воронов внес немалую свою лепту в это огромной важности дело. Он стал известен и уважаем в научно-технических артиллерийских кругах.

Помимо перечисленных дел, у него были главные функции — боевая подготовка кадров артиллерии и артиллерийских частей к войне. Тут он оказался в необычных условиях: предшествующая его деятельность в качестве командира полка и начальника училища концентрировалась на весьма ограниченном пространстве — казарма, военный городок, летний лагерь на артиллерийском полигоне. Теперь же подведомственные ему части располагались на территории от Баренцева до Черного моря и от Западного Буга до Тихого океана. Надо было узнавать кадры в военных округах, армиях и т. д. и строить всю работу в соответствии с реальными представлениями о командных кадрах. Наконец, надо было взять дело подготовки кадров в свои руки.

Он дает заключение проекту Боевого устава артиллерии (часть 2-я, 1937), одобрив его и тем самым покончив с имевшимся еще к этому проекту недоверием из-за того, что руководитель проекта был репрессирован.

Этот устав сослужил хорошую службу в подготовке артиллерии к войне. В 1940 году Н. Н. Воронов добивается введения у себя учета командных кадров и согласования с ним всех назначений и перемещений. Добивается переподчинения ему артиллерийских военно-учебных заведений. До этого они находились в ведении Главного управления вузов. И тогда еще в училищах был введен десятичасовой учебный день. Сверх него часовая ежедневная стрелково-артиллерийская тренировка и тренировка в стрельбе из ручного оружия. Времени на самоподготовку, внешкольную политпросветработу и отдых не оставалось. Протесты не только не помогали, но и были небезопасны для служебного положения протестующего.

Получив артиллерийские училища в свое подчинение, Н. Н. Воронов собирает совещание начальников и, несмотря на неплохой личный опыт, внимательно выслушивает наши предложения, разрешает широкое обсуждение положения в училищах, отвечает на вопросы, по некоторым обещает дать ответы позднее. По ряду вопросов сразу же обещает помочь и сдерживает свои обещания. Совещание продолжалось три дня. Николай Николаевич использовал перерывы для бесед с начальниками училищ, стал даже питаться в столовой вместе с нами, пользуясь всякой возможностью лучше познакомиться с теми, кому доверено ответственное дело обучения и воспитания командиров-артиллеристов.

Авторитет его в наших глазах рос в эти дни буквально по часам. Приятно было сознавать, что у руля стоит не только знающий и опытный артиллерист, но весьма разумный человек, умеющий выслушать, дать толковое разъяснение, незаносчивый, с ним можно было вести беседу. Одним только поведением на этом сборе Николай Николаевич добился такого уважения к себе, какого не достигнуть посылкой директив и в несколько лет. Через нас, начальников училищ, через наши рассказы о новом начальнике артиллерии поднимался его авторитет, он распространялся на офицеров училищ, наши уважительные о нем отзывы проникали в толщу курсантов, завтрашних командиров, а с ними и во все артиллерийские части.

За время нахождения Н. Н. Воронова у руководства советской артиллерией нашей армии еще до Великой Отечественной войны пришлось трижды вести боевые действия, масштаб которых последовательно возрастал от участия двух усиленных стрелковых дивизий до нескольких

общевойсковых армий. Это боевые события в районе озера Хасан в 1938 году, на реке Халхин-Гол в 1939 году и в 1939—1940 годах советско-финляндская война.

Боевые действия у озера Хасан были в общем-то скотечны. Н. Н. Воронов прибыл к месту с опозданием (было приказано ехать из Москвы поездом). С разрешения наркома обороны он использовал свой приезд на Дальний Восток для ознакомления с артиллерийскими частями, проверки их боевой готовности. Ему стало понятно, что во многих частях допускается упрощенность в создаваемой обстановке на учениях и стрельбах, в ряде гарнизонов, особенно отдаленных, практикуется ведение занятий «условно» вместо того, чтобы готовить части и командиров к ведению боевых действий в полевых и сложных условиях. После его доклада народному комиссару обороны во всех артиллерийских частях стали искоренять выявленные недостатки.

Летом 1939 года Воронов вылетает в район боевых событий на Халхин-Голе. Он проводит здесь идею централизованного управления группой артиллерии командованием армией, а затем, в последнем решительном наступлении на противника, — планирования боевых действий артиллерии всей группы войск. Вплотную занимался здесь Н. Н. Воронов решением ряда боевых задач. За эту операцию он был награжден орденом Красного Знамени.

Осенью 1939 года Н. Н. Воронов участвует в освободительном походе с войсками Белорусского военного округа в Западную Белоруссию. Теперь он получает реальное представление об организации и проведении марша многих артиллерийских частей в сложнейших условиях большого некомплекта средств механической тяги и использования в целом малопригодных тракторов из сельского хозяйства в качестве тягачей тяжелых орудий.

Попытался он успеть посмотреть ход событий в походе войск Киевского военного округа в Западную Украину. Получил разрешение, но не доехал, попал в автомобильную катастрофу, в результате — сотрясение мозга и надлом четырех ребер. Можно сказать, как он писал сам в своих воспоминаниях, жизнь ему спас подарок Долорес Ибаррури, полученный от нее в Испании, — металлический карандаш. Массивный карандаш преградил путь к сердцу куску металла, ударившему в грудь. Он не

написал в воспоминаниях, что от сильного удара у него произошли многочисленные травмы в желудочно-кишечном тракте. Травмы излечили, но образовалось множество спаек, и поэтому периодические боли причиняли тяжелые мучения во всю последующую жизнь, хотя сильный организм и перенес остальные травмы почти бесследно.

После лечения он имел короткий отдых, отданный охоте, а затем был направлен в Ленинградский военный округ, где назревали события, приведшие потом к войне. Там он и пробыл от начала и до конца ее, находясь главным образом на важнейшем направлении — Карельском перешейке — в Седьмой армии.

Артиллерия сыграла решающую роль в прорыве линии Маннергейма. А ее начальник заслуженно удостоился новой правительственной награды — ордена Ленина. На месяц раньше Н. Н. Воронову было присвоено звание командарма 2-го ранга. Это звание общевойсковое, и тогда носили его всего два артиллериста — Н. Н. Воронов и В. Д. Грендаль, но последний командовал тогда Тринадцатой армией на том же Карельском перешейке и фактически являлся общевойсковым командиром. В июне 1940 года при введении генеральских званий Н. Н. Воронову было присвоено звание генерал-полковника артиллерии.

За несколько дней до Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов назначается начальником Главного управления ПВО. А через месяц, 19 июля 1941 года, в связи с восстановлением упраздненной за год до этого должности начальника артиллерии Красной Армии он вновь назначается на этот пост.

Начался новый период в его жизни, самый яркий и самый продуктивный. Николай Николаевич вступил в него 42-летним, относительно для занимаемого положения молодым человеком, однако вполне зрелым и готовым к полноценному выполнению своих ответственных, сложных и разнообразных обязанностей.

20 июля 1941 года генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов получил первое приказание Верховного главнокомандующего — выехать в качестве представителя Ставки в район Ельни, где шли ожесточенные бои. Там он пробыл до 5 августа, когда на этом направлении наступило затишье.

Вместе с начальником артиллерии Резервного фронта

Л. А. Говоровым они разработали в это трудное время подробную инструкцию по борьбе артиллерии с танками. Доложенная Л. А. Говоровым в Ставке инструкция получила одобрение и пошла в войска в качестве ее директивы. По возвращении с фронта Н. Н. Воронов представил Верховному Главнокомандующему подробный доклад об основных недостатках в подготовке наших войск, в ведении ими боев и в управлении ими. Это был мужественный и неллицеприятный доклад, беспощадно вскрывавший недостатки. Вместе с тем он был глубоко оптимистичен, проникнут глубокой уверенностью в преходящем характере недостатков и содержал практические рекомендации, направленные на скорейшее их устранение. Такой доклад являлся серьезным документом, ориентирующим Верховного Главнокомандующего в действительной обстановке на поле сражения под Ельней.

В Москве Воронову пришлось быть недолго; трижды в 1941 году его направляли в Ленинград: в конце августа в составе комиссии Государственного Комитета обороны, когда была произведена реорганизация управления войсками северо-западного направления; в середине сентября, теперь уже по просьбе Военного совета Ленинградского фронта, когда началась блокада города и надо было внимательно изучить новые условия в его обороне; наконец, с середины октября и по 5 декабря, когда в Ленинграде разрабатывался план прорыва блокады, однако для его выполнения не хватало ни сил, ни средств.

По возвращении Н. Н. Воронов в докладе Верховному Главнокомандующему обобщил свои донесения и устные доклады. Он подробно изложил положительные факты в действиях войск и недостатки в управлении ими, объективно охарактеризовал сильные и слабые стороны противника. Особо отметил Николай Николаевич героическое поведение населения своего родного Ленинграда: «Население голодает, город находится под бомбежкой авиации и постоянным обстрелом тяжелой артиллерии, в городе многие семьи имеют убитых и раненых на фронте, работают все без дней отдыха, выше всяких законных норм, основная масса населения города прекрасные советские люди, подлинны патриоты Родины. Они готовы переносить все, лишь бы разбить врага... Кадры славного города блестяще выдерживают боевой экзамен». Сказанное он иллюстрировал примерами.

Между тремя поездками в Ленинград Н. Н. Воронов

в Москве вел напряженную работу, занимаясь ускорением подготовки новых формирований и отправкой на фронт артиллерийских частей. Пожалуй, только его энергии и настойчивости мы обязаны тем, что летом и осенью 1941 года, в период отступления и больших потерь, не была брошена вся или большая часть артиллерии большой и особой мощности. Частей, имевших на вооружении орудия от 203-мм до 305-мм, было мало вообще, производства таких орудий не было совсем, и потеря их могла оказаться невосполнимой. На фронтах же летом и осенью 1941 года они, по существу, были не нужны, но зато могли потребоваться в случае прорыва сильно укрепленных позиций и укрепленных районов. Н. Н. Воронов глубоко был уверен в том, что перелом в ходе войны рано или поздно наступит, а в стратегическом тылу у врага окажется много укрепленных районов, прорыв которых потребует особо мощной артиллерии. Однако не так просто было вырвать эти части с фронтов, даже при согласии на то начальника Генерального штаба. Лишь распоряжение Верховного Главнокомандующего помогло постепенно вывести эти части в глубокий тыл. Оставлены были несколько полков и отдельных дивизионов только на Ленинградском и Западном фронтах, да Южный фронт вопреки полученному распоряжению все же оставил у себя два полка 203-мм гаубиц.

В декабре 1941 года Н. Н. Воронов поставил перед председателем Государственного Комитета обороны вопрос о создании специальных артиллерийских резервов, так как тогда формировались лишь стрелковые соединения и танковые. В связи с этим он писал: «В некоторых из них формируется положенная артиллерия. Для наступательных действий эта артиллерия будет слаба и крайне недостаточна. Верховному командованию Красной Армии необходимо иметь свой мощный резерв».

Надо сказать, что всю войну Н. Н. Воронов проявлял особую заботу об артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК). Много сделал Николай Николаевич для постепенного осознания руководителями директивных органов Наркомата обороны необходимости форсированного роста артиллерии РВГК как основного источника средств стратегического и оперативного маневра артиллерией. Поэтому и штабу легче было осуществлять в этом направлении организованные мероприятия. Надо отметить, что в росте и развитии артиллерии РВГК

Н. Н. Воронову оказывал неизменную поддержку Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, помнивший о наличии тех или иных артиллерийских соединений и непосредственно решавший вопросы о маневре ими в той или иной стратегической операции. Решение задачи облегчалось еще и потому, что в ходе войны сокращался объем формирований общевойсковых соединений и увеличивался приток артиллерийского вооружения из промышленности.

Мысль об организации крупных артиллерийских соединений Н. Н. Воронов вынашивал давно, когда, казалось, и думать об этом было еще преждевременно: в первое полугодие войны у нас наблюдался просто «голод» в артиллерии. Следовательно, реальных возможностей для организации нужных артиллерийских соединений не было. А Воронов в начале февраля 1942 года просил меня высказать свои соображения о разработанной им самим схеме организации артиллерийского корпуса.

Скрепя сердце он соглашался с нашими суждениями о том, что для реализации его идеи пока что нет у нас соответствующих условий, но все же как-то в Ставке высказал свою затаенную мечту. Надо сказать, она встретила сочувствие у Верховного Главнокомандующего.

Однако задуманное в полной мере начало осуществляться лишь через год — в мае — июне 1943 года, когда резко увеличилось производство артиллерийского вооружения. Тогда было сформировано сразу пять артиллерийских корпусов прорыва, каждый в составе двух артиллерийских дивизий прорыва и одной дивизии реактивных минометов. Этому мероприятию предшествовало формирование в ноябре—декабре 1942 года артиллерийских дивизий РВГК, вначале 8-полкового, потом 4-бригадного состава.

Хорошо помню, что Николай Николаевич сначала увлекся идеей самостоятельного применения артиллерийского корпуса прорыва в полосе сражения ударной армии. Затем под давлением критических замечаний своих помощников согласился с двумя вариантами использования такого корпуса в полосе армии (второй — через артиллерийские группы, в уже понятном и практикой проверенном способе управления). В практике операций 1943—1944 годов получил всеобщее признание именно второй способ.

Н. Н. Воронов еще в 1942 году под Сталинградом,

где он был представителем Ставки ВГК по общевойсковым вопросам, обратился к Верховному Главнокомандующему за разрешением создать на Юго-Восточном (Сталинградском) фронте тяжелую артиллерийскую группу и «обязать командование Юго-Восточного фронта держать эту группу артиллерии на левом берегу Волги». На докладной записке с этим предложением, датированной 26 сентября 1942 года, имеется резолюция И. В. Сталина: «Т-цу Жукову. Предлагаемые т-цем Вороновым мероприятия нужно провести в ускоренном порядке».

Последующие события привели к необходимости преобразовать фронтовую группу в войсковую организацию в форме артиллерийской дивизии. 3 ноября 1942 года Н. Н. Воронов вносит предложение Верховному Главнокомандующему сформировать тяжелую артиллерийскую дивизию в составе пяти полков и отдельного дивизиона пушек особой мощности. Названная дивизия, по номеру Девятнадцатая, сыграла большую роль в обороне войск под Сталинградом и в операции по ликвидации окруженной группировки.

Большое внимание уделял Н. Н. Воронов проблеме защиты войск от ударов воздушного противника. В 1941 году сухопутные войска остались практически без зенитной артиллерии. Зенитных артиллерийских частей в составе артиллерии РВГК не было, а истребительная авиация не справлялась даже с задачей защиты своих бомбардировщиков. Пользуясь безнаказанностью, фашистские самолеты спокойно и методически пикировали на наши войска, срывая их маневр и движение. Мы на фронте не раз возмущались собственным бессилием в борьбе с авиацией противника, но сделать ничего не могли.

Как мне известно, первым, еще в 1941 году, поднял вопрос перед Н. Н. Вороновым о необходимости передать в ведение начальника артиллерии Красной Армии зенитно-артиллерийское прикрытие войск полковник Г. С. Десницкий, поддержанный заместителем начальника штаба полковником И. С. Туловским. Н. Н. Воронов неоднократно поднимал вопрос перед Верховным Главнокомандующим о выделении части продукции зенитных пушек в его распоряжение для возрождения зенитной артиллерии РВГК в сухопутных войсках, поскольку войска ПВО страны загружены собственными задачами.

Все это происходило еще до моего прибытия на ра-

боту в штаб артиллерии Красной Армии. Поэтому для меня явилось совершенно неожиданным одно событие, имевшее значительные последствия. Около 5 часов утра 2 июня 1942 года ко мне в кабинет неожиданно вошли Н. Н. Воронов и член Военного совета артиллерии И. С. Прчко. Поздоровавшись, Николай Николаевич шутливо сказал: «...Ну, принимайте новое хозяйство!..» На мой недоуменный вопрос он ответил: «Вам по совместительству с основной работой надлежит взять руководство войсковой зенитной артиллерией. Только что в Кремле принято решение о передаче нам зенитно-артиллерийского прикрытие войск. При этом обеспечивается формирование первых артиллерийских полков ПВО войск в составе артиллерии РВГК».

Я попытался было отбиться от незнакомого мне дела шуткой. Однако дело это было весьма серьезное, и взявшись за него пришлось со всей энергией. Как показали последующие события, это мероприятие в войне себя оправдало полностью и сыграло огромную роль в защите войск от нападений врага с воздуха. Уже к концу первого периода войны (19 ноября 1942 года) мы имели более 250 зенитных полков РВГК, а к началу 1945 года — более 500.

Итак, к 1943 году в ведении командующего артиллерией Советской Армии находились почти все виды артиллерии, кроме реактивной и самоходной. С апреля 1943 года ему были подчинены и реактивные части (гвардейские минометы, или «катюши»). А вот самоходная артиллерия была передана в ведение командования бронетанковых войск. В ее лице бронетанковые войска получили необходимую им собственную войсковую артиллерию, хотя многие танковые командиры долго еще изживали пренебрежение к самоходным орудиям, нередко называя их «испорченным танком» (не вращается башня).

Что касается Н. Н. Воронова, то он до конца пребывания на должности командующего артиллерией искал путь внедрения в боевые порядки пехоты самоходных орудий, способных идти непосредственно с передовыми подразделениями пехоты и оказывать им немедленную помощь подавлением и уничтожением ближайших вражеских огневых точек. Уже в конце войны он, после ряда консультаций с конструкторами, выдвинул идею «самодвижущихся» пушек. Впоследствии она была осу-

ществлена постановкой на лафет миниатюрного двигателя, способного передвигать пушку на поле боя.

В ходе войны служебные функции Н. Н. Воронова постепенно рационализировались. Ему был подчинен отдел изобретений и рационализации министерства обороны. Таким образом, прежде чем инициативные предложения могли поступить на рассмотрение народного комиссара обороны и правительства, их внимательно рассматривал, а иногда и изучал Н. Н. Воронов. Он беседовал с авторами, проводил совещания со специалистами, участвовал в испытаниях моделей или готового изделия. К нему за поддержкой обращались и те, кто делал первые шаги в науке, и известные ученые. Помню профессора, позднее академика А. И. Берга, занимавшегося проблемами радиолокации, помню академика Б. Н. Юрьева, много сделавшего для развития вертолетов. Николай Николаевич поручил мне тогда провести широкое представительное совещание. На территории, примыкающей к ВДНХ, в его присутствии был проведен показательный полет вертолета конструктора Братухина. К сожалению, дело, одобренное моряками, поляриками, рыбаками, санитарами, связистами, артиллеристами и другими представителями военных и гражданских профессий, в 1944 году не было начато: для этого не было возможностей — шла война. Внедрение вертолетов началось уже после ее окончания.

Занимался Н. Н. Воронов и подбором для партизанских отрядов оружия, подходящего к условиям их боевой деятельности. Однажды зимой 1943/44 года он пригласил меня на испытание нового образца миномета. Н. Н. Воронов непосредственно был связан с начальником Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Не раз в кабинете Николая Николаевича я встречался с представителями командования партизанских отрядов.

Как видим, круг служебных обязанностей Н. Н. Воронова был широк, охватить все и квалифицированно руководить делом мог только человек его склада, знаний и опыта. Во второй половине войны, как известно, Верховный Главнокомандующий переподчинил ему войска ПВО страны, командование которыми до этого осуществлял он сам непосредственно. Так появился у Н. Н. Воронова еще один штаб — Главный штаб ПВО страны.

И все же всем этим не исчерпывается деятельность Н. Н. Воронова во время Великой Отечественной войны.

Верховный Главнокомандующий увидел, что доклады Н. Н. Воронова, посещавшего по его заданию различные участки советско-германского фронта, всегда правдивы, нелицеприятны и квалифицированы; его предложения не только по проблемам роста и развития артиллерии, но и по многим общим оперативным вопросам, как правило, были серьезно обоснованы и глубоко продуманы. Видимо, эти обстоятельства и побудили Верховного Главнокомандующего посылать Н. Н. Воронова в качестве представителя Ставки ВГК, поручая ему координацию действий фронтов, участвовавших в стратегических операциях, либо оказание помощи фронту. Объективный и внимательный взгляд Н. Н. Воронова обеспечивал Верховному Главнокомандующему и Ставке в целом материал для наиболее соответствующих обстановке крупных оперативных решений. В годы Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов был представителем Ставки ВГК на Ленинградском и Волховском, Юго-Западном и Донском, Воронежском и Брянском, Северо-Западном, Западном и Калининском, Третьем Украинском и Первом Белорусском фронтах. И везде его пребывание оставляло заметный след.

Исполняя поручения Ставки Верховного Главнокомандования, Н. Н. Воронов поднимается на более высокую ступень. Он уже командует не одним, хотя и могущественным по мощи огня, родом войск. Его деятельность в этом случае носит уже подлинно полководческий характер. За заслуги именно в этой области руководящей военной деятельности Николай Николаевич был награжден тремя полководческими орденами Суворова 1-й степени.

В течение тринадцати лет, которые включают в себя и всю Великую Отечественную войну, Н. Н. Воронов стоял во главе советской артиллерии. Он любил свой род войск и его развитию отдавал всю энергию, все накопленные знания и опыт. Понимая приближение к тому рубежу количественного накопления, за которым должен последовать новый качественный скачок в развитии артиллерии, Воронов продумывал наиболее целесообразные формы организации и способы ее боевого применения. Еще на совещании высшего военного командного состава зимой 1940 года он выдвинул требование создавать плотности артиллерии в наступлении вдвое более высокие, чем рекомендовалось Боевым уставом.

Заслуга Воронова в данном случае заключалась в том, что его предложение было реальным. Ориентируясь на него, можно было продумать и всю систему взаимосвязанных мероприятий по вооружению артиллерии, ее войсковой организации, способы боевого применения крупных масс артиллерии и управления ими.

Предшественники Н. Н. Воронова понимали, например, целесообразность роста и развития артиллерии, но мыслили они при этом категориями тактического масштаба. Н. Н. Воронов видел иное, он уже предвидел наступление периода, когда артиллерия станет одним из важнейших факторов оперативного маневра, успеха сражений армий и фронтов. Уже в середине тридцатых годов Николай Николаевич осознал, что танки, авиация и артиллерия в современной войне не конкуренты, что они вместе составляют органическое единство силы, решающей успех сражений и войны в целом. Отсюда вытекало, что рост одних неизбежно должен вызывать повышенные требования к росту других. Он еще не знал конкретного критерия гармоничного развития решающих видов оружия, но уже понимал, что нарушение закономерностей связи их развития на войне обойдется весьма дорого.

До конца тридцатых годов артиллерию РВГК понимали в основном как средство качественного усиления войсковой артиллерии при прорывах обороны противника на направлениях главного удара в той или иной операции. Поэтому в составе артиллерии РВГК содержали тяжелую и дальнобойную артиллерию от 152-мм калибра и выше. В 1940 году в состав артиллерии РВГК вводятся формируемые десять противотанковых артиллерийских бригад, в каждую из них включаются в качестве противотанковых 76-, 85- (зенитные) и 107-мм пушки и два зенитных дивизиона 37-мм пушек. Это первый опыт организации крупного соединения (два полка и два отдельных дивизиона в 120 противотанковых пушек) для между- и внутрифронтного маневра. Это первое и разумное отступление от установившегося взгляда на артиллерию РВГК.

Николай Николаевич хорошо понимал важность развития артиллерийских наук и в 1946 году стал инициатором создания Академии артиллерийских наук, встретив в этом предложении активную поддержку И. В. Сталина, понявшего важность такого мероприятия.

Помню, как мне было поручено зимой 1950 года рекомендовать кандидатуру Н. Н. Воронова на пост пре-

зидента Академии артиллерийских наук. Некоторые ответственные товарищи довольно сильно волновались за исход тайного голосования и возлагали какие-то особые надежды на то, как и в какой форме я буду вносить это предложение. Однако суть дела заключалась, конечно, не в этом. Н. Н. Воронов всегда пользовался в массе артиллеристов глубоким авторитетом и уважением. Вот почему, хотя в моем выступлении не было «красот» риторики, хотя предлагаемый мною кандидат не оброс учеными дипломами, президентом он был избран тайным голосованием единогласно. Ученые-артиллеристы знали действительную цену познаниям Н. Н. Воронова в артиллерийских науках и, принимая его в свои ряды, охотно избрали его своим руководителем, хотя и не имел никаких претензий к академику А. А. Благонравову, бывшему в то время президентом Академии артиллерийских наук и пользовавшемуся серьезным научным авторитетом.

С 1953 года Н. Н. Воронов ушел с головой в работу по руководству названной академией. За шесть с половиной лет ее существования здесь было проведено немало глубоких исследований, в том числе по стрельбе баллистическими ракетами, по разработке ряда научных путей в развитии ракет, современных приборов по управлению огнем и т. д. Среди академиков и членов-корреспондентов академии плодотворно трудилось немало крупных советских ученых.

Начиная с 1953 года и по 1958 год Н. Н. Воронов стоял во главе руководства Военной артиллерийской командной академией в Ленинграде. И здесь большая заслуга принадлежит ему в становлении этого молодого учебного заведения. Помещения нуждались в капитальном ремонте, не было лабораторной базы, недоставало ряда аудиторий.

Многое сделал для этой академии Н. Н. Воронов, но его здоровье стало заметно сдавать, и незадолго до своего 60-летия он попросил перевода в состав Генеральной инспектуры министерства обороны. Его просьба была удовлетворена, и он состоял в ней до конца жизни, ведя большую научную работу. Известна и его широкая общественная деятельность по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

По долгу службы мне приходилось во время Великой Отечественной войны бывать на многих фронтах, на некоторых по несколько раз. Пришлось встречаться с мно-

Маршал Советского Союза

ЛЕОНИД ГОВОРОВ

жеством людей, от рядовых до генералов, и беседовать с ними и не по служебным делам. Поразительно, что все они с конца 1942 года знали Н. Н. Воронова. И не только потому, что И. В. Сталин адресовал на имя его и К. К. Рокоссовского известную поздравительную телеграмму в связи с ликвидацией немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Многие встречались с Вороновым на фронте, еще больше слышали о нем по рассказам других. Но во всех отзывах звучало глубокое уважение к нему — и не просто как к командующему таким могучим родом войск, каким была артиллерия (замечу, кстати, в скобках, что фронтовики действия ее ценили особенно высоко), — Николая Николаевича уважали прежде всего как человека чуткого и отзывчивого; как мудрого военачальника, умеющего ценить мнение каждого, а также и щадить чувства человеческого и воинского достоинства тех, кому приходилось указывать на ошибки; как коммуниста — твердого и непреклонного в тех случаях, когда требовалось отстаивать свои убеждения и принципы, настойчивого и самоотверженного, когда дело шло о выполнении принятого решения, о достижении намеченной цели.

Десяткам миллионов советских людей на фронте и в тылу стал известен Николай Николаевич Воронов в годы минувшей войны. Свое уважительное, я бы сказал, любовное отношение к нему они передавали в изустных рассказах. Его делами и его судьбой не уставали интересоваться и тогда, когда он, отягощенный физическими недугами, отошел от активной деятельности.

Н. Н. Воронов оставил глубокий след в истории советской артиллерии и в истории Великой Отечественной войны, и имени его благодарное потомство не забудет.

**Генерал-полковник артиллерии
в отставке Ф. САМСОНОВ**

Биография Леонида Александровича Говорова похожа на биографии многих его сверстников, посвятивших свою жизнь службе в Советских Вооруженных Силах, хотя имеет она, как и у всякого человека, свои особенности, свои крутые повороты.

Родился Л. А. Говоров 22 февраля 1897 года в деревне Бутырки Бятской губернии — в краю, который даже в отсталой прежде России выделялся своей нищетой и считался одним из глухих медвежьих углов. Отец его, как и множество других бедняков, надолго покидал родные края в поисках заработка. В молодости довелось ему бурлачить, потом он плавал матросом, а в зрелые годы, поскольку все же сумел осилить грамоту, устроился писмоводителем реального училища в городе Елабуге. Там прошло детство Леонида Говорова и трех его братьев.

Отец Говоровых прилагал все силы, чтобы сыновья учились. В 1916 году Леонид окончил реальное училище. Поступил даже в Политехнический институт в столице. Но в декабре того же года его призвали в царскую армию и направили в Константиновское артиллерийское училище. Здесь, в Петрограде, на глазах юнкера Говорова развернулись события Февральской буржуазно-демократической революции в России. Октябрь 1917 года застал его уже в Сибпри. В чине подпоручика он служил в Томске в мортирной батарее.

Недолгой была эта служба. Пролетарская революция ставила одной из главнейших и первоочередных задач слом всей прежней государственной машины, служившей орудием порабощения и угнетения трудящихся. Декретом Советского правительства, подписанным В. И. Лениным, упразднялась и старая армия как один из основных рычагов прежней власти эксплуататоров. В марте 1918 года подпоручик Л. А. Говоров был демо-

биллизован. Он вернулся в родную Елабугу и поступил работать в кооперацию, помогая своим родителям.

А в стране уже полыхало пламя гражданской войны. В октябре 1918 года Елабугу захватили белогвардейцы. Так называемое Учредительное собрание, которым прикрывались контрреволюционеры, кричало о создании «народной армии». А где брать солдат для нее? Для этого насильно мобилизовали местное население. Офицеры, конечно, подлежали мобилизации в первую очередь. Так бывший подпоручик-артиллерист вновь возвратился к военной службе. Сначала его послали младшим офицером в батарею, находившуюся на формировании. Но потом... Потом вместе с этой батареей Говорова включили в Восьмую дивизию Второго Уфимского корпуса и заставили участвовать в походе Колчака против Советской власти. Так обозначился в его биографии крутой поворот, который наложил отпечаток на его дальнейшую жизнь на очень долгое время.

Это был переломный момент в жизни двадцатидвух-летнего юноши, который до сих пор, вообще-то говоря, вплотную не соприкасался с бурными политическими событиями того времени. Определить правильный путь в подобных условиях было дано далеко не всем, тем более если человек помимо своей воли и желания уже оказался по ту сторону баррикад. Однако Говоров сумел сделать окончательный выбор без колебаний. «Поняв всю ложность «демократических» лозунгов Учредительного собрания... — писал он в автобиографии об этом периоде своей жизни, — а по перевороте Колчака воочию убедившись, куда ведет реакция, стал искать возможности к изменению положения».

Уйти из колчаковской армии было не так-то просто. Тем не менее в октябре 1919 года Говоров бежал вместе с частью солдат своей батареи. Скрываясь, добрался до Томска. А в декабре уже участвовал в восстании против белых, находясь в составе рабочей боевой дружины.

Вскоре в Томск вошли войска Красной Армии, и Леонид Говоров добровольно и навсегда вступил в ее ряды.

Военная судьба на целое десятилетие соединила Говорова с дивизией, которая в дальнейшем была известна под славным именем Перекопской — имя, которого она удостоилась за боевые отличия в борьбе против Вранге-

ля на Южном фронте. В ней он начал свою службу, сформировав по приказу штаба армии артиллерийский дивизион и став его командиром.

Дважды в 1920 году — под Каховкой и при штурме Перекопа — был ранен. Орденом Красного Знамени отметили рабоче-крестьянское правительство мужество и героизм молодого красного командира, проявленные в боях за Советскую власть.

В отличие от многих своих товарищей, участников гражданской войны, Леонид Александрович долгое время оставался беспартийным, хотя по делам своим давно уже был вместе с партией. Будучи по характеру человеком щепетильным и требовательным в первую очередь к самому себе, он, вероятно, считал, что высокое звание коммуниста ему надо еще заслужить. Хотя по службе у него все шло хорошо, участие в 1919 году в Челябинской и Уфимской операциях на стороне белых все же не было обычным эпизодом, который мог быть легко забыт. Если добавить к этому индивидуальные особенности характера, тогда, пожалуй, можно будет понять причины той замкнутости и суровости, о которой упоминают все, кто близко соприкасался с Говоровым в жизни и работе. Но так он выглядел только внешне. Думается, очень верно это подметил генерал армии С. М. Штеменко, следующими словами обрисовавший в своих мемуарах Л. А. Говорова: «Малоразговорчивый, суховатый, даже несколько угрюмый с виду, Говоров производил при первой встрече впечатление, не очень выгодное для себя. Но все, что служил под началом Леонида Александровича, прекрасно знали, что под этой внешней суровостью скрывалась широкая и добрая русская душа».

В Перекопской стрелковой дивизии Л. А. Говоров вырос от командира артиллерийского дивизиона до начальника артиллерии, пять лет командовал артиллерийским полком, входившим в ее состав. Он зарекомендовал себя прекрасным специалистом, волевым, энергичным командиром, честным и скромным товарищем. Именно за это уважали его сослуживцы, старшие начальники, подчиненные и все, с кем приходилось сталкиваться по роду работы. Трудящиеся Одессы, затем Чернигова, где дислоцировалась дивизия, оказывали Леониду Александровичу доверие, посылая его своим депутатом в городские Советы. Избирали его и членом исполнительного комитета Одессы.

Документы, хранящиеся в личном деле Л. А. Говорова, скупо и точно характеризуют его деловые и политические качества. Вот отдельные выдержки из них.

1925 год. «По должности помощника командира легкого артиллерийского полка Пятьдесят первой стрелковой дивизии по строевой части» в служебной аттестации сказано следующее: «Показал себя во всех отношениях весьма способным командиром. Обладает сильной волей, энергией, инициативой. Техническая подготовка как артиллериста безукоризненна. Дисциплинирован и умеет поддерживать дисциплину у себя в полку. Общеобразовательная подготовка отличная».

1925—1926 годы. «По должности командира артиллерийского полка»: «К проходимому теоретическому курсу относится с полным вниманием, усваивает его хорошо. В тактическом отношении является отлично подготовленным и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений без боязни ответственности. Политработу может вести самостоятельно... Характер ровный, спокойный, серьезный. Наиболее склонен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником».

1931—1932 годы. «По должности начальника артиллерии укрепленного района»: «...показал практические и теоретические знания артиллерии и общей тактики отличные. Отлично знает огневое дело и методы точной стрельбы... Требователен к подчиненным, но вместе с тем чуток и внимателен. Хороший организатор. Беспартийный, но политически развит хорошо, активен в марксистско-ленинской самоподготовке. В общественной работе был образцом».

1934—1935 годы. «По должности начальника артиллерии Пятнадцатого стрелкового корпуса»: «Много работает над повышением боевой подготовки артиллерийских частей корпуса, что дало возможность иметь артиллерию корпуса подготовленной хорошо... грамотный артиллерист, хорошо знает все рода войск... быстро ориентируется, быстро принимает решения... Подлежит выдвижению на должность начальника артиллерии округа».

Комментировать эти строки официальных служебных аттестаций вряд ли есть необходимость, Остается только

подчеркнуть, что все эти годы напряженной строевой службы Леонид Александрович сочетал с настойчивой учебной. За его плечами остались годы учебы на курсах усовершенствования командного состава, на академических курсах, на оперативном факультете Академии имени М. В. Фрунзе. В 1933 году он заочно окончил полный курс этой академии, кроме того, изучил немецкий язык и сдал экзамен на военного переводчика.

Само перечисление всех этих биографических данных позволяет нам, с одной стороны, представить себе его необычайную работоспособность, целеустремленность и одаренность; а с другой — мы видим, как заботливо растили и воспитывали способного командира Советская власть, Коммунистическая партия, народ. Говоров быстро формировался в крупного специалиста военного дела, сочетающего в себе практический опыт службы в войсках с теоретическими познаниями ученого.

В 1936 году комбриг Л. А. Говоров стал слушателем Академии Генерального штаба. К сожалению, ему не удалось полностью закончить курс обучения. За полгода до выпуска, в 1938 году, Говорова назначили преподавателем тактики в Артиллерийскую академию имени Дзержинского.

Теперь он учил других, но и в этот период продолжал настойчиво повышать уровень личных знаний, работая над диссертацией. В 1939 году вышел в свет его первый научный труд, посвященный теме атаки и прорыва укрепленного района.

Уже вскоре после начала преподавательской деятельности Говоров временно был назначен начальником кафедры тактики и, как отмечало командование академии, «прекрасно с этим делом справлялся». В 1940 году как ценный специалист, исследовавший проблему преодоления войсками укрепленных районов и имевший глубокие знания по тактике артиллерии, Леонид Александрович принял активное участие в советско-финской войне. На фронте он провел большую работу по подготовке частей и организации прорыва укрепленного района войсками Седьмой армии, за что был награжден правительством орденом Красной Звезды и вне очереди удостоился присвоения воинского звания комдива.

В том же году при переаттестовании ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии и поручена

должность генерал-инспектора артиллерии Главного артиллерийского управления Красной Армии.

В мае 1941 года генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров был выдвинут на пост начальника Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. Спустя неполных три недели после этого началась Великая Отечественная война.

Ровно через месяц после того, как немецко-фашистские захватчики вторглись в пределы родной советской земли, Леонид Александрович Говоров был назначен начальником артиллерии западного стратегического направления. Меньше чем через месяц должность начальника артиллерии он выполнял уже в Резервном фронте. Именно там, под Смоленском, где наши войска в тяжелой летней кампании 1941 года впервые основательно потрепали ударные группировки врага, в результате чего гитлеровское командование отдало приказ группе армий «Центр» перейти к обороне.

В октябре 1941 года, когда враг начал осуществлять свой первый удар на Москву, имевший целью овладение советской столицей, события разворачивались настолько стремительно, что даже обычно весьма пунктуальные работники кадров не успевали следить за перемещениями и назначениями должностных лиц. Это заметно и по служебной анкете Л. А. Говорова, хранящейся в его личном деле. Там сказано, что с августа и по ноябрь 1941 года генерал Говоров был начальником артиллерии Резервного фронта.

Однако к ноябрю 1941 года уже не существовало и самого Резервного фронта, о котором сказано выше.

Вспомним, хотя бы очень кратко, как развивались события той поры. В начале октября 1941 года над столицей нашей Родины и всей страной нависла серьезная угроза. Силами Третьей и Четвертой танковых групп и полевых армий при мощной поддержке авиации враг прорвал линию фронта. Его танковые и моторизованные дивизии устремились на Гжатск, Можайск, Москву. Значительная часть наших войск из состава Западного и Резервного фронтов оказалась в окружении в районе Вязьмы. Продолжая героически сражаться, они приковали к себе большие силы противника, выигрывая тем самым драго-

ценное время для подготовки нового рубежа обороны на подступах к Москве. Этим рубежом должна была стать строившаяся в то время Можайская линия обороны. К моменту прорыва фронта наших войск на ней почти не было. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования туда в самом срочном порядке выдвигались из Москвы, Тулы, Серпухова и других городов курсантские подразделения из военных училищ, отдельные танковые и артиллерийские части, а также находившиеся на подходе к Москве стрелковые дивизии. Эти войска вскоре и вошли в состав сформированной по распоряжению Ставки Пятой армии. Тогда же был упразднен и Резервный фронт, а войска его передавались реорганизованному Западному фронту. Ясно, что в служебной анкете Л. А. Говорова имеется явный пробел — ведь не мог же он в такое горячее время оставаться в несуществующем фронте. Причем речь идет не о среднем или старшем командире, а о начальнике высшего звена.

Придя к такому выводу, я попытался стереть это «белое пятно» в боевой биографии советского полководца, чью жизнь и деятельность начал изучать, будучи сотрудником «Военно-исторического журнала». Пришлось снова обратиться к архивным документам осени 1941 года.

Теперь, когда требовалось получить ответ только на данный конкретный вопрос, удалось сравнительно быстро найти нужные документы. Их полезно сейчас воспроизвести для того, чтобы у будущих исследователей не осталось неясностей.

Первый из них с пометкой «Командующему войсками МВО (Московского военного округа. — *Прим. авт.*). Копия: командующим войсками Западного и Резервного фронтов. Генерал-майору Говорову. Начальнику Управления кадров Генерального штаба Красной Армии. 9 октября 1941 года. 01 час 00 мин.» гласит:

«Ставка Верховного Главнокомандования назначает:

- 1) Командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева П. А. — командующим войсками Можайской линии обороны с оставлением в должности командующего войсками МВО.
- 2) Генерал-майора Говорова Л. А. — заместителем командующего войсками Можайской линии обороны.
- 3) Начальником штаба Можайской линии обороны — генерал-майора Кудряшева А. И.

4) Все войска Можайской линии обороны через командующего тов. Артемьева подчинить непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Сталин, Шапошников».

Через сутки последовала новая директива Ставки, согласно которой командование Можайской оборонительной линии переименовывалось в управление Московского Резервного фронта. Этой же директивой предписывалось образовать к 11 октября в Московском Резервном фронте Пятую армию, командующим которой назначался командир Первого гвардейского корпуса генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

12 октября вечером был подписан и направлен в войска еще один интересующий нас документ. В нем говорится:

«Для лучшего объединения действий на западном направлении Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 23 час. 50 мин. 12 октября 1941 года слить Западный фронт с Московским Резервным фронтом.

2. Все войсковые части и учреждения Московского Резервного фронта подчинить командующему фронтом.

3. Генерал-лейтенанта Артемьева назначить заместителем командующего Западным фронтом.

Генерал-майора Говорова назначить начальником артиллерии Западного фронта.

Генерал-майора Камера назначить заместителем начальника артиллерии Западного фронта.

4. Штаб Западного фронта 13 октября 1941 года разместить в районе станции Голицыно.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин, Б. Шапошников».

Итак, даже по этим отдельным документам мы видим, с одной стороны, как в напряженнейшей обстановке грозных октябрьских дней 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования, принимая экстренные меры для воссоздания Западного фронта, настойчиво ищет целесообразную организационную форму управления войсками, которые спешно занимают Можайскую линию обороны, чтобы преградить врагу путь на Москву. С другой сторо-

ны, становится все на свои места и в послужном списке Л. А. Говорова. Правда, Леонид Александрович и на этот раз практически не успел вступить в должность начальника артиллерии Западного фронта.

В связи с ранением командующего Пятой армией генерала Д. Д. Лелюшенко Военный совет Западного фронта ходатайствовал перед Верховным Главнокомандующим о назначении на этот пост генерала Л. А. Говорова. Именѐ в связи с руководством Пятой армией его имя навсегда вошло в боевую летопись битвы за Москву.

Но тут неизбежно возникает новый вопрос. Чем же было обусловлено выдвижение на должность командующего общевойсковой армией, действующей на столь ответственном направлении, генерала, воинская специальность которого артиллерист?

Ответить на него наиболее точно мог бы тот, по чьей инициативе это назначение тогда состоялось, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который в начале второй декады октября 1941 года решением Государственного Комитета обороны был поставлен во главе войск Западного фронта. Используя предоставившуюся возможность, я обратился к Г. К. Жукову с этим вопросом в дни, когда вся Советская страна готовилась торжественно отметить 20-летие нашей великой победы в битве под Москвой. Георгий Константинович ответил исчерпывающе:

«Говоря кратко, мы исходили из двух важнейших обстоятельств. Во-первых, в период боев под Ельней генерал Говоров, будучи начальником артиллерии Резервного фронта (генерал армии Г. К. Жуков в это время был командующим войсками Резервного фронта. — *Прим. авт.*), зарекомендовал себя не только как прекрасно знающий свое дело специалист, но и как волевой, энергичный командир, глубоко разбирающийся в оперативных вопросах; во-вторых, в нашей обороне под Москвой основная тяжесть борьбы с многочисленными танками противника ложилась прежде всего на артиллерию, и следовательно, специальные знания и опыт Говорова приобрели особую ценность. Последующие события показали, что сделанный выбор был весьма удачен».

События той грозной поры действительно были самой суровой проверкой всех человеческих черт нового командующего армией, его жизненного опыта, организаторских качеств, воли и разносторонних специальных военных знаний.

16 октября 1941 года на командном пункте в Можайске генерал Говоров подписал свой первый боевой приказ вверенным войскам в качестве командарма-5. Суть его сводилась к тому, чтобы не дать врагу прорваться на восток вдоль Можайского шоссе. Основные боевые события в полосе обороны армии вот уже несколько дней происходили на знаменитом Бородинском поле. С самого рассвета 16 октября группы немецких танков начали продвигаться к переднему краю обороны частей Тридцать второй стрелковой дивизии, которой командовал полковник В. И. Полосухин.

Именно в полосе обороны этой дивизии, 12 октября прибывшей из Сибири в район Можайска, оказалось Бородинское поле. В тех же местах Подмосковья, где почти за 130 лет до этого произошло Бородинское сражение, в котором русский солдат стяжал себе славу непобедимого, вновь шел смертный бой с врагом.

Оборонительные сооружения Отечественной войны 1812 года, Шевардинский редут, Багратионовы флеши, гранитные памятники на этом поле вечной славы русского оружия — все здесь напоминало о бессмертном подвиге во имя Родины. Казалось, встали здесь советские солдаты — сибиряки и дальневосточники, москвичи-добровольцы, тавкисы трех очень немногочисленных танковых бригад, курсанты Московского военно-политического училища имени В. И. Ленина — перед лицом истории, и это она сама велела им: не посрамите славы ваших предков, умножьте ратную доблесть их новыми подвигами. стойте насмерть, защищая столицу.

И они стояли. Начиная от рядовых бойцов, командиров и политработников и кончая командующим армией, каждый отдавал все силы, не падал и самой жизни, чтобы задержать продвижение врага, сорвать его замысел. Гитлеровцы раз за разом повторяли атаки, не считаясь с потерями. Невосполнимые утраты несли и наши войска. Именно 16 октября, когда атакующие подразделения противника прорвались к армейскому наблюдательному пункту, был ранен находившийся там генерал Д. Д. Лелюшенко, которого сменил на посту командарма Л. А. Говоров. Тогда же погиб смертью героя замечательный боевой командир Двадцатой танковой бригады полковник Т. С. Орленко.

Несмотря на настойчивые попытки, противник 16 октября не смог выйти в район Можайска. Однако, трезво

оценивая обстановку, Л. А. Говоров понимал, что общая обстановка остается тяжелой. Наших сил на Можайском направлении было очень мало. Дивизию полковника Полосухина надлежало усилить. Но чем? В распоряжении командарма фактически не было резервов: две артиллерийские батареи и рота танков Т-26 — это же ничтожно мало для того, чтобы парировать все более усиливающуюся угрозу прорыва.

На следующий день вражеские войска повели новые ожесточенные атаки по всему фронту. Положение на участке Тридцать второй стрелковой дивизии стало критическим. Противник стремился расчленить ее оборону и уничтожить войска по частям. Один из батальонов совместно с курсантами Московского военно-политического училища еще удерживал Юдинки и Фомино, но был отрезан от остальных сил дивизии и дрался в окружении. Фашистские танки и мотопехота прорвались в Псареву, а отдельные группы танков и пехоты вышли в Кукаринский лес, к командному пункту дивизии. Ее командир полковник Полосухин даже и не просил у командарма подкреплений, зная, что резервов у него нет. Однако генерал Говоров, понимая, что бой на Бородинском поле вступил в критическую фазу, сам прислал в распоряжение Полосухина стрелковый батальон и дивизион «катыш», фактически оголив для этого другой участок. Этими силами брешь в нашей обороне была прикрыта. Встрегив возросшее сопротивление, гитлеровцы к вечеру прекратили атаки.

Так был выигран еще один день. В общей сложности противник потерял в боях под Бородином, на Можайском направлении, целых пять дней, прежде чем смог ценой больших потерь овладеть Можайском. В распоряжение командарма-5 была передана еще одна дивизия. Первоначально Говорову была поставлена задача — силами этой дивизии совместно с танковой бригадой контратаковать противника в районе Можайска и снова овладеть городом. Однако в переговорах по прямому проводу с начальником оперативного управления Западного фронта Г. К. Маландиным 19 октября генерал Говоров сумел показать нецелесообразность и нереальность борьбы за возвращение Можайска столь слабыми силами. Он считал необходимым, сберегая свои войска и не допуская окружения, отойти на новый оборонительный рубеж, чтобы там организованно встретить врага, принудив его снова

готовить, а затем вести дорогостоящие атаки. Командование фронта согласилось с его решением.

В чрезвычайно сложной обстановке того времени Леонид Александрович проявил себя решительным, твердым и инициативным руководителем, сумел обеспечить четкое управление войсками. Своевременно используя имевшиеся в его распоряжении немногочисленные технические резервы, выдвигая на танкоопасные направления артиллерийские средства и умело организуя их действия, командарм ни на одном из участков своей армии не позволил врагу прорвать оборону.

В ходе октябрьских оборонительных боев, получив директиву Военного совета Западного фронта о необходимости создания маневренных отрядов для ведения борьбы с танками противника, Говоров сразу же понял значение этого мероприятия для повышения устойчивости нашей обороны. Противнику удавалось преодолевать ее, используя свое многократное превосходство в танках. Наилучшая мера для борьбы с ними — укрепить все танкоопасные направления. Но для этого не имеется соответствующих сил и средств. А раз так, значит нужно создать из того, что есть, маневренные подвижные отряды, которые можно было бы быстро перебрасывать на угрожаемые участки.

Профессиональный артиллерист Говоров сумел наиболее четко и энергично провести в жизнь правильную идею. Он подписал приказ, которым предписывалось организовать в каждом стрелковом полку «отдельные противотанковые исключительно маневренные отряды в составе командира и 15 бойцов, из них один расчет противотанковых ружей и отделение саперов». В каждой дивизии — соответственно по два таких отряда, в составе которых иметь взвод саперов с противотанковыми минами и подвижный минометный отряд на автомашинах. «Специально выделить командиров для руководства этими отрядами», — говорилось в приказе. Наконец, при штабе армии создавались три подвижных отряда дивизионного типа. Непосредственное руководство ими командарм возлагал на начальника артиллерии армии, снова и снова подчеркивая тем самым роль, которую он придавал этим отрядам. Командующий армией последовательно и неуклонно требовал исполнения своего приказа. На их эффективность и вообще на умелую организацию действий артиллерии в полосе Пятой армии по докладу командо-

вания фронтом обратил внимание и Верховный Главнокомандующий. В результате И. В. Сталин приказал однажды Г. К. Жукову отправиться в армию К. К. Рокоссовского, в которой сложилась наиболее тяжелая ситуация, и взять с собой именно Л. А. Говорова как знатока артиллериста для оказания помощи и передачи опыта. Но это произошло уже позже, в ходе отражения ноябрьского наступления немецко-фашистских войск на Москву.

А пока, к концу октября 1941 года, войска армии, которой командовал Л. А. Говоров, занимали оборону на расстоянии примерно до 80 километров от столицы, прикрывая направление вдоль Можайского шоссе и Минской автострады. Заслуги генерала Л. А. Говорова в отражении октябрьского наступления немецко-фашистских войск на Москву были отмечены высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Командующий армией, используя наступившую двухнедельную паузу в первой половине ноября, позаботился о создании глубокой и прочной обороны. По его решению войска армии заняли оперативное построение в два эшелона. Несмотря на то, что в полосе армии плотность орудий и минометов составляла менее чем 7 стволов на километр фронта, из армейских средств было создано до 18 противотанковых опорных пунктов. Распоряжением фронтового командования создавались также противотанковые районы в таких пунктах, как Звенигород, Кубинка, Акулово и др. Командующий и штаб, партийно-политический аппарат армии приняли все меры к тому, чтобы наилучшим образом подготовить войска к отражению ноябрьского «генерального» наступления гитлеровских войск на советскую столицу.

Как известно, в ноябре немецко-фашистское командование сосредоточило для удара по советской столице свои мощные танковые и моторизованные группировки северо-западнее и юго-западнее Москвы. Поэтому против армий центра Западного фронта особой активности гитлеровцы не проявляли. Хотя и здесь они сохраняли инициативу за собой. К концу ноября в полосе обороны Пятой армии врагу удалось приблизиться к Звенигороду.

А 1 декабря он перешел в наступление на нарочинском направлении, целью которого являлся прорыв обороны и разгром войск Тридцать третьей армии, выход подвижных войск на автостраду Минск — Москва,

в тыл Пятой армии, и развитие удара на Москву вдоль автострады. Таким путем вражеское командование намеревалось не только оказать помощь продвижению своих фланговых группировок, но и рассчитывало внезапным ударом расчленив весь центральный участок Западного фронта, расстроить его оперативное построение, разгромить наши войска и захватить Москву. Для гитлеровцев, конечно, не являлось секретом, что на избранном ими для наступления участке советские войска ослаблены, так как тяжелые оборонительные бои на истринском и волоколамском направлениях вынуждали командование фронта перебрасывать туда силы с неатакованных участков центральных армий.

По случайному совпадению противник предпринял эту последнюю свою попытку прорваться к Москве, теперь уже на центральном участке Западного фронта, именно в тот момент, когда и командующий его войсками генерал армии Г. К. Жуков и командарм-5 генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров по приказанию И. В. Сталина вынуждены были покинуть свои командные пункты для поездки в Шестнадцатую армию генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Выше уже говорилось о роли, которая была определена Говорову в этой поездке. Сам он воспринял поручение без восторга: не в его характере было выступать в роли ментора, поучающего коллег, да еще в такое неподходящее для разъездов время.

Вот почему, как вспоминает Г. К. Жуков, Леонид Александрович, несмотря на всю свою щепетильность в отношении распоряжений вышестоящих начальников, в данном случае пытался оспаривать это распоряжение: «Он вполне резонно пытался доказать, что не видит необходимости в такой поездке: в Шестнадцатой армии есть свой начальник артиллерии генерал-майор артиллерии В. И. Казаков, да и сам командующий знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию. Чтобы не вести дальнейших прений по этому вопросу, мне пришлось разъяснить генералу, что таков приказ И. В. Сталина».

Конечно, если бы Сталин знал, что немецко-фашистское командование нанесет 1 декабря свой удар в центре фронта, он и сам бы, вероятно, не настаивал на этой поездке. Но так или иначе, наступление врага на наро-фоминском направлении произошло в отсутствие Жукова и Говорова, что, несомненно, еще более усугубило невоз-

ность в наших штабах. Оба генерала, узнав о происшедших во время их отсутствия событиях, спешно возвратились к пунктам управления подчиненными войсками.

Обстановка, о которой доложили Говорову по его прибытии на командный пункт, выглядела сложной.

В первые же часы наступления немецко-фашистское командование бросило в бой до ста танков. Вражеская пехота расширила прорыв, в который устремились танки и моторизованные подразделения и части. За шесть часов боя противник углубился в нашу оборону на 10 километров и подошел к Акулово. Создалась опасность его прорыва на автостраду Минск — Москва. По мере продвижения немецких танков с юга на север вдоль шоссе Наро-Фоминск — Кубинка все более нарастала угроза выхода немецко-фашистских войск в тыл левому флангу, а затем и всей Пятой армии.

Чрезвычайная напряженность обстановки в этот день подчеркивалась тем обстоятельством, что в отражении танковой атаки у деревни Акулово вынуждены были принимать участие даже работники штаба армии. Сюда же срочно был переброшен один стрелковый полк из Тридцать второй стрелковой дивизии полковника Полоухина и его артиллерийско-противотанковый резерв. Дальше рубежа Акулово вражеские танки не прошли в тот день. Потеряв в бою до батальона пехоты и два десятка танков, они повернули на Головеньки и далее в направлении Петровское, чтобы выйти на автомагистраль Минск — Москва обходным путем.

Во второй половине следующего дня гитлеровцы вновь атаковали части Пятой армии в районе Акулово. Но снова и с большими потерями были отбиты (достаточно сказать, что за два дня боя части Тридцать второй стрелковой дивизии сожгли и подбили 23 и захватили 11 танков, уничтожили до полка пехоты и сбили 5 вражеских самолетов). Командарм Л. А. Говоров, прибыв в район Акулово, теперь уже лично руководил действиями подчиненных войск.

Бои с 1 по 3 декабря 1941 года в этом районе носили исключительно ожесточенный характер. Враг хорошо понимал, что если не удастся и эта попытка прорваться к Москве, то сил для дальнейшего наступления уже не будет. Нерадостная перспектива встретить суровую русскую зиму у стен советской столицы подстегивала немецких солдат и офицеров. Отдельные населенные пункты

по несколько раз переходили из рук в руки. На атаку гитлеровцев советские войска отвечали встречной атакой, наносили быстрые и решительные удары по флангу и тылу. Бои продолжались днем и ночью.

Основной удар противник наносил в полосе Тридцать третьей армии генерала М. Г. Ефремова. Гитлеровцам удалось здесь прорваться к Апрелевке... Сражение продолжалось вплоть до 4 декабря. К исходу этого дня войска генерала Ефремова, наносившие контрудар, вышли на реку Нару и восстановили полностью прежнее положение.

Генерал Говоров и другие члены Военного совета Пятой армии, оценивая в кратком письменном отчете ход проведенной боевой операции, с удовлетворением констатируют возросшее мастерство командиров всех степеней и войск, выразившееся в том, что пехота в большинстве случаев научилась полностью использовать артиллерийский огонь, танки четко выполняли различные боевые задачи и совместно с пехотой и самостоятельно, ночные атаки для наших частей стали нормальным явлением. Обычно скупой на похвалы, действиям артиллерии Говоров на этот раз дал высшую в его устах оценку: «Артиллерия, особенно реактивная, работала превосходно». А в заключение в отчете сформулирован общий вывод, трезво оценивающий главные итоги в действиях обеих сторон:

«Противник умело использовал стыки, бросив в них и против неустойчивой Двести двадцать второй стрелковой дивизии свои главные силы. Ликвидация прорыва и уничтожение противника были достигнуты благодаря стойкости частей Тридцать второй, Пятидесятой, Восемьдесят второй стрелковых дивизий и умелым действиям маневренных групп».

Характеризуя военное искусство наших военачальников и в числе их Л. А. Говорова, нам остается добавить, что в боях 1—4 декабря четко было организовано взаимодействие на смежных флангах Пятой и Тридцать третьей армий, командующие и штабы которых твердо и предусмотрительно осуществляли руководство войсками. Их согласованными усилиями последняя попытка врага наступать на Москву была ликвидирована.

5—6 декабря 1941 года под Москвой началось контрнаступление советских войск, знаменовавшее собой полный провал планов немецко-фашистских захватчиков овладеть столицей нашей Родины. В этом контрнаступле-

нии, а затем и в общем зимнем наступлении Советской Армии соединения, которыми руководил Л. А. Говоров, сумели решить поставленные перед ними боевые задачи. Второй орденом Ленина, украсивший грудь командарма-5, был высоким признанием его боевых заслуг в защите Москвы. А в ноябре 1941 года постановлением Совнаркома СССР Леониду Александровичу было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта артиллерии.

Период руководства войсками Пятой армии был первым очень ответственным и серьезным испытанием его качеств военачальника. Артиллерист по военной специальности, он вступил в командование крупным общевойсковым объединением в грозные дни октябрьских боев на московском стратегическом направлении, в необычной сложной боевой обстановке. И, несмотря на это, сумел зарекомендовать себя с лучшей стороны, хотя на первых порах, конечно, сказывался недостаток соответствующего опыта. В боевой характеристике командарма-5, подписанной 28 января 1942 года командующим войсками Западного фронта генералом армии Г. К. Жуковым и членом Военного совета фронта И. Ф. Хохловым, говорилось:

«Генерал-лейтенант тов. Говоров командует войсками Пятой армии с 18 октября 1941 года. Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно. Хорошо ведет наступательные операции по разгрому Можайско-Гжатской группировки противника.

В оперативно-тактическом отношении подготовлен хорошо. Основным недостатком тов. Говорова является некоторая разбросанность по всему фронту и отсутствие навыка в собирании кулака для ударного действия... Тов. Говоров твердой воли, требовательный, энергичный, храбрый и организованный командующий войсками».

С весны 1942 года Советское Верховное Главнокомандование доверило Леониду Александровичу новое ответственное поручение: в апреле он был назначен командующим группы войск Ленинградского фронта, а в августе вступил в командование войсками всего фронта. С этого времени имя Л. А. Говорова навсегда вошло в славную историю обороны Ленинграда.

Летом 1942 года решающие для судеб нашей Родины сражения развернулись на юге страны. Фашистские полчища устремились к Волге и Кавказу, Новые невероятно

тяжелые испытания выпали на долю нашего народа и его Вооруженных Сил.

Именно теперь, когда завязалась грандиозная битва на Дону и на Волге, в которой решалось будущее Советского государства, Леонид Александрович обратился в партийную организацию с заявлением. И именно потому, что оно было подано в суровый для Отечества час, это заявление звучало как клятва: «...Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины».

Думается, этот факт из биографии Говорова весьма немаловажен для понимания его облика как человека и гражданина.

Рекомендации Говорову дали знавший его еще со времени работы преподавателем тактики в артиллерийской академии начальник артиллерии Ленинградского фронта Г. Ф. Одинцов, член Военного совета Пятой армии П. Ф. Иванов и заместитель начальника штаба Ленинградского фронта А. В. Гвоздков. Партийная организация, рассмотрев заявление, приняла его кандидатом в члены партии. Однако Центральный Комитет партии вынес решение о приеме Л. А. Говорова в порядке исключения в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Коммунист-генерал с головой окунулся в работу. Вступив в командование войсками Ленинградского фронта и опираясь на постоянную поддержку Военного совета, он принимал все меры, чтобы решить двуединую задачу — облегчить положение блокированного Ленинграда и одновременно сковать здесь врага, предотвратить его попытки нового штурма и одновременно не дать ему возможности перебрасывать свои силы на юг.

О Ленинграде и ленинградцах слышал в ту пору каждый. И каждый хотел сделать все возможное и невозможное, чтобы облегчить их участь. Говоров по своему положению знал о городе больше других. И все же он был потрясен тем, что увидел и узнал, когда прибыл туда.

Вот сидит он, возвратившись из очередной поездки в войска, в своем кабинете в Смольном — строгий, внешне сухой, неприветливый человек, с коротко подстриженными усами на усталом, несколько одутловатом лице. Внимательно слушает члена Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецова, который возглавляет в городе комиссию по оборонительному строительству, о том, как

идут работы по прокладке в осажденный Ленинград бензопровода по дну Ладожского озера. В разговоре Кузнецов вдруг вспоминает, как еще совсем недавно приходилось брать с фронта в город саперов, чтобы они взрывчаткой отрывали братские могилы на Пискаревском кладбище. В них хоронили тех, кто умер от истощения: население Ленинграда, хотя и не ходило в атаки, несло ежедневно огромные потери от голодной смерти.

Серые глаза Говорова пристально смотрят на собеседника. Командующий продолжает внимательно слушать. И только заходившие желваки на скулах да нервное потирание кистей рук выдают его волнение.

— Надо, Алексей Александрович, принять все меры, чтобы точно выполнить график строительства, — глухо говорит он.

Все, что связано с прокладкой бензопровода, постоянно занимает командующего и членов Военного совета Ленинградского фронта. Бензин — это хлеб для двигателей внутреннего сгорания. Он нужен и для того, чтобы продолжать жизнь в городе, и для предстоящего наступления, которое разорвет цепи блокады. Однако наступление когда еще будет, думает командующий, а пока он обязан сделать что-то немедленно, чтобы облегчить жизнь ленинградцев. Они победили невероятно тяжкую блокадную зиму, непрерывно боролись и выжили, чтобы продолжать борьбу до полной победы над врагом. Вот уже со времени его прибытия сюда населению прибавили паек. Как большое событие обсуждали офицеры и генералы его штаба первый рейс городского трамвая, который и состоял-то из одного вагончика. С таким же оживлением говорили об открывшейся бане с парикмахерской. Ленинградцы продолжают напряженно работать, неустанно куют оружие для фронта. Немногие свободные от работы часы и минуты посвящают огородам: даже на Марсовом поле и в Летнем саду под них отводили теперь участки. Да, конечно, с приходом весны жизнь в осажденном Ленинграде стала чуточку полегче. Непосредственная угроза захвата его врагом отпала. Но он остается заблокированным, враг продолжает методически обстреливать его из орудий крупного калибра, сея смерть и разрушения...

Задумавшись, Говоров вновь вспомнил предложение организовать систематическую контрбатарейную борьбу с осадной артиллерией гитлеровцев. Оно сразу же привлекло к себе пристальное внимание командующего.

На языке специалистов это называется — перейти к упреждающей наступательной тактике контрбатарейной борьбы. Если же сказать более понятно, то это дуэль, самая настоящая артиллерийская дуэль. Наши артиллеристы навязывают ее артиллерии противника и тем самым отвлекают на себя вражеский огонь от города.

Говоров уже в деталях обсуждал план контрбатарейной борьбы со своим заместителем по артиллерии генералом Г. Ф. Одинцовым и утвердил его. По настоятельным просьбам командующего фронтом Главное артиллерийское управление РККА стало снабжать Ленинград снарядами крупных калибров. Теперь уже можно вести огонь на уничтожение вражеских осадных батарей, которые причиняли наибольший ущерб городу. Потребовал генерал Говоров и более активного участия авиаторов в борьбе с осадной артиллерией противника. Поставил он в связи с этим задачу и начальнику управления оборонительного строительства — изготовить специальные укрытия для защиты, чтобы повысить безопасность наших оружейных расчетов при вражеских артобстрелах. Инженеры быстро сконструировали оригинальные типы укрытий для тяжелых дальнобойных орудий и личного состава.

Командующий спрашивает у Кузнецова, что сделано ленинградскими трудящимися для реализации предложенной инженером. Кузнецов дает справку, из которой видно, сколько потребовалось для этого броневой стали, балок, рельсов, которые дал своим защитникам город-фронт. И не только необходимые материалы он дал им. Тысячи ленинградских девушек и женщин самоотверженно работали, помогая быстрее соорудить укрытия.

Удовлетворенно выслушав члена Военного совета, Говоров говорит, чтобы тот шел отдыхать.

— Не поймешь: очень поздно уже сейчас или еще очень рано? Видно, белые ночи виноваты, что мы в который раз не замечаем, как одни сутки сменяют другие, — мрачновато шутит командующий.

Кузнецов ушел. А Говоров снова сел за стол, придвинув к себе карту с оперативной обстановкой.

Командующий войсками фронта скрупулезно изучал противника и со временем знал расположение его частей по всему кольцу блокады вплоть до батальона. Постоянно занимался он вопросами организации инженерных сооружений. И опять-таки смотрел на них не только с точки зрения текущих задач, но с учетом перспективы. Началь-

ник инженерного управления Ленинградского фронта генерал-лейтенант Б. В. Бычевский вспоминает, например, как однажды он докладывал Говорову принципиальную схему развития траншейной системы в дивизионных полосах обороны. Внимательно рассмотрев ее, Леонид Александрович недовольно поерзал локтями и помял свои будто озябшие пальцы.

— Не все у вас продумано. Больше заботитесь о жесткой обороне... Траншейную сеть надо постепенно развивать не только в глубинах, но и вперед, в сторону противника.

А когда генерал Бычевский прямо спросил у командующего о перспективах перехода в наступление, тот взглянул на него искоса и проворчал:

— Рано вам об этом знать. У вас пока и для обороны дел хватает... Но то, что я сказал, учтите...

Командующий умел мгновенно оценивать обстановку и брал под свой контроль широчайший круг вопросов, связанных с боевой деятельностью всех родов войск, с воспитанием личного состава, с работой тыла и снабжения. В его подходе к людям всегда чувствовался строгий педагог. Он умел, не перебивая, слушать любого, но не терпел многословия. Указания давал очень емкие, требующие от исполнителей умения самостоятельно «раскинуть мозгами».

Высокую личную организованность Говорова, вспоминает Б. В. Бычевский, быстро почувствовал весь штаб. Если подчиненные просят командующего о приеме для доклада, он сразу же назначит время, вызовет точно, минута в минуту.

Неразговорчивость и сухость Леонида Александровича вначале воспринимались как подчеркнутые, а не природные особенности характера, но затем к его угрюмому виду привыкли. А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков и другие партийные руководители с искренним уважением относились к этому строгому, но не обособленному от коллектива человеку.

По приказу Говорова войска фронта на многих участках обороны стали вести активные действия, именовавшиеся в оперативных сводках боями местного значения, но имевшие не только ближний, а и дальний прицел: с одной стороны, они сковывали и изматывали врага, с другой — поднимали дух и уверенность наших войск, закладывали предпосылки для будущих наступательных

сражений. В результате ряда мероприятий, осуществленных командованием и штабом фронта летом и осенью 1942 года, семь дивизий были выведены из первого эшелона обороны. Но делалось это не за счет ослабления обороны. Выводя части и соединения с переднего края, командующий фронтом позаботился о восстановлении боеспособности отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, которые в начале войны обороняли укрепленные районы, а затем были расщеплены по стрелковым дивизиям. Вместе с тем по его распоряжению восстанавливались и сами укрепленные районы. Весь городской оборонительный обвод в инженерном отношении рассматривался как гигантский укрепленный район. На юге и юго-западе роль прочных фортов выполняли ораниенбаумский обвод, Кронштадт и Пулковские высоты, на севере — железобетонный пояс Карельского укрепленного района, на востоке — невская укрепленная позиция. Сам же Ленинград был сердцем этой крепости, главным бастионом — политическим и стратегическим, городом-арсеналом во всех отношениях.

Говоров не отменял, но, наоборот, поддерживал все ценное, что делалось в целях наращивания устойчивости и живучести обороны города, хотя непосредственная угроза захвата его противником миновала. Он одобрил принцип организации обороны внутри самого города по секторам. Каждый из них имел свой постоянный военный гарнизон из армейских, флотских, пограничных частей и рабочих боевых групп, которые формировались на предприятиях, территориально входивших в данный сектор, и объединялись в батальоны. Армейская батальонная структура вводилась и в подразделениях местной противовоздушной обороны.

В войсках первой линии оборона совершенствовалась с учетом накопленного опыта, немалую роль при этом играл личный опыт самого Леонида Александровича, полученный им в битве за Москву. Он по-прежнему очень требовательно относился к созданию специальных противотанковых районов, к организации маневренных групп и отрядов заграждений и т. д. и т. п.

Войска Ленинградского фронта самым тщательным образом совершенствовали оборону, повышали ее живучесть. Однако это отнюдь не было признаком продолжения длительного сидения на одном месте. Наоборот, как мы уже видели, именно благодаря всему этому командую-

щий, не ожидая, пока Ставка пришлет ему войска для усиления (он очень хорошо понимал, что в условиях, когда в разгаре была Сталинградская битва, Ставка накапливала резервы для разгрома врага в решающем пункте), вывел ряд соединений с переднего края. Вместе с бывшей до этого в резерве фронта одной дивизией они и составили ударную группировку, которая стала готовиться к предстоящим наступательным боям.

Обо всем, что связано с подготовкой к наступлению, о прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года, об окончательном разгроме врага у стен города-героя в январе 1944 года, как и о последующих крупных наступательных операциях Ленинградского фронта, которыми он руководил, написано уже достаточно подробно и в специальных военно-исторических трудах и в мемуарах, в частности в воспоминаниях Б. В. Бычевского «Город-фронт», на которые уже была сделана выше ссылка. Нам бы хотелось поэтому более подробно остановиться на характеристике некоторых черт, присущих стилю работы Леонида Александровича Говорова как командующего фронтом, и привести примеры, малоизвестные широкому кругу читателей.

Оговорим, что такую возможность автор получил благодаря помощи, которую любезно оказали ему ныне покойный генерал армии М. М. Попов — бывший начальник штаба Ленинградского фронта и маршал артиллерии Г. Ф. Одинцов — бывший командующий артиллерией того же фронта. Оба они, работая вместе с Леонидом Александровичем в непосредственном контакте, общаясь с ним непрерывно на протяжении многих дней войны в самых различных ситуациях, были свидетелями таких фактов, которых нет ни в одном из архивных документов и которые, бесспорно, весьма ценны для того, чтобы глубже познать образ советского полководца.

Не только схожесть биографий, но и многое из того, что характеризует стиль работы Говорова, уже было или будет сказано и в рассказах о других выдающихся военачальниках. Такая схожесть закономерна, ибо общие черты неизбежно должны быть им присущи, поскольку все они представляют советскую школу военного искусства. Но при всем этом каждый из них имеет свой индивидуальный почерк.

«Главное, что бросалось в глаза человеку, впервые сталкивавшемуся с Говоровым, — исключительно скру-

пулезная, буквально филигранная работа при подготовке операции» — так передал мне свое самое сильное впечатление о командующем фронтом Маркиан Михайлович Попов. Независимо от него Георгий Федорович Одинцов говорит по этому поводу: «Чрезвычайно трудолюбивый, пунктуальный до педантизма, лично разрабатывал все необходимые выкладки при подготовке к обсуждению любой, даже частной операции».

Значит ли это, что командующий фронтом стремился подменить собою коллективную работу штаба фронта, командиров и их штабов, различных специальных управлений и служб? Нет, Говоров никого не подменял. Наоборот, столь же тщательной подготовки к выполнению любой боевой задачи он неукоснительно требовал от всех своих помощников и подчиненных.

Она, как правило, начиналась с самого детального изучения противника, от его переднего края и включительно до оперативных резервов. Разведка получала задачу — до малейших деталей вскрыть систему обороны, начертание оборонительных сооружений врага и расположение огневых точек. Командующий фронтом не жалел ни сил, ни средств для непрерывных разведпоисков, систематической аэрофотосъемки, радиоперехвата и т. д. Сам он регулярно выезжал в войска для личного изучения обороны противника, для встреч и бесед с командирами, прежде всего с разведчиками соединений и частей. От командиров дивизий Говоров добивался того, чтобы они могли дать прогноз относительно поведения резервов противника в его тактической глубине, а от командиров корпусов и командармов — конкретного расчета и предвидения возможного маневра оперативными резервами.

Командующий фронтом и командиры всех степеней тщательно изучали местность, определяя возможности использования родов войск, условий наблюдения для обеих сторон. Одновременно велись подсчеты и изучение плотностей артиллерии и минометов, необходимых для прорыва обороны, в соответствии с этим намечалась ширина участка прорыва, создавалась группировка войск, определялись задачи на всю глубину операции.

Перед тем как заслушивать решения командармов, Говоров брал на себя одну из армий, а начальнику штаба и оперативного управления поручал принять решение за остальных командармов. Затем эти решения всесторон-

не обсуждались и одновременно изучались другие возможные в них варианты.

В воспоминаниях Б. Бычевского о Говорове подчеркивается, что уже вскоре после его вступления в должность командующего войсками Ленинградского фронта «...каждому из работников штаба фронта казалось, что новый командующий придает особое значение именно его области работы». Это весьма существенная деталь, свидетельствующая о большом организаторском таланте полководца: он умело и целеустремленно направлял усилия всех специалистов штаба на достижение единой цели, и каждый из них постоянно чувствовал на себе его внимание и контроль.

Подобный метод работы, когда командующий фронтом сам вникал во все детали и расчеты предстоящей операции, безусловно, требовал огромной затраты энергии и был бы невозможен без широкой его эрудиции и разносторонней военной подготовки. Но зато он имел бесспорное преимущество — при обсуждении любого замысла Леонид Александрович имел свое собственное мнение, основанное на глубоком изучении данного вопроса.

Но коль скоро это было так, то не сводились ли последующие обсуждения и совещания к простой формальности, когда уже сложившаяся точка зрения старшего начальника высказывается вслух лишь для того, чтобы быть безоговорочно принятой, а мнения остальных в лучшем случае снисходительно выслушиваются? Такое ведь встречается в жизни нередко. На этот вопрос ближайшие соратники и помощники Леонида Александровича отвечают отрицательно.

«Прежде чем вызвать к себе работников штаба, — говорил генерал Г. Ф. Одинцов, — командующий уже имел свои соображения по выносимому на обсуждение вопросу. Однако, выслушав других, он менял собственную точку зрения, если высказывались более удачные предложения. И делал это без всякого гонора». «Свое предварительное решение, — вспоминал генерал М. М. Попов, — Леонид Александрович Говоров выносил на обсуждение узкого круга командования. К этому обычно привлекались: член Военного совета, начальник штаба, начальник оперативного управления, командующие артиллерией и воздушной армией. Изложив свое решение, Говоров очень внимательно выслушивал предложения и замечания присутствующих. Одни из них принимал, другие же отклонял,

но каждый раз при этом подробно мотивировал причины своего несогласия». Заслушав решения командармов, Говоров также далеко не всегда утверждал их без замечаний и поправок. Но и в этом случае «его замечания или несогласия носили совершенно обоснованный характер».

Мы раскрыли, таким образом, еще одну важную черту полководческого стиля Говорова. Надо ли говорить, что умение выслушивать все предложения подчиненных и сочетать это с разъяснением, в чем именно заключается преимущество одного из них или недостаток другого, — такой метод работы, помимо всего прочего, был еще и хорошей школой для всех, кто общался с Леонидом Александровичем и работал под его руководством.

При подготовке войск к выполнению наступательных операций генерал Говоров требовал от командиров соединений, чтобы они, тщательно изучив местность на переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника, подобрали в своем тылу хотя бы приблизительно идентичную местность и на ней тренировали войска. Условия атаки на разных участках совершенно не одинаковы: одним предстоит штурмовать высоты, другим в начале атаки придется преодолевать вброд речку, третьим — сближаться с врагом, укрывшимся на опушке леса, или же штурмовать дот на открытой местности. Все это должно быть учтено командиром при подготовке своих войск. И Говоров не только требовал обеспечить необходимую тренировку в подразделениях и частях, но и сам очень часто бывал на подобных тренировках.

Подготовка командиров соединений и штабов, как правило, проводилась на макетах местности, создаваемых на грунте в соответствующем масштабе, с точным воспроизведением топографии, а также оборонительных сооружений и исходного положения своих войск. Командующий фронтом лично проверял степень готовности к выполнению боевой задачи командармов, штабов армий, корпусных, дивизионных, а в иных случаях полковых и даже батальонных командиров. Особенно строго следил он за тем, чтобы общевойсковые начальники досконально знали возможности всех взаимодействующих с ними сил и средств.

Усилия, которые затрачивались всякий раз на подготовку к наступлению, с лихвой оправдывались в ходе операций. На войне, как известно, не часто случается,

чтобы планирование и ход операции совпадали. В операциях, которыми руководил Говоров, такие совпадения не были исключением. Первая и сложнейшая из них — прорыв блокады Ленинграда. Казалось принципиально невозможным преодолеть по льду реку шириной в 600—700 метров, а затем взобраться на ее обрывистый, обледеневший берег, в котором противник заблаговременно соорудил систему мощных долговременных огневых точек.

Ширина форсирования Невы — целых 13 километров, от Невской Дубровки до истоков. Навстречу войскам, которыми командует генерал Л. А. Говоров, вражескую оборону прорывают соединения и части Волховского фронта. Встреча их намечена в районе Синявино. 29 ноября 1942 года Леонид Александрович впервые сформулировал эту боевую задачу по прорыву блокады Ленинграда перед руководящим составом фронта, подчеркнув, что на подготовку операции дан месячный срок.

Надо ли говорить, что все это время было до предела насыщено разнообразными подготовительными мероприятиями, штабными играми, показательными учениями и т. д.

Весьма сложные задачи командующий поставил перед отделами и управлениями штаба фронта. Инженерам, например, пришлось решать немало сложнейших проблем в связи с предстоящим форсированием Невы. Вместе с первым эшелоном нашей пехоты в наступление пойдут легкие танки. Не позднее вторых суток операции планируется ввод в сражение второго эшелона для наращивания удара. В боевых порядках его будут уже средние и тяжелые танки. Но как обеспечить форсирование реки танками по льду, если заведомо известно, что толщина его недостаточна, чтобы выдержать вес даже среднего танка? Что нужно предусмотреть на случай, если противник перед началом нашей атаки или в ходе ее взорвет лед, создав препятствие для движения не только танков, но и пехоты? А как обеспечить проходы в минных полях и заграждениях на вражеском берегу?

В существо каждого из этих и многих других вопросов командующий фронтом тщательно и скрупулезно разбирался, заставлял специалистов высказать все доводы «за» и «против» того или иного варианта, сомневался вместе с ними и искал какое-то новое решение... И только основательно убедившись в приемлемости того или иного предложения, утверждал его окончательно. В этом

случае принятое решение последовательно и целеустремленно проводилось в жизнь.

Вот, к примеру, начальник Инженерного управления при очередном докладе командующему предлагает научить самих бойцов в стрелковых подразделениях приемам преодоления минных полей. Тогда пехоте не придется во время атаки вынужденно лежать под вражеским огнем на льду Невы в ожидании, пока саперы расчистят путь. Рассчитывать на саперов в этом случае невозможно: слишком мало осталось их в строю, а с другой стороны — слишком велика плотность минных полей у противника.

Говоров молча слушает генерала. А затем спрашивает о самой сути этой идеи:

— Осаперить пехоту хотите?

И тут же выдвигает как бы в качестве контрдовода:

— А вот штаб инженерных войск Красной Армии делает нечто противоположное: формирует специальные штурмовые инженерно-саперные бригады.

Однако генерал Бычевский не склонен видеть в этом нечто противоречащее одно другому. Наоборот, мощные инженерно-саперные части по идее должны обеспечить быстрое преодоление различных инженерных заграждений своей пехоте во время атаки. Однако у Ленинградского фронта к началу операции не будет таких частей. Выход, следовательно, в том, чтобы обучить приемам преодоления минных полей самих пехотинцев.

Аргументы начальника Инженерного управления фронта убедительны. Тем не менее командующий продолжает расспрашивать о том, что сделано в плане подготовки к реализации данного предложения, о созданном в одном из инженерных батальонов имитационном минном поле — точной копии разведанного у противника — для специальных тренировок войск. Затем просит показать ему схему полосы заграждений, сооруженной гитлеровцами на противоположном берегу Невы.

День за днем наши наблюдатели и разведчики собирали и накапливали сведения о том, что делается на вражеской стороне. И вот теперь перед глазами командующего войсками фронта лежит схема, на которой условными значками нанесены заграждения из колючей проволоки — спирали, а в них натяжные «сюрпризы» — мины. Затем идет шестиметровая полоса натяжных противотанковых мин. Потом — рогатки из жердей с намотанной на них колючей проволокой и противотанковые минные поля.

Командующий рассматривает схему, и перед его мысленным взором возникает картина будущей атаки... Целых семь минут потребуется, чтобы под огнем врага перебежать бойцу по льду Невы до противоположного берега, затем ему нужно будет взобраться по шестиметровой крутизне берега реки наверх. А потом он встретит все это. И огонь, огонь врага, пристрелявшего каждую точку.

— Ладно, готовьте показное учение, — в раздумье подводит итог всему Говоров. — Приеду посмотрю сам — тогда решим, как действовать дальше. Дело серьезное.

Через неделю весь высший и старший командный состав Шестьдесят седьмой армии генерала М. П. Духанова, которой предстоит форсировать Неву, и Военный совет фронта присутствуют на показном учении. Оно проходит успешно. Бойцы одной из рот, обученные преодолевать минные поля с ходу, действовали сноровисто и стремительно. Они бросали для подрыва мин боевые гранаты, растаскивали натяжные мины кошками и крючьями на веревках. По заключению контролеров из всей роты «подорвалось» только четыре бойца. Присутствующие наглядно убедились в действенности специальных тренировок.

Теперь командующий войсками фронта утверждает предложения начальника Инженерного управления. А генерал Н. П. Симоняк — командир стрелковой дивизии, которая пойдет в головном эшелоне атакующих, первым выражает желание начать тренировки своих бойцов. От него не пожелали отстать и другие.

Между тем генерал Говоров уже решает вопросы с артиллеристами. Для уничтожения долговременных огневых точек он приказал выставить на прямую наводку более 200 орудий калибром от 45-мм до 203-мм включительно. Каждый огневой расчет получил задачу на уничтожение двух огневых точек — основной и запасной.

За сутки до начала наступления Говоров сказал командующему артиллерией фронта генералу Одинцову:

— Если вы обеспечите, что первый эшелон зацепится за тот берег, считайте, что девяносто процентов задач артиллерия выполнила.

Сделать это было невероятно трудно: ведь достаточно даже двух-трех уцелевших огневых точек врага, чтобы наша пехота легла костями на льду реки. Собственно, на некоторых участках наступления так и получилось,

хотя в общем артиллерия справилась с поставленной задачей. Командующий фронтом быстро принял решение на ввод в бой дивизии, которой не удалось форсировать Неву, на соседнем участке, где оборона врага была взломана. 12 января прорыв через реку был осуществлен, а 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились. 15 января 1943 года Л. А. Говоров получил свое первое звание общевойскового командира — генерал-полковник, а еще спустя неполных две недели — полководческий орден Суворова 1-й степени.

Решая множество важных и неотложных текущих дел, Леонид Александрович никогда не терял из виду перспективы. На столе в его кабинете в Смольном всегда были разложены карты, охватывавшие территорию далеко на запад от Ленинграда. По ним он изучал операционные направления, где предстояло развернуть наступательные действия войскам Ленинградского фронта. Город еще оставался в блокаде, а мысль полководца, опережая события, уже устремлялась в будущее. Толстую ученическую тетрадь в черном клеенчатом переплете всегда видели на том же столе все, кто заходил в кабинет командующего. Туда он записывал то, что связано было с текущими делами, ей же доверял и свои мысли по поводу дальних оперативных планов, о которых до поры до времени никто не должен был знать. Тетрадь хранила немало его раздумий, набросков, планов будущих операций. Они рождались исподволь, по мере все более глубокого изучения обстановки, накопления конкретных данных о противнике и своих войсках, о местности, системе оборонительных сооружений и т. д. и т. п. Вероятно, потому оригинальны и глубоко были его замыслы, а каждая деталь так тщательно обдумана и взвешена. В наступательной операции войск Ленинградского фронта в январе 1944 года Л. А. Говоров, к тому времени уже генерал армии, казался бы, нарушил основной принцип прорыва укрепленной обороны. Он принял решение осуществить его не на слабейшем, а на наиболее сильном участке. И объяснил это свое решение следующими обстоятельствами: прорвать оборону на слабейшем участке будет легче, но затем войска увязнут в болотистой местности и прорыв развить не удастся, противник использует предоставленное ему время для организации обороны на новом рубеже; прорыв сильной, заблаговременно подготовленной врагом обороны на красносельском рубеже несравненно

более сложен, но зато овладение Красным Селом открывает путь на Гатчину, позволяет развить удар по тылам двух вражеских армий.

Так была спланирована и подготовлена эта операция, так она и проходила. В военной истории найдется очень немного, вероятно, примеров, когда войска, находившиеся длительное время в осаде, сумели бы нанести столь решительное поражение осаждавшему противнику. При этом, конечно, следует иметь в виду, что они взаимодействовали с двумя фронтами, действовавшими извне блокады. Вторым орденом Суворова 1-й степени были отмечены полководческие заслуги Л. А. Говорова в этой операции.

Возьмем теперь июньскую 1944 года наступательную операцию войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Система обороны противника имела здесь в глубину более 100 километров и была насыщена всеми видами фортификационных сооружений. Л. А. Говоров хорошо был знаком с характером укреплений на линии Маннергейма еще по советско-финляндской войне. Но теперь противник сооружал еще и вторую мощную полосу обороны с целым рядом сильнейших узлов сопротивления на ней. Противник рассчитывал отсидеться за стенами дотов и казематов.

Учитывая предстоящий характер действий наступающих соединений по прорыву сильно укрепленной обороны, генерал армии Говоров внес существенное изменение в оперативное построение войск фронта: вместо второго эшелона был создан сильный фронтовой резерв из десяти стрелковых дивизий, нескольких танковых и самоходно-артиллерийских частей.

Как вспоминает Главный маршал авиации А. А. Новиков, когда 6 июня 1944 года он прибыл на командный пункт командующего войсками Ленинградского фронта, чтобы руководить действиями нашей авиации в предстоящей операции, и Говоров стал знакомить его с планом действий войск, Новиков сразу же обратил внимание на эту особенность в оперативном построении фронта.

— Заметили? — Говоров довольно улыбнулся. — В этом вся суть, Александр Александрович. Смотрите, — и карандаш в его руке побежал по карте. — Какая здесь местность, вы знаете по собственному опыту. Вы ведь участник советско-финляндской войны. На такой местности проводить сложные маневры и глубокие удары

крупными массами механизированных соединений невозможно. Прорывать оборону можно только в лоб, а танкам и вовсе негде развернуться. Оперативного простора в обычном понимании этого слова для наступающих войск здесь никакого. Действовать в основном придется вдоль дорог, а они перекрыты мощными узлами сопротивления. Поэтому мы и отказались от обычного двухэшелонного построения.

Имелась и еще одна особенность в замысле на предстоящую операцию: Двадцать третья армия генерала А. И. Черепанова не получила самостоятельного участка прорыва. Ее дивизии на левом фланге были сменены частями Двадцать первой армии генерала Д. Н. Гусева. Сделано это было для того, чтобы вывести соединения Двадцать третьей армии в прорыв через брешь, пробитую левым соседом. Такой порядок наступления позволял сократить потери при взламывании вражеской обороны в северо-восточной части перешейка.

План операции в целом обеспечивал необходимую пробивную силу первого удара, позволял непрерывно и планомерно усиливать нажим на противника, сохранять превосходство в людях и средствах при прорывах последующих оборонительных рубежей. План был оригинален, и Ставка утвердила его.

Наше наступление началось утром 10 июня 1944 года. Ему предшествовало за сутки до этого предварительное разрушение долговременных укреплений огнем артиллерии и массированными ударами авиации. После полудня стало известно, что противник отходит на вторую полосу обороны. Удар застал финское командование врасплох, и оно не успело подбросить к участку прорыва свои оперативные резервы. В первый день наступления оборона врага была прорвана на 20-километровом фронте. Наибольших успехов добился стрелковый корпус генерала Н. П. Симоняка.

В ходе операции Л. А. Говоров находился, как и всегда, на наблюдательном пункте, который располагался вблизи от наступающих частей на направлении главного удара. Отсюда он внимательно следил за действиями войск, прежде всего за своевременным вводом в сражение вторых эшелонов и резервов, и направлял действия артиллерии и авиации. В критические моменты сражения он действовал с присущей ему решимостью и мужеством, без колебаний брал на себя всю полноту ответственности.

Маркиан Михайлович Попов рассказал о характерном в этом смысле эпизоде, происшедшем 14 июня 1944 года в период штурма войсками Ленинградского фронта второй полосы обороны финнов на Карельском перешейке. Кстати, военные историки не сообщают о нем, поскольку события того дня определялись распоряжениями, отдававшимися по телефону или при личном общении с подчиненными, а поэтому о них ничего не сказано в архивных документах.

Вторая полоса обороны финнов находилась на удалении 25—40 километров от первой и представляла собой, как уже было сказано, новую линию Маннергейма. Учитывая, что эта мощная линия обороны состоит из железобетонных и броневых сооружений, Ставка Верховного Главнокомандования хотя и предусматривала овладение ею с ходу, но одновременно указала командующему фронтом на необходимость готовить силовой прорыв, если с ходу преодолеть эту полосу не удастся.

Первый штурм, начавшийся утром 14 июня, был для нас неудачен. Дружно поднявшись в атаку войска вскоре вынуждены были залечь перед проволочными заграждениями противника, обстреливаемые сильным пулеметным и минометным огнем. Командующий фронтом имел все основания отказаться от повторной атаки и приступить к подготовке прорыва. Более того, он даже должен был так поступить, ведь повторная атака в случае неудачи означала бы нарушение указаний Ставки. Однако, внимательно следя за ходом событий и тонко чувствуя пульс боя, Говоров пришел к заключению, что огонь у противника организован довольно слабо, а наши наступающие войска, вернее всего, остановила некоторая «бетонобоязнь». Хорошо знал Леонид Александрович и о том, что специальных войск для обороны второй полосы противник не имел и намеревался оборонять ее теми силами, которые отойдут с первой. Но оттуда отошли только неорганизованные и очень потрепанные части. Следовательно, отказавшись от повторения атаки и сделав перерыв на несколько дней для организации прорыва, мы позволили бы противнику подвести сюда войска из тыла, значительно усилить свою оборону, что в большой степени затруднило бы наши дальнейшие действия и привело бы к излишним жертвам.

Командующий решил после нескольких часов перерыва повторить атаку с привлечением всей артиллерии и

бомбардировочной авиации. Соответствующие распоряжения и разъяснения были немедленно даны им командарму и командирам корпусов. Партийно-политический аппарат частей использовал паузу для разъяснения воинам смысла полученной задачи и сложившейся обстановки.

Поскольку Верховного Главнокомандующего в Ставке еще не было, командующему фронтом пришлось взять принятое решение на свою личную ответственность, и он без колебаний сделал это (позже его решение было утверждено). Повторная атака увенчалась полным успехом. Вторая полоса обороны, на которую Маннергейм возлагал столь большие надежды, была прорвана сначала на узком участке, а затем оказалась полностью взломанной. Наши войска быстро двинулись вперед. Через четыре дня после этого Леониду Александровичу Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Руководимые маршалом Говоровым войска Ленинградского фронта осенью 1944 года осуществили весьма успешную операцию по освобождению Эстонии и островов Моонзундского архипелага. Оставаясь до конца Отечественной войны командующим войсками этого фронта, Леонид Александрович с 1 октября одновременно координировал действия Второго и Третьего Прибалтийских фронтов, будучи представителем Ставки Верховного Главнокомандования. В январе 1945 года за боевые заслуги перед Родиной, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Л. А. Говоров стал кавалером Золотой Звезды Героя Советского Союза, а в мае этого же года он удостоился награждения орденом «Победа».

Отгремела война. Советский народ-победитель возвратился к мирному созидательному труду, преображая облик родной земли. Но по-прежнему неусыпно стоят на боевом посту его вооруженные защитники. Вместе с ними в боевом строю до конца своей жизни оставался Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров. Коммунистическая партия и Советское правительство в послевоенный период поручали ему ряд ответственных участков работы в Вооруженных Силах СССР. Он был главным инспектором Сухопутных войск, с июля 1948 по июль 1952 года и с мая 1954 года до дня своей кончины, 19 марта 1955 года возглавлял Войска противовоздушной

обороны страны, являясь одновременно заместителем министра обороны.

Войска ПВО страны организационно оформились как самостоятельный вид Вооруженных Сил СССР в послевоенный период. Именно в 1948 году впервые в советских воинских уставах появилось положение о том, что Войска противовоздушной обороны страны наряду с Сухопутными войсками, Военно-Воздушными Силами и Военно-Морским Флотом являются видом Вооруженных Сил.

Это положение полностью вытекало из опыта Великой Отечественной войны, а также из условий послевоенного развития. Дело в том, что на Западе все отчетливее проявлялось стремление военных руководителей армий капиталистических государств превратить свои военно-воздушные силы в главное средство решения задач будущей войны, которую усиленно стали готовить агрессивные империалистические круги. Авиация и беспилотные аэродинамические средства, оснащенные ядерным оружием, по их мнению, должны были внезапными ударами уничтожить и разрушить политические и экономические центры, аэродромы, пути сообщения и другие важные объекты с тем, чтобы парализовать всю страну, внести хаос и панику и в конечном счете решить исход войны в свою пользу.

Вполне естественно, что в этих условиях роль и значение противовоздушной обороны страны неизмеримо повышались. Эти вопросы становятся в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства. Войска ПВО страны были выведены из подчинения командующего артиллерией Советской Армии и превращены в самостоятельный вид Вооруженных Сил. Высокая честь командовать этими войсками была доверена Маршалу Советского Союза Л. А. Говорову.

Леонид Александрович, как и всегда, с головой ушел в порученную работу. Ему предстояло решить множество вопросов, связанных с совершенствованием вооружения войск ПВО. В тот период началось перевооружение истребительной авиации ПВО страны с поршневых на реактивные самолеты. Более совершенное оружие и боевая техника поступали и в наземные соединения и части войск ПВО. Совершенствовались орудия зенитной артиллерии, разрабатывалось дистанционное управление орудиями всех калибров, создавались зенитные артиллерийские комплексы, интенсивно велись работы по созданию зенит-

ных управляемых ракет. На базе новейших достижений науки и техники разрабатывалось совершенно новое вооружение.

В мае 1954 года после новой реорганизации войск и всей системы противовоздушной обороны, имевшей целью централизованное управление ею, Маршал Советского Союза Л. А. Говоров стал первым главнокомандующим Войск противовоздушной обороны страны.

Наш народ недаром называет воинов ПВО «воздушными пограничниками». Под их надежную охрану вверены 60 тысяч километров воздушных границ, за которыми протянулись необозримые поля и леса нашей Родины, города и села, где живут и трудятся миллионы советских людей. Леонид Александрович неустанно учил подчиненных ему солдат, сержантов, офицеров и генералов всегда быть начеку, чтобы любой вражеский самолет и каждая вражеская ракета были немедленно уничтожены, если они появятся в советском воздушном пространстве. Высший долг советского воина он видел в самоотверженном служении Отчизне на порученном посту. И сам он всегда с честью нес свою боевую вахту, до последнего удара сердца был солдатом, коммунистом, верным сыном великого советского народа.

Полковник А. КИСЕЛЕВ

Адмирал

АРСЕНИЙ ГОЛОВКО

В его дневнике есть такие строки:

«Когда было получено официальное сообщение о начале войны, в моем кабинете находились член Военного совета А. А. Николаев, начальник штаба флота С. Г. Кучеров, начальник политуправления Н. А. Торик. Не помню, кому пришла мысль спросить о возрасте присутствующих. Выяснилось, что среди нас нет никого старше 35 лет и ни один из нас не имеет опыта управления флотом в военное время на таком обширном и трудном морском театре».

Молодым флотом командовали молодые руководители. В июле 1940 года Арсения Григорьевича Головка вызвали с Амура, где он командовал флотилией, в Москву.

— Едем в Кремль, — сказал тогдашний нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов.

Их ждали. Головка впервые так близко увидел Сталина и членов Политбюро. Под пытливыми, изучающими взглядами смутился, стал выглядеть еще моложе. Внимательнее всех всматривался в этого невысокого, коренастого моряка с юношеским румянцем на загорелом лице Климент Ефремович Ворошилов. Он же и заговорил первым, стал спрашивать об Амуре: как дела на флотилии, в порядке ли корабли, как живут и учатся командиры и краснофлотцы. Когда Головка ответил, в разговор вступил Сталин:

— Послушаем товарища Кузнецова.

Нарком флота рассказал о Головке. Хотя ему всего 34 года, моряк он опытный. На флоте прослужил 13 лет. Служил матросом, младшим командиром, штурманом, минаером, помощником командира миноносца, командиром дивизиона торпедных катеров, начальником штаба бригады, командиром дивизиона миноносцев, начальником штаба флота, командовал флотилией. Побывал за это время на Балтике и Черном море, Каспии и Тихом океане, на Севере и на Амуре. За плечами училище и академия.

Имеет и кое-какой боевой опыт: добровольцем сражался в Испании, был там советником командира республиканской военно-морской базы. Думающий, инициативный и волевой командир.

Только после этого речь пошла о Севере.

— Предложено назначить вас командующим Северным флотом, — сказал Сталин. — Театр важный, очень сложный, открытый, по-настоящему океанский театр, не в пример Балтике или Черному морю. И не надо забывать, что во время различных войн в западных и южных европейских водах связь между западными государствами и Россией была более обеспеченной по северному направлению, нежели через балтийские порты...

Сталин подошел поближе, спросил, глядя прямо в глаза:

— Так что же, значит, товарищ Головкин берется за это дело?

— Буду стараться, — отозвался Головкин. — Но не знаю, как у меня выйдет...

— Должно выйти. Вы отвечаете перед страной, перед партией.

И вот он снова в Полярном, с которым расстался два года назад. На стене кабинета большая карта Северного Ледовитого океана и его побережья. Когда выдается свободная минута, командующий подходит к ней, вглядываясь в каждую извилину береговой черты, или сидит за столом, поджав под себя ногу, — детская привычка осталась на всю жизнь, — и изучает лоции северных морей. Однако таких минут выдавалось не так уж много, в кабинете командующего Северным флотом видели редко. Его флаг взвивался на мачте то одного, то другого корабля. В любую погоду корабль выходил в море. На крыле мостика часами стоял коренастый человек в широком матросском бушлате, и только фуражка с золотым шитьем на козырьке выдавала адмирала. Много позже, уже после войны, когда Арсений Головкин поведет корабли в дальние плаванья с дружескими визитами в разные страны, он будет вот так же стоять на крыле мостика в простом матросском бушлате — иной одежды в походе он не признавал.

Баренцево море. Оно почти не бывает тихим. Даже в безветрие перекатываются по нему свинцовые волны. Тяжелые, медлительные на просторе, они, приближаясь к берегу, как бы убыстряют свой бег, становятся выше,

круче и с яростью набрасываются на черные скалы. Холмами вздымается ослепительно белая пена, словно брызги мгновенно замерзают на лету и превращаются в снег, тот самый, что даже в разгар лета заполняет лощины обомшелых коричневых сопок.

Бушует море в полярный день, продолжающийся несколько месяцев, когда солнце ни на минуту не прячется за горизонт, и еще неистовее в столь же долгую беспросветную полярную ночь. В любое время года здесь туманы и ветры. Чуть прояснится небо, моряки улыбнутся слабо греющему, никогда высоко не поднимающемуся солнцу, и вдруг налетит снежный буран. Все скроется в белой мути, настолько густой, что матросы на палубе натываются друг на друга. И так же внезапно снова проглянет солнце, как будто и не было слепящей метели. Поморы эти неожиданные бураны метко прозвали зарядами: накопит небо меру ледяной дробы, пальнет ею по табуны гривастых волн и опять притаится, как охотник, заряжающий свой дробовик.

Даже многоопытные синоптики не могут предсказать, какую проделку выкинет Баренцево море через пару часов. Штиль сменяется ураганом, ясное небо — дождем, снегом, туманом. Шеф-повар этой адской кухни — Гольфстрим — теплое течение из Атлантики. Его могучий поток находится в вечной борьбе с вечной стужей Ледовитого океана. Беспокойный атлантический гость доставляет уйму хлопот морякам. Но они не в обиде. Ведь это Гольфстрим с его теплом растапливает полярные льды и делает Баренцево море и его заливы судоходными круглый год.

Адмирал стряхивает снег с густых бровей, вытирает платком мокрое лицо. Оборачивается к матросу-сигнальщику. Тот в меховой ушанке, тесемки завязаны под подбородком — североморцы и летом в поход одеваются потеплее. На шапке и шинели матроса искрится снег.

— Как самочувствие?

— Порядок, товарищ адмирал. Такая погода на пользу — освежает.

Да, народ здесь привыкший ко всему. Тысячи парней на боевых кораблях. Приехали сюда со всех концов страны. Иной до этого и не видел моря, а о суровом Севере знал только из школьного учебника географии. А послужит год-два, и не отличишь его от потомственного помора.

В борьбе с трудностями люди закаляются и мужают быстро.

Ведь и сам Арсений Головкин ни в детстве, ни в юности о море и не думал. Родился в казачьей станице Прохладной на Северном Кавказе, мечтал растить сады. Потому и рабфак закончил и в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию поступил. Но в 1925 году комсомол обратился к молодежи с призывом идти на флот. И вот паренек из казачьей станицы, оказавшись на палубе боевого корабля, навсегда связал свою жизнь с морем.

С отцовской любовью смотрит адмирал на матросов. Способные, развитые ребята. Адмирал по опыту своему знает: из таких выйдут первоклассные моряки. Главное, чтобы они больше бывали в море. На берегу человека моряком не сделаешь, сколько его ни учи. Моряки рождаются в походах. А плавать здесь есть где. От Шпицбергена до бухты Тикси — 6 тысяч километров — вот на каком пространстве действуют корабли Северного флота. Огромный театр. Жаль, что кораблей маловато. Беден пока флот. Баз не хватает. На бескрайнем пространстве побережье не обжито. Посылаешь корабли и высчитываешь, останется ли у них топлива на обратный путь — пополнить запасы негде.

Адмирал приглядывается к командирам кораблей, к офицерам, вникает в ход учения, старается побеседовать с каждым. Командир обязан учиться постоянно, неустанно. Ведь от его знаний зависят судьбы корабля и людей. И учиться в море в любую погоду, в сложнейших условиях, как бы это ни было трудно и опасно. А что со здешним морем шутки плохи, нельзя забывать ни на минуту.

Головкин четвертый месяц командовал флотом, когда случилась беда с подводной лодкой Д-1. Она выполняла учебные задачи в Мотовском заливе. Береговые посты наблюдали, как лодка погрузилась. Несколькими минутами был виден ее перископ, потом он исчез. Прошли сутки — о лодке никаких вестей. Миновали все сроки пребывания под водой кораблей этого типа, а лодки все нет. Запросы по радио оставались без ответа. Береговые посты непрерывно освещали залив прожекторами (надвигалась уже полярная ночь) — тщетно.

Командующий вышел на миноносце на поиски. Сюда же были вызваны тральщики, спасательное судно ЭПРОН, снабженное металлоискателем. На несколько

часов выглянуло хмурое солнце. И тогда с эсминца заметили на поверхности моря большое пятно — соляр и пробковую крошку. Вокруг плавали мелкие щепки. Из воды подняли матросскую бескозырку. Целую неделю адмирал с поисковыми судами провел в районе катастрофы. Лодка исчезла безвозвратно.

В чем причина ее гибели? Высказывались предположения, что она потоплена чужой лодкой или подорвалась на выставленных кем-то минах. Подобные версии были бы наиболее благоприятными для командования флота: тогда в какой-то мере снималась бы с него ответственность за катастрофу. Но адмирал решительно отверг их. Он был уверен, что все произошло из-за ошибки командира корабля. Подводные лодки этого типа, принимая балласт, погружаются очень быстро. По-видимому, командир не справился с управлением и не сумел удержать лодку от погружения за предельную глубину, и ее раздавило давлением воды. Именно это подтверждали щепки и пробковая крошка на поверхности моря.

Случай из ряда вон выходящий. Изучением его занимались многочисленные комиссии. Командира бригады подлодок сняли с должности. Командующему флотом объявили строгий выговор. Нашлись практичные и осторожные люди, которые советовали: чтобы впредь такое не повторялось, не разрешать подводным лодкам погружаться на глубинах моря больше рабочей глубины лодки. Что ж, рекомендация как будто разумная, она гарантировала от несчастий. Но, по сути дела, это означало бы полное прекращение подводной подготовки: глубины в Баренцевом море везде во много раз превышают рабочую глубину любой подводной лодки, а Белое море с его подходящими глубинами к тому времени уже замерзло.

— Погружайтесь в устье Колы, — предлагали те же осторожные.

И снова командующий не согласился. Пресноводный речной бассейн — плохой полигон для моряка-подводника.

Ждать лета, когда вскроется Белое море? Но слишком беспокойно становилось на Западе. Вторая мировая война неумолимо приближалась к нашим границам. Удастся ли дожить до лета без войны?

До позднего часа засиживался А. Г. Головкин в штабе вместе со своим давним другом Н. И. Виноградовым, новым командиром бригады подводных лодок. Взвесили все и решили продолжать подводную подготовку, не считаясь

с риском. На море и в мирное время без риска не обойтись. Член Военного совета А. А. Николаев, начальник штаба флота С. Г. Кучеров, начальник политуправления Н. А. Торик поддержали смелое решение. Подводники снова выходили в море в полярную ночь, в зимние штормы, погружались в любом районе, учились маневрировать на глубине. К маю 1941 года почти все экипажи лодок подошли к отработке важнейших задач боевой подготовки — к торпедным атакам.

Сложнее было с надводными кораблями. Многие из них поизносились, старые, имелось даже несколько миноносцев типа «Новик» еще дореволюционной постройки. В финскую кампанию они участвовали в боевых операциях и сейчас нуждались в серьезном ремонте. А ремонтных заводов мало, мощность их низка. И все же командующий приказал ремонт производить основательно, не жалеть на него ни времени, ни сил.

В строю оставалось всего несколько кораблей. А как же учить экипажи остальных? Командующий посылает офицеров, старшин и матросов ремонтирующихся кораблей на плавающие эсминцы. В походах идет усиленная учеба. Адмирал сам выходит в море, следит за тренировками и учениями, чтобы ни один час плавания не терялся даром.

Эсминцы на Севере были самыми крупными кораблями и считались основой боеспособности флота. В мае очередная инспекция проверила их готовность, обнаружила, что большинство кораблей находится в ремонте, и сделала удручающий вывод: «Флот не боеспособен».

Формально инспекция была права. Действительно, плохо, когда большинство кораблей прикованы к причалам. Но Головки с жаром доказывал, что моряки работают, не жалея сил, и максимум через две-три недели введут эсминцы в строй. Инспекция, возглавляемая мудрым адмиралом, поверила молодому командующему, потому и обошлось без «оргвыводов». А жизнь подтвердила дальновидность Арсения Григорьевича Головки: начало войны все корабли встретили в полной боевой готовности.

Североморцы с тревогой присматривались к тому, что творится на территории западного соседа. Гитлеровцы беспрепятственно хозяйничали в Финляндии, ввели в нее свои войска, заняли район Петсамо — старинную рус-

скую область Печенгу, примыкавшую к тогдашней советско-финской границе. По данным разведки и по сведениям, полученным от беженцев — финнов и норвежцев, стало известно, что гитлеровцы подтянули к нашим рубежам горноегерский корпус генерал-полковника Дитла, на аэродромах в окрестностях Петсамо больше сотни боевых самолетов, а в фьордах в полной готовности — надводные корабли и подводные лодки.

И хотя у нас с Германией по-прежнему существовал договор о ненападении, все понимали, что надо смотреть в оба — фашисты давно уже выдали свою разбойничью, вероломную натуру. Зверь готовился к прыжку.

В полдень 17 июня 1941 года над Кольским заливом появился немецкий самолет. Летел он низко, оперативный дежурный, выглянувший из окна, разглядел даже летчика в кабине. Фашист пролетел над бухтой Полярного, Кольским заливом, Ваенгой и... спокойно ушел восвояси. Командующий бушевал: почему не стреляли батареи, почему не подняты истребители? Командиры признались: боялись что-нибудь напутать, ведь с Германией договор...

— Никакой договор не отменяет инструкцию: пресекать любое нарушение границы!

Вместе с А. А. Николаевым командующий объезжает батареи, аэродромы. Указание категорическое: появятся неизвестные самолеты — сбивать!

В конце суток (ни вечером, ни ночью не скажешь — стоял бесконечный полярный день) фашистские самолеты показались снова. На этот раз их встретил дружный огонь. Правда, безрезультатный — гитлеровцы летели на высоте свыше 7 тысяч метров.

Из Москвы пока не было указаний. Головки на свой страх и риск переводит флот на повышенную готовность. До объявления войны оставалось еще пять дней, а на Севере корабли уже выходили в боевой дозор, направлялись на боевые позиции подводные лодки, на аэродромах летчики дежурных истребителей сидели в кабинах, готовые к вылету по первому сигналу.

Командующий пригласил к себе Н. А. Торику.

— Дела предстоят большие. Надо усиливать партийно-политическую работу на кораблях и в частях. Штаб флота выделил двадцать лучших офицеров. Политуправлению тоже не мешало бы направить, как говорится, на линию огня самых дельных своих работников. Там, на кораблях, они принесут больше пользы, чем на берегу.

Вместе обдумали кандидатуры. Политуправление (оно тогда называлось управлением пропаганды и агитации) послало на корабли и в соединения 15 своих работников.

По вопросам сухопутной обороны Северный флот оперативно подчинился Ленинградскому военному округу. Головки встречается с командующим округом, договаривается о совместных действиях.

Дневниковая запись:

«21 июня. В течение суток над нашей территорией появились два фашистских самолета — один у полуострова Рыбачьего, второй в районе Териберки. Это значит, что гитлеровцы просматривают побережье Мурмана. Думаю, что они хотят выяснить, идут ли у нас перевозки из Белого моря и готовимся ли мы к отражению удара. Над Кольским заливом чужих самолетов не было, поэтому обошлось без воздушных тревог и стрельбы зениток.

...Просмотрел за чаем вечернюю сводку. Привлекли внимание данные воздушной разведки. В течение дня были обнаружены: на подходах к губе Петсамо тральщики; в самом порту, на рейде, пятнадцать тральщиков; на рейде Варде — транспорт; в Перс-фиорде — транспорт. В общей сложности за сутки из Петсамо вышли восемь транспортов и вошли в гавань три транспорта, два рыболовных траулера и один сторожевой катер.

Пока размышлял над сводкой, принесли радиограмму особой срочности.

Николаев, Кучеров и заглянувший «на всякий случай» Торик забыли про чай, когда я начал читать вслух радиограмму. В ней официально сообщалось, что немецко-фашистское командование стянуло войска (около двухсот дивизий) к нашей границе и что с часу на час надо ожидать их вторжения на территорию Советского Союза. Нам предписывалось перевести все части флота на повышенную готовность.

Фактически флот уже в этой готовности. Остается, как только последует сигнал о всеобщей мобилизации, принять положенные по мобпланду различные вспомогательные суда и помещения, а также запасников, приспанных к флоту.

Мало сил, недостаточно техники, но, по существу, мы готовы».

Сигналом по флоту все корабли и части приводятся в готовность № 1.

В четыре часа утра 22 июня, в момент, когда фашистские бомбы обрушились на многие советские города, гул взрывов прокатился и над Полярным. Война началась.

Над Полярным, над Мурманском не стихают яростные воздушные бои. Советские батареи на полуостровах Рыбачьем и Среднем ведут огонь по фашистским кораблям, пытающимся выйти из Петсамо. На командование флота легло огромное бремя забот. Спешно проводится мобилизация, из угрожаемых районов эвакуируется население, не связанное с задачами обороны, армейцы просят морем перебросить резервы. Все это приходится делать под непрерывными вражескими бомбежками. Чтобы снизить активность фашистской авиации, командующий организует удары наших бомбардировщиков по аэродромам противника. Задача эта усложняется тем, что Москва требует: против Финляндии боевых действий пока не вести. Наше правительство давало правительствам этой страны возможность отказаться от войны. Но те не использовали эту возможность. 26 июня Финляндия объявила войну Советскому Союзу. Что ж, придется им в конце концов пожинать то, что посеяли. Хотя у нас на Севере самолетов было мало, советские летчики усилили удары по вражеским аэродромам и другим важнейшим военным объектам.

Флот пополнился мобилизованными торговыми промысловыми судами. Их в экстренном порядке переоборудовали в сторожевые корабли, тральщики и минные заградители. Командующий лично знал многих их командиров. Сейчас он дал указание отделу кадров: сохранить этих опытных мореходов на их постах, представить к присвоению воинских званий, по возможности оставить в прежнем составе и команды их судов, а чтобы гражданские моряки быстрее освоились с флотскими порядками, включать в состав экипажей толковых офицеров и старшин. Обрадовала Головки весть о том, что по решению Государственного Комитета обороны на Север направляются с Балтики по Беломорско-Балтийскому каналу несколько подводных лодок, сторожевых и торпедных катеров.

29 июня вражеские войска перешли в наступление. Гитлеровцы хотели захватить Мурманск, Кольский полуостров, Кировскую железную дорогу, овладеть Архангельском. У противника было большое превосходство в силах. Части советской Четырнадцатой армии дрались за каж-

дый клочок земли, но враг теснил их. Советским войскам с трудом удалось задержаться на рубеже реки Западная Лица. Это всего в 60 километрах от Мурманска. На перешейке полуострова Средний наши немногочисленные подразделения остановили врага на горном хребте Муста-Тунтури. На всех участках бои носили ожесточенный характер. Не считаясь с потерями, враг вводил все новые подкрепления.

Моряки понимали, что судьба Заполярья, судьба Северного флота решается сейчас на мурманском направлении. И флот не жалел сил, чтобы помочь сухопутным войскам. Командующий армией позвонил А. Г. Головки. За три дня боев артиллеристы частей, сражавшихся на перешейке полуострова Средний, израсходовали много снарядов.

— Сейчас у них остаток всего-ничего. Выручайте.

Головка вызвал командира дивизиона миноносцев капитана 3-го ранга Е. М. Смирнова, командиров эсминцев «Куйбышев», «Урицкий» и двух сторожевых катеров типа «морской охотник». Объявил: они немедленно выходят в Мотовский залив, чтобы огнем своей артиллерии поддержать пехоту. Кратко разъяснил обстановку:

— Нам нельзя терять Рыбачье: кто владеет им, тот держит в руках Кольский залив. А Северный флот без него существовать не может. И государству он крайне нужен. Это наш океанский порт.

Головка понимал опасность, которой подвергался отряд: вражеские самолеты бомбят каждый корабль, появляющийся в море. Сознавали это и командиры кораблей. Тем более адмирал сразу сказал им, что надежного прикрытия с воздуха обещать не может: истребителей мало.

Корабли ушли. В шесть часов утра они уже открыли огонь по противнику. Организацию стрельбы взял на себя флагманский артиллерист флота капитан 2-го ранга Баранов. По его указанию катера доставили на берег корректировочные посты с радиостанциями, связались с армейским командованием, уточнили цели. Корректировали каждый залп.

Эсминцы вели огонь почти четыре часа. Били точно, армейцы остались довольны. Стрельбу пришлось прервать, когда в воздухе показалось около 40 вражеских бомбардировщиков. Они пикировали тройками, заходя вдоль корабля, от кормы к носу. Сбросили в общей сложности 80 крупных бомб. Умело маневрируя, командиры

эсминцев уклонялись от ударов. Они спешили в открытое море, чтобы укрыться в надвигающейся полосе тумана.

Но одна из корректировочных групп осталась на берегу. Снять ее было поручено катеру под командованием лейтенанта И. А. Кроля. В этот момент фашистская авиация повторила налет. Не обнаружив больших кораблей, 18 «юнкерсов» обрушили удар на маленький катер, вооруженный всего двумя 45-мм пушками и двумя крупнокалиберными пулеметами.

По всем расчетам, по теории вероятностей, по всем тактическим нормам катер должен был погибнуть. Береговые посты доносили, что его порой невозможно разглядеть среди фонтанов разрывов. Стало известно, что катер поврежден. Вышло из строя рулевое управление, два из трех моторов. Но маленький корабль не прекратил борьбы. Командир неутомимо маневрировал: то давал единственному двигателю полный ход, то стопорил его, то давал задний ход, нарушая этим расчеты гитлеровских летчиков. А орудия израненного катера били и били по врагу.

— Второй самолет сбили! — восторженно доносили наблюдатели с берега.

Командующий флотом, внимательно следивший по их докладом за беспримерной схваткой одного катера с 18 самолетами, приказал выслать к месту боя две пары истребителей — все, что имелось в резерве. Но они не успели помочь катеру. Полчаса маленький корабль увертывался от бомб. Потом он исчез в тумане... И вдруг командующему докладывают:

— Кроль на проводе.

Головка хватается трубку. Кроль звонит из порта Владимир. С разбитой кормой, с еле работающим мотором катер приполз туда.

— Сейчас придем «морской охотник», возьмем вас на буксир.

— Не надо. Сейчас над морем ясно. Его заметят и станут опять бомбить. Зачем подставлять под удар второй катер? Лучше дождусь тумана и тогда сам приду...

И пришел. Вопреки всем предположениям. Да, на войне далеко не все подчиняется математике.

Несмотря на всю свою занятость, командующий спешит на ширс, чтобы пожать руки отважным. Сообщает лейтенанту И. А. Кролю, его помощнику лейтенанту А. В. Бородавко и рулевому Б. Н. Векшину, что они пред-

ставлены к ордену Красного Знамени (позже командующему будет дано право самому награждать отличившихся от имени Президиума Верховного Совета).

Звонок в редакцию флотской газеты: срочно — в номер! — организовать материал о подвиге экипажа катера Кроля.

Неистовствовала фашистская авиация, а корабли все же каждый день выходили в Мотовский залив, чтобы поддерживать огнем сухопутные войска. Взаимодействовала с пехотой и авиация флота. Летчики в течение суток совершали до пяти боевых вылетов. Отдыхали урывками — пока техники заправляли самолеты горючим и подвешивали бомбы. Десятки малых судов доставляли войскам подкрепления, боеприпасы, продовольствие. И все же положение на сухопутном фронте оставалось крайне тяжелым. Войска таяли не по дням, а по часам. Беспереывные бои вымотали солдат. Военный совет флота решил помочь фронту и людьми. Начали отбирать добровольцев, готовых сражаться на сухопутье.

Нелегко моряку расставаться с кораблем. Это его дом, здесь его боевая семья, поле его подвигов. Но на призыв Военного совета отозвался весь флот. В добровольцах недостатка не было. Отбирали лучших. За двое суток сформировали несколько отрядов общей численностью около 12 тысяч человек. Оружие, боеприпасы, снаряжение выделили корабли и флотские части. Командующий сам провожал отряды в путь. Наказывал не посрамить флотской чести. Снова и снова разъяснял людям, что надо любой ценой отстоять Средний и Рыбачий, Мурманск и Полярный, Кольский залив, ибо без них Северный флот существовать не может.

С грустью расставался адмирал с отборными моряками, квалифицированными корабельными специалистами четвертого и пятого года службы. Знал, что со многими не доведется больше увидеться.

Отряды флотских добровольцев с ходу вступали в бой, вливались в поредевшие ряды пехотинцев и вместе с ними сдерживали, а часто отбрасывали врага. Дрались за каждый метр каменистой тундры, за каждую сопку, скалу, расщелину. Даже там, где среди камней оставались в живых два-три бойца, враг не мог ступить ни шагу.

Чтобы облегчить положение сухопутных войск, по приказу адмирала Головки флот высаживает десанты в тыл вражеским частям. Первый десант сформировали

всега за два часа. Доставили его к месту высадки на рыболовных судах. За ним последовал второй, третий, четвертый. Все они были крупными — от 500 до 1000 человек. Высаживались в светлое время, потому что по-прежнему стоял круглосуточный полярный день. Это было нарушением всех канонов, утверждавших, что главное для успеха десанта — скрытность подхода к вражескому берегу. Высадкой десантов командовал начальник охраны водного района капитан 1-го ранга В. И. Платонов, а общее руководство всеми силами десанта — войсками, кораблями, авиацией, артиллерией — брал на себя лично командующий флотом вице-адмирал А. Г. Головки.

Фашистское командование с прусской педантичностью — по дням и даже часам — расписало план захвата всех пунктов Советского Заполярья. По этому плану Мурманск должен был пасть 29 июня — через неделю после начала войны. Фашистская печать в этот день поторопилась объявить Мурманск взятым. Но прошли две-три недели, а берега Кольского залива гитлеровцы так и не увидели.

Меры, принятые советским командованием, сделали свое дело. Наступление фашистов на мурманском направлении захлебнулось. Где 35, где 40 километров — меньше половины расстояния от границы до Мурманска — только и сумели пройти фашистские егеря за первые три недели войны. Дальше они не продвинулись ни на метр. Непроступной стеной стал для них и хребет Муста-Тунтури. Вскоре этот участок фронта целиком перешел к флоту. Позже здесь возник Северный оборонительный район во главе с генерал-лейтенантом С. И. Кабановым, прославившимся на Балтике во время героической обороны полуострова Ханко.

В очень трудные первые дни и недели войны на командование флота навалились проблемы, казавшиеся просто неразрешимыми. Налеты фашистской авиации вывели из строя Кировскую железную дорогу, прервав единственную магистраль, связывавшую Мурманск со страной. Флот остался без топлива. Пометка в дневнике командующего: «Нефти в обрез — только то, что есть на кораблях, — одна зарядка».

А в Кольском заливе скопилось полторы сотни судов торгового флота, транспорты, рыболовные траулеры, мото-

боты. Им грозило уничтожение — превосходство в воздухе оставалось за фашистской авиацией. Советские летчики проявляли чудеса героизма. И все же суда в Кольском заливе под постоянной угрозой. Надо их выводить в Белое море. Но как это сделать? Ни авиации, ни боевых кораблей для их прикрытия на переходе флот выделить не мог.

Адмирал Головкин нашел выход. Попытаемся по отрывочным дневниковым записям проследить ход его рассуждений. Гитлеровцы привержены шаблону. Налеты их авиации повторяются, как правило, в одни и те же часы. В силу своей педантичности они не признают иных способов действий. «Прибегнуть же к тому, что не укладывается в их мышлении, значит почти наверняка преуспеть, — замечает адмирал. — Короче говоря, не попытаться ли обойтись без конвоирования на переходе? Ведь фашистам и в голову не придет, что мы осмелимся пренебречь догмами и канонами в таком деле. Рискованно, конечно, отправить без прикрытия, без специального охранения все это множество судов; но другого выхода нет. Если оставить их здесь, они могут быть потеряны; если же вывести отсюда и рискнуть на самостоятельный переход, какое-то количество судов будет определенно спасено».

И командующий решает пустить суда поодиночке, с разными интервалами, а тем временем отвлечь внимание противника налетами нашей авиации на его аэродромы, на Киркенес, Петсамо. Перед истребителями ставится задача — перехватывать фашистских воздушных разведчиков, не дать им обнаружить суда на переходе.

Один за другим покидают Мурманский порт всевозможные суда — от океанских транспортов до зверобойных мотоботов. Они идут в одиночку, совершенно беззащитные. С тяжелым сердцем смотрит на них адмирал, когда они показываются на траверзе Полярного. О судьбе их не будет известно, пока не доберутся до Архангельска: чтобы противник не запеленговал суда, пользоваться радиосвязью им разрешено только в чрезвычайных случаях.

К концу вторых суток береговой пост Кильдина сообщил: последнее из судов обогнуло остров и легло курсом на восток.

Руководя боевыми действиями на суше, море и в воздухе, командующий ни на минуту не забывает о судах, которым предстоит пройти 450 миль — более 800 кило-

метров (морская миля — 1,8 километра). Можно себе представить его волнение, когда радио донесло сигнал бедствия с рефрижератора № 3 Народного комиссариата рыбной промышленности, с судна водоизмещением в 2 тысячи тонн: его атаковала вражеская авиация. На вызовы рефрижератор не ответил. Значит, погиб... Какую уже ночь не спит адмирал, вздрагивая при каждом звонке с радиоузла. Он понимает, насколько рискованно осуществляемое по его приказу предприятие, хотя и делается оно ввиду угрозы потерять все.

Днем поступило донесение из Архангельска. Командующий не верит ушам. Снова и снова переспрашивает.

«Ответ поразил не только меня, — записано в дневнике. — Все до единого суда прибыли в пункты назначения благополучно; не пострадало в пути ни одно. Сейчас они рассредоточены в Северной Двине. Что же касается рефрижератора № 3, то он третьи сутки преспокойно стоит у причала в Архангельске. Никаких повреждений не имеет. Целехонек и готов к плаванию. Оказывается, случайно пролетевший мимо судна «юнкерс», вероятно разведчик, выпустил несколько очередей по рефрижератору. Две-три пули попали в стенку радиорубки, и радист самовольно, без ведома капитана, дал в эфир сигнал бедствия, после чего закрыл вахту и, естественно, не слышал наших запросов».

До того приятно, что нет потерь, — даже сердиться на перетрусившего радиста не хочется... Итак, все суда — 150 единиц, которые еще очень пригодятся государству, — целы. Расчет оказался верным. Риск был необходим, целесообразен и поэтому оправдан. Теперь можно сказать: еще одно столкновение умов в войне на море здесь, в Заполярье, выиграно нами».

Радость этой первой удачи на море огорчила трагедия у Гавриловских островов. Пять вражеских эсминцев внезапно напали здесь на советский отряд кораблей — два рыболовных траулера, которых сопровождал сторожевой корабль «Пассат», тоже вчерашний траулер, промышлявший треску, а теперь вооруженный двумя 45-мм пушками и двумя пулеметами. Завидя противника, командир «Пассата» старший лейтенант В. Л. Окуневич, приказав обоим траулерам идти к берегу, чтобы укрыться в бухте Гавриловской, сообщил по радио о нападении и ринулся на встречу врагу. Две сорокапятки против мощных орудий эсминцев — что они могли сделать? И все же моряки сто-

рожевика, верные долгу, вступили в неравный бой, чтобы отвлечь на себя внимание фашистов и тем самым спасти траулеры. «Пассат» сражался до конца. Даже когда разбитый вражескими снарядами корабль носом уже погрузился в воду, кормовое орудие его продолжало бить по врагу. Фашистские эсминцы потопили и один из траулеров. Второй успел войти в бухту.

В течение часа погибли два судна и семьдесят три человека.

Никто из моряков не дрогнул в бою. Когда враг начал обстреливать шлюпки с погибших кораблей, они гордо встретили смерть: под пулями и осколками запели «Интернационал». Командующий высоко оценил героизм моряков. Но его мучит вопрос: почему случилось так, что вражеские корабли безнаказанно смогли расправиться с нашим конвоем? Медлительность штаба флота — вот тому причина, — пришел он к заключению. Эскадренные миноносцы вышли к месту боя только через полтора часа после радиограммы Окуневи́ча, то есть когда бой уже закончился. Поздно была выслана и авиация.

«В конечном счете все это — моя ошибка, — с горечью отмечает адмирал. — Занятый сухопутными делами... я перестал уделять достаточное внимание морской разведке...

Вывод на дальнейшее: внимание разведке, в первую очередь воздушной. Надо знать все, что происходит на театре, предвидеть намерения противника, учитывать его тактику и опережать его действия».

Подлинно мужественный человек, Головкин никогда не перекладывал ответственность за промахи на плечи других. Он умел видеть свои ошибки и решительно исправлять их.

Когда спустя две недели четыре вражеских эсминца вновь вышли на морской разбой, разведка уже не запоздала сообщить об этом. Несмотря на туман, удалось проследить их путь. В море в это время находилось гидрографическое судно «Меридиан» — оно направлялось от маяка к маяку вдоль побережья с заданием принять на борт семьи маячных служителей, чтобы потом доставить их в Архангельск. Капитан судна по радио был предупрежден об эсминцах противника и получил приказ укрыться в бухте Восточная Лица, но не сразу выполнил его. Это погубило корабль. Эсминцы настигли судно у входа в бухту. Расстреливаемый в упор «Меридиан» за-

тонул. Фашисты со звериной жестокостью добивали плавающих в ледяной воде людей, в том числе женщин и детей. Но на этот раз нападение не оказалось безнаказанным. Заблаговременно поднятые с аэродромов советские самолеты в тумане разыскали вражеские миноносцы и атаковали их. Один из них был подбит, а затем потоплен.

Только 10 августа враг решился на новую вылазку. Тактика прежняя — скопом навалиться на тех, кто слабее. На этот раз объектом атаки трех вражеских эсминцев стал сторожевой корабль «Туман» — такой же переоборудованный траулер, как «Пассат». Он нес боевой дозор у острова Кильдина, когда над ним низко пролетел фашистский бомбардировщик. Командир корабля старший лейтенант Л. А. Шестаков сейчас же донес об этом.

(И снова горькое признание Головкин: «Увы, нам еще не хватает оперативности мышления в новых условиях и умения анализировать уже известные факты, сопоставлять их с возможными намерениями противника на театре. В двух предыдущих случаях появление вражеских эсминцев было предварено воздушной разведкой и совпало по времени с нынешним случаем. Если бы сегодня мы учли это, если бы действовали быстрее, если бы все донесения были сделаны раньше, картина боя могла быть иной. Ибо где-где, а на войне время не ждет».)

Бой снова показал силу духа наших людей во всем величии. Сторожевик со своими двумя сорокапятками вступил в бой с тремя боевыми кораблями. На сторожевике вспыхнули пожары, через пробойны врывалась вода, а экипаж сражался. Когда осколком снаряда перебило флагшток, раненый матрос Семенов подхватил флаг корабля и поднял его над головой. Герой получил вторую рану. На помощь ему подоспел радист Блинов. До последней минуты на гибнущем корабле развевался флаг Родины.

В бой включилась расположенная на берегу наша батарея. Ее залпы отогнали фашистские эсминцы. Но спасти «Туман» уже было невозможно. Уцелевшие моряки сошли в шлюпки. Шестакова, убитого в начале боя, сменил лейтенант Л. А. Рыбаков. Он покинул тонущий корабль тридцать седьмым по счету, то есть последним, как положено командиру.

Отходившие от места боя вражеские эсминцы настигла поднятая командующим флотом авиация. Один из них был поврежден у острова Варде.

Гитлеровцы убедились, что впредь им не удастся безнаказанно нападать на советские корабли. Теперь они стали действовать куда осторожнее.

С первых же дней войны флот не только отбивался от врага, но и наносил ему удары. Они становились все чувствительнее. Наше командование верно определило самое уязвимое место противника — его морские коммуникации. Лапландская группировка гитлеровцев не могла существовать без связи с тыловыми базами в Норвегии. По суше здесь много не подвезти: железных дорог нет, а пропускная способность автомобильных дорог незначительна. Снабжение фронта, подвоз подкреплений фашисты могли осуществить только морем. Морем же они вывозили из Киркенеса и Петсамо столь необходимое им стратегическое сырье — никелевую руду.

Размышления над картой привели командующего флотом к выводу — если нарушить морские коммуникации врага, то его лапландской группировке будет не до наступления: не до жиру, быть бы живу. И Головко нацеливает на вражеские пути основную ударную силу флота — подводные лодки.

Налеты фашистской авиации вынудили перенести флагманский командный пункт флота в безопасное место — в убежище, вырубленное в огромной скале. Кабинет командующего здесь — крохотная комната. Вся ее обстановка — письменный стол с телефонами, несколько стульев и койка. Зато несомненно одно преимущество нового КП: рядом с кабинетом Головко — командный пункт бригады подводных лодок. Командующий в курсе всех дел подводников. Он знает, где действует каждая лодка, что она делает в данную минуту. Командир бригады Н. И. Виноградов имеет доступ к командующему в любой час дня и ночи. Головко, как правило, лично проводит в поход каждую лодку, подолгу беседует с командиром корабля, разъясняя задачу.

Условия для действий подводников сложились очень трудные. Берег на запад от Рыбачьего занят противником. Вдоль всего побережья — вражеские посты наблюдения, батареи, аэродромы. Используя большие глубины прибрежных вод, гитлеровцы свои конвои вели почти вплотную к берегу, где во множестве удобных бухт и заливов были сосредоточены их сторожевые суда. В на-

чале фашисты пускали транспорты без охранения. Но после первых же атак наших лодок стали водить их в конвоях — в сопровождении множества боевых кораблей и под постоянным прикрытием авиации.

И все же потери гитлеровцев на море росли с каждым месяцем. Боевой счет советские подводники открыли 14 июля, когда Щ-402 под командованием капитан-лейтенанта Н. Г. Столбова проникла в порт Хоннингсвог и двухторпедным залпом потопила стоявший там на якоре вражеский транспорт водоизмещением в 3000 тонн. 21 августа в порт Лиинахамари проникла «малютка» под командованием капитан-лейтенанта И. И. Фисановича и потопила еще одно неприятельское судно. 26 сентября в этом же порту атаковала немецкий транспорт подводная лодка М-174 под командованием капитан-лейтенанта Н. Е. Егорова. 2 октября М-171 капитана 3-го ранга В. Г. Старикова тоже непосредственно в порту торпедировала большое вражеское судно.

Пока не так уж много. Сказывался недостаток боевого опыта у командиров кораблей. Головко добивается, чтобы каждый поход был для них настоящей школой. Вместе с молодыми командирами в плавание отправляются старейшие подводники — командиры дивизионов И. А. Колышкин и М. И. Гаджиев. Оба почти не бывают на берегу. Вернутся с моря и сразу же переходят на другие лодки, уже готовые отдать швартовы.

19 сентября над Екатерининской гаванью прогремел орудийный выстрел. Это подводная лодка К-2 капитана 3-го ранга В. П. Уткина, на которой выходил в море Гаджиев, оповестила об одержанной победе. Подводники потопили вражеский транспорт. Причем впервые на Севере подводная лодка успешно использовала свое артиллерийское оружие (на этих типах лодок стояли мощные орудия). С тех пор победные выстрелы — по числу потопленных кораблей — стали традицией подводников-североморцев.

Осенью Северный флот к имевшимся пятнадцати подводным лодкам получил еще восемь, переведенных из Ленинграда. Возможности действий на вражеских коммуникациях расширились. В сочетании с возросшим опытом подводников это способствовало достижению новых боевых успехов. В декабре общее водоизмещение атакованных и потопленных североморцами вражеских судов составило 66 тысяч тонн.

Подводники уже привыкли к тому, что когда лодка после похода возвращается в родную гавань, на пирсе ее встречают командующий флотом и командир бригады. Адмирал обходит выстроившихся на палубе моряков, поздравляет с победой, каждому жмет руку. Здесь же, на корабле, он выслушивает доклад командира, потом ведет офицеров лодки на флагманский командный пункт, где начинается обстоятельный разговор о подробностях похода, удачах и ошибках. Так общими усилиями были выяснены причины низких результатов атак в первые месяцы войны: командиры сэкономили торпеды и старались поразить цель одним выстрелом. Это часто приводило к промахам. Капитан-лейтенант Малышев, например, в одном походе пять раз выходил в атаку, и каждый раз торпеда проходила мимо цели. И только шестая атака завершилась победой. Да и то лишь потому, что командир сблизился с целью на «пистолетный выстрел». Когда обсуждался этот поход, командующий хлопнул ладонью о стол:

— Хватит. Такая экономия слишком дорого нам обходится. Если бы Малышев вместо одиночных выстрелов давал двух-трехторпедные залпы, то из шести атакованных им транспортов по крайней мере три были бы потоплены. Жалеть в таком случае торпеды не следует.

Все командиры перешли к залповой стрельбе. Это очень скоро дало результаты. После очередного похода подводная лодка Ш-421, которой в то время командовал капитан 3-го ранга Н. А. Лукин, отсалютовала трижды. А Д-3 капитан-лейтенанта Ф. В. Константинова, применяя залповый метод стрельбы, в течение одного плавания успешно атаковала четыре вражеских транспорта.

В декабре вернулась в Полярный подводная лодка капитана 2-го ранга В. Н. Котельникова, на которой выходил в море командир бригады Н. И. Виноградов. Командующий флотом поджидал ее на причале. Не дожидаясь, когда корабль отшвартуется, адмирал вбежал на ходовой мостик, крепко обнял Котельникова.

— А знаете, что вез транспорт, который вы потопили?

— Нет, товарищ командующий.

— Полушубки он вез для запландской группировки. Двадцать тысяч полушубков. Сами немцы в газете плакали: русские, мол, воюют не по правилам, бесчеловечно. Горные егеря теперь простудиться могут...

Моряки дружно смеются.

— Пусть егеря на морозе попляшут!

— Мы их в гости не приглашали!..

Начальник береговой базы капитан 3-го ранга Морденко вручает Котельникову живого поросенка. Это тоже стало традицией — экипаж лодки после похода получает в подарок столько поросят, сколько потоплено кораблей. Потом поросята в зажаренном виде будут украшением праздничного обеда, на который экипаж лодки пригласит боевых товарищей с других кораблей. Головки и Николаев, если позволяло время, охотно бывали на этих встречах. Командующий любил вместе со всеми порадоваться победе. Он умел и веселую застольную беседу сделать задушевной и полезной. Здесь снова во всех деталях — драматических, а то и смешных — обсуждались перипетии боевого похода, подчас вносились очень деловые предложения. И вся атмосфера таких встреч согревала души подводников, наполняла сердца гордостью за свои дела, за то, что вокруг такие чудесные, верные друзья.

Командующий требовал от подводников непрестанно совершенствовать тактику борьбы. Гитлеровцы, стремясь уберечь транспорты от атак наших кораблей, маршруты конвоев прокладывали в пхерных районах, среди островов. Здесь на небольших глубинах легче было отгородиться от моря минными полями. Мины и противолодочные сети, сторожевые посты и батареи на островах еще более усложняли действия наших лодок. Да и обнаруживать конвой среди бесчисленных островов стало значительно труднее.

Раньше каждой подводной лодке выделялась строго определенная позиция, за пределы которой она не могла выходить. Жизнь показала, что разграничительные полосы сковывали инициативу командиров, мешали использовать боевые возможности кораблей. Уже в начале 1942 года на Севере перешли к новому, более совершенному способу использования подводных лодок — к крейсерству в ограниченном районе, что открывало подводникам условия для широкого маневра. Эффективности действий подводников способствовало улучшение воздушной разведки, привлечение самолетов для наведения лодок на цель, а в дальнейшем и организация непосредственного взаимодействия между подводными, надводными кораблями и авиацией.

Однако до самого конца войны подводникам прихо-

дилось преодолевать много трудностей. За время похода каждая из лодок не раз форсировала минные и сетевые заграждения. Противник непрерывно усиливал охранение конвоев. Если гитлеровцы обнаруживали подводную лодку, на нее обрушивались сотни глубинных бомб. Не раз случалось, что подводная лодка вырывалась от преследования отчаянным маневром: всплывала и пускала в ход артиллерию.

Командующий флотом, наблюдая за действиями подводников, принимал все меры, чтобы помочь попавшему в беду кораблю. Так было со Щ-402 Столбова. Лодка успешно атаковала крупный транспорт, тральщик и еще одно небольшое судно. Когда удалось оторваться от противника, обнаружившего «щуку», оказалось, что в поврежденных бомбежкой цистернах не осталось топлива. Моряки собрали из неизрасходованных торпед керосин, смешали его со смазочным маслом, и на этом «ерше», как шутили потом подводники, им удалось отойти подальше в море. Но вот дизеля встали, на этот раз окончательно. Лодке грозила неминуемая гибель.

Узнав об этом, Головки спросил у командира бригады:
— Какая лодка готова к выходу?

Таких не оказалось. К-21, которой теперь командовал Лунин, стояла на ремонте, ремонт ее должен был закончиться через четыре дня. Головки вызвал командира:

— Вам нужно немедленно выходить, спасти Столбова.

Подводники приложили все силы, и через несколько часов «катюша» — большая крейсерская лодка — взяла курс в море. Бушевал шторм. С трудом Лунин разыскал поврежденную лодку, на огромной волне, грозившей разбить оба корабля, сблизился со Щ-402 и передал ей топливо. Обе лодки благополучно возвратились в Полярный.

Трагически сложилась судьба Щ-421, которую принял Видяев у Лунина, когда тот перешел на К-21. В этом походе участвовал И. А. Колышкин. «Щука» отправила на дно вражеский транспорт. Но радость подводников была недолгой. 8 апреля лодка подорвалась на mine. Взрывом срезало оба винта. Корабль потерял ход и не имел возможности погружаться. А вражеский берег был рядом. Подводники заделали пробоины, собрали брезентовые чехлы, сшили из них паруса и подняли их на перископ, заменивший мачту. Так удалось отойти от берега. Радист от-

ремонтировал поврежденную рацию, и Колышкин доложил на базу о случившемся. Через несколько часов на лодку поступила радиограмма командующего флотом, в которой сообщалось, что на помощь направляется К-22. Вскоре поступила еще одна депеша, подтверждающая и дополняющая первую: «Подводной лодке К-22 приказано следовать с позиции вам на помощь. В случае невозможности спасти лодку спасайте людей, лодку уничтожьте».

Командир К-22 на полном ходу вел свой корабль к месту катастрофы. Наконец корабли сблизились. Моряки «катюши» попытались взять «щуку» на буксир. Но крупная океанская зыбь рвала тросы. Остался один выход — снять людей, а поврежденный корабль потопить. Видяев не хотел расставаться с родным кораблем. Проводив всех моряков на «двадцать вторую», он и Колышкин остались на палубе одни. До них донесся голос Котельникова: «Это приказ комфлота. Уходите, иначе погубим оба корабля».

Сначала Колышкин, потом Видяев — обязанность и право командира покинуть корабль последним! — поднялись на мостик «катюши». И вовремя: над морем показался вражеский самолет.

В полдень 10 апреля К-22 вошла в гавань Полярного. Дважды отсалютовав (она потопила в этом походе два неприятельских судна), «катюша» подняла позывные Щ-421 и выстрелила еще раз, возвестив о последней победе погибшей лодки.

Флот непрерывно пополнялся подводными лодками. Пять из них пришли на Север с Дальнего Востока, совершив беспримерный в истории подводного плавания переход через Тихий и Атлантический океаны общей протяженностью около 17 тысяч миль.

Все новые корабли давали подводникам Севера героические труженики судостроительных заводов. С особым волнением встречали североморцы лодки, построенные на средства, собранные трудящимися. Принимали такие корабли торжественно, об этом заботились командующий и политуправление флота.

...На палубе одной из «малюток» выстроились моряки, а среди них, на правом фланге, — люди в гражданской одежде. Под звуки «Интернационала» на мачте взвывает военно-морской флаг. Из строя выходят представители трудящихся Ярославской области — секретарь Рыбин-

ского горкома комсомола Михаил Зыбин, колхозница Анфиса Шуккина, агроном Антонина Малышева и мастер резинокомбината Александра Соболева. С короткими речами они обращаются к экипажу корабля, к морякам, заполнившим причал. Говорят о том, что комсомольцы Ярославской области собирали деньги на этот корабль. Новая лодка получает название «Ярославский комсомолец». Командир корабля капитан-лейтенант Федор Лукьянов от всего сердца благодарит ярославцев за замечательный подарок Северному флоту, заверяет, что экипаж лодки не пожалеет ни сил, ни жизни самой во имя победы.

К Лукьянову подошел командующий флотом.

— Все ваши люди сознают, какой корабль им доверяют? Вам же теперь будут завидовать все подводники Севера. Ваш корабль должен стать лучшим на флоте!

Встреча с ярославцами запомнилась всем североморцам. С точки зрения воспитания она стояла десятков самых ярких бесед и лекций о связи армии с народом и их единстве. Ничто не может так затронуть сердца людей, как подобное реальное, осязаемое доказательство заботы народа о своем флоте, о своих сынах-моряхах.

Спустя короткое время экипаж «Ярославского комсомольца» сообщил ярославцам о своей первой победе. Она была добыта дерзко и смело — лодка прорвала две линии вражеского охранения и с короткой дистанции торпедировала транспорт, нагруженный боеприпасами. Страшный взрыв потряс море. Он был настолько силен, что сама лодка получила небольшие повреждения.

Семья кораблей, построенных на трудовые сбережения молодежи, росла. Появились лодки «Челябинский комсомолец», «Новосибирский комсомолец», «Ленинский комсомол».

Командующий нацеливал на вражеские коммуникации не только подводные лодки, но и другие силы флота. Много он работал с летчиками. Вначале результаты их ударов по конвоям были сравнительно низкими. Объяснялось это тем, что в распоряжении морских летчиков было много типов самолетов. Летали они на МБР-2 — тихоходных, слабо вооруженных летающих лодках и на устаревших СБ. Только в 1942 году на смену этим машинам пришли более совершенные ПЕ-2 и ИЛ-4. Но дело было не только в технике, а и в приемах ее боевого использования. Бомбовые удары с больших высот редко

приносили победу. Не могли похвалиться большими успехами и торпедоносцы.

Заглянем снова в дневник адмирала.

«Как известно, существуют два способа торпедирования — высокое, похожее на обычное бомбометание с горизонтального полета, и низкое. Если сбросить торпеду с большой высоты, то для самолета в таком случае меньше опасности быть сбитым, зато вероятность попадания торпеды в цель гораздо меньшая. Если же сбросить торпеду на бреющем полете в пятистах-восьмистах метрах от цели, то, конечно, опасность для самолета возрастает, ибо атакуемый корабль и его охрана вводят в действие не только зенитную артиллерию, но и вообще все, что способно стрелять. В таком случае торпедоносцу приходится преодолевать весьма плотную огневую завесу, точнее — идти в огне.

Мы на флоте решились на это, поскольку надо было тонить суда противника наверняка, чтобы сорвать его попытки изменить положение на сухопутном фронте, и результаты сказались немедленно».

29 июля 1942 года два торпедоносца, ведомые капитаном И. Я. Гарбузовым, обнаружили в Варангер-фиорде караван вражеских судов. Летчики со стороны солнца облизались с наиболее крупным транспортом. Сбросили торпеды с дистанции 400 метров. Транспорт водоизмещением 15 тысяч тонн пошел ко дну.

За летнюю кампанию 1942 года морские летчики потопили 12 вражеских судов. Потери противника резко возросли в переломном 1943 году. Летчики-североморцы разнообразили тактику действий. Наряду с крейсерством («свободной охотой») одиночных торпедоносцев применялись массивные удары, в которых торпедоносцы, бомбардировщики, штурмовики действовали совместно.

А. Г. Головки со своего командного пункта мог включиться в волю любой радиостанции, работающей на флоте. И он следил за каждым боем летчиков. Высокую оценку он дал группе из трех торпедоносцев, ведомой гвардии капитаном А. З. Величкиным. Под прикрытием девятки истребителей торпедоносцы атаковали конвой из 14 судов. Атаку вели с двух бортов, чтобы затруднить противнику маневр уклонения от торпед. Истребители в это время штурмовыми действиями подавляли зенитную артиллерию врага. Результаты удара — один транс-

порт потоплен, другой поврежден. На обратном пути самолеты подверглись нападению дюжины «мессершмиттов». Потеряв три машины, гитлеровцы отказались от боя.

— Молодцы! — похвалил летчиков адмирал. — Но впредь старайтесь удары наносить более массивно.

Разведка донесла об очередном вражеском конвое. Командующий авиацией доложил А. Г. Головку план удара. В атаке будут участвовать четыре тактические группы: шесть штурмовиков, шесть пикирующих бомбардировщиков, три высотных торпедоносца, три низких торпедоносца. Истребительное прикрытие — 30 самолетов. Самолеты-разведчики ведут непрерывное наблюдение за конвоем и наводят на него ударные группы.

Адмирал одобрил план. На этот раз действия летчиков отличались особой четкостью. Бомбардировщики, штурмовики и высотные торпедоносцы своими предварительными атаками ослабили оборону конвоя и расстроили его боевой порядок. Воспользовавшись этим, низкие торпедоносцы нанесли точный удар. Были потоплены транспорт и сторожевик и повреждены два транспорта. Истребители, вызванные противником, пытались оказать противодействие нашим летчикам, но ничего не могли поделать. Потеряв пятнадцать машин, они вынуждены были отступить.

Адмирал, вслушиваясь в голоса летчиков, ведущих жаркий бой, радовался каждой удаче, восхищался отвагой героев. Но случалось, что торжество победы омрачалось утратами. Так было, когда торпедоносец капитана А. А. Баштыркова метко поразил вражеский транспорт, но сам получил повреждение и загорелся. Герой-коммунист из последних сил повернул пылающий самолет. Адмирал и все, кто был на флагманском командном пункте, услышали последние слова летчика:

— Атакую второй транспорт. Прощайте, друзья!

Ценой своей жизни капитан А. А. Баштырков и стрелок-радист сержант В. Н. Гаврилов потопили еще один транспорт противника.

Спустя некоторое время их подвиг повторили летчик капитан В. Н. Киселев и штурман старший лейтенант М. Ф. Покало. По представлению Военного совета флота всем им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Одной из важнейших задач Северного флота на протяжении всей войны была охрана своих внешних и внутренних коммуникаций. По северным морям пролегал путь союзных конвоев. Шли они из Америки и Англии. До Медвежьего их безопасность обеспечивал британский флот, восточнее этого острова — наш Северный. Гитлеровцы понимали значение для Советской страны северных морских коммуникаций и стремились во что бы то ни стало нарушить их. В портах Норвегии фашисты сосредоточили десятки крупных кораблей, в том числе линейные корабли «Тирпиц», «Адмирал Шеер», «Лютцов» (бывший «Дейчланд»); тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер», легкий крейсер «Кёльн», эскадренные миноносцы, подводные лодки, а также большое количество авиации. В Ледовитом океане разгорались жаркие бои. На прикрытие конвоев командующий флотом выделял основные силы, имевшиеся в его распоряжении, — эскадренные миноносцы, противолодочные корабли, истребители.

В марте 1942 года конвой под условным обозначением PQ-13 уже в 150 милях от Мурманска подвергся нападению фашистских кораблей. Флагманский корабль английского эскорта крейсер «Тринидад» был торпедирован. На помощь ему поспешили наши эскадренные миноносцы «Гремящий» и «Сокрушительный». Общими усилиями один фашистский эсминец был потоплен, два других повреждены. «Тринидад» и сопровождавшие его английские корабли были вынуждены оставить конвой. Охрана его целиком легла на наши эсминцы. Им пришлось отражать атаки вражеских подлодок и авиации. «Гремящий» потопил одну из лодок и сбил вражеский бомбардировщик. Конвой без потерь прибыл в Мурманск.

Но такой успех достигался далеко не всегда. У адмирала сердце обливалось кровью, когда транспорты с ценнейшими грузами, прошедшие много тысяч миль, гибли, так и не достигнув цели.

В этом нельзя было обвинять их команды — моряки честно выполняли свой долг. Гибель судов подчас происходила из-за того, что союзное командование, вместо того чтобы до конца отстаивать транспорты, приказывало топить их при малейшем повреждении. Головку не раз поднимал протест против инструкции Британского адмиралтейства своим эскортным кораблям — расстреливать и добивать все поврежденные фашистами транспортные суда.

В мае в очередном союзном конвое следовал советский теплоход «Старый большевик». Поход был трудным. За трое суток экипаж нашего судна отбил сорок семь атак фашистских самолетов. Бомба попала в полубак транспорта, вызвала пожар. Экипаж боролся с огнем и продолжал отбиваться от врага. А в это время с английского флагманского корабля эскорта поступил приказ: немедленно покинуть транспорт. Тут же было сообщено, что судно будет потоплено, чтобы не досталось врагу.

В ответ на мачте советского транспорта взвился флажный сигнал: «Мы не собираемся хоронить судно». Тогда конвой ушел, оставив горящий теплоход и его экипаж среди океана.

Много часов моряки спасали судно от огня, устраняли повреждения. Когда машина снова заработала, теплоход догнал конвой и вместе с ним благополучно прибыл в Мурманск, доставив в целости весь груз.

Головко посетил теплоход, горячо поблагодарил моряков.

— А вы знаете, поступила радиограмма из Британского адмиралтейства.

— Что, требуют отдать нас под суд за невыполнение приказа? — спросил капитан теплохода.

— Нет, адмиралтейство шлет вам приветствие и даже благодарность. Как видите, и на них подействовало.

Советское правительство высоко оценило подвиг «Старого большевика». Теплоход был награжден орденом Ленина, а три моряка экипажа — капитан И. И. Афанасьев, первый его помощник М. П. Петровский и рулевой Б. И. Аказенок стали Героями Советского Союза.

Командующий принимал все меры, чтобы защитить конвой. Группы наших самолетов, несмотря на то, что враг еще удерживал превосходство в воздухе, наносили удар за ударом по фашистским базам и аэродромам, снижая тем самым активность авиации противника. Головко посылает все имевшиеся под рукой истребители на прикрытие конвоев. И все же потери судов не удалось избежать.

Глава постоянной британской военно-морской миссии в Полярном контр-адмирал Фишер с горечью сообщил советскому командующему о гибели английского крейсера «Эдинбург», сопровождавшего конвой, который направлялся из Мурманска на запад. Оказалось, в бою крейсер лишился винтов и руля. Он оставался на плаву

и мог на буксире возвратиться в один из наших портов. Но экипаж поспешил покинуть крейсер, и тот был добит своими же кораблями.

— А груз? — воскликнул Головко.

— Все пошло ко дну, — горестно вздохнул Фишер.

— На русском языке это называется преступлением, Преступлением! Вы же знаете, что вез крейсер?

Да, английский адмирал знал. На борту «Эдинбурга» находилось 10 тонн золота в слитках стоимостью в 100 миллионов рублей — плата Советского Союза Англии за поставки военных материалов.

Самая страшная трагедия постигла конвой PQ-17. 34 транспорта и 21 корабль эскорта шли под прикрытием двух линкоров, шести крейсеров, авианосца и девяти эсминцев. Огромные силы! Но вот 5 июля англичанам стало известно, что в море вышла немецкая эскадра в составе линкоров «Тирпиц», «Адмирал Шеер» и группы миноносцев. И тотчас Британское адмиралтейство отозвало все свои корабли прикрытия, а транспортным судам предоставило «право самостоятельного плавания» в советские порты одиночным порядком, без охранения, курсами по своему усмотрению.

Когда Головко доложили об этом, он не поверил ушам. Ведь английские военно-морские силы, сосредоточенные вокруг конвойа, по меньшей мере впятеро превышали силы фашистской эскадры. И все же английские корабли бросили транспорты на произвол судьбы!.. И это за границами операционной зоны советского флота, так что и он ничем не мог помочь беззащитным судам.

Головко в отчаянии смотрел на карту. Что делать? С часу на час фашистская эскадра нападет на транспорты. Адмирал использует единственную имевшуюся в его распоряжении возможность. Он отдает приказ подводным лодкам, находящимся на позициях: следовать наперерез фашистской эскадре и атаковать ее. Из всех лодок это могла сделать лишь К-21 капитана 2-го ранга Н. А. Лунина, находившаяся ближе всего к противнику. Задача казалась невыполнимой. При незаходящем солнце полярного дня и в полный штиль лодку легко могли обнаружить вражеские самолеты-разведчики, которые вели фашистскую эскадру к месту обнаруженного ими конвойа. Командир советского подводного корабля не колебался ни секунды. Лодка двинулась навстречу врагу. Она проникла в центр фашистской эскадры. Прицелиться носом

выми аппаратами не удалось: в самый последний момент корабли изменили курс. Тогда подводники выстрелили четырьмя торпедами из кормовых аппаратов по самому крупному кораблю. Раздалось два взрыва. Потом раскатистый гул, продолжавшийся двадцать секунд, и еще два взрыва.

Дерзость удалась. Ошеломленный противник даже не смог обнаружить лодку, и она благополучно ушла от опасности. Две ее торпеды попали в «Тирпиц», одна — в миноносец, который затонул, а длительный гул, услышанный подводниками, вызвали глубинные бомбы, взорвавшиеся на его борту.

Фашисты не захотели дальше испытывать судьбу. Сомкнувшись вокруг поврежденного, сбавившего ход «Тирпица», вражеская эскадра повернула к берегу.

Но участь рассыпавшихся по океану союзных транспортов оставалась безрадостной. За одинокими судами яростно охотились фашистские подводные лодки и самолеты. Советские эсминцы, высланные Головко, в течение трех недель бороздили океан до самой кромки паковых льдов, собирая транспорты. Из 34 судов удалось спасти лишь 11. Погибли 122 тысячи тонн грузов и сотни людей.

К счастью, ни один конвой больше не нес таких потерь. Британское адмиралтейство стало более тесно взаимодействовать с советским флотом.

10 октября 1943 года командующего флотом вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. В кабинете Сталина были почти все члены Политбюро, а также руководители Наркомата морского (транспортного) флота и Главсевморпути. Ставка заслушала доклад А. Г. Головко об обстановке на театре, о действиях флота. Потом речь зашла о защите внутренних коммуникаций. Командующему пришлось выслушать немало справедливых упреков. Сосредоточив все внимание на обороне Заполярья, борьбе с фашистскими конвоями и обеспечении внешних морских перевозок, моряки ослабили действия по прикрытию Северного морского пути. В результате в Карское море проникли мощные фашистские надводные рейдеры и подводные лодки. Несмотря на героизм экипажей находившихся в этом районе наших небольших кораблей, враг нанес здесь существенные потери транспортному флоту. Ставка Верховного Главнокомандования потребовала в кратчайшие сроки выправить положение. Ее решением флоту были выделены новые корабли, крупную

силы авиации. На прощание командующему было сказано:

— Не забывайте: Северному флоту предстоит трудная и важная задача. Государственная задача...

В дневнике Головко появляется запись:

«...надо учесть на будущее совет, полученный в Ставке: правильное и эффективное использование маневренности сил флота требует прежде всего маневренности мышления тех, от кого зависит управление этими силами».

Через несколько дней флот получил сотню самолетов. А еще через некоторое время на аэродромы Заполярья приземлилась целая дивизия авиации дальнего действия. Поступили пять тральщиков и пять больших охотников.

Теперь стало легче.

Повысили активность и английские корабли, действовавшие в своей операционной зоне. Конвой стали приходить с минимальными потерями.

А командующий все думал над тем, как сделать удары по врагу еще сокрушительнее. Настойчиво и терпеливо он добивался тесного взаимодействия различных сил флота. Герой Советского Союза И. А. Колышкин, ставший к тому времени командиром бригады, вспоминает:

«...Зайдет с утра командующий — благо его ФКП неподалеку.

— Чем заняты, Иван Александрович?

— Да ведь как обычно.

— Собирайтесь, поедemте в авиацию.

У летчиков сегодня крупная операция, и мы едем на их КП, чтобы из первых рук узнать, как она проходит. Это не пустая трата времени. Оказывается, и у авиаторов подводник может почерпнуть для себя много полезного. Яснее становится обстановка на театре, лучше ощущаешь пульс оперативной жизни флота и четче представляешь роль и возможности своей бригады».

Здесь же, на таких встречах представителей моряков и летчиков, намечались совместные действия, планировались новые удары по врагу.

В результате коллективного творчества подводников и летчиков был освоен так называемый метод нависающих завес. Сводился он к тому, что в ограниченном районе моря сосредоточивалось до шести самостоятельно действовавших подводных лодок. Все они держали связь с авиационной разведкой. Обнаружив вражеский конвой,

самолеты-разведчики сообщали подводникам его местонахождение и курс движения. По этим данным подводные лодки выходили наперерез противнику и наносили последовательные удары. 17 мая таким способом совершили атаки М-201 капитан-лейтенанта Н. И. Балина и С-15 капитан-лейтенанта Г. К. Васильева. Они потопили немецкий сторожевик и крупный транспорт. Чуть позже в нависающей завесе участвовало уже пять подводных лодок. 20 июня самолеты-разведчики навели их на большой конвой. Враг понес тяжелый урон. Выдающегося успеха добился экипаж С-104. Одним четырехторпедным залпом лодка потопила транспорт водоизмещением восемь тысяч тонн, тральщик и противолодочный корабль.

Всего в 1944 году было проведено пять таких операций. Все они прошли успешно. Каждый раз, когда лодки возвращались с моря, командующий флотом собирал подводников и летчиков, чтобы обсудить итоги их совместных действий и подумать, как еще лучше поставить дело.

Весной 1944 года флот получил десятки новых торпедных катеров. А. Г. Головки объединил их в бригаду. Во главе ее стал прибывший с Тихого океана опытный катерник капитан 1-го ранга А. В. Кузьмин. До войны считалось, что торпедные катера не могут вести боевых действий на Севере — слишком суровые условия для этих малых кораблей. Поэтому и были их здесь единицы. Но осенью 1944 года стремительные катера под командованием Г. К. Светлова и А. О. Шабалина внезапно атаковали вражеский конвой, потопили миноносец и транспорт. Спустя несколько дней тот же А. О. Шабалин в паре с командиром другого катера П. И. Хапилиным отправили ко дну еще один вражеский транспорт. (Пометка в дневнике: «Надо всячески поощрять боевые способности Шабалина и заодно представить его к очередному званию. Слишком засиделся он в старших лейтенантах, хотя воюет лучше иного капитана 2-го ранга».)

Успехи катерников множились, они доказали, что и в условиях Севера торпедные катера — могучая сила. Теперь, когда кораблей прибавилось, командующий потребовал использовать эту силу с максимальным эффектом.

Вместе с Кузьминым они объехали все прибрежные бухты, выбирая место для базирования бригады. Остановились на Пумманках — небольшой бухточке в Варангер-фиорде.

— Здесь вы будете костью в горле противника, — скавал командующий.

Он же предложил расположить командный пункт бригады на вершине прибрежной горы:

— Отсюда просматривается весь залив. Отсюда и будете управлять катерами. Это надежнее и удобнее, чем управление с одного из кораблей. И связь будет надежнее, и легче организовать взаимодействие с другими кораблями и авиацией.

О взаимодействии катеров и авиации Головки особо заботился. Перед командованием ВВС флота он поставил вопрос: нельзя ли организовать оперативный пункт штаба авиации в непосредственной близости от КП катерников на Рыбачьем? Авиаторы пытались возражать: дескать, нынче, слава богу, XX век, существует радио, телефон; если катерникам понадобится помощь летчиков, так снести со штабом ВВС им не составит большого труда.

— Бог-то бог, но, как говорят в народе, и сам не будь плох, — улыбнулся адмирал. — Снести с вами по радио или телефону катерники, конечно, смогут. Но ведь вы наверняка начнете еще думать: «Подбрасывать требуемые самолеты или нет?» А тут каждая минута дорога.

— Почему же, если в том будет действительно нужда.

— Вот, вот, «если будет». А чтобы таких вопросов вообще не возникало, вы оперативный пункт своего штаба по соседству с КП Кузьмина и организуйте. Двух дней на это достаточно? Значит, договорились.

По настоянию адмирала во главе оперативного пункта авиации были поставлены наиболее инициативные офицеры штаба ВВС флота.

За короткий срок в Варангер-фиорде были одержаны крупные победы. Массированные удары авиации, катеров и береговой артиллерии привели к полному разгрому нескольких больших конвоев противника.

Руководство крупными операциями командующий флотом обычно осуществлял сам. Так было 15 июля 1944 года. Адмирал склонился над большой картой Варангер-фиорда, принимал донесения и с помощью циркуля и масштабной линейки производил расчеты. Тонкой чертой на карте обозначился путь вражеского конвоя. Вот здесь фашистские корабли выйдут из узкого пролива. Тут их и надо атаковать. Адмирал красным карандашом начертил жирный крест и обвел его кружком. Катерники,

летчики бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей уже получили подробные инструкции. Теперь им сообщается место и время удара.

Внешне командующий флотом был спокоен. Ровно звучал его голос, когда он отдавал последние распоряжения офицерам-операторам. Только лицо побледнело и в прищуренных глазах светилась необычная сухость.

Он отошел от карты, усталоссутулившись, опустился в кресло. Адмирал сделал все, что ему положено. Теперь очередь за исполнителями. В ход боя он не вмешивался, чтобы не мешать им.

Из динамиков доносились возбужденные голоса летчиков и катерников. То и дело они перекрывались шумом — радиопомехи сливались с отзвуком взрывов пушечных и пулеметных очередей. Через сорок минут, как после грозы, наступила тишина. Было слышно лишь, как командир дивизиона собирает рассыпавшиеся по заливу торпедные катера. Летчик самолета, специально выделенного для наблюдения за боем, доложил, что потоплено девять вражеских судов. Два подбитых транспорта выбросились на берег.

А 18 августа катерники и летчики добились еще более значительной победы. Напав на вражеский конвой, насчитывавший 32 вымпела, они потопили 15 судов. Ни один вражеский транспорт не дошел до цели.

В результате ударов советских кораблей и авиации порты Петсамо и Киркенес были накрепко блокированы. Это до крайности усложнило снабжение фашистских войск.

Штаб флота разрабатывал операцию «Вест». Она должна была явиться составной частью стратегического удара, намеченного Ставкой. Флоту во взаимодействии с войсками Карельского фронта предстояло решительным наступлением разгромить лапландскую группировку противника и освободить Печенгу и Киркенес.

Операция готовилась тщательно и всесторонне. На полуостровах Рыбачьем и Среднем скрытно сосредоточивались части морской пехоты. В бухтах стояли наготове корабли, чтобы принять на борт десантников. На позиции противника нацеливались 209 стволов артиллерии. Готовы были обрушить огонь на врага эсминцы. Чтобы прикрыть войска и корабли от налетов авиации, на аэродроме дежурил полк истребителей.

Походный штаб командующего флотом на двух больших «охотниках» прибыл из Полярного в Озерко на полуострове Среднем, где был создан выносной пункт управления. Здесь уже находились командные пункты командующего группой сухопутных и десантных войск генерал-майора Е. Т. Дубовцева и командира высадки контр-адмирала П. П. Михайлова. Поблизости располагались командные пункты командующего ВВС флота генерал-майора авиации Е. Н. Преображенского и командира бригады торпедных катеров капитана 1-го ранга А. В. Кузьмина.

Наступление войск Карельского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова началось утром 7 октября. Прорвав оборону противника, они за два дня достигли реки Титовки и форсировали ее. Гитлеровцы хвастливо заявляли, что «гранитный северный вал», как они называли три полосы своих укреплений в районе Печенги, неприступен. Незадолго до нашего наступления был перехвачен приказ командира 2-й немецкой горнострелковой дивизии генерал-лейтенанта Дигена. Фашистский генерал заявлял: «Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши сильно укрепленные позиции, а затем уничтожим их мощным контрударом... Мы именно здесь должны показать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них непреодолим».

Но в первые же дни советского наступления фашистская оборона затрещала по всем швам. Гитлеровцы, отстаивая каждый рубеж, вынуждены были откатываться на запад. И тогда в ночь на 9 октября им был нанесен удар с моря.

Чтобы обеспечить успех десанта, командующий Северным флотом предпринял высадку небольших отрядов, которые своими демонстративными действиями должны были отвлечь внимание противника. Высаживались они на побережье Мотовского залива восточнее полуострова Среднего.

— Создавайте больше шума! — требовал Головки от командиров десантов и кораблей, которые направлялись в этот район.

Моряки постарались. Шума и дыма они подняли столько, что немецкие радисты заполнили эфир паническими воплями. Только и слышалось: «Мотовский залив!.. Мотовский залив!» Десантники строчили из ав-

томатов, жгли дымовые шашки. Катера вынуждали по берегу торпеды, и грохот взрывов сотрясал скалы. Эскадренные миноносцы били по переправам гитлеровцев на реке Титовке. Фашисты решили, что высаживается целая дивизия, и спешно перебрасывали сюда войска.

А тем временем значительно западнее десятки быстроходных кораблей под покровом ночи мчались к южному берегу губы Маативуоко (Малая Волоковая). На них находилось в общей сложности около 3 тысяч бойцов морской пехоты. Внезапность удара позволила высадить десант с ничтожными потерями (один убитый, пять раненых).

Той же ночью после мощной артиллерийской подготовки двинулись на штурм хребта Муста-Тунтури части Северного оборонительного района. Морские пехотинцы шли сквозь пургу. Колючий снег слепил глаза, ноги скользили по обледенелым скалам. Гитлеровцы яростно отстреливались, цепляясь за каждый камень. Но ничто не могло остановить натиск советских бойцов. К полудню морские пехотинцы форсировали хребет и соединились с десантом, наступавшим на фланге, а затем и с частями Четырнадцатой армии. Вскоре наши войска вышли на побережье Печенгского залива. Широкая водная преграда приостановила дальнейшее продвижение.

Вечером 10 октября А. Г. Головкин был на КП командира бригады торпедных катеров.

— Готовьте катера для прорыва в Лиинахамари. Вместе с морскими охотниками Зюзины захватите пятьсот десантников. Высаживать прямо на пирсы порта. Учтите: кадры для будущей нашей Печенгской базы уже подорваны.

— А как батареи на мысе Крестовом? Они же закрывают туда вход, словно пробка в бутылку...

— Туда уже пробиваются разведчики Барченко и Леонова. Я надеюсь на них. Где карта?

И вновь раздумья над картой. Порт Лиинахамари расположен в устье Печенгского залива. Вход здесь узкий, извилистый. В скалах берега гитлеровцы укрыли батареи. А самые опасные из них — на мысе Крестовом, преграждающем вход в залив.

— Кто из ваших раньше бывал в Лиинахамари? — спросил командующий.

— Только Шабалин.

— Хорошо. Попытаемся найти вам в помощь и ста-

рых люцманов, которые знают здесь каждую извилину залива.

Решили, что первыми в залив направятся два катера под командованием капитан-лейтенанта А. О. Шабалина. Они высадят головную группу десанта и вместе с тем разведают путь для остальных катеров, в случае необходимости пробьют проходы в заграждениях — бонах и сетях. За ними пойдут пять катеров капитана 2-го ранга С. Г. Коршуновича. И наконец, последними с основными силами десанта в порт прорвутся пять наших малых «охотников» капитана 3-го ранга С. Д. Зюзины. Их будет прикрывать дымовыми завесами еще один торпедный катер.

— Когда же начнем? — спросил Кузьмин.

— Сразу же, как будет взят Крестовый.

На ночлег командующий флотом расположился в землянке Кузьмина. Часу в четвертом утра их разбудил связист. Он принес срочную телеграмму. Подсветив фонариком, Головкин прочитал ее и протянул Кузьмину.

— Вот и благословение получено. Нарком интересуется, какова будет роль флота в освобождении Печенги, и считает весьма желательным участие флота в занятии будущей военно-морской базы и крупнейшего пункта на Севере.

— Как? — удивился Кузьмин. — Значит, вы послали разведчиков на мыс Крестовый и приказали готовить десант, еще не имея никаких указаний Центра?

— Обязанность подчиненного — предугадывать мысли начальства, — рассмеялся адмирал. — Мы так и поступаем. Ведь и без подсказки со стороны было очевидно, что высаживать десант там необходимо. Лиинахамари — ключ к Печенге. А ключ к Лиинахамари — батарея на мысе Крестовом. Так зачем же было время терять? Теперь мы доложим Москве, что не только горим желанием выполнить приказ, но кое-что уже делаем... Немецкий гарнизон Лиинахамари ждет удара откуда угодно, но только не с моря. А мы нагрянем именно с моря...

12 октября разведчики доложили, что они проблись на мыс Крестовый и атакуют расположенные там батареи.

— Теперь слово за вами с Зюзиным, — сказал адмирал Кузьмину. — Сзовите командиров кораблей и подразделений десанта.

Когда все собрались, Головки объяснил офицерам задачу и проводил их до причала. А там с катера на катер передавался испещренный подписями лист. Головки прочитал его.

«Настал долгожданный час для нас, катерников-североморцев, добить фашистских захватчиков в Заполярье, вернуть стране Печенгу и навсегда утвердить там победоносное знамя нашей Родины. Мы клянемся, что, не жалея ни сил, ни самой жизни, с честью выполним эту задачу! За нашу прекрасную Родину!..»

— Кто это написал? — спросил командующий.

— Сообща сочинили, — отозвались матросы.

Адмирал подал лист одному из политработников:

— Немедленно передайте в редакцию. Пусть утром же будет напечатано в газете.

Через два часа катера Шабалина на полном ходу влетели в теснину фиорда, мгновенно превратившегося в огненный коридор. Оба берега гремели выстрелами. Не сбавляя скорости, Шабалин прижался как можно ближе к западному берегу — он обнаружил мертвое, непростреливаемое пространство. Вот и порт. Десантники на ходу прыгивают на берег, занимают оборону, захватывают причалы. А катерники спешат навстречу другим кораблям. Стрельба в порту не стихает. Но все новые десантники кидаются в атаку.

Двое суток шли бои за Лиинахамари. 14 октября сюда вновь прорвались катера. На этот раз они пришли, чтобы переправить наши войска с восточного на западный берег Печенгского залива.

Кругом еще полыхали пожары. Головки с возвышенности оглядывал окрестность.

— Ну, здравствуй, Печенга, русская земля!

Адмирал стоял без фуражки. Ветер развевал рано поседевшие волосы.

Под холмом шли пехотинцы и моряки. Они спешили дальше на запад, к Киркенесу. Там уже была Норвегия. Советские воины шли освобождать ее многострадальный народ от фашистского ига. Через неделю и там стихнут выстрелы.

А севернее, в штормовых просторах Ледовитого океана, бои будут продолжаться до самых последних дней войны. Но теперь уже никто не сомневался, даже наши недруги, что исход борьбы предрешен и полный разгром врага неминуем.

...Таким и запомнился адмирал Головки всем, кто знал его, — неутомимым и устремленным вперед.

Арсений Григорьевич прожил яркую жизнь и до конца дней своих был связан с морем, с флотом. После войны работал начальником Главного морского штаба, командовал дважды Краснознаменным Балтийским флотом, с ноября 1956 года — первый заместитель главнокомандующего ВМФ. При его участии флоты оснащались новым оружием и новыми кораблями. Боевой адмирал щедро дарил опыт и знания молодому поколению матросов и офицеров.

Правительство, народ высоко оценили его заслуги перед социалистическим Отечеством. Свидетельство тому — награды: четыре ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Ушакова 1-й степени, орден Нахимова 1-й степени, два ордена Красной Звезды и многие медали.

Умер он в расцвете творческих сил 17 мая 1962 года на 56-м году жизни. Народная память свято бережет его имя. Адмирал Головки живет в делах советских военных моряков, в названиях кораблей и городских улиц.

Капитан 1-го ранга В. МИЛЮТИН

Маршал авиации

СЕМЕН ЖАВОРОНКОВ

Погожим летним днем 1926 года на одном из подмосковных аэродромов появился среднего роста военный в форме пехотинца. Среди тархтевших повсюду моторов проносившихся над головой крылатых машин он чувствовал себя не совсем уверенно, но не подавал виду и засыпал вопросами сопровождавшего его авиационного командира.

— Какой фирмы вон тот оригинальный аэроплан?

— Почему так коптит мотор вальтевиной машины?

— Сколько требуется времени, чтобы стать летчиком?

Авиационного командира вопросы не удивляли, и он охотно отвечал, рассказывая о новых самолетах, о летной подготовке, об особенностях эксплуатации авиационной техники.

— Совсем недавно получили наш отечественный истребитель И-2. Он значительно лучше своего предшественника И-1. Летчики им довольны... А коптят некоторые моторы из-за дрянного бензина или по причине плохой регулировки газа... Летчики учатся несколько лет, и некоторые из них долго приобретают навыки управления самолетом. Другие входят в строй быстро...

За разговором подошли к небольшому зданию, расположенному у границы летного поля. Из дома вышел начальник ВВС Петр Ионович Баранов. Пехотный командир обратился к нему и отрапортовал:

— Краском Жаворонков. Прибыл в ваше распоряжение.

Баранов улыбнулся и протянул Жаворонкову руку:

— Очень рад. Как говорится, нашего полку прибыло.

— Не знаю, чем могу быть полезен воздушному флоту, — засомневался Жаворонков, — хотя, откровенно говоря, мне у вас нравится.

— Вот и отлично, — ободрил пехотного командира Баранов, — а в пользу своей для воздушного флота не

сомневайтесь. Да вот и предписание на продолжение вашей службы.

Взяв из рук начальника ВВС бумагу, Жаворонков прочитал: «Предъявитель сего документа назначается помощником начальника военно-технической школы ВВС по политчасти».

Став в 1924 году начальником ВВС, Петр Ионович Баранов энергично взялся за выполнение решения партии и правительства по комплектованию Военно-Воздушных Сил умелыми, преданными делу революции командными кадрами. Задача оказалась нелегкой. Те, кто умел летать, как правило, были выходцами из свергнутых буржуазных классов. Своих авиационных кадров подготовить еще не успели. Вот в такой обстановке и было принято решение призывать в авиацию лучших общевоинских командиров. Хотя им на первых порах не хватало специальных знаний, они принесли в авиацию высокую организованность, четкий армейский порядок и дисциплину. В начале 1926 года общевоинские командиры, пришедшие в авиацию, занимали около 40 процентов всех штатных должностей ВВС, отнесенных для замещения составом с высшим военным и специальным образованием. Среди них был и Семен Федорович Жаворонков, на всю жизнь связавший свою судьбу с авиацией.

С. Ф. Жаворонков родился 23 апреля 1899 года в деревне Сидоровской, ныне Лухского района Ивановской области. Семья крестьянина-бедняка испытывала большую нужду, и, едва закончив сельскую школу, Семен Федорович уходил на заработки на текстильную фабрику сначала в Тезино, а с 1914 года в Вичугу.

Страну охватывал мощный революционный подъем, и у юности из бедняцкой семьи не было сомнений в вопросе «за кого идти?». В марте 1917 года он вступил в ряды большевистской партии, став одним из организаторов, а затем и руководителем кружка «Союз рабочей молодежи имени III Интернационала», положившего начало вичугской комсомольской организации.

После окончания в мае 1918 года трехмесячной партийной школы в Москве С. Ф. Жаворонков кооптируется в состав Вичугского районного комитета партии и до июня 1918 года работает заместителем секретаря районного комитета. В июне этого года вступает в Кинешем-

ский красногвардейский коммунистический отряд, в составе которого участвует в подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле.

Служба в армии для Жаворонкова начинается с сентября 1918 года, когда он становится красноармейцем Первого советского Кинешемского полка. В ноябре он уже политком батальона Двадцать девятого стрелкового полка, а в марте 1919 года — военный комиссар батальона связи Седьмой стрелковой дивизии. Участвовал в разгроме Колчака, Деникина, белополяков и в ликвидации бандитизма на Украине.

В Военно-Воздушные Силы страны Жаворонков пришел после окончания Военно-политической академии в 1926 году. Это было время, когда отечественная авиация фактически делала лишь первые самостоятельные шаги. На самолетных стоянках еще преобладали машины иностранных фирм, однако уже начали бороздить небо и первенцы советского самолетостроения. В 1925 году был принят на вооружение истребитель-биплан И-2 конструкции Д. П. Григоровича. Поступил в части самолет-разведчик АНТ-3. Строились и многие другие самолеты, предназначенные как для военной, так и для гражданской авиации.

Отечественное самолетостроение начало разворачиваться довольно быстро, и это дало основание первому наркому обороны М. В. Фрунзе заявить с трибуны III съезда Советов СССР, состоявшегося в мае 1925 года: «Еще до 1925 года мы в общей сложности закупили за границей за три года свыше 700 самолетов. В этом году мы не купили ни одного самолета, и я полагаю, что в следующем году мы будем вполне обеспечены растущей продукцией наших самолетостроительных заводов».

Поднимая из руин отечественное самолетостроение, а точнее — создавая заново, Коммунистическая партия и Советское правительство принимают энергичные меры по подготовке командных и политических кадров для авиации. В стране открываются все новые летные и технические школы, различные курсы усовершенствования.

В одной из таких школ и начал службу в авиации С. Ф. Жаворонков. Работая помощником начальника школы по политчасти, а затем военным комиссаром и начальником политического отдела ВВС Черноморского флота, он жадно впитывал авиационные знания, стараясь идти вровень с теми, кого воспитывал, за чье моральное состо-

яние и боевое мастерство нес полную ответственность перед партией и Советским государством.

Затем Жаворонков кончил курсы летнабов и занимал командные должности. Прокомандовав немногим более года эскадрилей и авиагруппой, он пришел к заключению, что успешно руководить летным подразделением, а тем более летной частью можно только тогда, когда освоишь профессию пилота.

«Я доложил эти свои соображения начальнику Военно-Воздушных Сил РККА Я. Алкснису, — пишет Жаворонков в своих записках. — Он полностью со мной согласился и осенью 1933 года направил меня в школу летчиков им. Мясникова на Каче, под Севастополем. Ранней весной 1934 года, закончив школу летчиков, я вернулся в Севастополь уже в должности командира авиабригады...»

Морская авиация к тому времени, когда пришел в нее Жаворонков, приобретала все большее значение. Фактически тридцатые годы явились периодом быстрого ее количественного роста. Уже в начале этого периода состав ВВС Балтийского и Черного морей был доведен до двух авиабригад и нескольких отдельных эскадрилий на каждом море. С организацией Тихоокеанского флота (1932) были созданы также и Военно-Воздушные Силы на Дальневосточном морском театре. После образования Северного флота (1933) была сформирована авиаэскадрилья МБР-2 на Севере.

Боевая подготовка авиационных частей морской авиации была нацелена на освоение вновь поступающих самолетов, вооружения и технического оборудования, совершенствование летного мастерства, отработку дальних полетов в открытое море, бомбометание по маневрирующим кораблям и т. д. Особенно интенсивно и успешно проводили боевую подготовку Военно-Воздушные Силы Черного моря. В составе ВВС Черного моря для освоения торпедометания был организован отряд на специально оборудованных самолетах Р-5. Вслед за самолетами Р-5 оборудуются также как носители мин и торпед самолеты ТБ-1, ТБ-3, ДБ-3 в особой (морской) их модификации.

О работе С. Ф. Жаворонкова в должности командира авиабригады помощник командующего морскими силами Черного моря писал в аттестации: «Бригада имеет большие успехи и крепко выросла в области тактической под-

готовки. На основе лучшего руководства, планового контроля и повышения требовательности бригада заняла безаварийное место в составе ВВС ЧМ. За 1934 год Жаворонков вырос сильно в оперативно-тактических вопросах. Штаб, несмотря на молодость отдельных работников, является вполне сколоченным органом боевого управления».

В 1936 году Жаворонков заканчивает оперативный факультет Военно-воздушной академии имени Жуковского и назначается командиром Пятого тяжелобомбардировочного авиационного корпуса, а вскоре — командующим ВВС Тихоокеанского флота.

Когда в январе 1938 года был образован Народный комиссариат ВМФ, морская авиация стала составной частью Советского Флота. Она получила наименование ВВС ВМФ. Во главе управления авиацией Военно-Морского Флота был поставлен С. Ф. Жаворонков.

На каких бы должностях перед Великой Отечественной войной ни работал С. Ф. Жаворонков, он постоянно думал об укреплении силы авиации ВМФ, о разработке новых приемов ее боевого применения, настойчиво изучал стратегию и тактику вероятного противника на морских театрах. В беседах со своими помощниками и подчиненными он старался вселить уверенность в могучую силу авиации. К сожалению, война с фашизмом началась иначе, чем можно было предположить, и роль морской авиации в начальный период свелась к использованию ее на сухопутных направлениях. Однако и в трудный первый год Великой Отечественной войны на счету летчиков морской авиации немало было славных героических страниц. Одна из них — бомбардировка фашистского логова — Берлина.

Идея о воздушных налетах на вражескую столицу зародилась в штабе ВВС ВМФ сразу же после первых налетов немецких бомбардировщиков на Москву. Встретившись с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым, Семен Федорович внес предложение послать на Берлин группу самолетов-торпедоносцев ДБ-3. Кузнецов обещал доложить об этом в Ставку Верховного Главнокомандования. Уже через три дня он не без удовольствия сообщил:

— Сталин дал согласие на проведение операции.

Разрешил для нее взять из состава ВВС КБФ две эскадрильи, наиболее подготовленные для ночных полетов.

Помолчав, Кузнецов добавил:

— Кроме того, Сталин сказал: поскольку Жаворонков внес это предложение, пошлите его и командовать этой операцией.

— Благодарю за доверие, — ответил Жаворонков и недоуменно пожал плечами, — только не совсем понятно, почему выделяются столь малые силы для выполнения такой большой задачи. Ведь практически мы смогли бы собрать до семидесяти экипажей, умеющих пилотировать ДБ-3 ночью и в сложных метеоусловиях.

Кузнецов разъяснил:

— Нарком обороны обещал при первой же возможности усилить группу двумя-тремя эскадрильями дальней бомбардировочной авиации, и, возможно, кроме этой группы, будет действовать еще одна.

— Ну это другое дело, — успокоился Жаворонков и хотел уже излагать план операции.

Кузнецов его остановил:

— Не торопись, Семен Федорович, отправляйся в часть, все обговори с командованием, потом примешь окончательное решение.

Появление командующего авиацией флота на аэродроме, где базировался Первый минно-торпедный полк, было неожиданностью и для командира полка полковника Евгения Николаевича Преображенского и для военкома батальонного комиссара Григория Захаровича Оганезова. Ведь Жаворонков улетел от них всего восемь-десять дней тому назад. С какими вестями вновь прибыл командующий? Какую задачу придется решать летному составу?

Обстановка из напряженно-томительной сразу стала торжественной, как только Жаворонков сообщил цель своего визита.

— Товарищи, — начал он спокойно и уверенно, — Верховное командование поставило перед вашим полком особо важную задачу. В ответ на разрушение наших городов и бомбардировку Москвы приказано бомбить военные объекты в столице фашистской Германии — Берлине!

При этих словах руководители полка поднялись с мест, а Преображенский, как клятву, произнес:

— Мы с честью выполним эту задачу!

Жаворонков тоже встал и, пожимая руки боевым друзьям, с чувством сказал:

— Другого ответа от вас, товарищи, не ожидал!

Сразу после короткого совещания занялись подготовкой операции, в которую посвятили минимальное количество лиц, чтобы хранить в тайне разрабатываемый замысел.

Весьма трудным вопросом, требовавшим немедленного ответа, был: откуда, с какого аэродрома давать старт самолетам, летящим на Берлин? Дело в том, что к концу июля 1941 года линия фронта отодвинулась далеко в глубь страны. Почти все аэродромы, с которых можно было бы достигнуть столицы Германии, оказались занятыми немцами. В руках советских войск оставались лишь два небольших аэродрома на острове Эзель (Сарема) в Балтийском море, с них можно было организовать полеты на Берлин. В таких условиях выбор пал на аэродром «Кагул», расположенный в 15 километрах западнее города Курессаре (Кингисепп). Этот аэродром был построен еще до войны и имел лучшую, хотя и грунтовую, полосу длиной 1200 метров. Но там с трудом размещались запланированные в полет боевые машины.

Другой, не менее важной проблемой, которую решали уже в ходе подготовки боевых вылетов, была маскировка аэродрома от вражеских разведывательных самолетов. По предложению Жаворонкова, прилетевшего на Эзель, самолеты ДБ-3 поставили вплотную к хозяйственным постройкам хуторов и накрыли маскировочными сетями. Как показал опыт, это было весьма разумное решение, позволившее скрыть от глаз противника крупную авиационную группировку.

Пожалуй, самым трудным в осуществлении этого решения оказалось проделать рулежные дорожки от границ летного поля до хуторских построек. Но в конце концов личный состав полка сумел справиться и с этой задачей.

Жаворонкову предстояло решить вопрос о назначении командира группы. Став по воле Верховного командования руководителем столь значительной бомбардировочной операции, он лично сам не мог отправиться в полет в составе экипажа бомбардировщика, так как, занятый решением больших оперативно-тактических вопросов, не имел возможности овладеть ночными полетами на новом само-

лете ДБ-3. Наиболее подходящим командиром группы был Преображенский. Оставшись однажды с ним наедине, Жаворонков спросил, кого бы он рекомендовал на место ведущего. Преображенский, почти не задумываясь, ответил:

— Товарищ генерал-лейтенант, я прошу назначить меня!

— Позвольте, — сказал Жаворонков, делая вид, что пытается отговаривать, — большая часть полка остается здесь. Следовательно, и вам лучше бы остаться на месте базирования.

— Нет, мне следует быть с той частью полка, которая направляется для выполнения более ответственной задачи, — решительным тоном настаивал Преображенский.

— Раз вы так понимаете свои обязанности — быть по-вашему. Давайте тогда решим еще один вопрос, — продолжал Жаворонков, будучи внутренне доволен поведением командира. — Успех будет зависеть, как мы говорили раньше, от подбора летчиков и штурманов. Я придаю серьезное значение флагманскому штурману. Кого вы имеете в виду назначить штурманом группы?

— Прошу разрешить взять с собой в полет штурмана полка капитана Хохлова. Я всегда с ним летаю. Хохлов лучше, чем кто-либо другой, справится с заданием.

Семен Федорович Жаворонков одобрил этот выбор, а также утвердил состав всей авиационной группы.

4 августа рано утром 15 самолетов ДБ-3 произвели посадку на аэродроме «Кагул». Еще пять машин прилетели сюда несколько позднее. Во второй половине дня полковник Преображенский собрал весь личный состав и объявил о поставленной Верховным командованием задаче. В своем выступлении перед собравшимися командир и военком Оганезов разъяснили важность и политическое значение операции, особенности ее выполнения, назвали объекты в районе Берлина, подлежащие разрушению, дали характеристику противовоздушной обороны и определили маршрут полета.

Расстояние до цели и обратно составляло 1760 километров, в основном над морем. По теперешним временам для авиации такой протяженности путь труда не составляет. Но тогда это был фактически предел для ДБ-3, хотя если расшифровать это сокращение, то оно звучит так:

«Дальний бомбардировщик тип третий». Каждый экипаж мог взять на борт самолета до одной тонны бомбового груза.

В то время как экипажи готовились к ответственному полету, Жаворонкова продолжали волновать вопросы обеспечения авиагруппы необходимым количеством топлива и боеприпасов, охраны аэродрома от возможных налетов вражеской авиации. По части снабжения все обязанности были возложены на тыл 15-й разведывательной эскадрильи. Бомбы и бензин доставлялись на остров на тральщиках. Вопрос о прикрытии аэродрома зенитной артиллерией и истребителями Жаворонков решил с генерал-майором береговой службы А. Б. Елисеевым, в распоряжении которого находилось до двух дивизионов 76-мм зенитных пушек и эскадрилья истребителей И-153 («чайка»).

Для разведки в открытом море по курсу полета бомбардировщиков и оказания помощи экипажам в случае вынужденных посадок на воду по указанию Жаворонкова были направлены две четырехмоторные летающие лодки конструкции Четверикова.

Таким образом, все было готово для полета на Берлин. В ночь на 8 августа 13 самолетов взяли курс на логово фашистов. Взлет происходил перед заходом солнца. Бомбардировщики один за другим выходили на старт и, пробежав почти весь аэродром, медленно отрывались от земли, уходя в сторону моря. Там они должны были собраться в три группы. Одну из них возглавлял Е. Н. Преображенский, другую — командир эскадрильи А. Я. Ефремов и третью — капитан В. А. Гречишников. Для первого полета на каждом самолете решили подвесить по восьми стокилограммовых бомб.

Благодаря четкой организации первый полет на Берлин прошел весьма успешно. Противник не ожидал появления наших бомбардировщиков и был застигнут врасплох. При отходе от цели экипажи наблюдали несколько пожаров, возникших в разных районах города.

Лишь только приземлился самолет командира группы, Жаворонков направился к нему. Евгений Николаевич Преображенский вышел из кабины усталый, но довольный. Приложив руку к шлему, доложил:

— Товарищ генерал-лейтенант, задание выполнено. Вверенный мне полк бомбил Берлин.

Нарком обороны не забыл своего обещания усилить оперативную группу Жаворонкова самолетами ДБ-3 и ПЕ-8. 9 августа на аэродроме «Асте», расположенном недалеко от «Кагула», приземлились две группы бомбардировщиков: одна в составе пяти самолетов под командованием майора Василия Ивановича Щелкунова, другая в составе девяти самолетов, ее возглавлял капитан Василий Гаврилович Тихонов. Под Ленинград была перебазирована группа тяжелых самолетов ПЕ-8, которой командовал Михаил Васильевич Водопьянов.

С. Ф. Жаворонков был чрезмерно рад прилету на остров экипажей дальнебомбардировочной авиации. Собрав летный состав, он поставил перед ним задачу — немедленно заняться подготовкой полета, чтобы новый удар по Берлину произвести в ночь с 10 на 11 августа. Ввиду резкого ухудшения погоды Семен Федорович приказал: более тщательно изучить маршрут и профиль полета, наметить надежные способы контроля пути для точного выхода на цель и на аэродром посадки. Для обмена опытом он позаботился о встрече новичков с летными экипажами, которые принимали участие в первом налете на фашистскую столицу. На этой встрече Евгений Николаевич Преображенский рассказал об особенностях взлета самолета, имеющего максимальную нагрузку, с ограниченной размерами взлетно-посадочной полосы, эксплуатации моторов, навигационно-пилотажного оборудования при наборе высоты и на протяжении всего длительного маршрута. Особое внимание всех летчиков было обращено на экономный расход топлива, так как даже небольшое отклонение от разработанного инженерно-эксплуатационного графика могло привести к серьезным последствиям, к невозможности из-за нехватки горючего дотянуть до своего места базирования. Штурман капитан Хохлов на этой встрече поделился своим опытом, связанным с точным выдерживанием заданного профиля полета, с методикой использования самолетных и наземных радиосредств для контроля пути.

Спросив разрешения у генерала Жаворонкова, поднялся с места и старший лейтенант Афанасий Фокин.

— Прилетевшие на подмогу летчики спрашивают нас о том, какое ощущение испытывали мы, когда получили задание и приступили к его выполнению, — заговорил летчик. — Трудно, очень трудно передать, как взволновало всех нас такое ответственное поручение. Шуточное

ли дело — первыми летим бомбить Берлин! Погода благоприятная, видимость хорошая. Летим. Настроение бодрое. Вспоминаем о вранье Геббельса, который единым росчерком пера «уничтожил» советскую авиацию.

Фокин всматривается в лица новичков и весело продолжает:

— Пролетели мы больше трех часов. Штурман Евгений Шевченко докладывает мне: через несколько минут Берлин. И вскоре ясно стали видны его контуры, изгибы реки Шпрее, сплетение каналов. Внизу показались пожары. Это постарались экипажи, шедшие впереди. И мы добавим!.. «Бомбы сброшены», — штурман поморгал мне сигнальными огнями. Можно возвращаться. Нет, рано назад! Сделаем еще один кружок над целью, так сказать, для «морального воздействия»...

Фокин умолк. Послышался другой голос:

— Не так страшен черт, как его малюют! — Это крикнул с места летчик Михаил Плоткин. Он продолжал: — Теперь мы знаем, гитлеровцев можно нещадно бить в их собственном доме.

— Не только бить, но и уничтожать как бешеных собак, — вставил майор Ефремов.

В помещении, где был собран летный состав, стало шумно. Отовсюду слышались гневные голоса. Но вот поднялся генерал Жаворонков, и шум сразу прекратился. Он обвел взглядом сидящих за небольшими столиками летчиков, сказал:

— Вижу, у морских да и у сухопутных летчиков по-настоящему боевое, я бы сказал, злое настроение. Это очень хорошо, товарищи! Без злобы и жгучей ненависти в сердце каждого из нас нельзя успешно вести борьбу с таким коварным врагом, как германский фашизм. Родина поручила нам самое ответственное задание: любой ценой достать до Берлина и обрушить на него огонь зажигалок и фугасок. Первый, уверенный шаг морские летчики сделали. Теперь совместными усилиями мы должны сделать еще больше. Вместе мы — грозная сила!

...На аэродромы опустилась ночь. Чуть видны из-за укрытий силуэты бомбардировщиков. Закончены последние приготовления к полету. Экипажи заняли места в кабинах. Еще и еще раз летный состав проверил работу агрегатов и приборов, проконтролировал четкость и надежность средств связи.

А на командном пункте тоже заканчиваются последние приготовления. И вот генерал Жаворонков подает условный сигнал на вылет. Сразу все оживило, заклокотало вокруг. Дружно загудели авиационные моторы. Грузенные до отказа самолеты выруливают на старт и, сделав разбег, уходят в темноту ночи.

Бомбардировщики, ведомые опытейшими летчиками-коммунистами, взяли курс на Берлин.

Перед полетом майор Щелкунов, докладывая командиру оперативной группы генералу Жаворонкову о готовности отряда к выполнению задания, сказал:

— Экипажи в полной готовности. Все мы горим желанием отомстить гитлеровцам за очередную бомбардировку родной Москвы. Нас, наверное, сегодня по случаю плохой погоды не ждут в Берлине. Тем лучше!

На этот раз полет к столице гитлеровской Германии был труден и опасен. Даже издававшие виды морские летчики полковника Преображенского качали головой, поглядывая на многослойные грозные облака. Но приказ должен быть выполнен!

Несмотря ни на какие преграды, экипажи уверенно ведут воздушные корабли к заданной цели. На полную мощь работают моторы, метр за метром набирается высота. Скоро она достигла заданной.

Бомбардировщики более двух часов настойчиво продвигаются вперед. Находясь в общем боевом порядке чуть выше и впереди других, идут экипажи из группы Преображенского, несколько в стороне следуют летчики офицеров Щелкунова и Тихонова. Недалеко от цели к ним должны присоединиться экипажи из группы Водопьянова, вылетевшие из-под Ленинграда. Так задумано и предусмотрено планом операции, которую разрабатывал Семен Федорович Жаворонков со своими помощниками. А сейчас он с тревогой вглядывается и вслушивается в ночь, понимая, как тяжело приходится экипажам бомбардировщиков.

С приближением к цели росло напряжение среди всех членов экипажей. Летчики, следя за показаниями приборов, строго выдерживали заданный режим полета. Стрелки-радисты и воздушные стрелки бдительно наблюдали за обстановкой, держали в постоянной готовности пулеметы для возможного отражения атак ночных истребителей. Особенно много дел было у штурманов. Облачность все больше и больше редела. Внизу причудливо

изгибалась река Одер. Она вырисовывалась четкой серебряной нитью. Воспользовавшись этим, штурманы напряженно всматривались в очертания ориентиров на земле, измеряли по ним угол сноса, определяли силу и направление ветра.

Дальнейший путь экипажей к цели лежал вдоль широкого канала. Все ближе и ближе объекты удара. Но почему молчат зенитки? Может быть, майор Щелкунов был прав, говоря, что в такую непогоду на Балтике гитлеровцы не ждут налета наших бомбардировщиков? И от этого напряжение экипажей росло еще больше.

В огромные «окна» между облаками все отчетливее просматривались контуры затемненного города. То тут, то там вспыхивали огни электросварок. Военно-промышленные предприятия Берлина расположены преимущественно в районе внешнего кольца; металлургические и машиностроительные заводы находятся в его северо-западной части. Вот сюда-то и обрушат очередной бомбовый удар советские летчики.

Первые самолеты из группы Преображенского сбросили серии зажигательных бомб. И сразу же на земле возникли очаги пожаров, осветив своим заревом другие цели. На земле вспыхнули зенитные прожекторы, своим пучком они утыкались в облака, и только некоторым из них удавалось войти в «окна». Зенитная артиллерия также открыла беспорядочный огонь. Трассы крупнокалиберных пулеметов и зенитных пушек расчертили небо разноцветными точками и линиями. Но такая «иллюминация» не причиняла нашим маневрирующим бомбардировщикам никакого вреда. На объекты, хорошо различимые с воздуха, с самолетов Гречишникова, Фокина, Плоткина, Тихонова, Юпина, Васильева и других полетели бомбы.

Летчики в эти минуты хорошо помнили слова своего наставника генерала Жаворонкова о том, что надо «любой ценой достать до Берлина и обрушить на него огонь зажигалок и фугасок». Все новые и новые бомбардировщики подходили к фашистскому логову и с разных высот сбрасывали большой взрывной силы бомбы, создавая на земле пожары и взрывы. Экипажи Щелкунова и Крюкова прямыми попаданиями фугасок взорвали объекты артиллерийского завода. Пламя пожара метнулось в небо, впоследствии оно распространилось на большую территорию военного предприятия. Летчики Водопьяно-

ва замыкали боевой порядок. Они также сумели поджечь важные объекты противника.

Обратный полет проходил при сильном попутном ветре, сократившем время полета. Постепенно горизонт прорезывала алая полоска, с каждой минутой она становилась все ярче и ярче. Это утренняя заря — предвестница нового дня — шла навстречу воздушным воинам. Она первая приветствовала бесстрашных и мужественных соколов, ведущих справедливую и нелегкую борьбу с фашистскими варварами.

Задолго до подхода к острову Сарема экипажи начали пробивать облачность. И когда показались аэродромы, летчики, не делая круга, пошли на посадку. Их радушно встречали боевые друзья — техники и авиационные специалисты. В эту ночь они не смыкали глаз, ждали, волновались. Да и гитлеровские бомбардировщики покоя не давали. Оказывается, как только наши самолеты улетели на задание, «юнкерсы» нагрянули на аэродром «Кагул». Их агент, находившийся поблизости от аэродрома, с земли несколько раз сигнализировал цветными ракетами. Однако наши посты, расположенные вокруг аэродрома, перехитрили и парализовали врага.

Оправдался расчет Семена Федоровича Жаворонкова, по замыслу и приказу которого заранее была разработана схема маскировки и прикрытия аэродрома зенитными средствами. Чтобы запутать гитлеровских летчиков и отвести их подальше от аэродрома, генерал Жаворонков распорядился о создании на острове специальных постов сигнальщиков. В нужный момент они выпускали в воздух много разноцветных ракет. Помимо этого, в море направлялись катера, команды которых также стреляли ракетами, имитируя работу ночного аэродрома. Так вот и в эту памятную ночь, как только вражеские бомбардировщики подходили к острову, с различных точек взвивались разноцветные ракеты. В итоге фашистские летчики, сами того не подозревая, сбрасывали грузы бомб далеко от места базирования нашей авиации. Хитрость настолько удалась, что за время проведения воздушной операции, связанной с ударами по Берлину, ни одна вражеская бомба не упала в места расположения личного состава и авиационной техники.

Несмотря на огромное напряжение в ту ночь, Жаворонков внешне был бодр и весел. Находясь на командном пункте и принимая доклады от экипажей, генерал

старался всячески подбодрить уставших летчиков. Он расспрашивал о том, каким способом была преодолена грозная облачность по маршруту, какой маневр применяли экипажи над целью против прожекторов и зенитной артиллерии. Узнав о том, что экипажи офицеров Фокина и Гречишникова после сброса бомб и листовок делали над целью дополнительный круг, как говорил старший лейтенант Фокин, «для морального воздействия», генерал выразил резкое неудовольствие.

— Такое делать непозволительно, — спокойно, но твердо сказал он летчикам. — Вы подвергаете себя, весь экипаж огромному риску. С большой вероятностью вас могут перехватить ночные истребители, лучше пристреляются зенитки... Сами знаете, война только разгорается, боевых дел впереди множество. И в этой ситуации каждый сохраненный после боя экипаж, каждый самолет не имеют цены. Нет, такое непозволительно! Я запрещаю в дальнейшем без надобности разгуливать над таким объектом удара.

Успел в этот вечер генерал Жаворонков побывать и на аэродроме «Асте». Разговаривая с новичками, генерал был более мягок, подолгу расспрашивал экипаж о полете, о первых впечатлениях. За всех очень хорошо ответил капитан Н. В. Крюков.

— Спасибо за доверие, товарищ генерал. Дорогу к фашистской столице мы знаем теперь хорошо, — сказал он и добавил: — Мы готовы полететь по ней еще не раз!

Уже через сутки летчики генерала Жаворонкова один за другим вновь стартовали на бомбардировку Берлина. Балтика и на этот раз не радовала погодой: снова многослойная с грозами облачность. Высота отдельных грозных «наковален» доходила до 8 тысяч метров. Метеоусловия сложнейшие, а нужно пройти точно по курсу почти 900 километров туда и столько же обратно. Теперь фашисты, конечно, напрягут все силы, чтобы помешать советским летчикам прорваться к Берлину.

Как и предполагалось, после старта бомбардировщики вошли в полосу облачности. Облака, вначале рваные, пошли затем сплошной грядой. Видимость как-то сразу исчезла, все скрылось в темной мути. Почти до района Штеттина тянулась сплошная и высокая облачность. Поэтому большую часть времени полета к цели экипажи шли вслепую. Временами неимоверной силы болтанка

жидала самолеты из стороны в сторону, вверх, вниз. Стрелки пилотажных приборов вздрагивали, вращались то в одну, то в другую сторону, давали разные показания. В такой обстановке затруднялось пилотирование воздушного корабля. Только хладнокровие и мастерство летчиков позволяли выходить из труднейших положений, выдерживать расчетный курс и километр за километром пробиваться к цели.

И в этот и в последующие полеты все экипажи из оперативной авиационной группы генерала Жаворонкова, несмотря на труднейшие погодные условия, успешно выполняли поставленную перед ними боевую задачу. Каждый раз они наносили по объектам фашистской столицы сокрушительные бомбовые удары.

День авиации, 18 августа 1941 года, летный и технический состав оперативной группы запомнил на всю жизнь. Утром с Большой земли на остров прибыл связной самолет. Он привез почту, газеты, журналы. Летчики с большим интересом читали очередное правительственное сообщение о налетах наших бомбардировщиков на Берлин и другие объекты врага. В сообщении говорилось:

«В ночь с 15 на 16 августа имел место новый налет советских самолетов на районы Берлина и отчасти на Штеттин. На военные и промышленные объекты Берлина и Штеттина сброшено много зажигательных и фугасных бомб большой силы. В Берлине и Штеттине наблюдалось большое количество пожаров и взрывов. Все наши самолеты вернулись на свои базы».

В этом же номере газеты был напечатан Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении летчикам Е. Н. Преображенскому, В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову, М. Н. Плоткину и штурману П. И. Холлову высокого звания Героя Советского Союза.

На аэродроме «Кагул» по поводу присвоения звания Героя Советского Союза особо отличившимся балтийским летчикам состоялся торжественный митинг, на котором отважных соколов поздравил генерал С. Ф. Жаворонков, их боевые друзья — летчики и техники. В ответном слове от награжденных полковник Преображенский поблагодарил Коммунистическую партию и Советское правительство за высокую оценку их ратных дел, свершаемых во имя любимой Родины. Он заверил, что морские летчики вместе с другими авиаторами оперативной груп-

пы будут и впредь нещадно громить немецких захватчиков.

Перед закрытием митинга генерал Жаворонков представил слово военкому Г. Оганезову, который, поздравив летчиков с праздником и наградами, прочитал выдержки из передовой статьи газеты «Правда», посвященной Дню советской авиации. Вот что услышали авиаторы из уст своего комиссара:

— «Хвастливое германское командование еще в конце июня истошно кричало на весь мир о том, что советская авиация полностью уничтожена. А советская авиация продолжает свою смертоносную работу, нанося убийственные удары германским войскам.

За последнее время наши советские летчики совершили несколько воздушных налетов на район Берлина, обрушивая тяжелые бомбы в логово врага. Каждый день «уничтоженная» советская авиация громит фашистские самолеты, танки, аэродромы, нанося огромный урон хвастливым гитлеровцам».

Военком Оганезов сделал небольшую паузу. Затем продолжил:

— «Подвиги советской авиации вызывают заслуженное восхищение во всем мире. Военный обозреватель американского агентства Юнайтед Пресс заявил, что одним из важных факторов успешных военных действий Красной Армии является огромная сила советской авиации и танковых соединений. Налеты советской авиации на Берлин английская печать и радио единодушно расценили как свидетельство мощи советской авиации и новое доказательство лживости хвастливых заявлений германской пропаганды об уничтоженных Советских Военно-Воздушных Силах».

— Будем громить фашистов еще крепче! — под одобряющие голоса летчиков крикнул полковник Преображенский.

— Верно, надо еще сильнее бить ненавистного врага! Только так мы приблизим день разгрома гитлеровских захватчиков, — заключил Жаворонков.

Не один еще раз экипажи авиационной группы под руководством С. Ф. Жаворонкова совершали налеты на Берлин. В одну из ночей экипажи с обоих аэродромов взлетели особенно дружно: не успевал оторваться от земли впереди идущий самолет, как со старта начинал свой стремительный разбег другой. Сделав небольшой

поворот, летчики брали курс на юго-запад. С набором высоты они все дальше и дальше углублялись во вражеский тыл. Проходит час, другой, третий... Стрелка высотомера на корабле полковника Преображенского показывает одно из конечных делений.

К Берлину, как и прежде, экипаж Преображенского подошел первым. На земле включились зенитные прожекторы, и по небу начали шарить их голубоватые лучи. Они все ближе, ближе. Вот один скользнул по фюзеляжу корабля, и сразу же на подмогу ему устремился другой, третий. Командир корабля резко отдал штурвал вперед и направил самолет в спасительную темноту. При этом пришлось потерять высоту, но зато прожекторы отстали.

Ночь над Берлином была лунная, темный массив затаившегося города хорошо просматривался сверху. Вскоре штурман Хохлов вывел самолет на боевой курс и, прицелившись, нажал на боевую кнопку. Серия мощных фугасок отделилась от корабля и устремилась вниз. И вскоре взрывы: один, другой...

С земли, словно огненные сабли, взметнулись лучи прожекторов. Со всех сторон потянулись трассы зенитных снарядов. Шапки разрывов, казалось, покрыли все пространство над целью. Шедшие за Преображенским бомбардировщики попадали в лучи прожекторов, под перекрестный огонь зениток. Так случилось и с экипажем Щелкунова. Сбросив прицельно груз бомб и вызвав на земле большой пожар, Щелкунов попал под ураганный огонь зенитной артиллерии. Ценою больших усилий экипажу все же удалось выйти из зоны обстрела. Но тут авиаторов ждала очередная неприятность — начал сдавать левый мотор. Резко падало давление масла, скоро стрелка манометра подошла к нулю.

— Что с мотором? — с тревогой спросил штурман Малыгин.

— Видать, поцарапала зенитка, — ответил Щелкунов. А через некоторое время командир так же спокойно сказал: — Выключаю движок, он теперь плохой работник.

Щелкунов все внимание сосредоточил на правом моторе. Несмотря на мастерское пилотирование воздушного корабля, высота полета постепенно падала; скорость сократилась до 160—170 километров в час. Штурман с точностью до одного градуса рассчитал курс на свой аэродром; летчик все делал, чтобы наиболее точно выдержать

его. Но самолет постоянно тянуло влево. А когда до аэродрома осталось не более полусотни километров, стряслась другая беда: в работающем моторе катастрофически начало падать давление масла. Стрелка манометра стала подходить к нулю. Летчик делал все, чтобы не потерять ни одного метра высоты. Экипаж летел над морем, и надо было любой ценой дотянуть до острова. Вскоре в туманной дымке показалась земля. Вот она совсем приблизилась. Не теряя времени, Щелкунов с ходу и поперек старта стал сажать бомбардировщик. Коснувшись колесами земли, он плавно покатился по аэродрому.

К месту, где остановился самолет Щелкунова, был послан тягач, который отбуксировал машину на свое место. Генерал Жаворонков тут же прибыл на стоянку. Осмотрев израненную машину, он, пожимая руки Щелкунову и Малыгину, сказал:

— Спасибо вам за примерную службу. Вы проявили стойкость и мужество. Умелые руки техников воскресят воздушный корабль, и он снова и снова полетит на боевое задание.

До 4 сентября сорок первого года оперативная группа дальних бомбардировщиков под командованием генерал-лейтенанта С. Ф. Жаворонкова совершила девять вылетов на Берлин. 4 сентября с острова Сарема был произведен последний боевой вылет, завершивший первые смелые рейды экипажей воздушных кораблей в глубокий тыл фашистской Германии.

Все бомбовые удары по Берлину, кроме первого, совершались в условиях сильного противодействия противовоздушной обороны врага. Но, несмотря ни на что, экипажи морских летчиков и дальней авиации, умело руководимые и направляемые генералом Жаворонковым, успешно справились с заданием Ставки Верховного Главнокомандования. За время операции ни один экипаж не был потерян над целью.

За образцовое выполнение особо ответственного задания командования большая группа летчиков, штурманов, воздушных стрелков, авиационных техников и механиков была награждена орденами и медалями. Помимо тех морских авиаторов, которым в августе было присвоено звание Героя Советского Союза, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1941 года звание Героя Советского Союза было присвоено летчикам Н. В. Крюкову, В. И. Лаконину, В. И. Малыгину,

В. Г. Тихонову и В. И. Щелкунову. Правительственными наградами была отмечена и деятельность генерала С. Ф. Жаворонкова, разработавшего и руководившего одной из смелых воздушных операций начального периода Великой Отечественной войны.

Известно, что в составе ВВС Военно-Морского Флота были не только части торпедоносцев-бомбардировщиков, но также истребители и разведчики. Последние к началу Великой Отечественной войны даже преобладали.

Жаворонков внимательно следил за развитием авиационной техники, заботился об оснащении частей новейшими самолетами и лучшим наземным оборудованием. К началу войны морская авиация уже имела в своем составе новые самолеты Як-1, МиГ-1 и МиГ-3, хотя их было еще очень мало.

Морские летчики-истребители с первого дня войны повели ожесточенные бои с противником. Особенно яростно дрались североморцы. Часто, израсходовав в бою боеприпасы, они шли на таран. Так, 16 июля 1941 года лейтенант Н. И. Митин таранил вражеский морской самолет. 18 июля лейтенант В. А. Михалев таким же приемом сбил самолет-разведчик. 19 июля старший лейтенант М. И. Багрянцев — бомбардировщик Ю-88. 22 июля старший лейтенант Д. И. Зосимов — еще один Ю-88.

Высокую боевую активность проявили летчики-истребители авиационной группы под командованием капитана Л. Г. Белоусова и капитана А. К. Антоненко во время героической 102-дневной обороны военно-морской базы Ханко. Они несли службу ПВО базы, вели разведку, штурмовали неприятельские войска, успешно действовали по вражеским кораблям — словом, были действительно активной силой обороны. 44 сбитых самолета противника и около 20 потопленных мелких судов и катеров противника на боевом счету этой группы, насчитывавшей всего 22 самолета.

Семен Федорович Жаворонков постоянно следил за боевыми делами летчиков-истребителей морской авиации. Его интересовали не только цифры сбитых машин врага, но и тактика наших истребителей, боевой опыт отдельных летчиков.

Однажды командующему доложили о том, как бесстрашный североморский истребитель Борис Сафо-

нов, будучи ведущим семерки, обратил в бегство свыше пяти десятков вражеских самолетов.

— Кто он, Сафонов? — спросил генерал.

— Командир эскадрильи Второго авиационного истребительного полка Северного флота.

— Давно на фронте?

— С самого начала войны...

— Сколько сбитых?

— Что-то около четырнадцати.

— Представлен к званию Героя?

— Уже Герой.

— Молодец, — заключил Жаворонков и попросил найти способ ознакомить его с опытом боевой деятельности Б. Ф. Сафонова. — При первой же поездке на Север я непременно познакомлюсь с этим летчиком.

На следующий день Жаворонкову принесли статью Бориса Сафонова, опубликованную в газете.

«При необдуманном и неоправданном риске, — говорилось в ней, — неизбежны потери в людях и машинах. Вот, например, недавно мое звено неожиданно столкнулось с большой группой вражеских бомбардировщиков. Их было около тридцати. Бомбардировщики стремились прорваться к нашей морской базе. Что нам надо было делать? Бросаться в открытую атаку?»

Конечно, это был бы героизм, риск, отвага. Но этот риск не принес бы нам никакой пользы. Вступив в бой, мы обнаружили бы свою малочисленность, и врагу ничего не стоило бы нас уничтожить. А наша задача была — и уцелеть и расстроить намерения врага. Свою задачу мы решили выполнить во что бы то ни стало, и мы пошли на хитрость. Используя низкую облачность, мы, невидимые для врага, зашли с разных сторон и одновременно атаковали противника. Во вражеской стае это вызвало большое замешательство. Но мы снова нырнули в облака и снова, уже из других точек, сделали нападение. У противника создалось впечатление, что нас много и он окружен. Теперь и он решил «не рисковать»: вся группа бомбардировщиков развернулась и ушла с боевого курса. А нам при тех условиях только это и требовалось...»

— Молодцы, орлы, настоящие герои! — воскликнул Жаворонков. И распорядился о том, чтобы опыт североморских истребителей был широко распространен среди всех летчиков морской авиации.

К сожалению, Семену Федоровичу так и не довелось лично познакомиться с Б. Ф. Сафоновым, по праву стяжавшим себе славу надежного стража Североморья. К маю 1942 года число боевых вылетов на его счету достигло трехсот. Он сбил 28 самолетов врага, но и сам погиб в бою 30 мая 1942 года. Командующий морской авиацией поддержал ходатайство и через полмесяца Б. Ф. Сафонов посмертно был награжден второй медалью Золотая Звезда.

Много сил отдавал генерал Жаворонков организации и руководству авиацией Краснознаменного Балтийского флота. В годы войны особенно большая нагрузка выпала на долю летчиков-истребителей Балтики. Они защищали Ленинград от массированных вражеских налетов. В ноябре 1941 года часть сил авиации КБФ была выделена на поддержку войск, сражавшихся под Тихвином. Но, пожалуй, самой яркой страницей в деятельности балтийских истребителей стала охрана «Дороги жизни», единственной коммуникации, связывавшей Ленинград с Большой землей в тяжкие месяцы блокады.

Когда в Ставке Верховного Главнокомандования созрело решение об установлении связи с Ленинградом через Ладогу, генералу С. Ф. Жаворонкову было приказано доложить о возможностях авиации Военно-Морского Флота участвовать в охране «Дороги жизни».

— Мы сможем выделить авиагруппу в составе двух истребительных авиаполков и одной отдельной эскадрильи, — доложил Жаворонков.

Этим силам морских летчиков совместно с фронтовой авиацией и было поручено охранять с воздуха ледовую трассу, сдерживать натиск врага.

Воздушный заслон над Ладогой оказался весьма эффективным. Несмотря на постоянно происходившие в воздухе ожесточенные бои, «Дорога жизни» продолжала успешно действовать.

Семен Федорович Жаворонков неоднократно предупреждал летчиков-истребителей о постоянной необходимости быть готовыми к борьбе не только с воздушным, но и с наземным противником. Этот совет командующего очень пригодился морским летчикам в октябре 1942 года когда противник пытался высадить десант на остров Сухо.

К этому времени фашистское командование сделало вывод, что Ладожскую коммуникацию ударами с воз-

духа не уничтожить, слишком сильна здесь противовоздушная оборона. Тогда оно предприняло попытку захватить ключевую позицию на подходе к Новой Ладоге — остров Сухо. На рассвете 22 октября 16 паромов, 7 десантных ботов и 13 катеров подошли к острову. Отчаянное сопротивление этим вражеским силам оказала наша артиллерийская батарея. Однако ее огонь скоро был подавлен явно превосходящими силами противника. Началась высадка вражеского десанта.

Но в воздух уже поднялись морские летчики, которые вовремя пришли на помощь немногочисленным защитникам острова и всей своей могучей силой обрушились на противника. Десантный отряд был разгромлен. Авиаторы вывели из строя полови́ну десантных паромов и два катера. Противник обратился в бегство. В проведенном над островом ожесточенном воздушном бою советские летчики сбили 14 самолетов авиационного прикрытия десанта.

На самом южном фланге огромного советско-германского фронта мужественно дрались морские летчики-истребители Черноморского флота. Они оказывали активное содействие войскам, оборонявшим Одессу и Севастополь, а позже — Кавказ. Например, только в поддержку обороны Одессы морская авиация произвела более четырех с половиной тысяч самолето-вылетов.

При активном участии генерала Жаворонкова морская авиация уже к концу первого (оборонительного) периода войны получила не только новые самолеты-истребители, но и штурмовики ИЛ-2.

Истребительная авиация практически разделалась на пунктовую, имевшую своим назначением противовоздушную оборону военно-морских баз и коммуникаций, и авиацию сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков. Летчики-истребители тесно взаимодействовали с другими видами морской авиации и все вместе наносили ощутимые удары по врагу.

Наращение наших боевых успехов на всех фронтах, все увеличивающееся поступление новой боевой техники и оружия привели к тому, что морская авиация стала все реже использоваться в качестве фронтовой и все чаще действовала по своему прямому назначению — участвовала в боевых операциях на морских театрах военных действий.

Наступил день, когда С. Ф. Жаворонков мог доложить вышестоящему командованию:

— Началось воздушное наступление над морем.

Это случилось в 1944 году. Но и до этого летчики морской авиации с честью выполнили немало ответственных заданий, участвуя в операциях Военно-Морского Флота. Одна из славных страниц — борьба торпедоносной авиации с флотом противника на Балтийском море.

Однажды главнокомандующий ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов пригласил к себе Жаворонкова, и они вместе долго обсуждали создавшуюся обстановку.

— Видишь, Семен Федорович, никак не хотят немцы дать свободу маневра в Финском заливе, прижимают к самому берегу.

— Что нового придумал противник? — спросил Жаворонков после некоторой паузы.

— Перегородил Финский залив противолодочными сетями и разбросал тысячи мин. Фактически создан два противолодочных рубежа.

Кузнецов помолчал, затем сказал:

— Мои планы тебе известны, а я хотел бы послушать, что предложат летчики...

Жаворонков вопросительно посмотрел на Кузнецова, а тот продолжал начатую мысль:

— Понимаешь, Семен Федорович, пока наши подлодки оказались в плену у своих же берегов, их должна заменить авиация.

— Понимаю, товарищ командующий флотом. Вы имеете в виду наше предложение о свободной охоте, как это делается в частях ВВС.

— Совершенно верно, Семен Федорович. Мне очень хочется, чтобы вы претворили это ценное предложение в жизнь.

— Займусь этим делом немедленно, — заверил Жаворонков командующего флотом.

После этого разговора Семен Федорович обсудил у себя в штабе новую боевую задачу и способы ее выполнения. Затем было отдано распоряжение о проведении так называемых крейсерских полетов, то есть полетов одиночных самолетов-торпедоносцев со свободным поиском противника и с атакой обнаруженной цели.

Новая тактика борьбы с противником на море блестяще себя оправдала. Из 229 крейсерских полетов, совершенных с середины до конца 1943 года, 93 завершились

торпедной атакой, причем около 60 процентов выпущенных торпед поразили цель. В последующий период Отечественной войны крейсерские полеты получили дальнейшее распространение и развитие. По указанию Жаворонкова на такие задания стали направляться мелкие группы самолетов, что значительно повысило результаты торпедных атак по вражеским кораблям и помогло экипажам торпедоносцев успешнее бороться с истребителями противника.

А вот еще одна из ярких страниц боевой деятельности летчиков морской авиации Черноморского флота — их участие в Керченско-Эльтигенской операции. Как известно, эта операция началась 31 октября 1943 года и продолжалась до 10 декабря. В ходе ее наш морской десант форсировал Керченский пролив и захватил небольшой плацдарм южнее Керчи. Сюда на участок шириной в 2 километра и глубиной 800 метров противник бросил танки и большое количество артиллерии. Но, несмотря на все усилия, гитлеровцам не удалось сбить с плацдарма наших воинов. Герои «Огненной земли», как называли плацдарм его защитники, не только удержались, но и оказали помощь нашему десанту, высадившемуся северовосточнее Керчи. Как свидетельствует история, немало важную роль в этой операции сыграли морские летчики.

С. Ф. Жаворонкову, который еще до войны командовал авиацией Черноморского флота, было сравнительно нетрудно представить, как должны действовать советские летчики в специфических условиях крымского побережья. Отсюда его особая заинтересованность в разработке и осуществлении авиационного прикрытия операции. Жаворонков давал ценные советы командованию Черноморского флота, пристально следил за развитием событий.

В результате продуманных действий авиационного командования летчики эффективно помогали морским десантникам.

В период подготовки десантной операции с 23 по 31 октября летчики морской авиации уничтожали огневые средства и живую силу противника в районах Керченского полуострова, прикрывали сосредоточение плавсредств, наносили удары по вражеским боевым катерам в порту Феодосия.

В ночь на 1 ноября одновременно с артиллерийской подготовкой высадки морская авиация бомбардировала неприятельские и основные группировки немецко-фаши-

стских войск. С рассветом 1 ноября она осуществила поддержку войск при захвате плацдарма. Противник предпринимал яростные усилия сбросить войска десанта в море. Войскам, удерживавшим занятые рубежи, надежную помощь оказывала авиация. 3 ноября Военный совет Восемнадцатой армии писал командующему Черноморского флота: «Передайте летному составу ВВС ЧФ, поддерживающему нас в бою на восточном берегу Керченского полуострова, спасибо от пехоты нашей армии! Летчики оказали нам большую помощь в отражении трех контратак противника с танками, которые он предпринял в течение двух дней».

Поддержка десанта сопровождалась воздушными боями с авиацией противника. 2 ноября морской авиацией произведено в районе Эльтигена 22 воздушных боя, сбито 25 неприятельских самолетов. 3 ноября командир эскадрильи Сорок седьмого штурмового авиаполка лейтенант Б. Н. Воловцов на самолете ИЛ-2 с парторгом эскадрильи младшим лейтенантом В. Л. Быковым в качестве стрелка, расстреляв боезапас при отражении танковой атаки, таранил летевавший на бомбардировку наших войск самолет Ю-88. В обращении к командованию Черноморского флота Военный совет Восемнадцатой армии тогда писал: «... имена лейтенанта Б. Н. Воловцова и младшего лейтенанта В. Л. Быкова, таранивших немецкий самолет Ю-88, мы запишем в списки героев нашей армии...»

Весьма активным было участие авиации ВМФ в Выборгской и Таллинской операциях, а также в Восточно-Прусской и Петсамо-Киркенесской.

Подводя итоги каждой проведенной операции и планируя новые, генерал Жаворонков стремился к неуклонному повышению роли морской авиации в достижении победы над врагом. В этом деле ему хорошо помогали его личные качества: глубокая эрудиция, умение вовремя заметить новое в действиях частей и соединений и стремление сделать каждый новый полезный шаг достоянием всех морских летчиков. Особенностью стиля его руководства было умение подмечать главное в общем потоке событий и мобилизовывать все силы на решение этой главной задачи.

Об этом ярко свидетельствует пример умелого решения вопроса взаимодействия морской авиации с кораблями флота в противолодочной обороне. В последние ме-

сяцы войны было замечено значительное увеличение числа подводных лодок противника, действующих против наших судов в Баренцевом море. Особенно активно они действовали у побережья Северной Норвегии и Кольского полуострова. По неполным данным, у немцев в этом районе было около 37 подлодок. С ними необходимо было вести борьбу. Одному флоту эта борьба была не под силу. И генерал Жаворонков много сил затратил на то, чтобы организовать тесное взаимодействие флота и авиации.

Многие оперативные и даже тактические приемы взаимодействия авиации и флота были рекомендованы С. Ф. Жаворонковым. Он проанализировал действия наших экипажей на всех флотах, выбрал рациональное зерно, и получилась стройная система борьбы с вражескими подлодками.

Экипажи морской авиации несли противолодочное патрулирование в назначенных им районах моря. Они включались также в состав сил противолодочной обороны конвоев. На морских летчиков возлагались задачи поиска подводных лодок, выполнение атак, наведение на обнаруженные лодки своих кораблей. Поиск подводных лодок вели, как правило, гидросамолеты. Торпедоносцы, бомбардировщики и штурмовики при необходимости вылетали в районы обнаружения или предположительного нахождения подводной лодки для бомбометания. Противолодочная оборона конвоев выполнялась парами и одиночными самолетами МБР-2.

Рассказ о деятельности С. Ф. Жаворонкова на посту командующего военно-воздушными силами Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны был бы неполным, если не вспомнить об активном участии морских летчиков в прикрытии военных транспортов наших союзников. По долгу службы Семену Федоровичу иногда приходилось встречаться в представителями английского и американского командования в связи с проводкой их транспортных судов. Каждый раз природный ум и богатый жизненный опыт помогали Семену Федоровичу с успехом решать вопросы в самых различных ситуациях.

Рассказывают об одном разговоре, происшедшем между Жаворонковым и представителем одной зарубежной фирмы, поставившей в Советский Союз военное снаряжение.

— А вы, мистер Жаворонков, можете гарантировать,

что снаряжение, которое я подготовил к отправке в Советский Союз, не достанется акулам или не окажется в руках наших врагов?

В ответ на это заявление представителя иностранной фирмы Жаворонков сказал:

— Лично я гарантировать не могу, но это может сделать и непременно сделает наше социалистическое государство, его люди, наши славные воины.

Иностранец не унимался:

— Ну кто, как не вы, знаете возможности авиации и ее летчиков! Вы уверены, что они способны оградить наши транспорты от немецких атак? Дайте гарантию!

— Авиация у нас сейчас лучше фашистской. Люди наши золотые, с боевым опытом. А гарантия — это слово советского человека, который никогда на ветер слов не бросает.

— О, вы фанатик, господин Жаворонков, настоящий фанатик, — засмеялся иностранец.

— Если бы в вашей стране было побольше таких фанатиков, как я, — закончил разговор Жаворонков, — мир не дал бы Гитлеру развязать эту тяжелую, кровопролитную войну.

— Bravo, bravo! Я сдаюсь, — захолопал в ладоши представитель фирмы и, раскланявшись, вышел из кабинета Жаворонкова.

В феврале 1945 года С. Ф. Жаворонков успешно выполняет задание Советского правительства по обеспечению перелета в Советский Союз делегаций стран — участниц Ялтинской конференции.

Если говорить коротко о боевом вкладе авиации Военно-Морского Флота в общую победу над фашистскими захватчиками, то можно сказать прямо: авиация ВМФ являлась главной ударной силой флота. Об этом свидетельствуют и цифры. На долю авиации приходится свыше 50 процентов тоннажа транспортных судов и более 60 — боевых и вспомогательных кораблей, потерянных гитлеровцами от воздействия нашего флота в целом. Авиацией Военно-Морского Флота в течение войны было совершено более 350 тысяч самолето-вылетов, сброшено на врага свыше 27 тысяч тонн бомб, пущена 1371 торпеда, поставлено 2425 мин.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили работу С. Ф. Жаворонкова по организации и руководству боевыми действиями авиации ВМФ.

В 1943 году ему было присвоено звание генерал-полковника авиации, а в 1944 году — маршала авиации.

За операции, успешно проведенные авиацией ВМФ, он был награжден орденом Ленина, Красного Знамени, орденом Нахимова 1-й степени, двумя орденами Ушакова 1-й степени, орденом Кутузова 2-й степени и многими медалями.

Победоносно завершилась Великая Отечественная война. Партия направляет маршала авиации С. Ф. Жаворонкова на руководящую работу в Гражданский воздушный флот — сначала заместителем, а затем начальником Главного управления ГВФ при Совете Министров СССР. И Жаворонков с присущей ему кипучей энергией взялся за новое для него дело. Восстановление воздушных линий, аэропортов, территориальных управлений и организация воздушных перевозок во всех освобожденных республиках, краях и областях являлись важнейшими задачами управления Гражданского флота. Много сил затрачивал Семен Федорович на решение вопросов, связанных с техническим перевооружением флота на новую авиационную технику, со строительством и оборудованием аэродромов, а также по обеспечению безопасности полетов.

Гражданская авиация стала получать от отечественных заводов все больше и больше самолетов, совершенных по своим летно-техническим данным. Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы была намечена большая программа развития гражданской авиации. «По воздушному транспорту увеличить парк самолетов гражданского авиационного транспорта за счет современных пассажирских и транспортных самолетов, увеличить сеть воздушных линий до 175 тысяч километров. Восстановить и развить воздушные сообщения, в первую очередь на важнейших направлениях, связывающих Москву с центрами союзных республик и областными городами, а также воздушные сообщения районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Восстановить и развить местные воздушные линии, связывающие центры союзных республик с отдаленными районами».

Многотысячный коллектив Гражданского воздушного флота, возглавляемый С. Ф. Жаворонковым, с утроенной

энергией взялся за претворение этого закона в жизнь. На многие линии флота стали широко поступать самолеты ИЛ-12, ИЛ-14 конструкции С. В. Ильюшина, самолет АН-2 конструкции О. К. Антонова. Первыми их стали осваивать замечательные летчики, вернувшиеся с войны, Герои Советского Союза Г. А. Таран, Д. С. Езерский, П. Ф. Еромасов, Б. Т. Калинин, П. М. Михайлов, В. Ф. Павлов, С. А. Фроловский, А. С. Шорников. Тысячи других летчиков, штурманов, бортмехаников, бортрадистов, инженеров, механиков, техников, рабочих и служащих гражданской авиации, награжденных за боевые заслуги орденами и медалями, в ответ на заботу Советского правительства о ГВФ развернули социалистическое соревнование за успешное развитие сети воздушных линий и расширение использования авиации в различных отраслях народного хозяйства.

Вера маршала Жаворонкова в творческую энергию людей, в их горячее стремление как можно скорее залечить раны войны и двинуть развитие Гражданского воздушного флота вперед принесла свои замечательные плоды. Уже за первые годы послевоенной пятилетки были введены в эксплуатацию десятки зданий и сооружений в аэропортах Киева, Минска, Харькова, Воронежа, Одессы, Львова, Риги, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Краснодар, Вильнюса, Симферополя и других. По росту сети воздушных линий план был значительно перевыполнен. Укрепилась техническая база авиации: были восстановлены авиаремонтные предприятия и сеть приемных и передающих радиостанций; широко развернулось и применение самолетов и вертолетов в сельском и лесном хозяйствах, в геологической разведке, аэрофотосъемке и других работах в народном хозяйстве; только в последний год послевоенной пятилетки было перевезено 9 миллионов пассажиров, 31 тысяча тонн почты и свыше 150 тысяч тонн груза.

Несмотря на очевидные успехи, в этот период наметилось некоторое отставание нашей транспортной авиации от зарубежной. В эксплуатации продолжали оставаться преимущественно двухмоторные самолеты; запуск в серийное производство четырехмоторных пассажирских самолетов с поршневыми двигателями и особенно реактивных самолетов затягивался.

Чтобы преодолеть наметившееся отставание от развития зарубежной техники и ускорить появление реак-

тивной гражданской авиации, в 1953 году было принято решение о создании скоростных многоместных самолетов типа ТУ-104. Это был первый решительный шаг к коренному техническому перевооружению гражданской авиации.

Для того чтобы быстрее довести принятое ранее решение до работников ГВФ, С. В. Жаворонков собрал начальников служб и отделов, летчиков, инженеров, техников и подробно рассказал им о том, какие огромные перспективы открываются перед гражданской авиацией этим решением, как много принципиально новых задач возникает в связи с реконструкцией аэропортов, оснащением воздушных линий современными радиотехническими и радиолокационными средствами управления и самолетовождения.

Когда Семен Федорович окончил доклад, в зале воцарилась необычайная тишина, люди словно осмысливали сказанное начальником Главного управления ГВФ. А потом со всех сторон посыпались вопросы:

— Какие размеры взлетно-посадочных полос требуются для реактивных самолетов?

— Как скоро смогут переучиться старые летчики с поршневых машин на реактивные лайнеры?

Интерес присутствующих на собрании был не случаен, ибо то, что рассказал Семен Федорович, потрясло воображение даже убеленных сединами авиаторов. Представить только хотя бы такие цифры, названные Жаворонковым в докладе: возрастание скорости и высоты полета пассажирских самолетов более чем в два раза; увеличение дальности в четыре раза. В больших размерах увеличивается грузоподъемность; оснащение самолетов и посадочных систем радиолокационными средствами делает гражданскую авиацию мало зависимой от погодных условий.

Семен Федорович много думал над тем, какими должны стать гражданские аэродромы — будущие ворота городов. В дневниках Жаворонкова сохранились такие записи:

«Местоположение аэропорта в системе планировки и застройки городов. Факты, влияющие на размещение аэродромов:

1. Усиление шума реактивных самолетов и пути его уменьшения.

2. Безопасность взлета и посадки, как и чем она обеспечивается.

3. Подъездные пути и культура обслуживания пассажиров.

Метод решения этих вопросов:

1. Удаление аэропортов от городов; расположение взлетно-посадочных полос такое, когда полностью исключается взлет и посадка в направлении городов.

2. Постройка принципиально новых радиотехнических систем, обеспечивающих полет ночью и при сложных метеословиях.

3. Постройка железнодорожных веток, шоссейных дорог и вертолетных станций. Умелая планировка аэровокзалов, с наличием всего того, что требуется для пассажиров, а также жилых и подсобных помещений».

Маршал Жаворонков был неутомим, ведя огромную работу по претворению в жизнь этих своих наметок. Он часто встречался с архитекторами и проектировщиками, с инженерами-строителями, с партийными и советскими работниками, в проектных комиссиях. Всюду он советуется со специалистами, отстаивает планы, утвержденные Советским правительством, настойчиво проводит их в жизнь.

И вновь, как в первые послевоенные годы, закипела работа на многих линиях ГВФ. Для обеспечения эксплуатации реактивных пассажирских лайнеров перестраивались и строились заново десятки аэропортов, удлинялись взлетно-посадочные полосы, возводились рулежные дорожки, стоянки, устанавливались новые радиотехнические системы посадки самолетов. Жаворонков большую часть своего времени находил на аэродромах; он торопил строителей, торопил инструкторов, занимавшихся обучением летчиков и технического состава новой технике.

И вот через два года после упомянутого выше решения, 17 июня 1955 года, реактивный пассажирский самолет ТУ-104 конструкции А. Н. Туполева совершил свой первый полет. Этот полет прошел успешно. Но Жаворонков хорошо знал: чтобы обеспечить надежность и безотказность лайнеров при перевозке пассажиров, они должны пройти хорошую проверку на трассах. По приказу начальника управления ГВФ на восточной, самой протяженной магистрали были организованы перевозки грузов, почты, матриц на реактивных самолетах. В это же время во многих аэропортах шла интенсивная

практическая подготовка летных и технических кадров, предназначенных для эксплуатации самолетов ТУ-104. Регулярные полеты с пассажирами на этом самолете начались с сентября 1956 года.

Настойчивость, кипучая энергия работников ГВФ и прежде всего его начальника, Семена Федоровича Жаворонкова, способствовала успешному внедрению в массовую эксплуатацию первого в мире пассажирского реактивного самолета ТУ-104.

Таким образом, наша страна на два года опередила Америку, Англию, Францию в деле создания пассажирских реактивных самолетов. Уместно напомнить, что американский самолет «Боинг-707» и английская «Комета-IV» появились на авиалиниях в конце 1958 года, а французская «Каравелла» только в 1959 году.

Помимо ТУ-104, за короткие сроки были освоены и внедрены в эксплуатацию первые в мире пассажирские турбовинтовые самолеты ИЛ-18 и АН-10 — конструкции С. В. Ильюшина и О. К. Антонова. Первые рейсы на этих самолетах были совершены 15 сентября 1956 года по маршруту Москва — Иркутск, а 12 октября того же года — по международной линии Москва — Прага. К этому времени успешно были освоены вертолеты МИ-1, МИ-4, КА-15 и КА-18 конструкции В. Л. Миля и Н. И. Камова. А через пять лет, в 1961 году, вступил в строй магистральный пассажирский 170-местный самолет-гигант ТУ-114, который и по сей день совершает регулярные рейсы по воздушной магистрали Москва — Хабаровск, покрывая расстояние в 7 тысяч километров за восемь с лишним часов.

Освоение и внедрение в эксплуатацию турбореактивных и турбовинтовых самолетов, а также новых вертолетов в сжатые сроки явилось блестящей победой работников Гражданского флота. Она свидетельствовала о высоком мастерстве летчиков, инженеров, техников, зрелости командных и руководящих кадров. Среди летчиков пионерами освоения новой скоростной авиационной техники были В. А. Филонов, И. В. Орловец, В. П. Бугаев, И. В. Сапелкин, К. А. Барабаш, А. Б. Быстрицкий, П. М. Михайлов, П. А. Алпатов, И. И. Богуславский и многие другие. С. Ф. Жаворонков, несмотря на огромную загруженность делами, часто встречался с летчиками, поднимался с ними в воздух, на практике проверял надежность новой авиационной техники для перевозки пасса-

жиров и их обслуживания в местах посадки. Под неослабным контролем Жаворонкова в это время проводилась большая работа по повышению культуры обслуживания пассажиров в аэропортах, городских агентствах и на самолетах. С этой целью быстрыми темпами строились новые и реконструировались действующие аэровокзалы, открывались новые агентства, гостиницы, готовились многочисленные кадры служб перевозок.

Семен Федорович, будучи чутким и заботливым человеком, не забывал того огромного вклада, который внесли передовые люди в дело выполнения заданий партии и правительства по оснащению Гражданского флота новой техникой и ее освоению, строительству аэродромных сооружений. Было внесено предложение о поощрении отличившихся работников. Многие командиры воздушных кораблей, штурманы, бортмеханики, связисты, инженеры, техники и другие работники Аэрофлота за образцовое выполнение правительственных заданий, проявленное мужество и высокое мастерство были награждены орденами и медалями. За плодотворную работу в ГВФ маршал авиации С. Ф. Жаворонков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

По натуре С. Ф. Жаворонков был большим мечтателем, оптимистом, крепко верившим в народ, в его могучие революционные силы. В грозный 1917 год восемнадцатилетним пареньком он вступил в ряды большевистской партии и до конца своих дней оставался ее верным солдатом. Семен Федорович никогда не останавливался на достигнутом. Идти, всегда идти вперед, верить в победу дела партии было для него своего рода девизом.

И поэтому неспроста маршала Жаворонкова волновала перспектива развития ГВФ. Авиационный транспорт превращался в массовый вид перевозок пассажиров, грузов, постепенно охватывал все районы страны. На смену устаревшим самолетам приходили новые. Но каким станет Аэрофлот через два десятка лет? На сколько увеличатся перевозки? Какая самолетная техника придет на воздушные линии? На эти и другие вопросы следовало получить ясный ответ.

И Жаворонков вместе со специалистами углубился в разработку перспективного плана развития Гражданского воздушного флота. Работа проходила долго, мучительно и напряженно. В дебатах и спорах появлялась

одна цифра за другой, а потом принял реальные очертания и весь план.

Главные направления технического прогресса на воздушном транспорте — внедрение в эксплуатацию более производительных, обладающих большой скоростью и грузоподъемностью самолетов и вертолетов, внедрение в управление движением самолетов новейших типов автоматики, средств связи и счетно-решающих машин и механизмов.

...В нелегком труде летчиков, штурманов, бортради-стов, инженеров, техников Гражданского воздушного флота всегда был виден и напряженный труд их чуткого и отзывчивого наставника маршала авиации Жаворонкова. В 1959 году Семен Федорович ушел в запас по состоянию здоровья. Но он продолжал вести большую научную работу в Аэрофлоте до самой своей смерти в июне 1967 года.

Вся огромная и разносторонняя деятельность маршала авиации Жаворонкова — яркий пример честного и добросовестного служения народу. Советские люди никогда не забудут Семена Федоровича как храброго воина, замечательного организатора и руководителя, который отдал всего себя великому делу укрепления могущества нашей Родины.

**Полковник запаса А. КРЫЛОВ,
полковник В. СОКОЛОВ**

Маршал Советского Союза РОДИОН МАЛИНОВСКИЙ

Ранним апрельским утром 1944 года на окраине только что освобожденной советскими войсками Одессы перед покосившимся от времени домом остановился легковой автомобиль. Опаленная огнем недавно прокатившегося боя улица была пустынна. И Наверное, мало кто видел, как из машины вышел моложавый, ладно сложенный генерал. Задумчиво посмотрев на тронутые нежной зеленью кусты у калитки и зацветавшие вишни, он вошел в дом.

Навстречу тяжело поднялся исхудавший старик и растерянно посмотрел на вошедшего.

— Здравствуйте, дядя Миша! Не узнаете?

— Постой, постой! Да это никак ты, Родион?

Так военные пути-дороги привели Родиона Яковлевича Малиновского в родные края, где прошли его детство и отрочество. Отсюда он, безусый парнишка, забравшись в воинский эшелон, тайком от матери и дяди уехал на германскую войну. И вот спустя тридцать лет он снова в дорогом сердце городе — теперь уже известный всей стране военачальник, генерал армии, возглавляющий войска Третьего Украинского фронта.

Р. Я. Малиновский родился в 1898 году в Одессе — шумном городе портовых рабочих и моряков, торговцев и заводчиков. Нелегко жилось трудовому люду на берегах лазурного моря. Работа от зари до зари ради куска хлеба, и никакой защиты от произвола богатеев и власть имущих. Рано пришлось столкнуться с житейскими невзгодами и будущему полководцу. Его мать, Варвара Николаевна, в поисках заработка с малолетним сыном переехала в село Сутиски и устроилась кухаркой в земской больнице. Здесь мальчика определили в школу. Но учиться пришлось недолго. Нужда заставила сразу после церковноприходской школы наняться в батраки

к помещику Ярошинскому. С восхода и до заката под палящими лучами солнца наравне со взрослыми гнет спину в поле двенадцатилетний мальчуган. А плата за работу — 15 копеек в день.

Помогают родственники: дядя Михаил, весовщик станции Одесса-товарная, пристроил племянника в галантерейный магазин. До отказа заполнен делами день Родиона — убрать помещение, отнести покупки, вскипятить чай, принести обед хозяину, да мало ли еще обязанностей у мальчика на побегушках, прозванного насмешливыми приказчиками мухобоем. Лишь поздно вечером после уборки магазина можно сесть за книги. А читать Родя любил, особенно про войну и подвиги русских воинов. Как-то случайно ему попался «Всеобщий русский календарь», изданный в честь столетия Отечественной войны 1812 года. С восхищением он читает о Кутузове, Багратионе и Ермолове, о Коновницыне, Лихачеве и героях-патриотах из простого народа. В сравнении со скучными приказчиками, со знакомыми и родственниками они казались чудо-богатырями. Подсознательно у него зарождается смутная тяга к героическому, выходящему за рамки тоскливой повседневности.

А тут грянула первая мировая война. Она-то и решила судьбу юноши. Под влиянием прочитанных книг и волны националистического угара, прокатившейся по Российской империи, созревает твердое решение — идти сражаться за матушку-Русь, за веру, царя и отечество. Надо записаться добровольцем. Но в воинском присутствии сказали: «Еще молоко на губах не обсохло». Берут восемнадцатилетних, а ему нет шестнадцати. Тогда он тайком забирается в теплушку воинского эшелона, что грузился на станции Одесса-товарная, уезжает на фронт и добивается зачисления в действующую армию. Там и стал Родион Малиновский пулеметчиком Елизаветградского полка Шестьдесят четвертой дивизии.

В годы первой мировой войны сражения на русско-германском фронте охватили территорию от Балтийского моря до Карпат. Сотни и сотни тысяч вчерашних пахарей, мастеровых, дровосеков, одетых в серые шинели, брошены правительствами воюющих стран в бессмысленную бойню во имя чуждых народу интересов капиталистов и помещиков. Осенью 1914 года в водоворот войны был втянут и полк, в котором служил рядовой Родион Малиновский. 14 сентября на рассвете под губительным

огнем солдаты-елизаветградцы форсируют Неман. На плоту в составе пулеметного расчета вместе с товарищами подносчик патронов Малиновский. Распластавшись на бревнах, быстро гребут солдаты саперными лопатками. Замер у пулемета наводчик. На соседних плотках слышны стоны раненых. Плывут по реке фуражки погибших. Выскочив на берег, пулеметчики открывают огонь по противнику, поддерживая атаку переправившихся отрядов. Затем короткими перебежками быстро продвигаются вперед. Позиция немцев прорвана. Первый бой выигран, и это воодушевляет солдат. А впереди новые схватки — преследование противника, потом отход, новые и новые тяжелые бои. Все время солдата подстерегают опасности.

Вдоволь хлебнув фронтового лиха, юный Малиновский овладевает азбукой войны. Мужает солдат. По сноровке, находчивости и выносливости его не отличишь от старших товарищей. Он отважен, мастерски умеет вести огонь из пулемета, хорошо видит поле боя и не теряется в критические минуты.

Пулеметы в первую мировую войну составляли основу огневой мощи пехоты. Легкие, подвижные, они с успехом применялись и в наступлении и в обороне. Их страшная косящая сила опрокидывала и прижимала к земле наступающие цепи. Пулеметчики Елизаветградского полка были искусными бойцами и не раз это показывали на деле. Метким массированным огнем в марте 1915 года под Сувалками они отразили атаку немецкой кавалерии и помогли отстоять соседнюю батарею. За бой у Кавальвари Родион Яковлевич получает свою первую боевую награду — Георгиевский крест 4-й степени и производится в ефрейторы.

Теперь ему предлагают пойти в школу прапорщиков. Открывается дорога в офицеры. Но юноша уже постигает азы политики и отказывается от этого предложения. Солдат Малиновский увидел классовую расслоенность русских войск. Почитая за честь храбро сражаться с врагом, он в то же время видел, как бесправен простой человек, которого гонит царь на жестокую бойню. Солдатский опыт начинает подсказывать, что бесцельные жертвы, кровопролитие, плохое боевое снабжение, неорганизованность тылов — результат бездарного военного руководства.

В боях под Сморгонью Родион Яковлевич был тяжело ранен в спину и ногу. Быстро пролетели дни госпиталь-

ного лечения в Казани, и вот снова полк, теперь уже за-
пасной; бессмысленная муштра, издевательское отноше-
ние офицеров способствуют дальнейшему политическому
прозреванию солдата. Все чаще возникают мысли: кто
должен ответить за произвол и несправедливость, царя-
щие в армии и стране? Они еще не успели окрепнуть,
эти мысли, как произошло событие, на какое-то время
все заслонившее собой.

Солдатская судьба переменчива. «Сколько кобылке ни
прыгать, а быть в хомуте», — горько шутили защитники
царя и отечества. Через два океана вокруг Азии, через
Гонконг, Сингапур, Коломбо, по Красному и Средизем-
ному морям плыли пароходы с отборными русскими сол-
датами во французский порт Марсель. За поставки воору-
жения, за займы и долги царское правительство распла-
чивалось с Францией «пушечным мясом». 43 тысячи сол-
дат и офицеров насчитывали четыре пехотные бригады,
переброшенные из России на французский и салоникский
фронты. В составе Первой и Третьей особых бригад, дей-
ствовавших во Франции, находилось более 20 тысяч че-
ловек. А потом прибывали новые контингенты, чтобы
пополнить тяжелые потери русских войск.

В числе первых в апреле 1916 года на французскую
землю выгрузился Второй особый пехотный полк. Родион
Малиновский в нем был начальником первого пулемета
первого взвода четвертой пулеметной команды. На про-
тяжении месяца полк вместе с другими экспедиционными
войсками находился в лагере Майи: многочисленные на-
рады чередовались со строевыми смотрами, учениями.

К концу июня 1916 года Первая бригада в составе
Первого и Второго полков была направлена на фронт,
вначале в район Реймса, а затем под Сюлери и форт
Бримон. Здесь господствовали позиционные формы вой-
ны. И немцы и французы глубоко врылись в землю, соз-
дали систему мощных оборонительных узлов, прикрытых
хитроумными заграждениями. Бои не затихали. Обе сто-
роны забрасывали друг друга минами, которые неожидан-
но рвались в окопах и наносили тяжкий урон. Артилле-
рийские налеты, разведывательные вылазки держали сол-
дат в постоянном напряжении. Иногда бои достигали вы-
сокого накала. Однажды, это случилось осенью 1916 года,
аванпосты Первой особой бригады после усиленного ар-
тиллерийского обстрела были атакованы немцами. Два
русских поста, на каждом из которых находилось по два

Комбриг
А. И. Антонов.

А. И. Антонов (в центре) среди командиров
Пятнадцатой стрелковой дивизии.

Генерал армии
А. И. Антонов.

Генерал армии А. И. Антонов на встрече с воинами-избирателями.

А. И. Антонов (справа) и С. М. Штеменко
за изучением обстановки на фронтах, 1943 г.

Первый Украинский фронт. Подготовка к боям за освобождение столицы Украины Киева. Саперы наводят переправу. 1943 г.

Командующий войсками Первого Украинского фронта Н. Ф. Ватутин и член Военного совета фронта К. В. Крайнюков в период борьбы за освобождение Украины.

Под Сталинградом. Слева направо: командующий войсками Юго-Западного фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин, член Военного совета фронта генерал-майор А. С. Желтов, командующий воздушной армией генерал-майор авиации С. А. Красовский. 1943 г.

Выпускник Первых артиллерийских курсов
Н. Н. Воронов. 1920 г.

Военный советник Н. Н. Воронов в республиканской Испании.

Комкор Н. Н. Воронов наблюдает за ходом боя в районе Хамар-Даба близ Халхин-Гола. 1939 г.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов на артиллерийском заводе. 1943 г.

Бригадный комиссар П. Ф. Иванов, командующий Пятой армией генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров и его адъютант А. В. Романов в дни контрнаступления под Москвой. 19 декабря 1941 г.

Командующий войсками Ленинградского фронта Л. А. Говоров и член Военного совета фронта А. А. Жданов.

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров.

На Ленинградском фронте. Над освобожденной Гатчиной
поднят красный флаг.

Командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин вручает награды морякам «Гремящего».

Командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин и командующий Северным оборонительным районом генерал-майор Е. Т. Дубровцев в освобожденном Лиинахамари. Октябрь 1944 г.

Командир подлодки «Щ-421» Ф. А. Видяев докладывает о выполнении задания адмиралу А. Г. Головко.

Адмирал
А. Г. Головко.

Комбриг
С. Ф. Жаворонков.

С. Ф. Жаворонков (слева, в летном шлеме) проводит разбор полетов. 1932 г.

Авиаспециалисты готовят к вылету «Савойю» командира авиа-
группы С. Ф. Жаворонкова (стоит в центре). 1939 г.

Маршал авиации
С. Ф. Жаворонков.

Комбриг
Р. Я. Малиновский.

Советник Р. Я. Малиновский в республиканской Испании. 1937 г.

Генерал-майор
Р. Я. Малиновский.

М. И. Калинин вручает правительственную награду Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому.

пулемета и несколько десятков стрелков, неприятелю удалось окружить. Но и в окружении никто не дрогнул. Бойцы почти сутки дрались героически, пока подоспевшее подкрепление не отбросило наседавшего противника. Отличившиеся в бою храбрецы получили награды Франции. Среди удостоенных французского военного креста был и начальник пулемета Родион Малиновский.

Наступил 1917 год. Оторванные от родины войска еще повиновались командованию. Но в солдатской массе все чаще появлялось недовольство. Горькие письма жен и матерей бередили сердца солдат. Неудачи на Восточном фронте, разруха в тылу, не видно конца проклятой войне... А тут приходит весть: народ сбросил самодержавие, царь отрекся.

Родион Малиновский и его товарищи, неплохо освоившие французский язык, сведения о революционных событиях в России черпали из левых французских газет «Юманите», «Попюлер». Из них раньше, чем от начальства, солдаты узнали об отмене титулов и праве избрания солдатских комитетов. Этим правом пожелали воспользоваться и нижние чины русского экспедиционного корпуса во Франции. Вскоре в пулеметной команде председателем комитета единогласно избрали Родиона Малиновского.

Появились листовки: «Мы не желаем класть свои головы и проливать свою кровь на защиту шампанских виноградников, служащих целям удовольствия и успеха для генералов, банкиров и прочих богатеев. Долой войну. Требуем возвращения в Россию».

— Это большевики как бы подслушивали наши думы, — говорил позднее Малиновский.

Однако в солдатских комитетах экспедиционных войск преобладало влияние эсеров и меньшевиков. Пугая солдат угрозой, якобы нависшей над «свободной» Россией, они помогали командованию готовить корпус к участию в весеннем наступлении, цель которого состояла в том, чтобы отбросить немцев за Рейн.

Атака союзников началась утром 3(16) апреля. В бой были брошены обе русские бригады. Следуя за огневым валом, Первая бригада стремительным броском прорвала сильно укрепленную полосу немцев и вышла к каналу. Русских солдат не смогли остановить ни двадцать шесть рядов проволочных заграждений, ни три линии насыщенных огневых средствами оборонительных рубежей.

В первых рядах наступающих пробивался к каналу пулеметный расчет ефрейтора Малиновского. Скорей, не отставать! Солдаты прыгают через разрушенные траншеи, обходят воронки от снарядов. Еще усилие — и враг будет смет. И вдруг тупой удар в левую руку. Горячая боль распространилась по всему телу. Рукав шинели намок, струей полилась из него кровь. Опустившись на колени, ефрейтор зубами разрывает пакет и перевязывает рану. Он, храбрый сын России, не покидает строя, пока не подавлена огневая точка врага.

Апрельское наступление союзников на Западном фронте, несмотря на доблесть русских войск, захлебнулось. Немецкое командование, заполучив заранее через разведку планы наступательной операции, тщательно подготовилось к ее срыву. Обильно полили чужую землю своей кровью русские воины. Представитель Временного правительства при французской армии Палицын доносил в ставку, что, по предварительным и потому далеко не полным сведениям, число убитых, раненых и пропавших без вести в эти дни составило около 4500 человек.

Возмущение огромными бесплодными потерями охватило почти все экспедиционные войска. Вопреки приказам Временного правительства большая часть солдат отказалась принимать участие в дальнейших военных действиях и потребовала возвращения на родину.

В сентябре 1917 года развернулись события, вошедшие в историю под названием Ла-Куртинского восстания. Нешокорым солдатам — они располагались в лагере Ла-Куртин — командование предъявило ультиматум: сдать оружие. Выполнить это — значило отдать себя на расправу генералитету и реакционному офицерству. Солдаты решили стойко держаться. И тогда против них были брошены вновь прибывшие части. Пять дней лакуртинцы отчаянно защищались, немногим из них удалось с боями прорваться из лагеря, основная же масса была взята в плен и с помощью французских войск разоружена. Многие из участников восстания были сосланы на работы в Северную Африку и другие гиблые места, часть снова брошена в пекло войны. Таким был трагический финал русского экспедиционного корпуса.

Родион Малиновский находился в числе наиболее стойких защитников Ла-Куртина. Открывшаяся рана спасла его от расправы: больного, прежде чем судить, надо было сначала вылечить.

Еще два долгих года прошли на чужбине. Пришлось быть чернорабочим, а потом снова сражаться с войсками кайзера в составе иностранного легиона Первой марокканской дивизии. Через кровавые бои, газовые атаки прошел Р. Я. Малиновский на заключительном этапе войны, испытал массированные удары авиации и танков. Еще одна французская награда украсила грудь солдата за отвагу и мужество, проявленные в боях в Пикардии.

В 1919 году русских солдат собрали в лагере близ города Сюзана. Белые агитаторы уговаривали их вступить в армию генерала Деникина. Родион Малиновский и большинство других солдат наотрез отказались от этого предложения. Они потребовали быстрее возвращения в Россию. И вот в августе 1919 года из Марсельского порта во Владивосток отправился пароход с солдатами бывшего экспедиционного корпуса, на котором возвращался на родину и Родион Малиновский.

А на бескрайних просторах родной земли между тем бушует пламя гражданской войны. Лютуют иностранные интервенты и белогвардейские орды.

Не могло оставаться равнодушным сердце истинного патриота, когда завоевания трудового народа подвергались смертельной опасности. Надо пробираться в отряды Красной Армии, решает Родион Яковлевич, пробыв долгое время в оккупированном японцами Владивостоке. Железнодорожники помогают уехать. Наконец после долгих мытарств и скитаний он добрался до Иртыша и в районе Омска встретился с разведывательным разъездом Двести сорокового Тверского полка. Французский военный крест и солдатская книжка на французском языке чуть не стоили ему жизни, так как вначале красноармейцы приняли его за переодетого белого офицера. В штабе быстро разобрались. Спустя несколько дней он был зачислен в полк инструктором пулеметного дела. С той поры Родион Яковлевич навсегда связал свою судьбу с Красной Армией.

В составе Двести сорокового стрелкового полка Р. Я. Малиновский прошел через Сибирь, участвовал в освобождении от белых Омска, Ново-Николаевска, в боях на станции Тайга и Мариинск. Он был хорошим, храбрым бойцом. Но нужны были свои командиры армии рабочих и крестьян — грамотные, политически зрелые, искусные.

В 1920 году его посылают в школу подготовки млад-

шего командного состава, потом он командир отделения, а в декабре 1920 года принял пулеметный взвод в Нижнеудинске. Вскоре молодого командира назначают начальником пулеметной команды, а в 1923 году Малиновский уже командир батальона. Спустя три года коммунисты-однопольчане принимают Родиона Яковлевича в свои ряды. К этому времени он приобрел командирский опыт. Его ценят и уважают товарищи, любят подчиненные.

Командир полка дает ему следующую аттестацию: «Обладает твердой командирской волей и энергией, дисциплинирован и решителен в своих действиях. С твердостью и строгостью по отношению к подчиненным умело совмещает элемент товарищеского подхода и выдержанности. Военного образования не имеет, является в этой области талантом-самоучкой. Благодаря своему упорству и настойчивости путем самоподготовки приобрел необходимые знания в военном деле. В моральном отношении безукоризнен. Должности командира батальона соответствует. Заслуживает командирования в Военную академию».

Родион Яковлевич сам чувствовал, что одного опыта и двухмесячного обучения в школе младших командиров для квалифицированного красного командира мало. Нужны были твердые и глубокие военные знания. В 1927 году перед ним распахивает двери Военная академия имени М. В. Фрунзе, которую через три года он заканчивает по первому разряду.

После окончания академии Родион Яковлевич недолго работает начальником штаба кавалерийского полка, потом в течение нескольких лет служит в штабах Северо-Кавказского и Белорусского военных округов.

Люди военной профессии моего поколения хорошо помнят, какое это было бурное время. Небывалая по размаху и темпам индустриализация страны быстро меняла облик нашей армии. Вслед за новой техникой рождались и новые методы ведения боевых действий, массированные танковые удары, воздушные десанты создавали условия для проведения глубоких наступательных операций. Появляются работы М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова, А. Н. Лапчинского и других новаторов военного дела. В них раскрываются картины высокоманевренной войны и стремительного наступления. Нельзя быть полноценным военным специалистом, не осмыслив

основных направлений развития военного искусства. И Родион Яковлевич со свойственной ему целеустремленностью пристально изучает новинки отечественной и зарубежной военной литературы.

Запомнилась моя первая встреча с Р. Я. Малиновским в Белорусском военном округе. В оперативный отдел, который я возглавлял в штабе округа, прибыл на должность начальника второго сектора сероглазый, подтянутый офицер. Даже короткая беседа свидетельствовала о его широком кругозоре и незаурядных способностях. За работу Родион Яковлевич взялся горячо, все делал основательно, вдумчиво. Скоро я убедился, что ответственный участок находится в надежных руках. К сожалению, на этот раз вместе нам пришлось работать недолго. Р. Я. Малиновский вскоре был назначен начальником штаба Третьего кавалерийского корпуса, которым командовал С. К. Тимошенко.

В талантливом стихотворении Михаила Светлова «Гренада» есть такие строки: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Эти проникнутые глубоким интернационализмом слова, вложенные поэтом в уста молодого мечтателя красноармейца, особенно современно звучали в середине тридцатых годов, когда над республиканской Испанией нависли черные тучи фашизма.

Летом 1936 года фалангисты Франко по сигналу «Над всей Испанией безоблачное небо» попытались овладеть важными центрами республики и установить в стране фашистскую диктатуру. Поднявшийся на защиту свободы и демократии народ мог бы быстро подавить мятежников. Но на подмогу им Гитлер и Муссолини перебросили в Испанию крупные контингенты войск, большое количество артиллерии, танков и самолетов.

Развернувшаяся гражданская война в Испании приобрела характер длительного противоборства сил прогресса и черной реакции, стала войной демократии против фашизма. На помощь испанскому народу из разных стран стекаются антифашисты, горевшие желанием сражаться под знаменами Республики. Горячо откликнулись на события в далеких Пиренеях советские люди. Проявляя чувство братской солидарности, они оказывали борющемуся испанскому народу морально-политическую, материальную и военную помощь. В ряды защитников Рес-

публики встали многие советские добровольцы. Это были мужественные и благородные люди, закаленные в боях интернационалисты. И если еще раз прибегнуть к поэтическому лексикону, о них с полным правом можно сказать: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей». Среди них были люди разных военных профессий: танкисты и пехотинцы, артиллеристы, моряки, авиаторы.

Полковник Р. Я. Малиновский воевал в Испании с января 1937 до мая 1938 года. Ему, как и другим советским военным советникам, приходилось выполнять сложные и весьма ответственные задачи. Республиканская народная армия, формировавшаяся большей частью в ходе боев, была сильна революционным духом, боевым энтузиазмом, массовым героизмом бойцов и командиров. Но им не доставало профессионального военного мастерства и боевого опыта. Полковник Малино (так называли Родиона Яковлевича в Испании), как и все советские военные специалисты, не жалея сил и энергии, передавал свой богатый боевой опыт и знания товарищам по оружию, передавал не в аудиториях, не с лекторской кафедры, не на учебных полях, а непосредственно на поле боя, на огневых позициях и командных пунктах, под артиллерийским огнем, под свист пуль и разрывы бомб.

Готовится наступление — полковник Малино вместе с испанскими командирами обдумывает замысел операции, разрабатывает ее план. Операция началась — он там, где непосредственно куется победа, колесит по разбитым фронтным дорогам, собирает и поторапливает резервы, помогает наладить в войсках взаимодействие, укрепить фланги, организовать контратаку. Махадаонда, Гвадалахара, Сеговия, Барселона — эти звучные названия навсегда вошли в боевую биографию Малиновского.

Человек спокойного, уравновешенного характера, Родион Яковлевич умел быстро завоевывать сердца горячих и порывистых испанских командиров. Но не всегда это давалось легко и просто. Один из командиров дивизии, народный герой Испании Энрике Листер, при первой встрече устроил ему своеобразный экзамен.

Командный пункт дивизии располагался в небольшом домике пастуха. Мятаежники пристрелялись по нему, несколько снарядов угодило в дом. Появились раненые. Потом начался пулеметный обстрел. А Листер, подтянутый, с лихо заломленным козырьком, при галстуже, невоз-

мутимо под огнем встречает прибывшего и вовсе не намеревается уходить в укрытие.

«Над головами, над чахлыми безлистными кустарниками, — рассказывал позднее Р. Я. Малиновский, — посвистывают пули. Мы прогуливаемся с Листером от домика до дворовой изгороди, от изгороди до домика. У генерала вид человека, совершающего послеобеденный моцион, я тоже показываю, что пули беспокоят меня не более чем мухи. Перебрасываемся короткими деловыми фразами. От домика к изгороди, от изгороди до домика. Начинает смеркаться, будто незначай рассматриваю на рукаве рваный след пули.

— Полковник Малино! — с улыбкой восклицает Листер. — Мы еще не отметили нашу встречу. — И подзывает адъютанта: — Бутылку хорошего вина!»

«Я никогда не был сторонником показной храбрости, — продолжает Родион Яковлевич, — и тогда, на командном пункте, понимал, что наша рисовка друг перед другом ни к чему. Но что поделаешь, разумная осторожность могла уронить меня в глазах этого храброго человека».

В сражениях за свободу испанского народа зародилась и окрепла дружба Родиона Яковлевича со многими бойцами-интернационалистами. Он искренне полюбил выдающегося венгерского революционера и писателя Мате Залку, воевавшего под именем генерала Лукача, и тяжело переживал его гибель под Уэской. Свое уважение он перенес на его семью и до конца своей жизни проявлял заботу о жене и дочери героя. Сердечной добротой маршала была окружена и семья Поля Армана — замечательного советского танкиста, героически сражавшегося под Мадридом и впоследствии погибшего в годы Великой Отечественной войны.

Переполненный наблюдениями, обогащенный боевым опытом возвратился Р. Я. Малиновский на Родину. Здесь его ждала большая радость. Мужество в боях с фашизмом, самоотверженное выполнение интернационального долга были отмечены высокими наградами — орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

В Москве ждала и новая работа: он стал старшим преподавателем Академии имени М. В. Фрунзе. Увиденное, пережитое и передуманное под небом далекой Испании он суммирует в диссертации, главное место в которой заняла Арагонская операция.

Говорят, солдатами не рождаются. Еще более справедливо это, когда речь идет о полководцах. Путь к вершинам военного мастерства лежит через долгие годы упорного труда: через постоянную тренировку ума и воли, через раздумья над прочитанными книгами, ночные тревоги, учения, маневры. Однако талант военачальника в полной мере закаляется и шлифуется только в горниле войны — в сражениях и походах. Они являются самой высшей школой для командира и в то же время самым суровым испытанием его военных способностей. Родион Яковлевич прошел через все эти испытания и выдержал их с честью.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, в марте 1941 года, его назначают в Одесский военный округ командиром только что сформированного Сорок восьмого стрелкового корпуса. Мне в то время довелось быть начальником штаба Одесского округа. Хорошо помню, как энергично взялся молодой комкор за подготовку соединения. Его редко можно было застать в управлении корпуса. Почти все дни, а часто и ночи в дивизиях: занятия с командирами, полковые учения и больше всего внимания боевой готовности.

Приближение военной грозы ощущалось все явственней. И мы в округе пытались предусмотреть все, чтобы она нас не застала врасплох. Подготовили рассредоточение авиации, оборудовали рубежи развертывания. За неделю до начала войны Сорок восьмой корпус был выдвинут поближе к границе. Здесь, на берегу реки Прут, и встретил генерал-майор Малиновский начало войны.

Упорно сражается корпус. Одна дивизия держит оборону по левому берегу, остальные подтягиваются ей на подмогу. Комкор на переднем крае. Он чутко следит за ходом боя. Его распоряжения спокойны, лаконичны, уверенны. Но перевес противника в силах слишком велик, и корпус, ведя тяжелые оборонительные бои, начинает отходить к Днестру, потом на Котовск, Николаев, Херсон. В районе Николаева сложилась критическая обстановка: врагу удалось взять корпус в кольцо. Однако командир твердо управляет войсками, он среди солдат, в гуще войск, и бойцы не дрогнули. С боем корпус разрывает клещи и, маневрируя, выходит из окружения.

Служебные документы лаконичны по стилю и скупы на краски. Но и они выразительно передают полную драматизма картину боевой деятельности Сорок восьмого

корпуса в первые месяцы войны и отдают должное мужеству и искусству его командира.

Командующий Южным фронтом генерал-полковник Я. Т. Черевиченко так аттестовал командира Сорок восьмого стрелкового корпуса: «Тверд, решителен, волевой командир. С первых дней войны товарищу Малиновскому пришлось принять совершенно новые для него дивизии. Несмотря на это, он в короткий срок изучил особенности каждой дивизии. В сложных условиях боя руководил войсками умело, а на участке, где создавалась тяжелая обстановка, появлялся сам и своим личным примером, бесстрашием и уверенностью в победе воодушевлял войска на разгром врага. В течение месяца войны части корпуса Малиновского бесменно вели упорные бои с превосходящими силами противника и вполне справились с поставленными перед ними задачами. Сам Малиновский за умелое руководство представлен к награде».

В августе развернулись бои под Днепрпетровском. Мост через Днепр наши саперы взорвали плохо, и гитлеровцы по нему прорвались на восточный берег. За левобережные поселки разгорелись яростные бои. В эти дни Родиона Яковлевича назначают начальником штаба, а вскоре командующим Шестой армией. Три недели армия отбивала все атаки противника. Потеряв надежду прорвать ее оборону, гитлеровцы перенесли свои удары на другие участки.

1942 год генерал-лейтенант Малиновский встретил уже в должности командующего войсками Южного фронта. В студеные январские дни подчиненные ему Пятьдесят седьмая и Девятая армии совместно с войсками Юго-Западного фронта начали наступление в районе Барвенково, Лозовая и захватили на правом берегу Северного Донца обширный плацдарм. Противник понес большие потери. В стрелковых дивизиях осталось менее половины штатного состава. К тому же советские войска, сковав значительные силы врага в этом районе, лишили гитлеровское командование свободы маневра соединениями южного крыла советско-германского фронта на другие направления.

Ожесточенное сопротивление советских войск, мужество солдат и доблесть тружеников тыла стали выдающимся примером стойкости и мужества народа, борющегося за свободу и независимость своего Отечества.

Летом 1942 года Южный фронт был слит с вновь соз-

даным Северо-Кавказским фронтом. Родион Яковлевич получил назначение на должность командующего Шестидесятой армией, затем заместителя командующего Воронежским фронтом. А некоторое время спустя Ставка Верховного Главнокомандования поручила Малиновскому возглавить Вторую гвардейскую армию, которой в критические дни Сталинградской битвы суждено было сыграть исключительно важную роль. Вот в чем эта роль заключалась.

В междуречье Волги и Дона к 23 ноября завершилось окружение крупной группировки войск противника. 330 тысяч человек оказались в огромном котле. В декабре положение этих войск стало катастрофическим. Кольцо окружения сжималось все туже. Командующий немецкой армией, оказавшейся в окружении, генерал Паулюс звал о помощи. «Запасы горючего кончаются, — докладывал он Гитлеру. — Положение с боеприпасами катастрофическое. Продовольствия хватит на шесть дней...» Но на этот крик отчаяния Гитлер реагировал с прежней самоуверенностью и упорством. «Шестая армия останется там, где она находится сейчас! — твердил он. — Это гарнизон крепости, а обязанность войск крепостей — выдержать осаду. Если нужно, она будет находиться там всю зиму, и я деблокирую ее во время весеннего наступления».

Однако события развивались не по его воле. Обстановка вынудила таки немецко-фашистское командование искать выхода. В районах Котельникова и Тормосина началось сосредоточение свежих сил, которые должны были мощными ударами в направлении на Сталинград прорвать фронт окружения и восстановить утраченное положение. Была организована группа армий «Дон», насчитывавшая в своем составе до тридцати дивизий, в том числе шесть танковых и одну моторизованную. Во главе этой группы Гитлер поставил одного из самых способных, по мнению немецко-фашистского командования, военного руководителя — генерал-фельдмаршала Манштейна.

Манштейн был охвачен стремлением во что бы то ни стало оправдать надежды фюрера. Он получал все новые и новые подкрепления, силы его росли. Ему подчинялись все войска, действовавшие к югу от среднего течения Дона до астраханских степей, а также и окруженные войска. Во второй декаде декабря Манштейн начал на-

ступление к Сталинграду. К 20 декабря он приблизился к окруженной немецко-фашистской группировке менее чем на полсотни километров. Создалась чрезвычайно напряженная обстановка. Паулюс заканчивал последние приготовления, чтобы ударить навстречу Манштейну, и тогда окружение было бы прорвано... И вот войскам Манштейна в этих-то условиях путь должна была преградить Вторая гвардейская армия под командованием Р. Я. Малиновского.

Вторая гвардейская армия совершила сложный переход, спешно выдвигаясь навстречу Манштейну. Войска располагались под открытым небом, при сильных морозах и ветрах они обучались вести бои с противником, а командование проводило сложные мероприятия по организации управления ими. Огромные организаторские способности, настойчивость и высокое оперативное искусство Р. Я. Малиновского, а также начальника штаба армии С. С. Бирюзова, позволили соединениям своевременно выдвинуться на заданный рубеж и в кратчайшее время подготовиться к боям с крупными силами Манштейна. Чрезвычайно большую роль в этих условиях играли качества характера Родиона Яковлевича — исключительное спокойствие, сильная воля. Он обладал истинным даром полководца, умел всесторонне оценить обстановку, предугадать возможные маневры вражеских войск, и все это не преминуло сказаться на результатах сражения, которое развернулось на реке Мышкове.

Река Мышкова не велика. Но в открытой степи, где местность легко просматривается и простреливается на большие расстояния, она представляла собой очень важный рубеж, на котором могли прочно закрепиться войска. Поэтому тот, кто первым овладевал этим рубежом, многое выигрывал. Войска Второй гвардейской опередили противника с выходом на реку Мышкову на шесть часов и успели развернуться на ее северном берегу. Непреодолимым препятствием стала на пути гитлеровских войск к Сталинграду эта маленькая замерзшая степная река, на которой насмерть стояли гвардейцы армии Р. Я. Малиновского.

Упреждение противника с выходом на рубеж не решало, однако, всей задачи по подготовке к сражению. Нужно было всесторонне оценить обстановку, найти самые верные решения по целому ряду вопросов, и здесь в полной мере проявились искусство, полководческая

зрелость Малиновского. С огромной энергией и умением готовил командующий армией войска к отражению натиска врага, организовывал взаимодействие с Пятой ударной и Пятьдесят первой армиями, которым предстояло также участвовать в разгроме группы армий Манштейна, а также между соединениями и частями армии. Родиону Яковлевичу удалось тогда создать крепкий резерв, что во многом предопределило собой успех в действиях войск. Усилия командующего, штаба армии создали хорошие предпосылки к победе над Манштейном.

Тысячи орудий ударили студеным утром 21 декабря. В морозный воздух взошли облака земли и дыма. А вскоре показались танки врага, надвигавшиеся лавиной на позиции советских войск. Прижавшись к брустверам окопов, бойцы готовили гранаты, чтобы встретить стальные машины врага, сжимали автоматы в руках, не чувствовали холода. Все ждали команды, чтобы наверняка, без промаха ударить по врагу.

Родион Яковлевич Малиновский находился на командном пункте армии, когда сражение вошло в полную силу. Чувствуя, что атаки захлебываются, Манштейн ввел в бой свои последние резервы. Начальник штаба армии С. С. Бирюзов, получив последние данные об обстановке, развернул перед командующим карту. Наибольшее опасение вызывал участок Девяносто восьмой дивизии, куда пришелся главный удар противника.

— Если меня спросят из фронта, скажите, что я на командном пункте Девяносто восьмой, — сказал Малиновский начальнику штаба и отправился в самое пекло боя.

Позже, уже после войны, Родион Яковлевич, если заходила речь о разгроме Манштейна, вспоминал бой за Громославку. Прибыв на командный пункт Девяносто восьмой дивизии и заслушав несколько сбивчивый доклад ее командира полковника И. Ф. Серегина, Малиновский подошел к стереотрубе, чтобы лучше видеть поле боя, от которого, по его мнению, зависел весь ход сражения.

Серая, кипевшая от разрывов заснеженная степь предстала перед глазами Малиновского. За вспышками огня все четче и четче вырисовывались силуэты танков с белыми крестами, бронетранспортеров, между которыми мельтешили черные точки — шли в наступление солдаты врага. Громославка была для них главной целью.

Если бы этот населенный пункт противнику удалось взять, то остановить его на пути к окруженным войскам Паулуса было бы некому — наши танковые корпуса, располагавшиеся во втором эшелоне, не имели ни капли горючего. «Значит, здесь надо приложить все силы», — размышлял Малиновский. По его распоряжению в действие были введены резервы армии.

Море огня обрушилось на противника, по всей видимости уже уверившегося в победе. Родион Яковлевич, вспоминая о том декабрьском горячем бое, отмечал стойкость советских воинов. Ему особенно запомнились моряки, а их в армии было немало, — в одних тельняшках, с гранатами, бутылками с зажигательной смесью, они бесстрашно бросались навстречу вражеским танкам. Наши бойцы не боялись этих стальных чудовищ, надвигавшихся на окопы. Били по ним прямой наводкой из орудий, а едва танки переваливали через окопы, поднимались и забрасывали их гранатами сзади, поливали подходящую за танками пехоту врага свинцом из автоматов и пулеметов. Фашистская пехота не выдержала, залегла, а танки, бронетранспортеры стали. Самоуверенный Манштейн еще не отступал ни на шаг, но и идти вперед ему стало уже невозможно: горы трупов, исковерканного огнем металла красноречиво говорили о тщетности новых попыток. До самого вечера войска Манштейна не могли прийти в себя.

Заминку в наступлении врага тем не менее надо было расценивать как временную, и необходимо было принимать срочные меры для организации новых боев. Ночью Малиновский, добившись разрешения от командования фронта, принял все меры к тому, чтобы подвезти своим войскам на передний край горючее, боеприпасы и продовольствие из имевшихся в распоряжении соседней Пятьдесят седьмой армии резервов. Как впоследствии стало ясно, эти меры сыграли огромную роль в дальнейшем успехе всех войск, громивших Манштейна.

Противник одну за другой предпринимал все новые попытки прорвать оборону Второй гвардейской армии и, как докладывала авиационная разведка, готовил мощную танковую атаку. Вообще танки были главной силой Манштейна. Под Громославкой, только на участке одного полка, куда было обращено острие удара фашистских войск, наши бойцы насчитывали их больше сотни. Вот и теперь противник надеялся на силу танкового удара.

На снимках, сделанных нашими летчиками с воздуха, ясно просматривались девять рядов танков, в каждом из которых насчитывались десятки машин.

Надо было выиграть время, хотя бы самую его малость, чтобы и наши танки могли быть пущены в дело, получив горючее. И тут Малиновский решил взять врага хитростью. Известно ведь, что она не раз в трудные минуты выручала войска Суворова, Кутузова, других талантливых русских полководцев. По его приказанию наши танки были преднамеренно выведены из балок и укрытий на ровную, открытую местность. Расчет был прост: пусть враг подумает, перед тем как пустить в ход готовые к наступлению танки, стоящие в девять рядов. Сумеет ли он одолеть такую силу?

Хитрость удалась. Заметив массу советских танков, Манштейн умерил свой пыл, а в ставку Гитлера полетели донесения: «Вся степь усеяна советскими танками». Пока фашистские танкисты ждали дальнейших указаний, время шло. А командующему Второй гвардейской армией только это и надо было: танковые силы, которыми располагала Вторая гвардейская армия, тем временем получили горючее, привели себя в готовность к участию в сражении.

Войска генерала Малиновского перешли в наступление и, решительно громя противника, уверенно двинулись вперед. Именно здесь и был решен исход всей операции, предпринятой гитлеровским командованием для того, чтобы деблокировать окруженные под Сталинградом свои войска. Урон, понесенный врагом под Громославкой, был огромен. А между тем и наши соединения Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов перешли в наступление и громили фашистов на Среднем Дону. Кризис сражения миновал.

Перед левым крылом Сталинградского фронта, где действовали Вторая гвардейская армия генерала Р. Я. Малиновского и Пятьдесят первая армия генерала Н. И. Труфанова, также выдержавшая удары врага, войска Манштейна повернули вспять, откатываясь к реке Аксай, а затем в беспорядке отошли за реку. Бывший гитлеровский генерал Меллентин должен был признать, что поражение немецких войск на ничем не примечательной реке Мышкёве «...положило конец надеждам Гитлера на создание империи...».

Вскоре танкисты генерала П. А. Ротмистрова ворва-

лись в Котельниково, откуда начал свои действия Манштейн. Здесь в дружной семье командиров и встретил Родион Яковлевич Малиновский новый, 1943 год.

Разгром Манштейна, от которого во многом зависел общий успех Сталинградской операции, наглядно показал полководческий талант Малиновского.

28 января 1943 года Указом Верховного Совета СССР группа военачальников была впервые награждена орденом Суворова 1-й степени. Этим орденом по его статуту могли быть награждены командующие фронтами и армиями, их заместители и некоторые другие военачальники фронтов и армий за руководство боями и сражениями, в которых достигались выдающиеся победы над врагом. В числе награжденных был и Родион Яковлевич, удостоенный ордена Суворова 1-й степени за блестящую победу, одержанную войсками Второй гвардейской армии над немецко-фашистской группировкой Манштейна, которая шла на спасение окруженных войск Паулюса. Признаком высокого военного искусства, таланта Родиона Яковлевича было также назначение его в начале февраля 1943 года командующим войсками Южного фронта и присвоение ему звания генерал-полковника. 14 февраля войска Южного фронта освободили Ростов-на-Дону. В апреле Малиновскому было присвоено звание генерала армии.

События войны переменчивы. По-разному складывалась обстановка на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, но Малиновский всегда оказывался на наиболее ответственных участках. Уже вскоре он в роли командующего войсками Юго-Западного фронта пришел на землю родной Украины, чтобы очистить ее от фашистской нечисти.

Сражения за освобождение Харькова, Донбасса, Мариуполя, Днепропетровска, Никополя, Кривого Рога, Херсона, Одессы... В каждое из них он вложил часть своего сердца.

В течение нескольких дней — с 10 по 14 октября 1943 года войска Юго-Западного фронта под командованием Р. Я. Малиновского блестяще провели Запорожскую наступательную операцию, во время которой ночным штурмом был взят город Запорожье — важный узел обороны противника. Вот что писал об этом позднее сам Родион Яковлевич:

«Ночной штурм, в котором участвовало бы такое большое количество войск (три армии и два корпуса, имевшие

270 танков и 48 самоходных артиллерийских установок.— *Прим. авт.*), проводился впервые в Великой Отечественной войне. Это обстоятельство смущало некоторых участников заседания Военного совета, и, когда был отдан приказ о ночном штурме Запорожья, на наблюдательном пункте, где шел оживленный обмен мнениями, воцарилась томительная тишина. Наконец ее нарушил уверенный голос командующего Восьмой гвардейской армией генерала Чуйкова В. И.: «Решение правильное. Возьмем Запорожье!» Его поддержали командиры подвижных корпусов, а затем и все присутствовавшие здесь генералы и офицеры».

По указанию Р. Я. Малиновского перед началом этой операции в войсках проводились специальные тренировки ночного штурма. Многие надо было проверить заранее, многое продумать, иначе не избежать больших людских потерь, всевозможных осложнений в сражении. Направления атак решено было обозначать трассирующими снарядами и пулями, лучами танковых фар. Заблаговременно отработывались действия соединений и частей, которым предстояло драться на решающих участках. Можно представить себе ответственность, которую брал на себя столь смелым решением Малиновский. Надо обладать большим опытом, глубоким знанием дела, предвидением событий и умением гибко реагировать на изменения обстановки, чтобы не допустить срыва намеченной операции. Личный состав войск верил в большие способности, большой ум своего командующего, и эта вера неизменно оправдывалась. Ночной штурм Запорожья был не оригинальничанием, а новым проявлением военного искусства Родиона Яковлевича, и он прошел с успехом. Эта победа оказала огромное влияние на разгром мелитопольской группировки противника и полную изоляцию его войск в Крыму. Родине была возвращена Днепровская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина — крупный промышленный центр на юге нашей страны.

Родион Яковлевич был удостоен ордена Кутузова 1-й степени.

20 октября 1943 года Юго-Западный фронт переименовывается в Третий Украинский. Р. Я. Малиновский остается его командующим. На его имя в феврале 1944 года адресуются приказы Верховного Главнокомандующего, по которым в Москве гремит салют в честь освобождения от фашистов Никополя и Кривого Рога,

а уже в марте Третий Украинский фронт осуществляет Березнеговато-Синигиревскую операцию. Продолжая наступать в западном и юго-западном направлениях, его войска форсировали Южный Буг, 28 марта освободили город Николаев, а 10 апреля — Одессу.

Так и привела военная судьба Родиона Яковлевича в его родной город.

Войска Третьего Украинского фронта шли по земле Украины рядом с войсками Второго Украинского фронта, командовал которым с октября 1943 по май 1944 года И. С. Конев. Автору этих строк довелось быть начальником штаба того же фронта. Наш фронт провел немало сражений, осуществляя Кировоградскую, Корсунь-Шевченковскую, Никопольско-Криворожскую, Уманско-Ботошанскую и другие операции, зачастую в непосредственном взаимодействии со своим соседом — Третьим Украинским. В марте войска фронта первыми вышли к государственной границе — реке Пруту, а в майские дни бойцы Второго Украинского встречали нового командующего фронтом. Им был генерал армии Родион Яковлевич Малиновский.

С тех пор вплотную сошлись наши личные фронтовые пути-дороги, и мы с Р. Я. Малиновским длительное время работали вместе.

Советские военные историки отмечают, что к середине 1944 года полководческое искусство Родиона Яковлевича Малиновского достигло своего расцвета. Что ж, пожалуй, это так и есть. Достаточно проследить предшествовавшие этому события, которых так или иначе коснулась деятельность Малиновского, чтобы сделать вывод: все формы управления оперативными действиями войск им освоены. В самом деле, был и прорыв хорошо подготовленной обороны противника, было и преследование крупных сил врага, доводилось ликвидировать плацдармы, брать штурмом крупный оборонительный узел, притом ночью, форсировать такие крупные водные преграды, как Днепр и Днестр, проводить ряд операций в условиях крайней распутицы. Во всех этих событиях войска действовали с исключительным мастерством, неизменно добивались успеха. И ни у кого не может быть сомнения в том, что очень многое зависело от умелого,

а можно сказать и более — талантливого руководства ими.

Уже вскоре после вступления Р. Я. Малиновского в должность командующего наш штаб приступил к разработке новой крупной операции, которая теперь известна как Ясско-Кишиневская. Как два огромных кулака, по замыслу операции, должны были нанести удары по врагу Второй и Третий Украинские фронты — каждый со своего направления. Военно-политическая цель при этом заключалась в разгроме группы армий противника «Южная Украина», в завершении освобождения Молдавской ССР и в выводе из войны союзницы гитлеровской Германии — Румынии.

Второй Украинский фронт, имевший в 1,5 раза больше сил и средств, чем Третий Украинский, играл главную роль в разгроме противостоящей группировки противника и нацеливался на центральные районы Румынии. Для успешного решения задачи во фронте была создана мощная группировка, которая обладала большой пробивной силой и высокой подвижностью.

Для того чтобы обеспечить большую силу первоначального удара, предусматривалось одновременное участие в бою максимального количества сил и средств. В этих целях каждая дивизия первого эшелона была усилена 40—50 танками непосредственной поддержки пехоты. Командующий фронтом потребовал от командиров дивизий использовать эти силы для уничтожения ключевых и опорных пунктов только массированно.

Войскам фронта планировались высокие темпы наступления. Но добиться этого они могли лишь при условии быстрого прорыва главной полосы обороны противника и рубежей в глубине. Вот почему перед постановкой задач войскам была самым тщательным образом изучена оборона противника на участке прорыва, выявлены ее слабые и сильные места, что позволило точнее определить ключевые пункты, от подавления и захвата которых зависел успех прорыва главной полосы. Командующему фронтом и мне, как начальнику штаба, совместно с представителем Ставки Верховного Главнокомандования Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко неоднократно приходилось выезжать в войска для рекогносцировки местности и организации наступления.

Особое внимание мы уделяли отработке способов овладения с ходу второй полосой обороны противника, обо-

рудованной на южном берегу реки Бахлуй. Река эта неглубока, но протекает по болотистой долине, имеет илистое дно, и поэтому представляет серьезное препятствие для танков. Задержка с преодолением ее могла помешать своевременному вводу в сражение крупных танковых сил.

Р. Я. Малиновский настаивал на высоких темпах прорыва тактической обороны не случайно. Опыт прошлого подсказывал, что только в этом случае удастся упредить подход резервов и победить врага меньшими усилиями. С другой стороны, при стремительном выдвижении вперед наши войска получают возможность окружать большие силы противника. При разработке операции мы учитывали также и то, что быстрый выход к важнейшим административным центрам Румынии лишил противника возможности мобилизации сил. На всем протяжении подготовки войск к боевым действиям Р. Я. Малиновский с особой настойчивостью добивался осуществления внезапности удара по противнику.

Надо сразу же сказать, что в достижении успеха предстоящей операции была велика и роль Ставки Верховного Главнокомандования. Помнится, командующий фронтом горел желанием выбить у противника некоторые высоты, чтобы улучшить положение наших войск, готовившихся к наступлению. Однако Ставка посоветовала не делать этого. Противник знал, несомненно, что из состава нашего фронта были выведены крупные силы — три армии и некоторые соединения в связи с подготовкой ударов на других фронтах. Значит, враг должен быть в полной уверенности, что у нас нет сил для завоевания нужных нам высот. Наряду с этим мы упорно отстаивали каждую, казалось бы, незначительную высоту, и это рождало у немецко-фашистского командования иллюзию шаблонности наших действий.

Большое искусство и изобретательность проявил Родион Яковлевич и в применении артиллерийских средств. Для создания высокой плотности огня на направлении главного удара командующий фронтом пошел на резкое ослабление артиллерии на других участках. Разумеется, таким мерам предшествовал глубокий анализ обстановки, точный расчет сил и средств.

Сражение началось 20 августа 1944 года. Мне хорошо запомнилось то давнее утро. Медленно тянулась к концу ночь, ранней зарей выпала обильная роса, низины закрыл туман. Тишина. Только изредка самолеты против-

ника нарушают ее — бомбят высоту, на которой расположен передовой наблюдательный пункт Второго Украинского фронта. Вот объявлен приказ о переходе войск фронта в наступление, вот донеслись первые звуки моторов, тишина нарушилась. Все — от солдата до генерала — ждут первых залпов, вслед за которыми прозвучит команда «Вперед!».

Шесть часов пять минут. Первые лучи солнца упали на изрытую землю. Трудно поверить, что в 400 метрах от высоты укрылись наблюдательные пункты командующих армиями, а командиры корпусов и дивизий расположились у самого переднего края. Ничто не выдает готовности к бою. Неутомимые труженики войны — саперы да и войны всех родов войск, готовые теперь к наступлению, уже совершили героическое дело: ежеминутно рискуя жизнью, искусно укрыли все от глаза противника. Но фашисты, кажется, почувствовали неладное. Их беспокойство выдает авиация, все чаще налетающая на передний край. Однако теперь уже все предрешено.

Шесть часов десять минут. Громоподобный раскат расколол воздух, потряс землю. Четыре тысячи орудий самых различных калибров и минометов загрохотали разом, выпустили смерчи огня на участок прорыва главной полосы обороны противника. Послышались залпы гвардейских минометов, в безоблачное небо взметнулась темная стена земли, дыма, огня.

Полтора часа сотрясалась земля от взрывов...

А чуть притихла артиллерия, вступила в работу авиация. Над головами пехотинцев лавиной шли на малой высоте группы прославленных Илов, скрываясь в облаках дыма и пыли, «утюжили» противника там, где должна была идти в бой пехота.

Уже до перехода наших войск в атаку появились первые десятки пленных. Буквально ошеломленные и обезумевшие от страха немецкие и румынские солдаты сдавались... Спасения не было там, куда устремлялись наши войска, солдаты противника стремглав бежали к нашему переднему краю, крича во всю силу: «Гитлер — капут! Антонеску — капут!» А ведь еще вчера они сомневались в этом.

Исключительная стремительность нашего наступления повергла в панику не только солдат, но и генералов фашистской армии. Впоследствии гитлеровский генерал К. Типпельскирх писал: «Как огромные морские волны

катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось».

Итоги Яско-Кишиневской операции, характерной своей внезапностью для врага, мощностью первоначального удара, высокими темпами наступления, поистине впечатляющи. Разгромлено 18 дивизий противника. 22 дивизии и 5 бригад румынской армии капитулировали. Возвращена в семью советских социалистических республик Молдавия. Выведены из войны на стороне вражеской коалиции королевская Румыния и царская Болгария. Созданы условия для разгрома немецко-фашистских войск в Венгрии, Югославии, Чехословакии, для удара под самое сердце фашистской Германии. С новой силой разгорелось национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Европы.

13 сентября Родион Яковлевич Малиновский был вызван в Москву для подписания договора о перемирии с Румынией со стороны союзных государств — СССР, Великобритании и США. В этот же день он был приглашен в Кремль. Здесь Михаил Иванович Калинин вручил ему знак отличия военачальника высшего ранга — маршальскую звезду. Тогда Родиону Яковлевичу было всего сорок шесть лет. Но уже тридцать из них он был воином.

Весьма плодотворной была деятельность Родиона Яковлевича на посту председателя Союза контрольной комиссии в Румынии. Эта комиссия была создана для контроля за выполнением условий перемирия. Маршал Советского Союза Малиновский с глубоким пониманием политической важности порученного ему Коммунистической партией и Советским правительством дела выполнял сложную и ответственную работу по организации гражданского управления на освобожденной территории. Его деятельность принесла большую пользу демократическим силам Румынии в образовании новой власти, способствовала установлению нормальных отношений этой страны с соседними государствами.

Смелая мысль полководца Малиновского во многом предопределила и ход событий во время освобождения Венгрии. Мне хорошо помнится несколько медлительный на вид человек, командующий Вторым Украинским, который долгие часы просиживал над картами в глубоком размышлении. Наблюдая за его работой, участвуя в вы-

работке решений, иногда весьма и весьма ответственных, я отчетливо представлял себе ход мысли Родиона Яковлевича и хорошо знал, каким нелегким был иногда его труд, какой ценой достигались успехи. Нет, не везение, не удачливость в военных делах, а истинный талант позволял ему выбрать наилучшие варианты, найти способы действий войск, приводящие к победе.

Много раз нам приходилось работать круглые сутки без отдыха. Взвешивались различные соображения, обсуждались возможные исходы событий, тщательно, всесторонне анализировались условия, обстановка. И всегда эта работа была нелегкой.

Вот как выглядели, например, соображения командующего фронтом по действиям войск в Дебреценской операции, текст которых был передан по телеграфу в Ставку Верховного Главнокомандования 24 сентября 1944 года:

«...Правое крыло фронта — Сороковая, Седьмая гвардейская и Двадцать седьмая армии — встретило прочную оборону противника, и попытки прорвать ее пока не имели успеха... Пятьдесят третья армия, преодолев сопротивление, вышла в район северо-западнее Орада и не встречает сколько-нибудь организованной обороны... В этих условиях создается благоприятная обстановка для действий в направлении Орадеа-Маре, Дебрецен... Дабы не упустить создавшейся благоприятной обстановки, прошу разрешения перегруппировать Шестую танковую армию в район Бейуш для последующего ее действия на Орадеа-Маре и далее, в зависимости от обстановки на Карей (северо-восточнее Дебрецена) или Дебрецен...»

На следующий день из Ставки было получено одобрение этого предложения.

Операция, получившая позднее название Дебреценской, началась артиллерийской и авиационной подготовкой на рассвете 6 октября. В бой пошли пехотинцы Пятьдесят третьей армии, танкисты Шестой гвардейской, казаки конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева. Вплоть до 28 октября полыхало сражение на равнинах Альфёльда, неприглядных и суровых. Сейчас тут была война, была дождливая осень, распутица, грязь, по которой трудно шли машины, и наши артиллеристы на руках выносили пушки из залитых водой дорожных обочин.

Нелегко давалось счастье победы. Но Дебрецен был освобожден и отдан своему подлинному хозяину — венгерскому народу. Здесь свершился затем исторический акт, явившийся поворотным в истории страны. 21 декабря в городе открылось заседание Временного национального собрания Венгрии, на котором было сформировано первое демократическое венгерское правительство.

Однако столица Венгрии — Будапешт — все еще оставалась в руках врага. В наступлении на Будапешт, начавшемся по указанию Ставки 29 октября, главную роль должна была сыграть Сорок шестая армия. Но сил ее было явно недостаточно. Маршал Советского Союза Малиновский поэтому просил И. В. Сталина дать ему несколько дней для переброски под Будапешт танковых соединений.

Приведу здесь содержание разговора, состоявшегося по ВЧ в канун намечавшегося наступления.

И. В. Сталин. Необходимо, чтобы Вы в самое ближайшее время, буквально на днях, овладели столицей Венгрии — Будапештом. Это нужно сделать во что бы то ни стало. Сможете ли Вы это сделать?

Р. Я. Малиновский. Эту задачу можно было бы выполнить дней через пять после того, как к Сорок шестой армии подойдет Четвертый гвардейский механизированный корпус. Его подход ожидается к 1 ноября. Тогда Сорок шестая армия, усиленная двумя гвардейскими механизированными корпусами — Вторым и Четвертым, — смогла бы нанести мощный, совершенно внезапный для противника удар и через два-три дня овладеть Будапештом.

И. В. Сталин. Ставка не может предоставить Вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Р. Я. Малиновский. Я отчетливо понимаю, что нам очень важно взять Будапешт по политическим соображениям. (В это время шло формирование демократического правительства, и освобождение столицы Венгрии от немецко-фашистских оккупантов ускорило бы этот процесс, оказало бы определенное влияние на некоторые колеблющиеся элементы из буржуазных партий и группировок.— *Прим. авт.*) Однако следовало бы подождать прибытия Четвертого гвардейского механизированного корпуса. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

И. В. Сталин. Мы не можем пойти на отсрочку наступления на пять дней. Надо немедленно переходить в наступление на Будапешт.

Р. Я. Малиновский. Если Вы дадите мне пять дней сейчас, то в последующие дни, максимум пять дней, Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то Сорок шестая армия, ввиду недостатка сил, не сможет развить удар, она неминуемо ввяжется в затяжные бои на самых подступах к венгерской столице. Короче говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

И. В. Сталин. Напрасно Вы упорствуете. Вы не понимаете политической необходимости нанесения немедленного удара по Будапешту.

Р. Я. Малиновский. Я понимаю всю политическую важность овладения Будапештом и для этого прошу пять дней...

И. В. Сталин. Я Вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт!

Принимая решение, Родион Яковлевич был убежден, что оно верно, и потому всегда был готов отстаивать его. Нередко это, как видно из приведенного примера, требовало известного мужества: гнев Верховного не сулил ничего приятного.

Война перед командованием всегда ставит сложнейшие задачи. Приказ Верховного пришлось все же выполнять, и тогда Родион Яковлевич всю свою энергию и умение приложил к тому, чтобы наилучшим образом справиться с порученным делом.

Как ни сопротивлялся враг, Будапештская операция завершилась победой, в ходе ее была окружена и уничтожена 180-тысячная группировка фашистских войск. А за ней последовала Венская наступательная операция. 13 апреля столица Австрии была очищена от гитлеровских войск.

За умелое выполнение заданий Верховного Главного командования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск, Маршал Советского Союза Малиновский был награжден 26 апреля орденом «Победа» — высшим военным орденом Советского Союза.

Участвовал Родион Яковлевич и в освобождении Чехо-

словакии. В 1944 году, когда советские солдаты завершили наступление в Белоруссии и Западной Украине, вспыхнуло мощное народное восстание против фашистских захватчиков в Словакии. Но силы патриотов были слишком малы. Чехословацкий народ просил помощи. И советские люди подали руку дружбы своим братьям. В сентябре Первый Украинский фронт силами Тридцать восьмой армии под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко (в составе армии сражался и Первый Чехословацкий армейский корпус во главе с генералом Людвиком Свободой) и Четвертый Украинский фронт силами Первой гвардейской армии под командованием генерал-полковника А. А. Гречко перешли в наступление на Кросно, в направлении перевалов Дукля и Прешов. 6 октября передовые советские и чехословацкие части овладели Дуклинским перевалом и водрузили на нем свои государственные флаги. С этого исторического момента и началось освобождение Чехословакии.

С юга к Словакии пробивался Второй Украинский фронт. В декабре он достиг чехословацкой границы. Тогда-то и завязались ожесточеннейшие бои на реке Грон. Острая память Родиона Яковлевича сохранила множество имен советских бойцов и командиров, героически сражавшихся на Гроне. Хорошо запомнилось ему имя командира танкового экипажа лейтенанта Ивана Депутатова.

Захватив клочок земли у Грона, наш танковый взвод оборонял его с исключительным мужеством. Около двух десятков вражеских машин с пехотой двинулись на танк лейтенанта Депутатова. Более половины из них советские воины превратили в пылающие факелы. И снова ожесточенные контратаки гитлеровцев. И так трое суток.

Трое суток три советских экипажа сдерживали острейший натиск врага. Они уничтожили более двух десятков вражеских машин, двенадцать бронетранспортёров, до двух батальонов пехоты...

Там, на чехословацкой земле, маршал Малиновский вручал Золотые Звезды героев советским богатырям — командирам экипажей Ивану Депутатову, Константину Тулупову, Ивану Борисову, командирам орудий Валентину Толстову, Павлу Писаренко, Михаилу Нехаеву, механикам-водителям Логинову, Моргунову, Налимову...

А 5 мая 1945 года наши радиостанции приняли голос чехословацких патриотов: «Руда Армада, на помощь!»

Это был зов братьев по классу, их просьба о помощи. И тогда к Праге устремляются войска трех Украинских фронтов. В районе Бенешова войска Второго и Первого Украинских фронтов окружили группу армий противника «Центр» и принудили ее к капитуляции. Утром 9 мая ликующие жители чехословацкой столицы праздновали свое освобождение и радостно встречали освободителей, в числе которых были части Пятого гвардейского танкового корпуса Шестой гвардейской танковой армии Второго Украинского фронта.

Признанием чехословацкого народа стал для Малиновского Большой крест с мечами и золотой звездой ордена Белого льва, которым был награжден Родион Яковлевич чехословацким правительством.

Долгожданный день победы над гитлеровской Германией для Родиона Яковлевича Малиновского, а также и для автора этих строк не стал, однако, последним днем войны. На востоке еще оставался очаг агрессии, и для его ликвидации создается ряд новых фронтов, главную роль среди которых должен был сыграть Забайкальский. Родион Яковлевич получил назначение на должность его командующего, мне выпала честь возглавить штаб этого фронта.

Сражения с войсками империалистической Японии по своему размаху и конечным результатам, по оригинальности стратегической мысли, гибкости и динамичности военного руководства заняли виднейшее место среди кампаний второй мировой войны. В мае — июле 1945 года была осуществлена перегруппировка войск — из Европы на Дальний Восток для участия в разгроме японской армии по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали были переброшены три общевойсковых и одна танковая армии (39 дивизий и бригад). Столь крупной перегруппировки войск в истории войн не было.

Главной ударной силой японской армии была Квантунская армия. Она имела тридцать одну пехотную дивизию, девять пехотных бригад, две танковые бригады и две авиационные армии и представляла собой, таким образом, довольно внушительную силу. К тому же ее войска были хорошо обучены, подготовлены к боевым действиям на данном театре, достаточно снабжены всем, что необходимо для ведения боевых действий.

Не вдаваясь в подробности плана операции, можно сказать, что замыслом предусматривалось нанесение очень сильного первоначального удара по врагу, который ошеломил бы японцев внезапностью, силой, темпами продвижения наших войск и формами маневра. Родион Яковлевич осуществлению этой идеи придавал исключительно большое значение. Работая с ним рядом, хорошо зная его, я не переставал тем не менее с удовлетворением наблюдать, с какой целеустремленностью работает он, как ясно и четко определяет войскам задачи и безошибочно видит главное в любом сложном переплетении фактов, событий, явлений войны.

Осуществляя замысел операции, командующий Забайкальским фронтом в состав первого эшелона включил Шестую гвардейскую танковую армию. Для не посвященного в военное дело и в историю боев на Дальнем Востоке человека это говорит не о многом. Но надо представить местность, ее климат и особенности, чтобы оценить это решение. На пути наших войск лежали горы — хребет Большой Хинган, сотни километров безводных пустынь. Что угодно могли ожидать японцы с этого направления, только не танки. Убежденный в танковой безопасности, противник и оборону не готовил здесь надлежащим образом. Между тем по своим маневренным возможностям танковая армия могла значительно быстрее, чем общевойсковые армии, овладеть перевалами через горы. К тому же учитывались внезапность, неожиданность, способность наших танкистов действовать в отрыве от главных сил.

9 августа 1945 года наши войска перешли в наступление, и замыслы операции при известной настойчивости командующего фронтом стали воплощаться в боевые действия войск. Удар, нанесенный там, где его меньше всего ждал противник, как и предполагалось, ошеломил его. Вся оборона японских войск оказалась раздробленной на отдельные куски, и местами наши войска вклинились на территорию противника на глубину до 100 километров уже в первый день. Квантунская армия оказалась окруженной силами всех фронтов, а ее оперативная оборона рухнула.

Как писал впоследствии Родион Яковлевич, «изумление и страх охватили командование и штаб Квантунской армии. Ведь они считали немислимым, чтобы в отрыве на тысячу километров от железной дороги, через

бескрайние степи монгольской пустыни и дикий Большой Хинган можно было провести такую ударную группировку войск и бесперебойно питать ее всем необходимым для продолжения решительного наступления в глубь Маньчжурии. Смелые воздушные десанты, сразу же подкрепленные нашими наземными танковыми соединениями, захватили... такие города, как Чаньчунь, Мукден, Порт-Артур. И не удивительно, что неделю спустя главнокомандующий Квантунской армии генерал Ямада оказался в плену, вынужден был давать показания командованию советских войск на Дальнем Востоке в своем собственном рабочем кабинете, в штабе Квантунской армии в городе Чаньчуне».

Всего двадцать четыре дня длилась кампания на Дальнем Востоке. Милитаристская Япония безоговорочно капитулировала.

Высокое полководческое искусство, выдающиеся заслуги Родиона Яковлевича Малиновского, проявленные при разгроме Квантунской армии, были отмечены присвоением ему звания Героя Советского Союза.

На советскую землю пришел долгожданный мир. С честью и славой возвращались домой советские воины-победители, поля, где грохотала война, ожили. А перед теми, кто оставался в рядах Вооруженных Сил, встали новые задачи — одна другой серьезнее и сложнее.

Атомные бомбы, сброшенные американцами без всякой военной необходимости на японские города Хиросиму и Нагасаки, должны были, по мнению империалистических кругов Америки, устрашить мир и в первую очередь запугать Советский Союз силой нового оружия. Мир, за который человечество заплатило такой дорогой ценой, не стал прочным: война кровавая сменилась «холодной войной», зловещей и чреватой опасностью новых кровопролитий.

Для советского народа не оказалось передышки в его делах и заботах о безопасности Родины. Необходимо было переоснащать Советскую Армию, снабжать ее новым оружием, техникой. Видоизменились, но оставались весьма сложными задачи, которые народ и Коммунистическая партия возложили на Советские Вооруженные Силы.

Серьезная перестройка в армии и на флоте, кроме технического переоснащения войск, заключалась в совершен-

ствовании воспитательной работы командных кадров, в повышении их квалификации, в дальнейшем обобщении и развитии достижений военной науки и во многом другом. Проблемы перестройки и совершенствования военной организации нашего государства потребовали от военных кадров больших усилий, ума, таланта.

Родион Яковлевич Малиновский был послан на Дальний Восток для руководства войсками, и это было не случайно. К этому участку советской границы было приковано внимание советского военного командования, в первых, потому, что он близко располагался к району, где проявлял агрессивную активность американский империализм — там были сброшены атомные бомбы, там предпринимались попытки к разжиганию гражданской войны в Китае. Да и на многих участках советской границы обстановка не была спокойной в связи с тем, что Соединенные Штаты Америки развязали впоследствии войну в Корее. Кому, как не Малиновскому, видному советскому военачальнику, зарекомендовавшему себя на полях войны талантливым полководцем, по плечу столь сложные задачи.

В значительном укреплении дальневосточных рубежей нашей страны уже в первые послевоенные месяцы и годы — огромная заслуга Коммунистической партии Советского Союза. Благодаря ее неустанной заботе и вниманию росла боевая мощь войск, во главе которых стоял Малиновский — верный сын партии и народа.

Обучение и воспитание командного и политического состава войск Родион Яковлевич справедливо расценивал как главное условие постоянного роста боеспособности и боевой готовности частей, подразделений, несущих службу на самых дальних окраинах страны. Думается, что в это время в нем как бы ожили, с новой силой стали проявляться педагогические способности — как преподаватель военной академии он до войны слыл вдумчивым методистом, наставником, воспитателем командиров Советской Армии. От подчиненных главнокомандующий войсками Дальнего Востока требовал четкой, безупречной организации командирской подготовки, от всех обучающихся — высокого методического мастерства.

В 1956 году Маршал Советского Союза Малиновский был назначен заместителем министра обороны СССР и главнокомандующим сухопутными войсками, а в октябре следующего, 1957 года Родион Яковлевич стал Минист-

ром обороны СССР. Годы его пребывания на столь высоком посту совпали с периодом наиболее значительных, коренных перемен в военном деле. Под руководством Малиновского проводились в жизнь важнейшие решения Коммунистической партии Советского Союза о дальнейшем укреплении обороноспособности страны, о совершенствовании военной организации нашего государства.

Вновь сошлись наши пути: с 1960 года мне довелось вновь работать вместе с Родионом Яковлевичем на посту начальника Генерального штаба. Пользуясь правом человека, лично знавшего Малиновского, хорошо знакомого с его деятельностью, я подчеркнул бы здесь, что Родион Яковлевич был настоящим марксистом-ленинцем и в решении сложных проблем военного строительства опирался на законы материалистической диалектики, на данные марксистско-ленинской науки. Он был логичен и последователен во всем. Глубоко понимая роль науки и техники в современной войне, он верно определял направление их развития и использования в интересах повышения боевой мощи армии и флота, настойчиво добивался осуществления принятых решений.

«Поскольку у нас есть определенные единые положения о характере будущей войны и операций в ней, — писал он, — некоторым может показаться, что нами все сделано, все найдено, остается только заучить. Нет, это не так! Сознаюсь, что иногда и мне будущая война представляется котом в мешке, настолько она будет отлична от той, которую мы перенесли. Нам всем надо много, очень много поработать, исследовать, изучить, чтобы глубоко и всесторонне распознать все стороны военных столкновений, которые, к несчастью человечества, еще не сняты с повестки дня».

Родион Яковлевич не сковывал инициативу ученых, внимательно прислушивался к их мнению, не торопил, когда дело требовало серьезных размышлений. Прежде чем были сформулированы основные черты советской военной доктрины и дано четкое определение советской военной науки, ее содержания, границ, были проведены самые серьезные научные исследования. Малиновский никогда не выпускал из поля зрения подготовку командного состава армии и флота. Он глубоко вникал в военно-теоретическую и практическую учебу офицеров в военных академиях, часто сам выступал с докладами перед профессорско-преподавательским составом военных учебных за-

ведений и перед слушателями, присутствовал на учениях войск, руководил ими и глубоко анализировал их.

Несомненны заслуги Малиновского и в области истории военного искусства. В обобщении опыта Великой Отечественной войны, например, он принимал самое активное участие, написал десятки статей по самым актуальным вопросам военного строительства и военной истории. Под его редакцией и при его непосредственном участии вышли историко-мемуарные книги: «Ясско-Кишиневские Каньы», «Будапешт — Вена — Прага», «Финал». Большую популярность имела его брошюра «Бдительно стоять на страже мира».

Признаюсь, я часто вспоминаю своего боевого товарища. В памяти встают очень многие моменты нашей совместной деятельности, черты его сильного и по-человечески доброго характера. Его разносторонняя одаренность и редкая трудоспособность всегда удивляли.

Активно участвовал Малиновский в партийной и общественно-политической жизни. На XIX съезде КПСС он был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, а на XX, XXII, XXIII съездах — членом ЦК КПСС. Родион Яковлевич был депутатом Верховного Совета СССР III, IV, V, VI и VII созывов.

В 1958 году, в день своего шестидесятилетия, Малиновский был удостоен второй медали «Золотая Звезда» за выдающиеся заслуги перед Родиной. За время службы в Вооруженных Силах он награжден двенадцатью отечественными орденами, в том числе пятью орденами Ленина, орденом «Победа», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени и девятью медалями. Он был удостоен многих наград социалистических и других государств.

Жизнь Родиона Яковлевича оборвалась 31 марта 1967 года. На его похоронах Алексей Николаевич Косыгин сказал:

— Маршал Малиновский глубоко понимал, что в наш век армия непобедима, если она вооружена марксистско-ленинской идеологией, воспитана в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, оснащена современной боевой техникой и владеет ею в совершенстве. Только такая армия может с честью выполнить свой священный долг перед Родиной, защитить великие социалистические завоевания. И он отдал много сил, чтобы

у нас была первоклассная армия. Именно такую армию под руководством партии создал наш народ.

Солдат и полководец Малиновский свой долг перед Родиной выполнил до конца.

В историю Советского государства и его Вооруженных Сил Родион Яковлевич Малиновский вошел как видный государственный деятель, выдающийся полководец. Более полувека провел он в боевом строю, пройдя путь от солдата до Маршала Советского Союза, от рядового пулеметчика до Министра обороны. В рядах Красной Армии в годы гражданской войны ему довелось отстаивать молодую Советскую республику от натиска белогвардейцев и интервентов. Вместе с коммунистами-интернационалистами он сражался на стороне республиканской Испании против мятежников-фалангистов, а в грозных сражениях с гитлеровскими захватчиками руководил войсками ряда армий и фронтов.

Яркий военный талант, ясный ум, сильная воля и мужество у Р. Я. Малиновского счастливо сочетались с большим личным обаянием, простотой в обращении и глубоким пониманием дум и настроений солдата. Работа под его руководством всегда спорилась. Он не стеснял подчиненных мелочной опекой, предоставляя широкий простор для инициативы и творческого выполнения принятых решений.

Родион Яковлевич был высоко уважаем не только нами, военными, но и всеми советскими людьми за свою славную полководческую деятельность в годы Великой Отечественной войны и большую работу по укреплению оборонного могущества Родины в послевоенный период — период коренных преобразований в военном деле.

Яркая, богатая событиями жизнь Р. Я. Малиновского являет собой пример целеустремленного, беззаветного служения Отчизне, верности советскому народу и светлым идеалам коммунизма.

Маршал Советского Союза М. ЗАХАРОВ

Маршал Советского Союза

КОНСТАНТИН РОКОССОВСКИЙ

Старшему поколению советских людей, воинам Советских Вооруженных Сил, передовым людям многих стран мира хорошо знакомо имя полководца-коммуниста Константина Константиновича Рокоссовского. Писать о таком выдающемся военачальнике, как Рокоссовский, одновременно легко и трудно. Легко потому, что долгие годы его жизни и неутомимой деятельности проходили на наших глазах, а ратные подвиги маршала и дважды Героя Советского Союза широко известны в нашей стране и далеко за ее пределами. Трудно потому, что этот любимец всего советского народа — человек, большевик, выдающийся полководец ушел из жизни... Говорить и писать мне трудно до боли. Трудно еще и потому, что необычайно интересны, разнообразны и глубоки по содержанию многие его решения во время Великой Отечественной войны, в дни которой, безусловно, наиболее ярко и полно проявился полководческий талант К. К. Рокоссовского.

Константин Константинович Рокоссовский был моим командующим на всем протяжении Великой Отечественной войны, продолжительное время после войны старшим начальником, товарищем и другом в последние годы его жизни. Близкое знакомство с ним дает мне полное право и обязывает меня поделиться впечатлениями о нем с молодыми гражданами нашей страны. Я попытаюсь изложить свои впечатления о нем, описать некоторые черты К. К. Рокоссовского, характеризующие его как человека, большевика, полководца.

Передо мной лежит большой групповой фотоснимок периода двадцатых годов, на котором — боевые друзья Рокоссовского по гражданской войне и он сам. На груди Константина Константиновича — ордена Красного Знамени за совершенные им боевые подвиги в защите завоеваний Великого Октября. Захват двух артиллерийских

батареи, разгром и пленение барона Унгерна, овладение штабным поездом с важными оперативными документами, освобождение двух городов и пленение крупной войсковой части врага...

И все это было в его жизненном активе в двадцать лет с небольшим. Ему вообще, как и очень многим другим в дореволюционной России, рано пришлось стать взрослым.

Родился К. К. Рокоссовский 21 декабря 1896 года в городе Великие Луки в семье железнодорожника. Отец — поляк, мать — русская. Вскоре отца перевели на Варшавско-Венскую железную дорогу, где он служил машинистом, и вся семья переехала в Варшаву. Четырнадцать лет, лишившись родителей, К. К. Рокоссовский вынужден был зарабатывать на хлеб. В 1914 году его призвали в царскую армию, и он был зачислен в Пятый драгунский Каргопольский полк, в составе которого участвовал в первой мировой войне.

Так началась военная служба К. К. Рокоссовского. Первые боевые схватки в войне России против кайзеровской Германии. Закалка духа, испытание храбрости. И первые тоже типичные вопросы себе: «А собственно, зачем воевать за царя?» И первые, услышанные в окопах, на маршах и привалах, берущие ум и кровь слова большевиков: «У трудовых людей России и Германии один враг — самодержавие, капиталисты и помещики», «Мир — народам, войну — богатым». А потом служба в рядах Красной гвардии, участие в гражданской войне, вступление в марте 1919 года в ряды партии большевиков. Еще в 1917 году К. К. Рокоссовский занял свою первую командную должность: солдаты избрали его помощником начальника Каргопольского красногвардейского кавалерийского отряда. Начальником же его стал большевик Адольф Казимирович Юшкевич. О нем с благодарностью вспоминал Константин Константинович. Позднее, в боях за Перекоп, А. К. Юшкевич пал смертью храбрых.

Рассказы участников боев, архивные документы помогают нам представить себе Константина Рокоссовского молодым красным командиром. Он был высоким, стройным, физически сильным и натренированным. Умом, задором и лихостью светились его голубые глаза. Скуп на слова и щедр на боевую дружбу. Прост, скромен и не заносчив. Не терялся ни в одной сложной, трудной боевой обстановке. И был отчаянно смел. Вот один из примеров.

В районе Ишима отдельный кавалерийский дивизион,

которым командовал Константин Рокоссовский, внезапно атаковал село Виколинское, занятое крупными силами белых. В стане врага возникла паника. Однако малейшая задержка атаки, и враг придет в себя, поймет, что силы атакующих невелики. Не успел подумать об этом, как наихудшие опасения начали сбываться: командир дивизиона видит, что на околице разворачивается для боя артиллерийская батарея противника. Ее огонь невероятно опасен для его кавалеристов не только потому, что вырвет кого-то из их рядов, но еще больше потому, что он способен прекратить панику во вражеском стане. И тогда... Решение созрело мгновенно. Он вызывает из строя двадцать своих всадников и с пашками наголо — на батарею. Свистит картечь. Сверкают и звенят беспощадные клинки. Рокоссовский придерживает коня, спрыгивает на землю около поднявшего вверх руки белого унтер-офицера и голосом, в котором звучит угроза и приказ, говорит ему:

— Видите — казаки? Огонь по ним! Будете стрелять — будете жить.

Унтер-офицер приказывает повернуть орудия и открыть беглый огонь по казакам.

Первый советский боевой орден Константин Рокоссовский получает за смелость и мужество в этой схватке с врагом.

Вот еще один бой. Он имел место в районе станицы Желтуринской, что в Забайкалье, в период борьбы против банды того же барона Унгерна.

Как известно, в конце мая 1921 года во Владивостоке и южной части Советского Приморья был организован контрреволюционный мятеж и с помощью японских войск установилась белогвардейская диктатура. Одновременно с возобновлением японской агрессии в Приморье на широком фронте выступили и белогвардейские отряды, в свое время бежавшие за границу — в Северную Маньчжурию, Монголию, в Западный Китай (Синьцзян). Главная роль в плане вторжения белогвардейских банд, наносивших удар из Монголии в Забайкалье, отводилась барону Унгерну — махровому контрреволюционеру, монархисту, лютному врагу и жестокому палачу трудового народа.

31 мая 1921 года белые казаки двумя сотнями заняли кожевенный завод, что в девяти километрах южнее станицы Желтуринской. На другой день, утром, Тридцать пятый кавполк, которым командовал Рокоссовский, выбил

белогвардейцев с завода. Но и на отдыхе командир полка позаботился о мерах обеспечения и выслал разведку. Перед рассветом разведка донесла, что со стороны Монголии к белым подошла бригада генерала Резухина. С нею ведет тяжелый бой один из батальонов Триста одиннадцатого полка Красной Армии. Рокоссовский поднимает по тревоге кавалеристов и направляется на помощь своим. Еще издали видит, как отходят наши стрелковые роты и как их преследуют казачьи эскадроны генерала Резухина. Рокоссовский атакует своим полком белогвардейцев во фланг и обращает их в бегство, выручив окруженный батальон. В схватке Константин Константинович лично зарубил несколько белоказаков. Он был ранен в ногу, под ним убили коня, но командир полка продолжал руководить боем, и только сильная потеря крови заставила его отправиться в полевой лазарет. Подвиг в этом бою был отмечен вторым орденом Красного Знамени.

Продолжительная служба Константина Константиновича в коннице Красной Армии наложила свой отпечаток на его деятельность. Он умело использовал кавалерийские корпуса в период Великой Отечественной войны. Его забота, внимание к коннице выражались в тщательной продуманности мер обеспечения боевых действий кавалерийских корпусов. Это, в свою очередь, сказалось на больших успехах в выполнении боевых задач кавалерийскими корпусами генералов В. В. Крюкова, М. П. Константинова и И. А. Плиева при освобождении левобережной части Днепра, в Белорусской операции и при освобождении Польши.

Следует добавить, что сильной стороной в деятельности К. К. Рокоссовского всегда было его непреклонное стремление разбить врага ценой наименьших собственных жертв. Невзирая порой на весьма сложную обстановку боевых действий, он никогда не сомневался в успехе и победе. И эта железная воля передавалась всем его соратникам.

Многолетняя практическая служба в Красной Армии обогащала и развивала воинский талант Константина Константиновича, его оперативное мышление, творческую самостоятельность, умение работать с людьми. Полученные знания и опыт гражданской войны были успешно закреплены в послевоенный период при усовершенствовании на курсах высшего командного состава при Академии Генерального штаба.

В 1930 году в рядах Седьмой кавалерийской имени Английского пролетариата дивизии Константин Константинович встретился со своим старым другом-товарищем Г. К. Жуковым. По нашей просьбе Г. К. Жуков любезно согласился вспомнить то далекое время и рассказал:

— Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой, умел оценить и развить инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием... И нет ничего удивительного, что Константин Константинович вырос до такого крупного военачальника, каким мы его видели в войну и знаем его...

Более обстоятельного, работоспособного, трудолюбивого и по большому счету одаренного человека мне трудно припомнить. Константин Константинович любил жизнь, любил людей. Он с молодых лет познал нелегкий труд. Довелось ему жить воспитанником в семье железнодорожного мастера, трудился он среди рабочих трикотажной фабрики, испытал тяжелую работу каменотеса... Разносторонний жизненный опыт помогал Константину Константиновичу знать и понимать людей.

К словам Г. К. Жукова надо добавить, что когда Рокоссовский командовал кавалерийским полком в Пятой Кубанской кавбригаде, именно его полк был признан лучшим в Сибирском военном округе. А за успехи в боевой подготовке Пятнадцатой отдельной Кубанской кавалерийской дивизии, во главе которой он стоял четыре года, партия и правительство наградили Рокоссовского орденом Ленина.

Как я уже сказал, мне посчастливилось работать под руководством Рокоссовского и его ближайших соратников в суровые годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Все мы, командармы, командиры и политработники, с полным основанием считали службу с Рокоссовским большой и хорошей школой.

Отечественную войну Рокоссовский встретил вполне сложившимся, опытным, теоретически хорошо подкован-

ным военачальником. Редкая личная храбрость, необыкновенное человеческое обаяние удачно сочетались в нем с творческим и трезвым умом, энергией, решительностью, требовательностью. Это был генерал нового, советского, большевистского, ленинского типа. Всю свою жизнь, каждый свой поступок он соизмерял с интересами Родины, народа, партии, ставя их на первый план.

В июне 1941 года генерал-майор К. К. Рокоссовский командовал Девятым механизированным корпусом. С ним и начал войну. Совершив трудный 200-километровый марш, части корпуса вместе с другими соединениями Красной Армии много дней и ночей вели упорные бои на луцком и новоград-волынском направлениях. Удары врага были настойчивы и сильны. Советские воины противоставили им умелую оборону, дерзкие контратаки и смелый маневр. Большую роль сыграло то, что Рокоссовский приказал укрыть в окопы танки и артиллерию. Длительное время враг вынужден был на этом направлении, по существу, топтаться на месте.

В июле очень тяжелое положение создалось под Смоленском. В этот период К. К. Рокоссовский командовал одной из оперативных групп Западного фронта. Уже сама история создания так называемой группы Рокоссовского необычна. Командующий Западным фронтом С. К. Тимошенко встретился с ним накоротке и, показывая на шоссе, по которому в беспорядке двигались группы бойцов, одиночные орудия и машины, сказал:

— Собирай, кого сможешь собрать, и с ними вой. Подойдут регулярные подкрепления — дадим тебе две три дивизии.

К. К. Рокоссовский с группой офицеров, без штаба, в течение нескольких дней подчинил себе отходившие соединения, части и мелкие группы. В это время в его распоряжение прибыло управление Седьмого механизированного корпуса, в составе которого были полковник М. С. Калинин, начальник штаба, и полковник В. И. Казаков, начальник артиллерии корпуса.

Маршал артиллерии В. И. Казаков вспоминал:

— Мы встретились с К. К. Рокоссовским в окрестностях Ярцево. Нельзя сказать, что будущий наш командующий устроился с комфортом. Он спал в своей легкой машине ЗИС-101. Был очень сдержан. Выводы в создавшейся обстановке делал ясные, определенные и убедительные.

Офицеры Седьмого мехкорпуса, вошедшие в штаб, показали себя с самой лучшей стороны. Под руководством М. С. Калинин штаб уже в первые дни начал работать четко, слаженно и в короткое время завоевал прочный авторитет в войсках, симпатию и доверие Рокоссовского. К этому времени относится осуществление его группой контрудара по врагу в районе Ярцево. Операция отличалась решительностью и закончилась успехом наших войск. Известно, что в дальнейшем М. С. Калинин, В. И. Казаков и другие офицеры штаба Седьмого механизированного корпуса воевали бок о бок с Рокоссовским под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и Днепре и дошли до Вислы.

В том же июле К. К. Рокоссовский был назначен командующим Шестнадцатой армии. 2 октября враг большими силами перешел в наступление против войск Западного и Резервного фронтов. Завязались ожесточенные бои, в самый канун которых штаб Шестнадцатой армии, передав свои войска по приказу командующего Западным фронтом в Девятую армию, выдвигался в район Вязьмы. Затем ему пришлось с боями пробиваться еще дальше на восток. Я позволю себе еще раз сослаться на свидетельство очевидца и участника тех событий В. И. Казакова:

— В наших колоннах царило полное спокойствие и возможный в тех условиях порядок. Я ни разу не слышал, чтобы командир или боец произнес паническое слово «окружение», и глубоко убежден, что большая заслуга в этом принадлежит К. К. Рокоссовскому, который в самых сложных ситуациях не терял присутствия духа, оставаясь невозмутимым и хладнокровным. Бойцы, командиры, политработники заражались его спокойствием и чувствовали себя уверенно. В его присутствии было просто стыдно проявлять признаки беспокойства или растерянности...

В дальнейшем, уже в боях под Москвой, Шестнадцатая армия, в которую были включены новые части и соединения, сыграла выдающуюся роль. Она, как известно, обороняла волоколамское направление. Многие героические подвиги воинов армии Рокоссовского в дни исторического сражения под Москвой хорошо известны. Именно здесь, у стен древней русской столицы, мужал и закалялся военный талант К. К. Рокоссовского. В обороне, а потом и в контрнаступлении командующий Шестнадца-

той показал свои незаурядные командирские качества. Замечательным, в частности, следует признать решение К. К. Рокоссовского создать на подходе к Истринскому рубежу две подвижные группы с целью обхода водохранилища с севера и юга. Энергичные охватывающие действия групп генерал-майоров Ф. Г. Ремизова и М. Е. Катукова в сочетании с фронтальным ударом ускорили освобождение города Истры, превращенного гитлеровцами в крупный узел сопротивления.

В январе 1942 года управление и армейские части Шестнадцатой армии были переброшены в район Сухиничей. 29 января армия освободила город от гитлеровцев. В марте К. К. Рокоссовский был тяжело ранен.

Лишь в июле 1942 года генерал-лейтенант Рокоссовский после излечения в госпитале вновь возвратился в действующую армию, но теперь уже в качестве командующего войсками Брянского фронта. Именно в этот период военная судьба надолго свела нас вместе.

И солдаты и генералы сразу почувствовали руку опытного организатора. Одной из прекрасных черт командующего фронтом было то, что он в самых сложных условиях не только умел оценить полезную инициативу подчиненных, но и вызывал ее своей энергией, требовательностью и человеческим обхождением с людьми.

Рокоссовский не любил одиночества, стремился постоянно быть ближе к деятельности своего штаба. В период командования Брянским фронтом чаще всего мы видели его у операторов или в рабочей комнате начальника штаба М. С. Малинина. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие трудности в работе испытывают, поможет своим опытом и советом, предложит продумать то или другое соображение в перспективе действий войск фронта. В нем чувствовалось огромное знание военного дела, организаторские способности и большое чувство предвидения. Как всегда спокойный, углубленный в свои мысли, он умело и творчески распределял работу между своими заместителями, начальниками родов войск, штабом, Военным советом и Политуправлением фронта. Все это создавало удивительно приятную рабочую атмосферу, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать.

К этому следует добавить личное обаяние Рокоссовского, его демократизм. Вместе с тем это был сильный, волевой человек, требовательный и суровый в сложной

обстановке, умеющий приказать и добиться безоговорочного выполнения приказа. Строгая благородная внешность, подтянутость, выражение лица задумчивое, серьезное. Немного словен, движения сдержанные, но решительные. Предельно четкий в формулировании боевых задач. Преждевременные морщины говорили о том, что командиру немало пришлось перенести в жизни.

Летом 1942 года основные события развернулись на юге. На Орловском выступе наступило относительное затишье. Командующий использовал оперативную паузу для систематической тренировки штабов всех степеней. Он покончил с беспредметными атаками, которые лишь изматывали войска и влекли за собой неоправданные потери. Работники управления и штаба фронта все дни находились в войсках. К. К. Рокоссовский сам большую часть времени проводил на боевых участках. Многих командиров полков он вскоре знал настолько, что мог дать аттестацию, не заглядывая в документы.

Метод контроля выполнения указаний у К. К. Рокоссовского тоже отличался своей оригинальностью. Обычно к исходу суток начальники управлений, командующие родами войск, офицеры-операторы возвращались в штаб по окончании работы в войсках. Существовало правило: все собираются вместе, и командующий в широком кругу генералов и офицеров проводит беседы по итогам дня. Здесь как бы творчески осмысливалось сделанное, анализировалась обстановка на фронте, выслушивались предложения и, наконец, сам командующий формулировал свои указания на ближайшие двое-трое суток. Однажды, завершив разбор итогов дня, К. К. Рокоссовский сказал, обращаясь ко мне, несколько заботливых и ободряющих слов по службе и, между прочим, поручил:

— Павел Иванович, съезди в Двести одиннадцатую, позавчера там пулеметчик сбил фашистского стервятника. Вручи герою орден Красного Знамени.

Я всегда с большим удовольствием выполнял поручения Рокоссовского. Герой-пулеметчик Иван Соляков оказался совсем юным солдатом. Он принял первую боевую награду с горящими восторгом глазами и не сразу поверил, что эту награду он получает от командующего войсками фронта К. К. Рокоссовского, с которым он лично беседовал в траншее первой линии обороны.

Поздней ночью на следующем подведении итогов работы, когда за чашкой чая с Рокоссовским еще сидели

его ближайшие помощники В. И. Казаков, Г. Н. Орел, А. И. Прошляков и М. С. Малинин, я, как и положено, доложил о выполнении поручения — вручить Солякову от имени командующего фронтом орден Красного Знамени. Попутно доложил результаты проверки полосы обороны, которую занимала Шестидесятая стрелковая дивизия, сформированная в Ленинском районе Москвы из добровольцев ополчения. Рассказал и об эпизоде, который меня взволновал.

При осмотре и проверке огневых средств переднего края я встретил у ручного пулемета дежурного красноармейца Баркова — на вид лет пятидесяти.

Оружие тщательно вычищено. В окопе все на своем месте, стрелковая карточка налицо, расстояние измерено, в секторе обстрела никаких препятствий.

— Видать, бывалый воин, в ту войну воевали, товарищ Барков?

— Так точно, товарищ генерал! Служил отделенным командиром, был в первом батальоне Третьего лейб-гвардии полка в 1915-м.

— Не помните ли, товарищ Барков, отделенного Павла Батова, он в вашем полку в команде пехих разведчиков служил в последнее время?

— Был такой. Убило его в разведке, мне сам Совков говорил.

— И Совкова знали?

Красноармеец смотрел с удивлением.

— Рано вы тогда меня похоронили.

— Ужели вы действительно из нашего полка, товарищ генерал?.. А Совкова как же мне не знать, таких людей запомнишь на всю жизнь — первый большевик в полку.

Ну и пошли воспоминания. Совков — путиловский рабочий в солдатской шинели — и для меня был одним из самых дорогих людей. От него впервые я услышал имя «Ленин» и научился понимать, для чего у русского солдата винтовка в руках. Совков же и вынес меня на своих плечах тяжело раненного, когда ходили в ночной поиск. Я рассказал Баркову о судьбе Совкова, который, будучи комиссаром бригады Восемнадцатой стрелковой дивизии на Северном фронте, при атаке и штурме Шенкурска шел в первой цепи атакующих. Там, под Шенкурском, поймала его белогвардейская пуля.

Как выяснилось, мой собеседник тоже прошел труд-

ную и тяжелую школу гражданской войны. Командовал эскадромом.

— Почему же вы теперь рядовой?

— В ополчение московское записался, так вот и остался.

— Тебе же роту надо, товарищ Барков. Осилишь? Нам знающие командиры нужны.

— Нет, товарищ генерал, командовать ротой я уже отстал. Нынешнюю войну на одном «ура» не возьмешь. Пониже должность, может быть, осилю...

Когда я закончил свой рассказ о встрече с Барковым, Константин Константинович сразу же спросил:

— Кем же вы его назначили? Ведь он и батальон потянет?

— Не успел назначить. Но лучше бы ему начать с помощника командира роты, — ответил я.

Рокоссовский тут же позвонил в дивизию, и назначение состоялось.

Но этим дело не кончилось. Положив телефонную трубку, Константин Константинович заметил, обращаясь ко всем нам:

— Надо уметь слушать солдата, и в этом случае вы почерпнете новые силы, новые мысли для более целеустремленного руководства войсками.

И, как бы подводя итоги, потребовал от каждого из нас искать способных, талантливых людей и не жалеть сил и времени для того, чтобы вырастить из них командиров. Заботой Константина Константиновича для таких солдат, отличившихся в боях, были созданы в армиях и во фронте курсы младших лейтенантов. На этих курсах обучались будущие командиры взводов, рот и батарей. У меня в памяти навсегда сохранился и второй предметный урок взаимоотношений Рокоссовского с людьми на фронте.

Произошло это уже после того, как Ставка Верховного Главнокомандования назначила генерала К. К. Рокоссовского командующим войсками Донского фронта. А по его рекомендации автора этих строк назначили командующим Шестидесят пятой армией.

В ходе подготовки к прорыву вражеской обороны на Клетский плацдарм прибыл К. К. Рокоссовский. Обращаясь ко мне, сказал:

— Хочу посмотреть и почувствовать боевой накал ваших войск, занимающих плацдарм, столь важный

и необходимый для будущих решительных боевых действий.

В течение двух часов он проверял передний край на участке полка, которым командовал подполковник К. П. Чеботаев. Полк этот входил в состав знаменитой со времен гражданской войны Двадцать четвертой Самаро-Ульяновской железной дивизии. Мы шли по ротам первого эшелона. Видя, как ревностно исполняют солдаты и командиры приказание своего командира полка, Рокоссовский негромко сказал мне:

— Любят здесь своего командира.

— Да, ветераны зовут себя чеботаевцами, — ответил я.

— Вот высшая награда офицеру, — задумчиво заключил командующий и уже громко, обращаясь к стоявшим в траншее бойцам, спросил: — Не надоело ли, товарищи, в окопах сидеть?

Завязалась одна из тех задушевных бесед, которые приносят огромное чувство удовлетворения. В ответ на вопрос командующего послышалось, что сидеть в окопах, конечно, надоело, не дождемся, мол, когда погоним фашистов, и так далее. Солдаты спрашивали, как идут бои в Сталинграде, и командующий фронтом отвечал, что бои в городе крайне обострились, идут днем и ночью, но чуйковцы бьются как герои. Вдруг старший сержант, старшина роты, подал голос:

— Разрешите спросить, товарищ командующий?

— Пожалуйста!

— А нельзя ли там фрицев прихлопнуть?

— Как так?

— Вдарить наперерез с тылу и прихлопнуть, как мышь в мышеловке... А чуйковцы навстречу!..

Рокоссовский рассмеялся хитро и довольно:

— Быть вам, товарищ старший сержант, маршалом!

Стоявшие вокруг тоже засмеялись, но сержант без смущения смотрел на командующего фронтом. Повизгивая, приближалась мина, на слух можно было определить, что она для нас не опасна. Рокоссовский, продолжая беседу, говорил:

— Надо готовиться к большим боям...

Вторая мина завизжала угрожающе.

— Ложись! — крикнул Рокоссовский и присел со всеми на дне траншеи.

Мина разорвалась невдалеке. Сверху посыпались комья земли. Вставали, отряхиваясь молодцевато, и чувст-

вовалось, товарищам приятно, что большое начальство делит с ними опасности переднего края обороны.

— Надеюсь, что скоро услышим о подвигах вашего славного полка! — такими словами закончил Константин Константинович эту замечательную беседу с чеботаевцами.

Личная проверка командующим передовых частей и соединений — сильное средство воспитания и сколачивания войск. Конечно, проверки бывают разные. Фронтвики знают и такие случаи, когда придет на передовую большой начальник, приведет всех в трепет и отбудет, оставив солдат и офицеров в самом удрученном состоянии.

У Рокоссовского форма выражения воли удивительно соответствовала демократической природе нашей армии. В этом была его сила и глубокий источник авторитета, к нему тянулись, а в результате перед командующим всегда был открыт неиссякаемый родник народного творчества.

К. К. Рокоссовский глубоко ценил и умел ценить своих однополчан, своих соратников по жизненному пути и совместной боевой службе. 20 октября 1942 года, вернувшись из войск армии, я застал на командном пункте командующего фронтом. Около него стоял сияющий член Военного совета Шестьдесят пятой армии Ф. П. Лучко. Рокоссовский, положив ему руку на плечо, говорил со своей искренней улыбкой:

— Мы старые друзья!

Оказывается, они были друзьями-сослуживцами в сороковом году: Филипп Павлович Лучко в то время был комиссаром Пятого кавалерийского корпуса, которым командовал Рокоссовский. Командующий фронтом спрашивал члена Военного совета армии Ф. П. Лучко, каков боевой дух войск, и намекал, что предстоят большие дела.

Он был, как всегда, немногословен, спокоен. Но чувствовалась в нем особая приподнятость, появлявшаяся обычно после принятого смелого, увлекающего своими масштабами решения. Перед тем как покинуть наш КП, Рокоссовский сказал:

— На днях получите указания для разработки армейской операции. А сейчас поедем на плацдарм, хочется поглядеть на ваших героев.

И мы с командующим фронтом отправились в войска. Через некоторое время, когда мы остались одни с членом Военного совета армии, Филипп Павлович, еще находясь под впечатлением встречи с Рокоссовским, со свойственной ему непосредственностью рассказал, как они вместе служили в Славуте последним летом перед войной.

— Каким он был скромным, таким и сейчас остался, хотя стал известным в стране героем. Нет у него вельможности. А ведь это весьма важно и дорого, Павел Иванович... Сами знаете, есть, к сожалению, у некоторых наших выдвиженцев манера, если пошел в гору, то уже к нему не подступишься, только и слышишь: «я» да «я». А про «мы» он уже забыл. Партийные корни у таких слабы. А тут корни прочные. Его, коммуниста с 1919 года, не выбили из колеи даже клевета и репрессии, которым он был подвергнут накануне войны.

...В армиях Рокоссовского видели очень часто. Слышали его распоряжения, советы, замечания. Он никогда не навязывал своих предварительных решений, не зажимал, но одобрял разумную инициативу и помогал развить ее. Во всем этом не улавливается ли тот самый «недостаток требовательности», в коем делались отдельные попытки упрекать Рокоссовского?

Как человек, знавший его долгие годы, как его соратник по всем фронтам, которыми он командовал, наконец, как командарм, находившийся в подчинении Рокоссовского, я категорически отвергаю подобные утверждения. Наоборот, в этих его качествах, мне думается, заключаются одни из самых замечательных черт истинного советского полководца: генерал Рокоссовский умел руководить подчиненными так, что каждый офицер и генерал с желанием вносил в общее дело свою долю творчества. При всем этом сам К. К. Рокоссовский и мы, командармы, хорошо понимали и знаем, что полководцем нашего времени без сильной воли, без своих твердых убеждений, без личной оценки событий и людей на фронте, без своего почерка в операциях, без интуиции, то есть без собственного «я», быть нельзя. И Рокоссовский был таким. Известно, например, что вначале операция по ликвидации окруженной группировки немцев в районе Сталинграда осуществляли войска двух фронтов — Донского и Сталинградского. Лично К. К. Рокоссовский был в числе первых, кто поставил перед Ставкой Верховного Главнокомандования вопрос об объединении ру-

ководства операцией в одних руках. И Ставка согласилась с таким предложением.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который координировал в то время действия обоих фронтов, вспоминает:

— Ставка и Государственный Комитет обороны запросили меня, кому поручить руководство действиями по уничтожению окруженного противника. Я ответил, что Рокоссовский является наиболее подходящей кандидатурой. Он проведет операцию решительно и умело...

В период ликвидации окруженной под Сталинградом крупной группировки немецко-фашистских войск К. К. Рокоссовский внес в Ставку предложение об использовании Второй гвардейской армии Р. Я. Малиновского. Существо его предложения сводилось к тому, чтобы эту армию на первом этапе использовать для усиления войск Донского фронта, ускорив тем самым ликвидацию окруженной группировки. А в последующем все освободившиеся силы фронта — шесть армий — должны обрушиться на войска Манштейна, спешившие деблокировать окруженную группировку Паулюса, и разгромить их.

Верховный Главнокомандующий признал предложение Рокоссовского смелым и заслуживающим внимания, но слишком рискованным. Ставкой было принято решение по предложению А. М. Василевского использовать Вторую гвардейскую армию для усиления войск, действовавших против Манштейна. Поскольку в связи с этим решением Ставки Донской фронт уже не мог рассчитывать на то, что армия Р. Я. Малиновского войдет в его состав, Рокоссовский предложил временно приостановить проведение операции по ликвидации немецкой группировки Паулюса. Он исходил из того, что недостаточно мощные удары по окруженным немецко-фашистским войскам нашими армиями, которые истощены и ослаблены непрерывными длительными боями, ничего, кроме излишних потерь, нам не принесут. Поэтому считал необходимым решать обе задачи последовательно, не распыляя имеющихся сил и не разбрасываясь. Ставка согласилась с его предложением и дала обещание усилить войска Донского фронта перед проведением заключительной операции в Сталинградской битве.

Мы видим, таким образом, что в тех случаях, когда Рокоссовский был убежден в правильности своего мнения

или в целесообразности внесенного предложения, он умел постоять за него перед самыми высокопоставленными представителями Ставки и перед Верховным Главнокомандующим. Точно так же он был непреклонен, тверд и настойчив при проведении в жизнь принятых решений. И в то же время чутко реагировал на изменение обстановки.

Как известно, после Сталинградской битвы К. К. Рокоссовский занял пост командующего Центральным фронтом.

Многие подробности грандиозной битвы на Курской дуге летом 1943 года описаны. Но, имея в виду цель нашего очерка, а именно — рассказ о К. К. Рокоссовском, надо выделить некоторые стороны его деятельности в этот период. Войскам Центрального фронта надлежало развернуться между Брянским и Воронежским фронтами с задачей нанести глубокий охватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг орловской группировки врага. Операция должна была проходить в тесном взаимодействии с войсками Брянского фронта. Начало этой красивой по замыслу операции было определено 15 февраля. Но при этом не были достаточно учтены условия переброски войск из-под Сталинграда. Кроме того, и самый район действий, только что освобожденный от противника, не был подготовлен к приему большой массы войск. Непрерывная снежная пурга, бездорожье препятствовали маневру. Многочисленные колонны войск, автотранспорта и боевых машин с огромным трудом продвигались по единственной автогужевой дороге Елец — Ливны — Золотухино. Большой отрыв тыловых частей и баз от районов сосредоточения войск до предела затруднял боевое обеспечение действующих войск боеприпасами, горючим и продовольствием. Все это в конечном счете приводило к выводу, что соединения вновь созданного фронта не успевали сосредоточиться в сроки, установленные Ставкой Верховного Главнокомандования. В этих условиях весьма сложной обстановки К. К. Рокоссовский вновь проявляет способности к быстрой оценке всей суммы вопросов, связанных со сроками проведения операции. Ставка согласилась с его доводами и перенесла начало наступления войск Центрального фронта с 15 февраля на 24 февраля 1943 года.

Важно подчеркнуть тот факт, что еще ранней весной 1943 года командующий Центральным фронтом в своих

ответах на запрос Ставки правильно оценил возможный замысел немецкого командования на летнюю кампанию. Он был твердо убежден, что враг поставит перед собой цель — уничтожить Курский выступ, а вместе с ним и советские войска, оборонявшие его. И он высказался за создание на участке Центрального фронта преднамеренной прочной, глубоко эшелонированной обороны. В оборонительных боях надлежало измотать и обескровить противника, а затем при поддержке свежих оперативных и стратегических резервов перейти в решительное контрнаступление. Эти глубоко продуманные, основанные на тщательном изучении сложившейся обстановки соображения, безусловно, способствовали выработке целесообразного плана действий на лето 1943 года Ставкой Верховного Главнокомандования.

Интересные детали подготовки к боям на Курской дуге вспоминает бывший начальник тыла Центрального фронта генерал-лейтенант Н. А. Антипенко:

— Главным районом фронтовых складов был избран район Курска. Это было близко к армиям, удобно для перехода в контрнаступление. Командующий фронтом ни на минуту не сомневался в исходе событий. Он неоднократно повторял: сначала оборона, потом контрнаступление. Запасным районом в случае успеха врага являлся район Фатежа, так как К. К. Рокоссовский на крайний случай предусматривал продолжение активной борьбы в окружении. «Но надо сделать все, чтобы этого не допустить», — говорил он. Когда враг в первые дни боев много потеснил нас, Рокоссовский решительно выступил против эвакуации населения, на которой настаивали курские областные организации. «Обстановкой это не вызывается», — сообщил он в Ставку и ЦК ВКП(б).

Исключительно удачным и смелым надо считать предусмотренное Рокоссовским в плане фронта и утвержденное Ставкой проведение артиллерийской контрподготовки. Она началась в 2 часа 20 минут 5 июля, после того, когда пленный немецкий сапер сообщил, что немецко-фашистские войска изготовились к наступлению и начнут его утром в направлении на Поньри. Правда, план ее к началу действий противника не удалось завершить во всех деталях. В ночь с 4 на 5 июля разведкой не были еще точно выявлены места сосредоточения немецко-фашистских войск в исходном положении и расположения других важных целей, которые надлежало уничтожить

или подавить. Поэтому нашей артиллерии пришлось вести огонь не по конкретным целям, а по площадям, что, естественно, уменьшило количество массовых жертв в стане врага. Как выяснилось в дальнейшем, эта артиллерийская контрподготовка могла бы быть более эффективной и в том случае, если бы началась она несколько позже, то есть ближе к моменту наступления врага.

Обо всем этом пишет в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Его свидетельство и оценки эффективности артиллерийской контрподготовки весьма важны в данном случае, потому что в то время вместе с К. К. Рокоссовским он в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования находился у начальника штаба фронта М. С. Малинина. Вполне понятно, что, утверждая решение командующего фронтом на проведение контрподготовки, он разделял с ним бремя ответственности за его последствия. Ценно то, что в своих воспоминаниях он старается не преуменьшать, но и не преувеличивать значения этого смелого и рискованного мероприятия командования.

«Тогда трудно было понять и определить результаты контрподготовки, — пишет Г. К. Жуков, — но начатое в 5 часов 30 минут недостаточно организованное и не везде одновременное наступление говорило о серьезных потерях, которые причинила врагу наша контрподготовка».

И еще:

«Слов нет, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов».

Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать несколько позже, примерно за 30—60 минут до перехода противника в наступление».

Вместе с К. К. Рокоссовским в сражении на Курской дуге участвовал хорошо спаянный коллектив генералов и офицеров управления штаба, начальники родов войск, Политуправления фронта, прославленные командармы: Н. П. Пухов, П. Л. Романенко и другие. В этой операции на Курской дуге К. К. Рокоссовский преподал нам, коман-

дармам, предметный урок использования сил и средств с действующих участков, с маневром на угрожаемый участок. Мне, как никому другому, пожалуй, он был полезен. Поэтому остановлюсь на нем подробнее.

В самом начале развернувшегося сражения в районе Поныри было получено адресованное мне предварительное распоряжение командующего. Хочу напомнить, что наша Шестьдесят пятая армия занимала тогда оборону в вершине Курского выступа. Здесь противник пока что не проявлял большой активности. Так вот я получил распоряжение следующего содержания: «181-ю стрелковую дивизию генерала А. А. Сараева, два армейских танковых полка, состоящие в резерве и во втором эшелоне армии, под покровом ночи сосредоточить на стыке Тринадцатой и Семидесятой армий, где они поступят в мое распоряжение».

По этому вопросу и ряду других в порядке существовавшей между штабами информации состоялся мой разговор по ВЧ со штабом фронта. Оценивая обстановку перед фронтом армии, я доложил, что за последние двое суток в нашей полосе обороны противником ведется усиленная боевая разведка крупными силами. И в частности, сослался в качестве подтверждения на предпринятый немцами с участка Дмитровск-Орловский, Севск короткий удар силами свыше трех полков пехоты с танками при поддержке артиллерии. Из всего этого я сформулировал вывод: не исключается, что немцы сосредоточивают крупные силы для удара на этом направлении, а поэтому следует ли при таких условиях обстановки придерживаться сроков передачи сил и средств в полосу Тринадцатой армии генерала Пухова?

Рокоссовский спокойно сказал:

— Павел Иванович! Главная группировка врага по-прежнему сосредоточивается напротив основания Курского выступа (в направлении на Поныри). И насчет передачи части ваших сил судите сами: передадите — в таком случае за свои тылы можете не беспокоиться; если же нет, то ждите в спину удара Моделя с танками. Что для вас лучше? А, первое! Ну и прекрасно!

Истоки человеческого, бережливого отношения к людям у К. К. Рокоссовского шли от воспитания в коллективах рабочих — железнодорожников, ткачей, каменотесов, в армейской среде, где он провел большую часть жизни, где он жил, работал и научился уважительному отношению к труду и трудовому человеку. От рабочих-большевиков его

умение ясно мыслить, от них — революционная закалка, активный гнев против угнетателей и поработителей трудового народа.

Константин Константинович высоко ценил творческую мысль коллектива, тщательно оберегал дружбу и сам был душой творческой мысли, не допускал ссор, недоговоренностей, особенно тех, которые могли отразиться на интересах дела.

Вспоминается Днепровская операция на лоевско-речицком направлении, где решалась судьба разгрома гомельской группировки немецко-фашистских войск. К середине октября 1943 года войска левого крыла фронта прочно стояли на Днепровском плацдарме и могли развивать дальнейшее наступление в полосе действий Шестьдесят пятой армии либо в полосе Шестьдесят первой армии, которой командовал генерал П. А. Белов. Третье направление, в обход Гомеля с юга, могло также сулить выгодные условия, так как Сорок восьмая армия имела за собой междуречье Сож — Днепр. Каждый из нас, командармов, стремился, получив усиление резервами фронта, развить операцию с целью овладения всей правобережной частью Белоруссии. Каждый из нас с надеждой и тревогой ожидал решения командующего фронтом. Оно должно было дать окончательный ответ на вопрос, на каком направлении будет развиваться фронтальная наступательная операция за освобождение Белоруссии.

20 октября 1943 года на КП Шестьдесят пятой армии в местечко Лоев прибыл Рокоссовский, а с ним командармы П. Л. Романенко и П. А. Белов. Лоев дымился после налета пикирующих бомбардировщиков. С севера слышался грохот артиллерийского боя.

— Мы к тебе поужинать, Павел Иванович. Угощай!

На столе появилась большая оперативная карта. Красные стрелы показывают направления ударов.

— Мы рассчитывали, — говорит Рокоссовский, — что прорыв вражеской обороны на берегу Днепра откроет путь к непрерывному наступлению. Не получилось. Противник стянул на направление нашего наступления пять дивизий. Он оказался более мобильным, чем мы ожидали. Но и он, в свою очередь, допускает еще более грубую ошибку: вместо того чтобы занять жесткую оборону, гитлеровцы непрерывно наносят удары. Я считаю, что это выгодно нам. Как вы, товарищи, думаете?

— Бессспорно, — соглашается Белов. — Надо стоять

на месте, перемолоть вражеские резервы. Затем удар, прорыв, и перед Шестьдесят пятой может открыться перспектива выхода на оперативный простор.

— Да, перспектива очень заманчивая, — поддерживает и командарм-48 Романенко.

— Вот именно! — продолжает командующий фронтом. — Если Шестьдесят пятая армия прорвет надвинские позиции, выйдет на коммуникации противника, то гомельская группировка врага окажется в очень тяжелом положении. Однако для такого удара армия должна иметь крупные силы и резервы...

И хотя на эти-то силы и резервы каждый из командармов и рассчитывал, аргументация Рокоссовского неотразима, причем его доводы — это и их доводы. Они также понимают теперь своеобразие замысла командующего фронтом и разделяют его точку зрения. Раньше на почве возможного получения сил и резервов именно в свою армию между командармами и их штабами возникали известные трения. А вот теперь в ответ на последние слова Константина Константиновича Белов и Романенко единодушно его поддерживают:

— Конечно, конечно...

— Значит, договорились. Мнение у нас единое. Предлагаю тост за успех!

В дверь заглянул Ф. И. Липис — начальник оперативного отдела армии. Выражение лица тревожное. Мне все понятно, и я обращаюсь к командующему:

— Прошу разрешения удалиться на НП. Обстановка напряженная.

— Идите, Павел Иванович. Я останусь, заночую здесь... А вы? — обращается Рокоссовский к Белову и Романенко.

— Поедем, товарищ командующий. У нас ведь тоже дела.

— Не смею задерживать.

Попрошавшись, гости садятся в машины. Липис, все время следующий за мной, докладывает:

— Кавдивизия отошла на полтора-два километра. Остановилась. Противник тоже дальше не пошел.

— Надо немедленно восстановить положение. Усильте кавалеристов стрелковым полком из резерва. Свяжитесь с комкором Б. С. Бахаровым. Пусть поддержит контратаку двумя батальонами танков.

Полковник уходит выполнять полученные распоряжения. Затем вновь возвращается:

— Генерал Бахаров возражает против использования сил корпуса в качестве танков непосредственной поддержки пехоты и кавалерии.

— Что он сюда, наблюдателем приехал? Пусть выполняет приказ.

Услышав громкий разговор, Рокоссовский вышел на крыльцо.

— Что случилось, Павел Иванович?

— Конники понялись. Сейчас восстановим.

— Зайдите, — приказал командующий. — Давайте карту.

Липис развернул карту и показал участок боя.

— Что предпринимаете и намерены делать?

— Кавалеристы с резервным стрелковым полком контратакуют с фронта, а двумя танковыми батальонами из корпуса Бахарова, расположенными на этом направлении, ударим по флангам.

— Хорошо, действуйте.

Танки выдвинулись на заданные рубежи. Удар с пехотой получился дружный. Гитлеровцы дрогнули и отошли. Положение на участке кавдивизии было восстановлено. Противнику удалось поджечь три наших танка. Стрелки и кавалеристы потерь не понесли.

Вся ночь на наблюдательном пункте армии прошла в ожидании новых ударов противника. Однако их не последовало.

В исторической битве между Доном и Волгой, при разгроме совместно с другими фронтами немецко-фашистских войск на Курской дуге, освобождении Лео- и Правобережья Днепра, во всем блеске проявился полководческий талант и полководческий почерк К. К. Рокоссовского. Блестящее выполнение этих стратегических задач — это новые страницы, вписанные в советское военное искусство и военную науку. Его решение на передачу всех резервов фронта — двух танковых корпусов, двух кавалерийских и артиллерийского корпуса — в Шестьдесят пятую армию для прорыва надвинского рубежа и развития операции служит примером воспитания у подчиненных чувства ответственности, умения преодолевать местнические тенден-

ции в интересах общего дела. Это образец доверия к подчиненным и веры в людей.

Все резервы фронта приведены в действие, да еще в составе одной армии! Оригинальное решение. Рискнуть на такой шаг можно, когда способен предвидеть ход и исход событий. Искусство смелого маневра — несомненный признак полководческого таланта и искусства К. К. Рокоссовского.

О Белорусской операции, в частности о ходе событий на бобруйском направлении, много написано. Достиженные советскими войсками успехи были оценены достойно. Заслуги, талант и военное мастерство полководца, руководившего ими, нашли высокую оценку со стороны партии, правительства и советского народа — 29 июня 1944 года К. К. Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза. Мы, его соратники, были безгранично рады и по-человечески счастливы.

Оригинальность решения К. К. Рокоссовского в этой операции — два удара — известна, и повторяться не следует. Можно напомнить лишь о том обстоятельстве, что быстрый успех был достигнут войсками юго-западной ударной группировки. Если фронтовым планом операции предусматривался выход войск Шестьдесят пятой армии к Бобруйску и Двадцать восьмой армии на внешний фронт Глусск, Любань на восьмые-девятые сутки, то войска ударной группировки названных армий эту задачу решили к исходу четвертых суток наступления. Сам ход и развитие операции «Багратион» блестяще подтвердили правильность принятого К. К. Рокоссовским решения — нанесение двух мощных ударов по сходящимся направлениям.

Мне не раз пришлось наблюдать совместную работу Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского по выполнению заданий Ставки Верховного Главнокомандования в битве под Сталинградом, при освобождении Белоруссии, в ходе борьбы на Наревском плацдарме. И я могу твердо сказать, что мы всегда видели исключительно дружную, целенаправленную и согласованную деятельность этих крупнейших наших военачальников. Главным и определяющим в их взаимоотношениях было высокое стремление к единой цели: к победе над сильным, коварным и свирепым врагом — германским фашизмом. Их отношения отличались глубоким взаимным уважением, искренними товарищескими чувствами дружбы.

В дни подготовки к сражению в Белоруссии мне запомнился такой эпизод. Незадолго перед началом Бобруйской операции представитель Ставки Верховного Главнокомандования Жуков избрал местом своего пребывания пункт на участке правой — северной — ударной группировки войск (Третья и Сорок восьмая армии). А командующий Первым Белорусским фронтом Рокоссовский решил разместить свой командный пункт в районе действий войск левой — южной — ударной группировки (Шестьдесят пятая, Двадцать восьмая армии и конно-механизованная группа И. А. Плиева). Мы были свидетелями, как перед убитыми на свои направления оба военачальника искренне желали друг другу успехов в предстоящем сражении за освобождение Белоруссии. При этом Жуков сказал Рокоссовскому: «Мы вам подадим руку помощи через Березину». На это командующий фронтом не менее убежденно ответил, что левая ударная группировка своими успехами облегчит выполнение боевой задачи правой, а не наоборот.

Как уже было сказано, наибольший успех в развитии наступления на бобруйском направлении действительно сопутствовал левой ударной группировке войск Первого Белорусского фронта. Прибыв спустя некоторое время после начала операции на новый командный пункт нашей армии в районе населенного пункта Гомза, Жуков не преминул засвидетельствовать этот факт. По-дружески поздравив Рокоссовского, он сказал: «Оказывается, все же вы первыми подали нам руку помощи». Тогда же от имени Верховного Главнокомандования маршал Г. К. Жуков вручил мне золотые часы с удостоверением — наградой за успехи, достигнутые в начале Бобруйской операции.

А потом оба военачальника в присутствии командования армии совместно обсудили план ликвидации паричской группы немецко-фашистских войск, угрожавшей правому флангу Шестьдесят пятой армии. Чтобы парировать эту угрозу и способствовать быстрому наступлению Шестьдесят пятой, они пришли к выводу о необходимости ускорить продвижение Сорок восьмой армии вдоль Березины.

После Бобруйской операции Шестьдесят пятая армия стремительно развивала наступление в направлении Барановичи, Беловежская Пуца, Гайновка, Клещели, где завязала тяжелые бои с крупными вражескими силами. Гитлеровское командование, чтобы не допустить выхода нашей армии на Западный Буг, силами двух тан-

ковых, в том числе и танковой дивизии СС «Викинг», и двух пехотных дивизий при поддержке крупных сил авиации нанесло контрудар по нашим войскам. Тогда мне еще раз наглядно пришлось убедиться в том, как дружно и согласованно действовали командующий фронтом и представитель Ставки в чрезвычайно сложных условиях обстановки. Благодаря быстрой помощи, оказанной нам резервами фронта, контрудары врага были ликвидированы в течение суток, и войска Первого Белорусского смогли продолжить наступление на варшавском направлении.

Думаю, что не ошибусь, назвав Белорусскую операцию одним из самых замечательных достижений в блестящей полководческой деятельности К. К. Рокоссовского. Однако сам он, будучи человеком весьма скромным, никогда и нигде не подчеркивал своих личных заслуг в этой операции. В этой связи я позволю себе привести выдержку из воспоминаний Рокоссовского «Солдатский долг», где он прямо подводит итог своим раздумьям по поводу свершенного.

«Оглядываясь на пройденный путь, — писал Константин Константинович, — мы с чувством глубокого удовлетворения видели, что группа фронтов под руководством Ставки блестяще осуществила Белорусскую операцию. В результате была разгромлена группа армий «Центр» и нанесено крупное поражение группе армий «Северная Украина», освобождена Белоруссия, большая часть Латвии, значительная часть польских земель к востоку от Вислы. Советские войска форсировали реки Неман, Нарев и подошли к границам Восточной Пруссии. Немецко-фашистские войска потерпели крупное поражение.

Первый Белорусский фронт внес свой вклад в это большое дело.

Успех наших войск в Белорусской операции, на мой взгляд, в значительной мере объясняется тем, что Ставка Верховного Главнокомандования выбрала удачный момент. Советское командование, в руках которого находилась полностью стратегическая инициатива, сумело всесторонне подготовить операцию, обеспечить тесное взаимодействие четырех фронтов.

Благодаря героическим усилиям советского народа, руководимого Коммунистической партией, к началу операции и в ходе ее фронт получал в достаточном количестве вооружение, боеприпасы, продовольствие и всю необходимую технику».

Рокоссовский говорит далее о разработке в соответствии с директивой Ставки командованием и штабом фронта подробного плана предстоящей операции, об определении ими направления ударов и постановке конкретных задач каждому соединению. Но он опять-таки не выпячивает своих личных заслуг, а подчеркивает, что все это делалось совместно с командующими родами войск и служб, при участии командармов. Константин Константинович воздает должное инженерам и связистам, тыловикам, сумевшим подвезти все нужное фронту и создать запасы, и снабженцам, благодаря самоотверженным усилиям которых фронт не ощущал перебоев в снабжении. Он говорит о заслугах работников штаба фронта, хорошо организовавших управление войсками и тесное взаимодействие, о командующих армиями, продемонстрировавших исключительно высокий уровень оперативного искусства, о командирах всех степеней, получивших боевой опыт в предшествовавших сражениях и умело руководивших войсками. Но главных творцов победы он видит в рядовых тружениках войны — советских солдатах, вращенных и воспитанных Коммунистической партией:

«Успехом операции мы были обязаны возросшему мастерству, исключительно мужеству, выносливости и массовому героизму наших воинов. Сражаясь в условиях труднопроходимой местности, они были отважны и неутомимы, их не могли остановить ни вражеский огонь, ни болота, ни бесчисленные реки и речушки... Политические органы, партийные и комсомольские организации сумели сплотить коммунистов и комсомольцев, воодушевить войска на преодоление всех трудностей».

Когда говоришь о К. К. Рокоссовском как о человеке и прославленном полководце нашего времени, нельзя не сказать о нем как о коммунисте-интернационалисте. Каждый, кто знает и встречался с Рокоссовским, видел в нем глубоко партийного человека, прошедшего за свою жизнь большую политическую школу, проявившего свою верность партии, выдержку и стойкость в борьбе за великое учение марксизма-ленинизма.

У меня сохранились в памяти события второй половины 1944 года, когда мы вышли со своими войсками на ближние подступы к государственным границам Польши. Военный совет фронта при исключительно активной деятельности лично К. К. Рокоссовского, при огромной помощи Политического управления фронта, широко раз-

вернул работу в войсках по разъяснению основ ленинских принципов пролетарского интернационализма. Всеми формами партийно-политических мероприятий, использованием всех средств (фронтовая, армейская, войсковая печать, радио, семинары, инструктажи руководящего состава войск) партийно-политической работы командование заботилось о воспитании личного состава в духе подлинного равноправия, уважения суверенитета освобождаемых Советской Армией районов Польши. Командующий фронтом требовал от всех нас организовать дело так, чтобы исключить случаи проявления национальной ограниченности, великодержавного шовинизма со стороны наших воинов, направить всю энергию и умение на укрепление единства, сплоченности в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, против империализма, за мир и социализм.

Командующий и Военный совет Первого Белорусского фронта наряду с оперативными задачами должны были решать сложные политические вопросы, обусловленные вступлением наших войск на территорию соседнего государства. Войска фронта сразу же оказались на переднем крае ожесточенной классовой идеологической борьбы между силами демократии и буржуазной реакции, причем не только польской, но и международной.

Уместно хотя бы в самых общих чертах напомнить, что в тот период агентура международной реакции в лице лондонского польского эмигрантского правительства, правых элементов буржуазных и мелкобуржуазных партий и их вооруженных отрядов — Армии Крайовой (АК) и батальонов хлопских — вели яростную борьбу с принявшим власть над освобожденной советскими войсками территорией Польским комитетом национального освобождения (ПКНО). Ни этот комитет, ни сама Польская рабочая партия, испытывавшая острую нужду в подготовленных кадрах, не могли быстро овладеть положением на местах и создать органы власти взамен прогитлеровских, ликвидированных в освобожденных Советской Армией районах.

Используя создавшуюся ситуацию, реакционеры делали все, чтобы взбудоражить население, опорочить политику Коммунистической партии и Советского правительства, посорить польский и советский народы. Не только злобная националистическая пропаганда, но и прямые провокации и террористические акты пускались в ход враждебными империалистическими силами. Жертвами террористов и националистов стало более ста боевых офи-

церов и солдат из разных соединений Первого Белорусского фронта. Отряды Армии Крайовой переодевались в форму воинов Советской Армии, а затем нападали на населенные пункты, терроризировали и грабили местное население, убивали польских активистов, пытаясь тем самым дискредитировать Советскую Армию. Наряду с этим распространялись всякие провокационные клеветнические слухи и в отношении армии Войска Польского. Цель одна — любой ценой посорить польский и советский народы, посеять вражду между ними, всячески затруднить создание новой, демократической Польши.

Ясно, что в этих условиях Военному совету фронта, а значит, и командующему приходилось повседневно заниматься решением неотложных политических вопросов. Вспоминая обо всем этом, бывший член Военного совета Первого Белорусского фронта генерал К. Ф. Телегин писал: «Нас почти ежедневно запрашивали из Москвы, с какими политическими партиями кроме (ППР) мы установили контакт, каково их поведение и отношение к ПКНО, как ведут себя аковцы, кто ими руководит и т. д.»

Одним из важных средств борьбы за укрепление фронтового тыла, очищение его от аковских банд стало создание военных комендатур в волостях, уездах и городах на освобожденной территории. К. К. Рокоссовский поддерживал инициативу Военного совета, разработавшего проект «Положения о военных комендатурах» и инструкции военным комендантам. Эти документы получили затем положительную оценку в Генштабе и впоследствии рассылались другим фронтам.

Забываясь об усилении идеологической работы в войсках, командующий фронтом К. К. Рокоссовский постоянно интересовался тем, какую помощь оказывают войсковые политорганы местным административным и политическим организациям в развертывании политической и культурно-воспитательной работы. При его активной поддержке Политуправление фронта развернуло большую работу по разъяснению политики СССР в Польше, освободительной миссии Советской Армии, ознакомлению местного населения с жизнью и героической борьбой советского народа. При Политуправлении фронта начало действовать специальное отделение по работе среди польского населения, стала издаваться на польском языке ежедневная газета «Вольносьц».

Командующий войсками фронта издал ряд строгих

приказов о сохранении ценностей и имущества польского государства. Наша Шестьдесят пятая армия освобождала от немецких захватчиков Беловежскую пуцу. И вот в целях сохранения фауны, редких животных и зверей Рокоссовский издал специальный приказ по этому поводу с предупреждением, что лица, нарушившие его, будут строго наказаны.

Надо сказать, что без происшествий в этом смысле все же не обошлось. Разведчики артиллерийской бригады полковника Прохорова, успешно наступая по центру Беловежской пуцы, увидели огромного зубра. Разведчики — бывалые воины, не боявшиеся живых гитлеровцев, — на этот раз испугались. Действуя по принципу: о замеченном доложи, они прибыли к своему комбригу Прохорову и сообщили о зубре. Командир бригады, как азартный охотник, мгновенно вооружившись автоматом, прибыл к кормушке, где по-прежнему стоял зубр... В общем приказ командующего фронтом оказался нарушенным. Я, как командарм, должен был доложить Рокоссовскому о ЧП — «чрезвычайном происшествии». Признаюсь, что, хотя я строго отчитал Прохорова за необдуманный поступок, мне все же хотелось смягчить его вину в глазах командующего фронтом. Офицер он был боевой, заслуженный, никаких упущений по службе за ним прежде не замечалось.

Между тем войска успешно выполнили задачу. Захватили в целости музей фауны Беловежской пуцы, потушили горевшие здания, принадлежащие музею, и вышли на заданный рубеж. В этих боях отличились и артиллеристы бригады Прохорова. Зная К. К. Рокоссовского как отличного охотника, прекрасно разбирающегося в различных случаях, связанных с охотой, я решил повременить с наказанием Прохорова. Дня через два на командно-наблюдательный пункт армии прибыл К. К. Рокоссовский для уточнения новой задачи армии. Он впервые был в этот раз в форме Маршала Советского Союза.

После разбора вопросов, связанных с новой задачей, я, подыскивая осторожные выражения, стал докладывать о имевшем место «чрезвычайном происшествии». Доложил, что виновный установлен, им является командир артиллерийской бригады Прохоров. Знаю его как храброго, талантливого артиллериста, отличившегося в Бобруйской операции, за что он получил правительственную награду. Но в данном случае он сорвался, охотничья жилка взяла верх над рассудком...

Рокоссовский нахмурился и молча слушал. Ну, думаю, надо на его чувствах охотника сыграть.

— Товарищ командующий! Если бы на вас сейчас вон откуда, из леса, вышел зубр, вы бы удержались, не выстрелили?

— Бьешь по слабому месту, Павел Иванович. Это нечестно. Я бы, конечно, не выстрелил, сдержался... С твоей просьбой, однако, соглашусь. Думаю, что плохого офицера не стал бы так рьяно защищать.

Тут же Прохорова вызвали к командующему. Он дал Рокоссовскому подробное объяснение проступка, признал свою вину и объявленный ему выговор принял как должное...

Рассказанный мной эпизод с известными оговорками можно отнести к категории неприятных, не больше: в то время командующему фронтом, как уже говорилось, сплошь и рядом приходилось решать несравненно более сложные вопросы, связанные с политическим положением в Польше.

Выйдя в результате грандиозного летнего наступления к Висле, Первый Белорусский фронт исчерпал свои наступательные возможности и перешел к обороне. Аргументы для такого решения были более чем веские: враг оказывал ожесточенное сопротивление, в августе и первую половину сентября войска Первого Белорусского фронта потеряли на территории Польши значительное количество своих сил и средств. Одна только Вторая танковая армия в боях за Люблин, Демблин, Пулавы и на подступах к Праге (Варшавской) лишилась 500 танков и самоходно-артиллерийских установок. А противник резко наращивал силы. На Вислу, южнее Варшавы, где советские войска 25 июля захватили плацдарм, под конец августа вновь прибыли две танковые и пять пехотных немецко-фашистских дивизий, а также четыре пехотные и моторизованные бригады. Усилила активность вражеская авиация. Так, с 1 по 13 августа наша авиация произвела 3170 самолетово-вылетов, а немецко-фашистская — 3316.

Продолжать наступление при таких условиях фронт не мог. Однако реакционные круги западных держав и их ставленники из лондонского польского эмигрантского правительства как раз и старались спровоцировать советское командование на продолжение наступления именно потому, что оно могло закончиться серьезной неудачей для нас. Таким путем реакционеры рассчитывали получить

возможность захвата власти в Варшаве и Западной Польше.

Вот почему присланные в Варшаву эмиссары лондонского правительства организовали кровавую авантюру с преждевременным восстанием, стоившим жизни тысячам польских патриотов. Оно заранее было обречено на поражение при открытой враждебности со стороны реакционных представителей лондонского эмигрантского правительства к советскому командованию и явном нежелании поддерживать с ним какой-либо контакт.

В те дни К. К. Рокоссовский, находясь в Праге (Варшавской), с грустью и болью смотрел на покрытую дымным смрадом Варшаву — город его детства и юности. Преждевременное восстание, осуществленное политическими авантюристами из так называемого польского правительства в Лондоне, обрекало красавицу Варшаву на разрушение. Что он мог сделать, как помочь? Моросил мелкий дождь. С той стороны Вислы раздавались взрывы, ветер доносил запах гари...

«Разыгравшаяся трагедия, — писал он спустя много лет после тех событий, — не давала покоя. Сознание невозможности предпринять крупную операцию для того, чтобы выручить восставших, было мучительным».

Но он делал все, что можно было сделать в тех условиях, чтобы облегчить участь Варшавы и варшавян, последовавших призыву авантюристов. Наши самолеты доставляли повстанцам оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Авиация фронта по заявкам восставших прикрывала их районы с воздуха, бомбила и штурмовала немецкие войска в городе. В помощь повстанцам были привлечены силы зенитной и наземной артиллерии. Для связи и корректировки огня к восставшим сбрасывались на парашютах советские офицеры. Расширяя помощь восставшим, Рокоссовский решил высадить сильный десант на противоположный берег Вислы, в Варшаву. Туда переправились десантные подразделения польской армии. Однако руководители повстанцев пошли на прямое предательство, отдав гитлеровцам те участки берега, на которые высаживались десантники. Реакционеры привели восстание к трагическому концу.

Подготовка нового наступления с целью полного окончательного освобождения Польши потребовала, как известно, значительного времени. И как раз в тот момент,

когда она заканчивалась, Рокоссовский получил из Ставки Верховного Главнокомандования приказ о его назначении командующим Вторым Белорусским фронтом.

Приближался 1945 год — год нашей победы. Совсем не за горами было начало крупнейшего наступления советских войск от Вислы к Одеру. В таких условиях Рокоссовскому не хотелось бы, конечно, получать новое назначение, жаль было ему и расставаться с испытанными соратниками, которые прошли вместе с ним большой боевой путь. Правда, ему было разрешено взять из штаба фронта всех, кого пожелает. Но, понимая, что в канун крупной фронтовой операции подобные перемещения вряд ли целесообразны, Рокоссовский отказался воспользоваться предоставленной возможностью и сказал:

— Этого я не хочу. Сейчас на всех фронтах штабы хо-рошие.

Командуя Вторым Белорусским фронтом в заключительных операциях Великой Отечественной войны, маршал Рокоссовский быстро сумел сработаться с новым фронтовым управлением. Он так же, как и прежде, сумел сплотить и мобилизовать усилия всех работников штаба на образцовое выполнение стоявших перед фронтом боевых задач.

Одно из обязательных качеств, каким должен обладать полководец, — умение подобрать и воспитать кадры, особенно кадры своих ближайших соратников и помощников. Они, если хотите, должны быть чем-то похожи на самого полководца, быть достойны работать рядом с ним, иметь моральное право говорить, принимать решения и действовать от его имени. Нелегкое это дело! Но и в этом отношении К. К. Рокоссовский выступает как талантливый руководитель. Он умел любовно, терпеливо воспитывать свой штаб, который и отличался слаженностью, был творческим инициативным коллективом. Его ближайшие помощники росли и мужали вместе со своим командующим. Великолепный и поучительный факт! Общее, что роднило всех их с Рокоссовским, — это партийность, личное мужество, необычайная работоспособность, глубокое знание своего дела, организационные способности, железная дисциплинированность, высокая требовательность к себе и к подчиненным.

После окончания войны в Европе Константин Константинович возглавил руководство группой советских войск,

дислоцировавшихся на территории Польской Народной Республики. Нашим войскам также выпала честь вместе с польскими трудящимися выполнять интернациональный долг по защите завоеваний социализма.

Я поэтому снова и снова имел возможность непосредственно наблюдать за деятельностью прославленного советского полководца, непоколебимо верного принципам пролетарского интернационализма.

Военный совет, Политуправление группы войск при активном участии лично К. К. Рокоссовского установили прочные и широкие связи с правительственными, общественными организациями, политическими партиями, с военными округами Войска Польского. И в пунктах дислокации советских воинских частей также была налажена самая тесная связь с местными правительственными и общественными организациями. По решению Военного совета и главнокомандующего Северной группы войск личный состав наших частей и подразделений оказывал действительную помощь братскому народу в восстановлении народного хозяйства страны. Силами политорганов и партийных организаций наших войск проводилась большая политико-воспитательная работа среди польского населения. Наши агитаторы и пропагандисты неустанно разъясняли местным жителям смысл происходящих событий, показывали необходимость борьбы за мир, за социализм, национальную независимость и демократию.

В июне 1948 года состоялось решение о переводе части наших войск для постоянного дислоцирования на территории СССР. Константин Константинович с большим вниманием отнесся к нуждам Войска Польского. Ему были переданы освободившиеся помещения, казармы, склады, лечебные учреждения. Рокоссовский сам лично следил за тем, чтобы передаваемые фонды, помещения, казарменный инвентарь и т. д. находились в должном порядке. В торжественной обстановке в присутствии представителей польской общественности города Волбжих (Вальденбург) под его руководством происходила передача нашим братьям по оружию Дома офицеров, библиотеки, поликлиники и других объектов.

В тот день представители городских властей и польских общественных организаций высказали много добрых и искренних слов благодарности в адрес советского народа и его Вооруженных Сил, в адрес нашего командования и лично К. К. Рокоссовского.

За три дня до его смерти я видел Константина Константиновича, и мы говорили о Курском сражении, на празднование 25-летнего юбилея которого я собирался поехать. Разговор у нас вскоре переключился на книгу воспоминаний, над которой он работал в последние годы. Он работал над нею, будучи уже тяжело болен, и, зная об этом, спешил завершить начатый труд. Он очень хотел увидеть эту книгу, которую назвал «Солдатский долг».

Маршал Рокоссовский скончался за несколько месяцев до выхода книги в свет. Он умер как солдат, словно через двадцать с лишним лет его настиг осколок снаряда, который разорвался на той долгой и трудной войне.

Мне удалось прочитать книгу воспоминаний Константина Константиновича уже после его смерти. Как и в прежних своих воспоминаниях, так и в «Солдатском долге» он как бы снимает ретушь со старых фотографий, дает возможность каждому из тех, кто читает ее, оценить величие подвига нашего народа, наших солдат, не только выстоявших в битве с коварным и сильным врагом, но и разгромивших чудовищный гитлеровский фашизм. Он глубоко логичен и правдив в своих воспоминаниях. Его жизненные наблюдения подводят к глубоким выводам о силе и непобедимости советского строя, о мудром руководстве Коммунистической партии Советского Союза, сумевшей в дни самых суровых испытаний сплотить наши народы, организовать отпор врагу. Через всю книгу проходит картина напряженной, кровопролитной борьбы за честь, свободу и независимость Советской Родины. Такой же напряженной, насыщенной борьбой за счастье Отчизны и народа была вся жизнь Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

Он завершает книгу небольшой главой, которую назвал «Счастье солдата». Словами из этой заключительной главы я и закончу свой рассказ о нем — славном советском полководце:

«Объезжаем войска. Они теперь размещены на огромном пространстве — от побережья Балтийского моря до предместий Берлина... Дорога пролегает через густой лес. И вдруг шоссе загрохотала колонна солдат. Знакомые темно-зеленые мундиры. Немцы! Рука невольно тянется к пистолету. Но не успел его выдернуть из кобуры. Спыхватился: война-то ведь кончилась!..»

Офицер, с несколькими бойцами сопровождавший пленных, доложил, куда следует колонна. Машина трону-

лась, но долго еще на обочине тянулась вереница пленных. Казалось, и конца им не будет.

А ведь совсем недавно у этих людей было оружие. Сколько усилий и жертв потребовалось, чтобы выбить его из рук и повергнуть в прах фашистский режим, который посылал их убивать, порабощать и грабить. Это сделали мы, солдаты Страны Советов.

И в моей душе росло чувство гордости за наших воинов, за наш народ, который в титанической борьбе поставил врага на колени. Гордости за то, что и я принадлежу к этому народу-великану и что какая-то крупница и моего труда заложена в одержанной победе.

Вот в этом он видел счастье солдата!

Генерал армии П. БАТОВ

Маршал бронетанковых войск

ПАВЕЛ РЫБАЛКО

Рыбалко и Мельников торопились в Москву. Их камуфлированный, пропахший дорожной пылью и бензином «виллис» легко бежал в утренней свежей рани по пустынному асфальту. Когда шоссе оставляло позади зеленые косогоры и вырывалось к железнодорожным переездам, приходилось перед полосатым шлагбаумом надолго останавливаться. На юг, к Орлу и Курску, густо шли нескончаемые военные эшелоны. Оба генерала особенно внимательно, ревниво вглядывались в платформы, уставленные не прикрытыми брезентом серо-зелеными родными «тридцатьчетверками».

Адъютант командующего примостился на непривычном месте — рядом с водителем, а сам Рыбалко и член Военного совета поместились на заднем сиденье, плечо в плечо.

Молчали оба. Курили только почти безостановочно.

Мельников время от времени незаметно, краем глаза, поглядывал на командующего. Тот каменно, несутуло сидел, поставив меж колен свою палочку, и смотрел невидящим тяжелым взглядом на пролетающие мимо перелески, деревенские постройки, заводские прокопченные корпуса.

Без малого год назад, адски трудным летом сорок второго, почти таким же тяжелым, как первое военное лето, в этих близких к столице тульских и калужских местах приняла боевое крещение только что созданная Третья танковая армия.

Когда в трудных для нас боях у Воронежа погиб командующий Пятой танковой армией генерал А. И. Лизюков, вызвала Ставка в Москву руководство Третьей танковой армии. Поехали ее командующий генерал Романенко Прокофий Логвинович и член Военного совета бригадный комиссар Мельников Семен Иванович. «Немцы, — сказали им в Ставке, — хвастливо уверяют, что уничтожили Пятую армию. Что вы можете дать ей из своих частей?»

Командарм-3 понял ситуацию и по-товарищески щедро поделился с Пятой: дал танковые и стрелковые части. И тут же предложил: чтобы ослабить удар противника на Сталинград, Третья танковая развернет наступление на Орел, Мценск.

Их поблагодарили за инициативу, но тотчас же сообщили, что наступать мы не будем: Ставка не может рисковать своим единственным танковым резервом. Тут же Военному совету Третьей танковой объявили, что командовать Пятой будет теперь Романенко. Генерал ответил: «Есть!» — и попросил себе Мельникова членом Военного совета. Однако получил отказ: бригадный комиссар останется в Третьей танковой армии. На вопрос, кто может пойти командующим на Третью, Романенко, точно у него давно был готов ответ, сказал:

— Мой заместитель генерал-майор Рыбалко.

— Он не справится с армией. У него нет достаточного боевого опыта в командовании танковым объединением.

Но Романенко был не робкого десятка и слыл в военных кругах как человек, всегда отстаивающий свою точку зрения.

— Справится, — упрямо сказал Прокофий Логвинович. — В Рыбалко я совершенно уверен — новой должности он соответствует. Боевой, растущий генерал.

Спросили мнение Мельникова:

— А комиссар как смотрит?

И Мельников так же твердо, как Романенко, отвечал, что хорошо знает Рыбалко и ручается, что с новым назначением он справится.

— Ручаетесь, комиссар?

— Ручаюсь!

Разумеется, бригадный комиссар Мельников достаточно четко представлял себе меру личной ответственности за эти свои краткие, но столь емкие слова «Рыбалко справится» и «ручаюсь». Он понял причину опасений Ставки: до весны сорок второго Рыбалко участия в войне не принимал; его многочисленные рапорты по начальству и просьбы к старым сослуживцам замолвить слово перед Верховным Главнокомандующим об отправлении в действующую армию были безрезультатны; Павел Семенович руководил кафедрой в одном из военно-учебных заведений и был в нем заместителем начальника по учебной и научной работе, следовательно, современного боевого опыта не имел; в должности заместителя командующе-

го армией находился считанные месяцы, к тому же еще при таком боевом и властном командарме, как Романенко, который все привык делать сам и Павлу Семеновичу не очень-то давал развернуться.

И все же за полгода совместной боевой страды — с весны до осени — Мельников близко узнал Рыбалко, полюбил и, главное, уверовал в его командирский талант, в большую человеческую душу. Павел Семенович, герой гражданской войны, кавалерист, «академик», военный атташе, теперь учился настойчиво, обстоятельно овладевая наукой, побеждать врага в условиях современного боя. И делал это успешно — в него можно было поверить!

А уж если Мельников в ком-то был уверен, он считал главным своим партийным долгом отстаивать свое мнение, что и сделал, хотя знал точно, что это мнение может вызвать неудовольствие Верховного.

То ли единое твердое мнение Романенко и Мельникова относительно назначения Рыбалко повлияло на решение Ставки, то ли в то трудное время не оказалось более подходящей кандидатуры на должность командарма-3, то ли по иной какой причине, но приказом Ставки от 25 сентября 1942 года генерал-майор Рыбалко был назначен командующим Третьей танковой армией.

И вот теперь, спустя семь месяцев, 26 апреля 1943 года, приказом Ставки Третья танковая преобразовывалась в общевойсковую, а ее командующий генерал-лейтенант Рыбалко от должности освобождался.

Рыбалко и Мельников с этим решением не согласились. Они добились, чтобы их вызвала Москва для объяснения. Оба единодушно готовы были отстаивать право своей армии существовать как танковой, а не общевойсковой, и настаивать на отмене апрельского приказа даже перед самим Верховным.

Армия не заслуживала подобной участи! Мощная, грозная на полях сражений, она сейчас казалась Рыбалко и Мельникову по-детски беспомощной, нуждающейся в их защите, чтобы быть, существовать, драться...

Тогда, в 1942 году, Ставка дальновидно и твердо распорядилась своим единственным танковым резервом — приберегла его для зимнего нашего наступления. 14 января 1943 года в составе войск Воронежского фронта Третья танковая начала наступление из района северо-западнее Кантемировки.

Лютой была минувшая зима — морозной, многоснежной. Сосредоточение танковых корпусов в исходных районах задерживалось из-за невероятных заносов. Стрелковые соединения армии медленно прогрызали мощную долговременную оборону противника, и, чтобы ускорить прорыв, Рыбалко по приказу командующего войсками фронта ввел в сражение оба своих танковых корпуса — Двенадцатый и Пятнадцатый.

Уже 16 января танки вырвались на оперативный простор и повели пехоту, охватывая всю острогожско-россошанскую группировку противника. Не помешали ни пурга, ни бездорожье, ни сопротивление врага. Рыбалко строго приказал своим командирам корпусов и бригад не вязаться в затяжные бои, а рваться вперед, резать коммуникации, громить подходившие резервы. Комкомры Зинькович и Копцов отлично справились с задачей — уже к исходу пятого дня операции вражеская группировка в составе тринадцати дивизий оказалась в кольце окружения, а затем менее чем за две недели была рассечена на две части, разгромлена, частью ликвидирована, частью пленена. Только Третья танковая уничтожила и взяла в плен свыше 100 тысяч солдат и офицеров противника.

Никакое сопротивление врага не могло остановить могучего порыва танкистов и пехотинцев!

Еще елозили внутри кольца окружения фашистские танковые и гренадерские дивизии, еще слали им транспортные «конкеры» с продовольствием, боеприпасами и ненужными железными крестами; еще бессонные, обмороженные, неистовые танкисты Рыбалко дрались и умирали в ледяных, просвистанных январской стужей полях, а исход сражения уже был предрешен.

Москва, поздравляя танкистов с блестящей победой, отметила их заслуги: командарм награждался высшим полководческим орденом — Суворова 1-й степени, постановлением Совнаркома ему присваивалось очередное звание. Многие командиры, политработники, солдаты получили ордена и медали.

Так уж случилось: за Россошь — награды, за Харьков — кара...

Под Харьковом не военное счастье изменило — кончился запас выносливости, наступило перенапряжение всех сил. «Моторесурсы отработали», — как говорят танкисты. В корпусах, где полный комплект танков составляет сотни машин, — оставались считанные «тридцать-

четверки». Танкисты, пехотинцы были на пределе физических и духовных сил.

Тяжко пришлось нашим наступающим на Украине армиям под Харьковом. После разгрома противника на Верхнем Дону войска Воронежского фронта двигались вперед без оперативной паузы. Штаб Третьей танковой расположился на окраине только что освобожденного Харькова, корпуса Зиньковича и Копцова и входившие в состав армии стрелковые дивизии продолжали безостановочно продвигаться на запад. Наступление шло в предельно трудных для наших войск условиях, но оно шло, и в эти дни даже фашистская пропаганда устами Геббельса признала: «Мы переживаем на Востоке военное поражение. Натиск противника в эту зиму предпринят с ожесточением, превосходящим все человеческие и исторические представления».

Лихорадочно готовилось вражеским командованием контрнаступление. Против войск левого крыла Воронежского фронта сосредоточилась к 4 марта мощная группировка в составе шести танковых и десяти пехотных дивизий. На направлении главного удара противник при двукратном превосходстве в живой силе обладал еще подавляющим превосходством в танках (более чем в одиннадцать раз), артиллерии, авиации.

Острые танкового удара нацелено было на армию Рыбалко. Но протаранить бронированным кулаком ее боевые порядки враг не смог — он лишь потеснил части армии на несколько километров. Тогда после перегруппировки неприятель ударил встык Третьей танковой и Шестидесят девятой и в образовавшуюся многокилометровую брешь ввел подвижные войска. К концу дня 16 марта Третья танковая дралась уже на западной и северо-западной окраинах Харькова, прикрывая город от наседавшего врага. Командиры танковых корпусов и стрелковых дивизий докладывали командующему: в бригадах боевых машин остались единицы; снарядов к танкам меньше половины боекомплекта; горючее на исходе; поля в ручьях, дороги в грязи, а пехотинцы обуты в валенки; велики потери в живой силе, прибывающее же пополнение из местных мобилизованных не знает нового стрелкового вооружения, да и боеприпасов очень мало...

Через два дня пути отхода армии из города оказались отрезанными. Третья танковая очутилась в окружении.

Рыбалко сидел над картой, черный от горя, забот, уста-

лости. Он только что узнал, что тяжело ранен и вскоре умер комкор-15 Герой Советского Союза генерал Василий Алексеевич Копцов — герой Халхин-Гола, бесстрашный человек, замечательного ума и таланта командир. Во главе корпуса он прорывался к главным силам армии. Танки группы прорыва вышли прямо на командный пункт танкового корпуса СС...

В довершение бед штаб приходилось менять беспрестанно места своего расположения. Едва успели обосноваться на окраине Мерефы и установить связь с корпусами и дивизиями, началась бомбежка. Пришлось перебраться в Харьков, на Холодную гору. Здесь опять налетели «юнкеры». Чьи-то чужие глаза пристально, настойчиво выискивали именно их, танкистов. Переместились на Тракторный, заняли огромное кирпичное здание заводууправления. В предвидении нового налета в комнате командующего на третьем этаже собрался Военный совет армии. Можно драться и в окружении — не это смущало членов Военного совета, но враг, обошедший город, получал возможность беспрепятственно войти до Россосы. Надо было вырваться из кольца, чтобы преградить дорогу противнику, заставить его принять бой в условиях, выгодных не ему, а нам.

Очень трудное, хоть и необходимое, целесообразное, решение предстояло принять или отвергнуть. Пока войска в городе, он — наш, советский, отбитый у врага... Понимая, как тяжело генералу произнести роковые слова, первым нарушил тягостное молчание Мельников: «Павел Семенович, мы должны просить у командования разрешения оставить Харьков...» Рыбалко освобожденно, благодарно взглянул на него: «Я согласен». Послали срочную шифровку командующему Воронежским фронтом генерал-полковнику Голикову. Он ответил, что с доводами Военного совета согласен и доложит Верховному Главнокомандующему о просьбе немедля. В напряженном ожидании Рыбалко и Мельников беспрерывно курили, склоняясь над картой, где синие стрелы злобеще тянулись за Харьков к Северскому Донцу, к Белгороду. Наконец, вышел радист с расшифрованной разрешающей телеграммой фронта, и тут же началась бомбежка. За их ли штабом по-прежнему охотились «юнкеры» или это случайное было совпадение (на Тракторном ремонтировались танки), теперь уже не имело значения. Члены Военного совета пошли к выходу из комнаты, и тут вслед за нарастающим

воем бомбы тяжело рвануло. Полетели стекла, качнулась земля, тугой тротильный взрыв дохнул в лица. Рыбалко и Мельникова разбросало в разные стороны. Поднялись обсыпанные известкой, оглушенные, но целые. Две секции дома отсекла, развалила тяжелая фугаска... Сожгли оставшиеся без горючего машины и в ту же ночь тремя группами (впереди и позади каждой группы прорыва живучие, верные «тридцатьчетверки») начали прорыв на восток. К утру 17 марта, форсировав Северский Донец, вышли к своим, к городу Чугуеву, в расположение войск Юго-Западного фронта. В течение марта держали здесь оборону, успешно отбивая бешеные атаки танкового корпуса СС и не отступая ни на метр.

И тут подоспело непонятное и несправедливое распоряжение: Третью танковую армию преобразовать в Пятьдесят седьмую, общевойсковую...

Они не могли и не хотели примириться с этим решением и восстали против него — разумеется, в пределах строгой регламентации армейских правил. Военному совету Главного автобронетанкового управления Красной Армии послали письмо. Оно было отправлено в апреле, еще до первомайского приказа Сталина, в котором говорилось, что «немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нашим войскам «немецкий Сталинград» и что, однако, «попытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась».

В пространном своем письме члены Военного совета указывали, что за время боевых действий армия прошла свыше тысячи километров, 800 из них — в наступлении; пленила 54 тысячи врагов и 65 тысяч уничтожила; разгромила 15 пехотных дивизий противника, освободила несколько тысяч населенных пунктов; 17 дней в оборонительной операции под Харьковом армия дралась с превосходящими силами врага и город оставила только после разрешения командующего фронтом.

Третья танковая доказала свою боеспособность и живучесть именно как танковая армия. С выводом же танковых корпусов из ее состава в резерв Ставки Третья танковая прекращает свое существование как танковая армия и превращается в общевойсковую, полевую армию.

В целях сохранения боевых традиций танковых войск и воспитания кадров на основе полученного в течение

почти года боевого опыта и успешно проведенных наступательных операций Военный совет считает целесообразным сохранить армию как танковую. Армия располагает хорошо подготовленными кадрами танкистов, которые в полевой армии не могут быть использованы по своему назначению.

На основании всего вышеизложенного Военный совет просил сохранить управление армии как управление танковой армии и саму Третью для будущих наступательных операций.

Генерал-полковник Федоренко не заставил долго томиться в ожидании ответа — позвонил в начале мая:

— Приезжайте в Москву, срочно!

И вот уже подкатывает «виллис» с опознавательным знаком Третьей танковой (три концентрических белых круга) к московской окраине. Контрольно-пропускной пункт у деревни Чертаново. Строгий, подтянутый лейтенант, он уже в новой, недавно введенной форме — высокий воротник гимнастерки, непривычные погоны, — проверяет у фронтовых генералов документы. Широкая асфальтовая лента Варшавского шоссе еще кое-где сужена уродливыми баррикадами, а на перекрестке у Нижних Котлов угрюмо чернеют щели приземистых дотов. Женщины, девушки, мальчишки, даже дети одеты не в весеннее мирное разноцветье, а в защитную или темную одежду. Очереди у булочных и продовольственных магазинов, переполненные трамваи, много военных на улицах. Густо расставлены — на открытых площадках, на пустырях, на высоких зданиях — зепитные орудия и пулеметы. Пушки точно дремлют сейчас, опустив длинные свои стволы, а счетверенные пулеметы задорно выставили курносые рыльца в синее небо, будто приносятся к весеннему ветерку, овевающему город. Справа, за старыми домишками, за рекой, просторно раскинулась железобетонная громада автозавода, и невооруженным взглядом видны цеховые пролеты, искверканные фугасными бомбами и огнем, а над ними, по всему горизонту, веселые дымы из труб. Рабочая столица трудится для фронта, для победы.

Нет уже в облике столицы той суровости, которая была в ней минувшим трудным летом, когда совсем неподалеку от Москвы, за рекой Упой, стоял фронт и ветер войны еще не повернул от Сталинграда на запад.

Проскочив Большую Ордынку, «виллис» въезжает на Москворецкий мост. Рыбалко и Мельников с волнением вглядываются в знакомые вечные силуэты Кремля, собора Василия Блаженного, щедро освещенные ослепительным полуденным солнцем. Машина тормозит у подъезда Второго дома НКВ — здесь, близ Красной площади, находится Главное автобронетанковое управление РККА.

Генерал-полковник Федоренко принял приехавших тотчас. Поднялся из-за стола, пошел к ним навстречу неторопливо, чуть вразвалку. Оба генерала пытливо вглядывались в командующего, пытаясь предугадать ответ на мучивший их вопрос. Пожалуй, Яков Николаевич вел себя подчеркнуто официально. Значит, дела их плохи. Но, с другой стороны, если бы хотели отказать, незачем было вызывать их в Москву.

Федоренко усадил гостей, разрешил курить. Оглядел внимательно обоих — маленького бритоголового темнопидого Рыбалко и крупного осанистого Мельникова. Их сдержанное волнение проявилось лишь в том, что они тотчас торопливо полезли в карманы за папиросами. Командующий бронетанковыми войсками вдруг хитро, пронизательно улыбнулся, отчего усталые глаза его утратили суровость. Перед приезжими на миг явился доброжелательный, отзывчивый товарищ, бронепоездник Первой Конной, грубовато-веселый краском Яша Федоренко, каким оба знали его многие годы.

Рыбалко и Мельников вздохнули облегченно — кажется, их дела были не так уж никудашны.

— Видимо, поедem в Ставку, — уже деловито, сухо сказал генерал.

Потянулся к трубке одного из телефонов на столе. Когда он произнес: «Докладываю: Военный совет Третьей танковой прибыл», — Рыбалко и Мельников невольно подтянулись, замерли, слушая. «Разрешите приехать с ними?»

Генерал встал, сохраняя выражение деловитой замкнутости, оглядел приезжих: вид у них был непарадный, но по-фронтальному подтянутый.

— Вас вызывают в Ставку...

Хотя им было идти недалеко, Федоренко усадил их в свою машину. Через несколько минут, ровно в пятнадцать часов, пройдя два или три поста, они входили в приемную.

Верховный Главнокомандующий дал положительную

оценку действиям наших войск под Харьковом. Немцы сосредоточили там превосходящие силы на узком участке и хотели нам устроить свой Сталинград. Их план провалился. Большую роль в срыве вражеского контрнаступления сыграла Третья танковая армия. Она понесла тяжелые потери в людях и особенно в технике, и это дало повод фронту просить Ставку о ее преобразовании в общевойсковую армию. Теперь Верховное Главнокомандование рассмотрело просьбу Военного совета Третьей танковой армии, которая после Харьковской операции была придана по частям разным соединениям, и согласилось просьбу удовлетворить. Третья танковая расформирована не будет. Ставка издаст на этот счет соответствующий приказ.

Павла Семеновича попросили доложить, в каком состоянии вышедшие из боя войска.

Теперь точно камень свалился с души командарма-3. На глазах он словно преобразился, помолодел, лицо утратило отрешенную замкнутость.

Многие годы перед войной Павел Семенович служил за рубежом на ответственной работе военного атташе. Сам характер этой военно-дипломатической деятельности, казалось, должен был приучить Рыбалко не выдавать в напряженные моменты владевших им чувств. Быть может, а скорее всего наверняка, военный атташе полковник Рыбалко, находясь за пределами Отечества, и умел обуздывать свои эмоции. Но сейчас, когда счастливо утвердилась судьба его кровного детища, когда не зачеркивалось боевое настоящее Третьей танковой армии, а, наоборот, давалась ей возможность новыми ратными делами оправдать возложенные на нее надежды, ее командующий не мог сдерживать себя — он так и расцвел. Лицо его с крупными характерными чертами освобожденно просветлело, а выразительные глаза зажглись огнем неподдельного вдохновения. Присутствующие с любопытством и интересом наблюдали за происшедшей с генералом метаморфозой.

Павел Семенович в лаконичных и неожиданно ярких и образных картинах обрисовал январское наше наступление на Верхнем Дону, а затем и мартовскую неравную схватку за Харьков. Армия хотя и понесла ощутимый урон в людях и технике, но сохранила боеспособность и мобильность за счет некоторых танковых бригад и стрелковых соединений.

— Если мы вас правильно поняли, товарищ Рыбал-

ко, — перебил Павла Семеновича Верховный, — вы укомплектованы согласно штатам. Откуда же у вас люди?

— Одних выручили из плена, — ответил генерал, — другие пришли к нам с освобожденной территории.

Тотчас же последовал настороженный вопрос:

— Вы уверены, что эти люди будут хорошо воевать?

— Уверен. Они на себе испытали ужасы фашистской оккупации и ненавидят врага. В армейском запасном полку они проходят в течение полутора месяцев военную и политическую подготовку. Военный совет намерен даже офицеров брать из числа бывших окруженцев.

— А вы в них уверены, товарищ Мельников?

— Уверен. Ими занимаются опытные политработники. У нас почти две тысячи коммунистов и столько же комсомольцев — это сила, способная единым фронтом выступить против любого, кто вздумает вести себя неправильно.

Против этих серьезных доводов нечего было возразить.

Руководство Ставки пришло к выводу: Третью танковую надо восстановить. Только вместо стрелковых дивизий необходимо ввести в ее состав механизированный корпус. Тем самым будут исключены всякие просьбы и разговоры командующих фронтами о том, что это не танковая, а общевойсковая армия. Пора понять и осознать всем порочный стиль руководства танковыми войсками, когда после проведения операций танковая армия буквально растаскивается по частям.

И тут проницательный, опытный Федоренко, будто угадав затаенное, невысказанное желание обоих членов Военного совета, произнес веско:

— Чтобы сократить сроки формирования Третьей танковой армии, прошу вернуть ранее входившие в нее Двенадцатый и Пятнадцатый танковые корпуса, а также автотранспорт, по штатам принадлежащий армии, и включить Второй механизированный корпус из резерва Ставки.

Верховный Главнокомандующий согласился с просьбой Федоренко.

Это был хоть и законный, но в общем-то неожиданный дар. Узнав, что во время ночного прорыва погиб их комкор-15, генерал Кошцов, танкисты, бывалые, обожженные огнем войны, плакали; вдвойне горше было им, когда корпус вывели из состава их родной армии. Печальным было расставание и с Двенадцатым корпусом. Прощаясь с генералом Зиньковичем, Рыбалко поцеловался с боевым соратником и пожелал Митрофану Ивановичу

танкистского счастья в другой армии... Что ж, в радости возвращения растопится боль потерь и случайной недолгой разлуки.

— В первую очередь отправьте технику в эту армию, — приказывал Верховный Главнокомандующий Федоренко. — Танкисты и мотострелковые бригады Третьей танковой проявили в боях доблесть и мужество. Они вполне заслужили, чтобы армию преобразовать в гвардейскую.

Рыбалко и Мельников переглянулись. Воистину сегодня самый счастливый день в боевой судьбе их родной армии!

Федоренко попросил не изменять номера армии, и на это было получено согласие. Спросили у Рыбалко, сколько нужно командованию времени, чтобы подготовить армию к боям. А когда генерал попросил месяц, было замечено, что этого срока для сколачивания штаба и обучения личного состава будет мало, и увеличили его до полутора месяцев. Время на подготовку надо будет исчислять со дня приказа Ставки о формировании Третьей гвардейской танковой армии и назначения генерала Рыбалко ее командующим, а генерала Мельникова — членом Военного совета.

Последние сведения о сыне Павел Семенович и Надежда Давыдовна получили ранней весной сорок второго: Виль писал, что закончил училище и получил назначение в Энскую танковую бригаду. А через несколько месяцев принесла почта беленький листочек с черною вестью: «Сообщаем... Ваш сын Рыбалко Виль Павлович, 1923 года рождения... пропал без вести». И на несчетные запросы матери шел один ответ: «Пропал без вести».

Ведь просила Надежда Давыдовна мужа: «Павлуша, возьми Вилю к себе в армию, будет воевать близко от тебя, и мне спокойнее...» Не взял! Нет, не из упрямства ответил жене: «Сколько сыновей воюют вдали от отцов, а ты хочешь, чтоб хлопец по отцу шел, как генеральский сынок. Не смогу я другим батькам в глаза после этого смотреть...»

Вот и досмотрелся батька! Пропал, сгинул девятнадцатилетний лейтенант Рыбалко, как погибали его ровесники в лейтенантских, сержантских и иных званиях. Жалел ли, не жалел о своем непреклонном решении Павел Семенович — никто об этом не скажет. Но только в пись-

мах его, редких, скупых письмах с фронта сквозь строки улавливалась затаенная надежда, что сын жив.

Не мог отец свыкнуться с мыслью, что больше не увидит единственного своего ребенка, сына. На чудо надеялся...

Когда Виль кончал училище, шутил генерал Рыбалко: обычно сын идет по стопам отца, у них же получилось наоборот — сначала Виль определился в танкисты, а потом — он, Павел Семенович, из общевойсковика превратился в танкиста.

Конечно, не против желания отца, а как раз по его настоянию пошел семнадцатилетний мальчишка учиться на танкового командира. Полковник Рыбалко задолго до войны предвидел расцвет танковых войск как самостоятельного, мощного и маневренного рода войск, способных решать на полях сражений задачи оперативного масштаба, и мечтал стать танкистом. Осуществить это удалось только в сорок втором, незадолго до получения горькой вести о сыне.

По своей «линии» — уже не через военкомат, а у коллег-танкистов — удалось Павлу Семеновичу выяснить: воевал сын в Сорок восьмой отдельной танковой бригаде, а она весной 42-го, когда отходили наши от Харькова, прикрывала войска в районе станции Барвенково — и навалился немец на танкистов всей своей силою...

Вот тогда и получила мать «похоронку» на сына.

Ударила тяжело страшная весть родителей. Надежда Давыдовна занемогла, слегла, с трудом заставляла себя писать мужу на фронт вымученно-бодрые письма. Павел Семенович постарел, осунулся, резко напомнила о себе старая болезнь почек — теперь с палкой-подпоркой приходилось передвигаться...

Комиссар Мельников видел душевные мучения командующего, но о причинах не спрашивал — не хотел бередить рану. Павел Семенович сам открылся: «С сыном у меня, Семен Иванович, несчастье. Пропал без вести...» — «Где?» — «Не знаешь разве, где сыновья пропадают — на войне...» И стал Мельников (не по службе, не по должности — по душе) узнавать о судьбе младшего Рыбалко. Выяснил: сгорел будто бы Виль в танке... Ничего не сказал Семен Иванович отцу, а когда летом сорок третьего могуче шагнула Красная Армия на запад и выручали из лагерей наших военнопленных, ездили с Павлом Семеновичем, смотрели, расспрашивали. Но не находился среди

освобожденных лейтенант Рыбалко. Никто ничего сказать о судьбе его не мог.

Однако жил и воевал, не теряя надежды, отец, и не Мельникову было разуверять его в ней...

Да и по правде сказать — чем ближе подходил срок, назначенный Верховным Главнокомандующим для боевой готовности Третьей гвардейской танковой армии, тем меньше оставалось у ее командующего времени для личных горестей и забот.

В конце июня, в самый канун Курской битвы, в деревню Дерюжинку, на КП Брянского фронта приехали генералы Федоренко и Рыбалко. Их встретил начальник штаба фронта генерал Л. М. Сандалов.

При подчиненных, да еще в такой предбоевой, предельно напряженной обстановке, генералы не сочли возможным обняться, ограничились крепкими рукопожатиями и тотчас занялись делом.

Леонид Михайлович был давний однокашник и приятель обоих танкистов по Академии имени Фрунзе — «фрунзенке». Все трое в начале тридцатых годов учились в одной группе основного (общевойскового) факультета. Рыбалко, Федоренко да еще Баграмян и Романенко, воюющие сейчас неподалеку, в должностях командующих Одиннадцатой гвардейской армией Западного и Сорок восьмой Центрального фронтов, на факультете считались «стариками». Для младшекурсников да и товарищей по группе, не воевавших в гражданскую — это шло уже новое поколение советских военачальников, — «старики» (ненамного они были старше таких, как Сандалов) являлись предметом доброй зависти и подражания. Рыбалко же был особенно авторитетен среди молодых слушателей. И не только потому, что имел орден за гражданскую войну: был старостой курса, членом партийного бюро академии. Привлекали людей к нему простота и задушевность, большой природный ум и неуемная жажда познания, общительность и строгая деловитость. Все эти качества, щедро собранные в одном человеке и именуемые талантливостью, выделяли Рыбалко даже из числа незаурядных людей, которых много было в числе слушателей знаменитой военной академии.

Теперь три товарища — воспитанники «фрунзенки», выпускники 1934 года, — сидели в саду под деревьями, колдуя над картой, разложенной на грубо сколоченном деревенском столе.

Затишье господствовало на передовой. Оттуда изредка доносило приглушенные расстоянием удары разрывов — это какая-то вражеская дежурная батарея вела тревожащий огонь. Порой с нашей стороны солидно, басовито грохало тяжелое орудие, и ответный снаряд уходил далеко во вражеский тыл. Со свистом проносились легкие наши «ястребки», стерегущие небо от чужих железных птиц. Зеленые неспелые яблоки совсем мирно качались на ветках.

Рыбалко в разговор товарищей почти не вмешивался, курил, порой кивал головой, подтверждая свою солидарность с мнением Федоренко, или вставлял короткие реплики.

Яков Николаевич, сначала неторопливо, спокойно, а потом чуть разгораясь, заговорил о Третьей танковой. Она еще не сколочена. Экипажи и машины продолжают прибывать, в танковых корпусах больше половины подразделений созданы заново, межкорпус формирование не закончили...

— К чему же ты клонишь, Яков Николаевич, не пойму, — сказал Сандалов.

— Я к тому это говорю, Леонид, что посылать такую армию через многочисленные укрепленные рубежи противника на Орловском выступе едва ли целесообразно. Она идет, как я понимаю, в качестве тарана на Орел, в лоб, но в своем наступлении упрется в Оку и поневоле застопорит.

— Но наш Брянский фронт не может наступать без танковой армии, — возразил Сандалов.

— Смотри на карту, — Федоренко многозначительно свел обе руки над синей линией вражеского полукольца. — Думаю, что под Орлом сложилась выгодная для наших войск обстановка. Может, не менее благоприятная, чем под Сталинградом. Уже теперь орловская группировка немцев, по существу, находится в полуокружении. Если нанести одновременный удар крупными силами с севера и юга на Орел, то все вражеские войска окажутся в мешке. Совместить мощный удар армий Баграмяна и Белова с севера с наступлением Рокоссовского им навстречу с юга. Для развития удара с севера и выгодно ввести Третью танковую. Если бы командование Брянского фронта внесло такое предложение в Ставку, оно, вероятно, было бы принято...

Павел Семенович поднял взгляд на Сандалова. Смот-

рел испытующе, строго, но спокойно. Не требовал — думать толкал. Точно из той давней «академической» поры с ее напряженными размышлениями и горячими спорами над сложными тактическими задачами глянул на старого товарища. «Решай, Леонид, очень это важно...»

Но, видно, одно дело было спорить, будучи слушателем, оппонировать своему же однокурснику в академической аудитории, и совсем по-иному увиделась начальнику штаба фронта его роль в создавшейся ситуации.

— Ну прежде всего, — отвечал Леонид Михайлович на предложение Федоренко и невысказанную просьбу Рыбалко, — для окружения орловской группировки противника у нас мало сил. Поэтому Военный совет фронта в план Орловской операции заложил более скромную идею: раздробить группировку, громить ее по частям.

— Выталкивать, хочешь сказать... — заметил Рыбалко.

— Что поделаешь, Павел, если у нас силенок недостаточно для окружения немцев, — отвечал Сандалов. — Центральному же фронту предстоит отражать наступление крупной немецкой группировки, и вряд ли поэтому Рокоссовский сможет добиться значительных успехов от наступления на Орел своим правым крылом. Наступление на город с севера в этом случае не получит завершения и приведет лишь к образованию большой вмятины в фашистской обороне. Кроме того, мы ослабляем главный удар двух армий Брянского фронта на Орел с востока — наступление, оторванное от других ударов, неизбежно заглохнет...

— Не забывай, Леонид, — тихо напомнил Рыбалко, — что танкам там придется прорывать долговременную оборону, форсировать Олешню и Оку, преодолевать заболоченные низины и поймы...

— В этом, пойми, друже, и есть главная загвоздка, — добавил Федоренко.

— Я, конечно, доложу командующему фронтом ваше мнение, товарищи танкисты, — сказал Сандалов, — но прямо говорю: не скрою от Маркиана Михайловича: по-прежнему считаю, что Третью танковую необходимо использовать именно на нашем Брянском фронте. Я уверен, что она быстро вырвется к Оке, поможет войскам форсировать реку и овладеть Орлом...

— А если не сумеет вырваться и помочь? — снова тихо, но веско подал реплику Рыбалко.

Сандалов промолчал.

Снова заговорил Федоренко, стараясь убедить начштаба Брянского фронта в разумности предложенного ими, танкистами, плана. Сандалов остался при своем мнении. Рыбалко уже молчал — понял, что переубедить его им не удастся. И только на прощанье сказал, вздохнув:

— Ну что ж, как говорят: не хочешь шить золотом, куй молотом... Возьмемся за молот...

Танкисты уехали расстроенные. Несколько дней Павел Семенович все же надеялся и ждал: зажужжит ВЧ, и Ставка или Брянский фронт скажут, что их с Федоренко предложение принимается.

Но с каждым днем становилось яснее, что то ли Федоренко и Попов с Сандаловым не доложили в Ставку о желательности пересмотра плана нашей наступательной операции, то ли доложили, да Ставка отвергла его...

Во всяком случае, о каких-либо изменениях плана в Третью танковую сообщено не было.

А потом наступили события настолько важные, что Рыбалко и думать позабыл об их поездке с Федоренко в штаб Брянского фронта к Сандалову.

Уже гремела, содрогалась, полыхала Курская дуга.

Уже сорвалось вражеское наступление, заносчиво, но недалековидно названное «Цитаделью», и уже начали ответное наступление три наших фронта — Западный, Брянский и Центральный, осуществлявшие свой план, который имел кодовое наименование — верное и грозное — «Кутузов». И «Кутузов» сокрушал «Цитадель»!

Настал час, когда для развития успеха общевойсковых армий потребовались танковые соединения.

Армия спешно завершала доформирование в лесах юго-западнее Плавска, близ станции Горбачево.

Вечером 17 июля долгожданный, но все же внезапный телефонный звонок из Генштаба напрочь отрезал «мирный», предбоевой этап жизни Третьей гвардейской танковой от всего, что ей отныне предстояло свершить. Армия передавалась в подчинение командующего Брянским фронтом генерал-полковника М. М. Попова.

Под покровом короткой летней ночи танковые и моторные бригады армии успешно и скрытно для противника совершили марш и с рассветом, достигнув района сосредоточения, укрылись в лесах.

Ранним утром 18 июля на выгоне у деревни Дерюжки, в которой по-прежнему располагался штаб фронта,

приземлился легкий самолетик У-2, любовно именуемый «огородником» или «кукурузником». Генерал Рыбалко легко выбрался на землю и, слегка опираясь на палочку, пошел к ожидавшему его «виллису», присланному Поповым. Едва он вошел в штабную избу, поздоровался, уселся, вынул карту, началось оперативное совещание — дорога была каждая минута. Рыбалко и его начальник штаба генерал В. А. Митрофанов, Попов, начальник штаба фронта генерал Сандалов, командарм-3 генерал А. В. Горбатов, представитель Ставки маршал артиллерии Н. Н. Воронов отработали детали завтрашнего ввода в прорыв танковой армии. Она не была снабжена переправочными средствами для форсирования Оки, поэтому часть машин Рыбалко заблаговременно подготовил для преодоления реки по дну. Для прикрытия танкистов с воздуха фронт предусмотрительно выделил две зенитные дивизии и целый истребительный корпус. (Ни один немецкий самолет в те дни не сумел достичь района сосредоточения армии — вражеских стервятников отгоняли или сбивали.)

Третья гвардейская танковая армия изготовилась к наступлению. Враг не сумел дознаться о ее сосредоточении. Удар танкистов должен был стать для немцев неожиданным.

...Звонок в середине дня из Генштаба не одного генерала Сандалова ошеломил неожиданностью нового распоряжения.

— Центральный фронт, — говорил генерал А. И. Антонов, — отбросил сегодня противника на прежний, сильно укрепленный рубеж и организует его прорыв. Чтобы помочь Рокоссовскому, Верховный Главнокомандующий приказал перенацелить армию Рыбалко на направление Становой Колодезь, Кромы для нанесения удара совместно с Центральным фронтом по тылам противника и его уничтожения.

— Но у нас все подготовлено к вводу этой армии... — и огорошенный Сандалов перечислил заместителю начальника Генштаба доводы, которые фронту казались очень серьезными, а сейчас перед новым приказом потеряли свое значение, потому что Антонов говорил от имени Верховного Главнокомандующего.

— Организуйте радиосвязь Рыбалко со штабом Рокоссовского, — сказал напоследок Антонов.

Что ж, на фронте случается всякое — на то и война. Павел Семенович отдал новые распоряжения — теперь боевая задача увязывалась с действиями Шестьдесят третьей армии генерала В. Я. Колпакчи, чрезвычайно обрадовавшегося неожиданному повороту дела. Закипела работа в штабах обеих армий. Генералу Митрофанову особенно трудно пришлось — необходимо было изменять не только приказ по армии, но даже и карты новые выдавать командному составу.

Справиться! Успеть!

То был почти невыполнимый вариант — за полсуток нацелить армию на другое направление. Но это надо было сделать — и это делалось.

Почти всю ночь на 19 июля наша авиация бомбила вражеские ближние и дальние тылы. Разведка обнаружила сосредоточение фашистских танковых дивизий на пути предстоящего прорыва армии Рыбалко, и теперь мощными бомбовыми ударами расчищался танкистам путь. И всю ночь двигались соединения и части армии в район нового сосредоточения. По ослепшим от темноты дорогам шли Двенадцатый и Пятнадцатый танковые корпуса И. М. Зиньковича и Ф. Н. Рудкина, Второй мехкорпус И. П. Корчагина, Девяносто первая бригада И. И. Якубовского, самоходно-артиллерийская бригада, полки ствольной и реактивной артиллерии. Это была могучая сила, способная взламывать оборону противника, наносить мощные, таранные удары, рвать вражеские коммуникации в глубоких рейдах.

В белесом предутреннем тумане, поднимающемся из ложин, огромные танки и самоходки, тягачи и орудия, грузовики, «катюши» с их вздыбленными рельсами, казалось, плыли над дорогами, мостами, полями созревающей ржи, черными трубами сгоревших деревень.

С рассветом Третья танковая нырнула в леса, растворилась, исчезла в них.

Рыбалко и Мельников отправились на командный пункт армии. Усталые, голодные, изнервничавшиеся за минувшие сутки невероятного, сверхчеловеческого напряжения, присели в пропахшем свежевырытой землею и мокрой травой блиндаже, переглянулись, улыбнулись друг другу:

«Справились! Успели!»

Рыбалко потянулся к трубке ВЧ. Командующий фронтом отозвался с КП командарма-3.

— Скоро начнем, Павел Семенович, — услышал Рыбалко звучный, бодрый голос генерала Попова.

И вот приказ командующего фронтом получен. Давя, уничтожая, сметая с пути очаги сопротивления, танки Рыбалко вышли к селу Протасово. Выполняя директиву Ставки, командующий повернул армию на юго-запад, к Становому Колодезю. Сопротивление противника возросло — из глубины его расположения подоспели и заняли подготовленный ранее оборонительный рубеж две танковые дивизии и одна пехотная с противотанковой артиллерией. Третья танковая сумела ускорить наступление двух общевойсковых армий, но свою задачу — выйти на оперативный простор и во взаимодействии с пехотой уничтожить мценскую группировку противника — выполнить не сумела. Армия принуждена была вязаться в невыгодные для нее бои с опорными пунктами немцев.

Через сутки после ввода ее в прорыв, днем 20 июля, генерал Попов в разговоре с Верховным Главнокомандующим решительно доложил, что наступление Рыбалко на Становой Колодезь не сулит успеха, что армия несет большие потери. Комфронта добился согласия на поворот Третьей танковой на прежнее направление — от Протасово на Отраду. Павел Семенович, получив от Попова этот приказ, вздохнул с облегчением. Уже в сумерках танкисты Рыбалко и пехотинцы Горбатова («тезки» — обе Третьи армии) вышли к Оке. Форсировать ее с ходу на плечах отступающего противника не удалось, и Ставка приказала: вновь рокироваться влево, в полосу Шестьдесят третьей армии, для удара на тот же Становой Колодезь...

Генерал Рыбалко принял решение: для действий на новом направлении двинуть свой второй эшелон — корпус Зиньковича и бригаду Якубовского. Танковый и механизированный корпуса Рудкина и Корчагина, понесшие серьезные потери, стали вслед за ними.

И вновь — неудача. Сильный огонь противотанковой артиллерии, танков и штурмовых орудий врага выводит из строя машины, даже надежные, верткие «тридцатьчетверки» горят, полыхают дымными кострами среди черных частых кустов разрывов.

Ночью звонит в штаб Брянского фронта Верховный. Генерал Попов в войсках, и трубку берет Сандалов.

— Почему Рыбалко до сих пор не занял Становой Колодезь? Передайте командующему, что я недоволен управлением танковой армией.

Отбой — короткие гудки. Когда Верховный Главнокомандующий не произносит приветственных и прощальных слов, значит он сильно раздосадован. Вскоре звонит Попов, — он уже связывался с Москвой и знает о разговоре Верховного с Сандаловым, — и диктует для Рыбалко распоряжение: «Хозяин приказал 22.7 овладеть Становой Колодезь. Ещё раз требую направить И. П. Корчагина (мехкорпус) через Моховое на Становой Колодезь, чтобы совместным ударом с М. И. Зиньковичем (12-й танковый корпус) уничтожить противостоящего противника. Попов. 1.20. 22.7».

С тяжелым сердцем Маркиан Михайлович отдавал, а Леонид Михайлович отправлял приказание Рыбалко. Не выполнить распоряжение Верховного Главнокомандующего — подобное совершенно исключалось, и в то же время оба генерала ясно понимали: за речонкой Оптуха, перед Становым Колодезем, — сильный оборонительный рубеж врага, и для того чтобы его прорвать, недостаточно ударов с ходу поредевших танковых и механизированных бригад. И еще понимали они, как недальновидно, местнически поступили, отвергнув месяц назад предложение Федоренко и Рыбалко об ударе с севера и юга на Орел, в обход всех этих обращенных на восток укреплений врага.

Вскоре Третью танковую вывели во второй эшелон, а затем передвинули на юг, к Рокоссовскому. Под Орлом она так и не смогла вырваться на оперативный простор. Однако сыграла важную роль в разгроме вражеской группировки, а значит, выполнила основную свою задачу. И не случайно по телефону генерал Попов благодарит Рыбалко и его танкистов за хорошую боевую работу и желает им дальнейших успехов. Потом трубку берет Сандалов. Они встретились и прощаются как старые друзья. Павел Семенович не упоминает о памятном разговоре троих бывших «фрунзенцев» — зачем травить Леониду душу, когда он сам все осознал?..

В составе Центрального фронта, которым командовал К. К. Рокоссовский, Третья танковая прорвала вражескую оборону на участке Тринадцатой армии генерала Н. П. Пухова. Форсировав речку Крому, танкисты вывели пехоту на плацдарм, и она медленно, но настойчиво начала продвижение через многочисленные оборонительные рубежи противника.

Выйти на оперативный простор танкам и здесь не уда-

лось. Рыбалко был этим удручен, но не подавлен. Пусть не стремительным сокрушающим ударом, а в результате последовательных наступательных операций, но все-таки орловская группировка врага была разгромлена. Под Орлом и Курском Красная Армия впервые за войну не только сдержала врага и отбросила его, но и сама перешла в решительное наступление, и не зимой, как на Волге, а летом.

Пусть нам еще не всегда хватало опыта в планировании и проведении крупных наступательных операций. Это было делом будущего. Но самое главное — гвардейцы-танкисты дрались прекрасно. Среди многих героических дел рыбалковцев выделился подвиг танкового экипажа Михаила Окорокова. Военный совет представил сотни героев к наградам, а на гвардии лейтенанта Окорокова послали реляцию во фронт — ходатайствовали о присвоении ему звания Героя Советского Союза. В бою этот юноша действовал мужественно и расчетливо. В поединке с «тигром», лобовую броню которого пушка «тридцатьчетверки» не пробивала, лейтенант сбил гусеницу вражеской тяжелой машины. А когда «тигр» развернулся, всадил ему снаряд в борт. Вскоре лейтенанту удалось подбить самоходную установку «фердинанд». Загорелась и «тридцатьчетверка». Экипаж покинул танк, забаррикадировался в ближайшем деревенском доме и отбивался до последней гранаты, до последнего патрона. Помощь, к счастью, подошла вовремя.

Генерал Рыбалко сам вручал награды отличившимся.

Широким фронтом по всем дорогам, прямехонько нацеленным на запад, шла, неслась, катилась вперед лавина танков, машин, оружийных упряжек, повозок.

То возвращалась на Украину могучая, закаленная в сражениях Советская Армия-освободительница.

Третья гвардейская танковая наступала в полосе, достигавшей 70 километров. За последние двое с небольшим суток перед выходом к Днепру ее танковые и мотострелковые бригады, артиллерийские и эрэсовские полки — «катюши» — преодолели почти 200 километров. На исходе 21 сентября передовые ее части подошли к реке.

Форсировать Днепр танкистам армии Рыбалко предстояло у широкой излучины близ селений Большой и Малый Букрин. Командующий, член Военного совета и на-

чальник штаба армии побывали здесь и лично осмотрели район форсирования.

С низкого песчаного левого берега просматривались в бинокль высокие кручи и лесистые овраги противоположной стороны.

— Должно быть, в этих местах располагались владения гоголевского Вия, — пошутил Рыбалко.

На той, западной, стороне ни одного огонька, даже выстрелов не доносится. Затаился враг. Рассчитывает отсидеться за широкой водной преградой.

Табельных переправочных средств для танков у армии нет. Поэтому первыми пойдут через реку на подручных средствах автоматчики танковых и мотострелковых бригад. Подручные средства — это все, что может держаться на воде и с помощью чего сумеет переправиться на ту сторону хоть один солдат: плащ-палатка, сложенная конвертом и набитая сеном; наспех залатанная рыбацья лодка; бревно или доска; створки ворот или дверь; плот на пустых бочках из-под бензина... Мотострелки уже разбирают на берегу какие-то строения, похожие на рыбацьи сараи, тащат к воде...

Глядя на них, командующий что-то, по ассоциации, припоминает.

— Построили той семье дом? — поворачивается он к Мельникову.

— В лучшем виде, — с гордостью отвечает Семен Иванович. — Сто лет в нем проживут.

...Армия после Курской битвы закончила доформирование и выдвигалась из резерва Ставки в полосу действий Воронежского фронта. Рыбалко и Мельников, как они это постоянно делали, поехали по маршруту, которым предстояло идти соединениям и частям. На окраине недавно освобожденной полуразрушенной деревеньки двое мальчишек и девочка что-то копали. Возле них, привязанный к колышку, пасся теленок, тоже, как и дети, тихий, смиренный...

— Останови! — приказал командующий водителю. — Что делаете тут, ребята?

— Землянку роем, товарищ генерал, — ответил старший мальчишка, тот, что побойчей.

— Откуда вы?

— С Донбассу.

— А дэ ж ваша маты? — перешел Рыбалко на русско-украинский говор.

— Занэджала. Лежить у добрых людей.

— А батько?

— Вин воюе.

— Письма от него маеэтэ?

— Ни...

— А кто ж вин був?

— Шахтар, вугилля рубав. Нас было погнали в Немечину, да радянськие видбылы.

— Где ж вы жили? — спросил Мельников.

— Где придется. Некоторые деревенские пускали, а кто и боялся: батька-то наш партийный был... Теперь вот решили хоть земляночку вырыть... к зиме...

Генералы переглянулись.

— Павел Семенович, — сказал Мельников, — поставим детям дом, а? Как посмотришь? Семье солдата... Саперы сейчас свободны. С места нашего формирования перезезут домик и мигом отладят его.

Рыбалко кивнул:

— Действуй, Семен Иванович.

— Жеребного ко мне! — приказал Мельников адъютанту и, когда явился командир саперной роты, отдал распоряжение...

— Значит, построили, говоришь? — задумчиво переспрашивает командарм.

— Через несколько часов привезли сруб. Старались хлопцы, как на стахановской вахте, — стосковались по мирной работе. Солому на крышу положили, окна застеклили... Собрались уезжать, а ребяташки спрашивают меня: «Дяденька, а как вас зовут и того генерала, что с нами вчера говорил?» — «Неважно, — отвечаю, — живите себе на здоровье». Мать их пришла: «Подождите, я у соседей самогону позычу, выйдите». — «Нельзя, — говорю, — ни мне, ни солдатам, мы норму наркомовскую получаем». — «За кого же мне бога молить?» — спрашивает. «За Советскую власть», — говорю. Распрощались и уехали.

— Добре! — сказал командующий.

На рассвете 22 сентября четверо солдат-добровольцев из Пятьдесят первой танковой бригады, все молоденькие, по 18—20 лет, комсомольцы — Иванов, Петухов, Сысолятин, Семенов — с партизаном-проводником первыми на лодке пошли через Днепр. На той стороне они тотчас завязали перестрелку, отвлекая на себя внимание противника. (Все четверо удостоились звания Героя.) Через

несколько часов на том берегу уже высадились их рота во главе с гвардии лейтенантом Синашкиным и группа партизан в 120 человек. Через полсуток на плацдарме уже дрался мотострелковый батальон гвардии капитана Балаяна.

Через сутки, когда подошел понтонный батальон, переправились танки (на каждый понтон — «тридцатьчетверка» и отделение пехоты). Еще через неделю плацдарм в Букринской излучине, имевший по фронту 11 и в глубину 6 километров, вместил основные силы двух общевойсковых армий и мотострелковые части Третьей танковой.

Но все же противник успел подтянуть несколько дивизий, в их числе танковую и моторизованную, и яростно атаковал, бомбил, обстреливал, откатывался, затем вновь и вновь бросал в бой пехоту и танки. С восточного берега мощно поддерживали защитников плацдарма многочисленные артиллерийские части и соединения, на них труднолюбиво, отважно работала фронтовая авиация.

Генерал Мельников дни и ночи находился на строительстве деревянного моста через Днепр. Его сооружал инженерный батальон армии, на помощь которому явилось свыше 2 тысяч добровольцев из местного населения. Работали днем и ночью — под обстрелом и бомбежками, несли потери, но ни на час строительство не прекращалось. На двенадцатые сутки с начала работ по мосту открылось движение — едва стемнело, пошли «тридцатьчетверки» танковых корпусов генералов М. И. Зиньковича и К. Ф. Сулейко, грузовики с боеприпасами, потянулись тягачи, везущие на плацдарм тяжелые гаубицы-пушки Семнадцатой артиллерийской дивизии прорыва генерала С. С. Волкенштейна.

Но легче на плацдарме не стало — подтянул значительные силы противник и непрерывно ожесточенно атаковал, обрушивал бомбовые удары. Сжатые в маневре оврагами, буграми, танкисты Рыбалко несли тяжелые потери в людях и технике. На глазах всей армии героически погиб экипаж лейтенанта Александра Ковякина. Его горящая «тридцатьчетверка» не вышла из боя, а ринулась таранить одну из ползущих к командному пункту вражеских бронированных машин. От пылающего, несущегося вперед танка шарахались в стороны «тигры» и «пантеры», подставляя борта под удары других «тридцатьчетверок».

Погиб от вражеской бомбы командир Шестого гвар-

дейского танкового корпуса, воевавший в Третьей танковой армии с первых дней. Рыбалко вообще тяжело переживал гибель боевых товарищей, смерть же Митрофана Ивановича его потрясла. Он очень любил мужественного, решительного Зиньковича, считал его талантливым, многообещающим военачальником. Когда появлялся этот черноглазый, темноволосый тридцатисемилетний красавец генерал, скорый в делах и речах, порывистый и общительный, Павел Семенович сам преображался, точно молодел, сыпал шутками, пословицами, охотно и очень заразительно смеялся. Вообще у командующего была любопытная черта: он влюблялся в хороших людей и ими мерил окружающих. Но и ругал он своих любимцев, и промахов им не прощал, и строже спрашивал с них. В Третьей танковой уже знали: Рыбалко среди многих командиров в армии особенно отличает таких, как Мельников, или Зинькович, или комбриг-53 Василий Архипов, или комбриг-91 Иван Якубовский, — он откровенно светлел при них, но их же всегда посылал на самые тяжкие, самые ответственные боевые дела. И велика и трудна была честь попасть в число «любимых батиных сынов».

...Позвонил командующий Первым Украинским фронтом генерал армии Ватутин. Голос Николая Федоровича мощно зарокотал в трубке:

— Товарищ Рыбалко, посылаю тебе нового комбрига, подполковника Драгунского, на Пятьдесят пятую танковую, встретить его. Произвел на меня и члена Военного совета хорошее впечатление — офицер, видно, боевой и дельный...

У въезда на «мельниковский» мост к новоназначенному комбригу подошел офицер, козырнул, спросил вежливо:

— Вы подполковник Драгунский?

— Так точно.

— Я из отдела кадров хозяйства Рыбалко. Приказано сопровождать вас к командующему армией.

— А как вы меня узнали? — заинтересовался подполковник.

— Очень просто. Попросил фронтовых кадровиков описать вашу внешность. Вам трудно было бы сразу найти нас на плацдарме. Знаете, войск много и к тому же бомбежки, обстрелы...

— Знаю, я воюю с первого дня войны, и все в танковых частях...

Офицер покосился на ордена подполковника, на золотые нашивки тяжелых ранений.

— Командующий завел такой порядок: о прибывающих в армию мы обязаны заботиться...

— Значит, в танковых войсках полный порядок, — весело сказал подполковник.

— Еще какой! В хозяйстве Рыбалко гвардейский порядочек...

Они шли по мосту. Едкая, кислая вонь сторовшей взрывчатки не могла перебить чудесного смолистого запаха, который источали свежеструганные доски настила.

— Недавно мост построили? — спросил подполковник.

— Не так уж давно. Только его каждый день приходится латать — то снарядом повредит, то бомбой...

В воду, вздымая пенные фонтаны, часто падали снаряды и мины. Теперь уже не только удары орудий, но и пулеметные очереди слышались отчетливо. Бомбежка застала обоих офицеров, к счастью, уже на берегу. Драгунский оглянулся на мост. На него, вырвавшись из облачков серых зенитных разрывов, пикировал «юнкерс». Они забежали в воронку, легли. Над самыми головами пронесся черный, гремящий выстрелами самолет.

КП армии укрылся в глубоком, с отвесными стенами, овраге, густо поросшем кустарником. В ямах-укрытиях стояли автобусы, грузовые и легковые машины и бывалый, весь в шрамах и вмятинах, тяжелый КВ.

— Танк командующего, — сказал офицер. В тоне его подполковник почувствовал глубокое уважение к тому, кто ездит на этом танке-ветеране. — На днях немец недалеко отсюда засек танк Павла Семеновича, навел авиацию. Только генерал отъехал, в то место — бомба. В этот раз повезло командующему. Потом он шутил, что теперь ему до ста лет непременно жить придется...

Стояли суровые, подтянутые часовые с автоматами. С воздуха КП явно не просматривался — в армии умело соблюдали маскировку.

Кадровик привел подполковника к входу в один из десятка блиндажей, врезанных в бугор, дисциплинированно протислся, поднеся руку к пилотке и щелкнув каблукми заносенных сапог.

В просторной землянке за дощатым, грубо отесанным столом сидел над картой генерал Рыбалко. Когда подполковник вошел, он поднялся, одернул китель и тоже стал

по стойке «смирно». Выслушав доклад о прибытии, генерал подал руку, но не усадил вошедшего, а довольно долго внимательно вглядывался в него. Составил, видно, какое-то мнение и тогда, чуть припадая на обе ноги, прошелся по землянке, спросил:

— С этим участком фронта вы знакомы?

— Нет, товарищ командующий. Я только что из госпиталя.

— Как здоровье сейчас?

— Хвалиться нечем, но воевать силенок хватит.

— Тогда слушайте обстановку.

Глаза у генерала блестящие, зоркие. Наголо обритая голова, пожалуй, чересчур крупная для небольшой, плотной, слегка сутулой фигуры. Голос звонкий, но без начальственного металла, тон спокойный, деловой.

— На нашем Букринском плацдарме, который в ста километрах южнее Киева, — объяснял, водя рукой по карте, командующий, — идут затяжные бои. Воем и днем и ночью. Сюда стянуты крупные силы немцев. Элемент внезапности нами потерян, хотя враг и понял уже, пожалуй, что нас он не столкнет в Днепр. Однако нам Киев трудновато брать отсюда, возможно, придется перегруппироваться и ударить с другого плацдарма. Мы должны быть готовы к перегруппировке.

Вгляделся — все ли понял новый комбриг, отложил карту, снова пошел трудной походкой по землянке.

— Бригаду, подполковник, вручаю вам потрепанную, танков в ней мало. Бывший ее командир допускал большие просчеты. Немедленно, сегодня же вступите в командование и наведите должный порядок. Офицер связи, прикомандированный к вам, ждет вас в соседней землянке. Желаю успеха, товарищ Драгунский.

Теперь пожатие мягкой руки было продолжительнее, взгляд теплее. Командующий уже принял комбрига-55 «под свое крыло».

В строжайшей тайне готовилась рокировка Третьей гвардейской танковой и Седьмого артиллерийского корпуса прорыва (его Семнадцатая дивизия воевала бок о бок с танкистами на Букрине) на Лютежский, расположенный севернее Киева плацдарм. Предстоял двухсоткилометровый марш по Левобережью, едва ли не на глазах противника.

Части армии уходили ночами, оставив свои работающие на обычном режиме радиостанции и соорудив из

дерева и земли макеты танков. Кочующие орудия из Семнадцатой дивизии еще несколько дней, вплоть до наступления, вели огонь по противнику, который и не заподозрил, что у него из-под носа русские вытащили мощную танково-артиллерийскую армаду и передвинули ее далеко на север. Удалось осуществить операцию в течение трех последних ночей октября. К счастью, и погода была нелетная — вражеская авиация сидела на своих аэродромах.

Этой блестяще осуществленной перегруппировкой непосредственно руководили заместитель Ватутина генерал Гречко и командарм-3 Рыбалко.

3 ноября, на рассвете, началась на Лютежском плацдарме артиллерийская, а затем и авиационная подготовка. Уже в первый день, чтобы преодолеть сильное сопротивление противника, командующим общевойсковыми армиями пришлось ввести в сражение свои вторые эшелоны и резервы. Высшего напряжения бои достигли утром следующего дня. Осенний морозящий дождь размыл дороги, скрыл от артиллеристов и летчиков цели на переднем крае и в глубине позиций неприятеля. Пехота, понеся большие потери от огня неуничтоженных очагов сопротивления, медленно прогрызала немецкую оборону.

Во второй половине дня командующий фронтом отдал приказ изготовившейся для наступления Третьей гвардейской танковой армии: «Вперед!» Еще не была прорвана оборона в тактической глубине, и танки должны были помочь пехоте.

Танковая лавина, обогнав наступающие стрелковые части, покатила по лесным дорогам, через пригородные киевские места в обход украинской столицы. Подходившие немецкие резервы сплывали с ходу. Быстро темнело, и Рыбалко отдал бригадам приказ атаковать с зажженными фарами, с включенными сиренами, вести интенсивный огонь из пушек и пулеметов безостановочно.

Эта ночная атака сотен воющих и грохочущих, стреляющих и ослепляющих огнем танков была почти фантастическим, устрашающим зрелищем. Враг не выдержал, покатился вспять. Отбиты Пуца Водица, Беличи, Святошино. Перерезана дорога для отхода немцев на Житомир. Поздний ноябрьский рассвет — после огненной бессонной победной ночи. Танковая армия Рыбалко совершает то самое свое главное, ради чего она вызвана к жизни и существует: мощно и стремительно рвется впе-

ред, сквозь сумерки и непогоду, ломая оборонительные линии и сопротивление ошеломленного врага, нарушает работу тылов, режет коммуникации, наводит панику в штабах и громит спешно марширующие к фронту резервы. Уже нет у противника стабильного фронта. Уже не знают в точности педантичные немецкие генералы, где их части, а где передовые отряды грозной танковой армии Рыбалко. На дорогах, уже далеко за Киевом, русские танки, русская и чешская пехота полковника Свободы на бронетранспортерах и грузовиках, «катюши» режут у Борщаговки, артиллерия, сопровождающая танки, бьет по Крюковщине, у станции Жуляны навстречу танкистам с тыла атакуют партизаны. Полыхают самолеты на аэродроме у Жулян, взрываются цистерны с горючим.

По радио командиры бригад принимают приказ Рыбалко:

— Говорит Громов, говорит Громов. Драгунский и Голвачев, не задерживаться, вперед — на Вету Почтовую, на Васильков!

Мимо радостных, возбужденных людей, приветствующих своих освободителей, несутся танки по дорогам на юго-запад. Хлещет стылый дождь, огрызается вражеская артиллерия, но люди не расходятся, кричат, машут, плачут. Стоит танкистам и мотострелкам где-нибудь остановиться, их окружают, целуют, пытаются чем-нибудь угостить.

К вечеру 6 ноября, в канун Октябрьского праздника. Рыбалко и Мельников догнали Пятдесят пятую танковую бригаду. Штаб ее расположился на окраине Василькова, в двухэтажном заброшенном доме.

Увидев генералов, подполковник Драгунский отложил мятую карту (танкисты карты носили за голенищами сапог), быстро поднялся из-за стола.

— Товарищ командующий, вверенная мне бригада... В комнате жарко пылала раскаленная железная печурка, неярко светили аккумуляторные фонари.

— Хорошо живете, хлопцы, — весело проговорил Рыбалко, — тепло, светло, вроде и войны нет...

У Павла Семеновича лицо желтое, отечное, но он возбужден победою, оживлен и явно стремится преодолеть недомогание. К огню не идет, хоть и зазяб.

— Комбриг, ваша бригада сможет завтра драться?

— Сможет, товарищ командующий! Водителям только нужно немного отдохнуть — третью ночь без сна...

— Хорошо, — охотно соглашается Рыбалко. — До утра вас не тронем, а завтра... Давайте карту! Смотрите: вот Фастов, а вот село Паволочь. Ваша бригада в качестве передового отряда армии должна обойти город с юга, прорваться немцам в тыл и овладеть селом. В затяжные бои не ввязываться. Дальше Паволочи не идти, обеспечьте подход главных сил армии. Правее вас с такой же задачей выходит Пятьдесят четвертая мехбригада полковника Лупова. Начать действовать в девять часов утра. Ясно?

— Ясно, товарищ командующий. Но я не имею связи со штабом корпуса, не знаю, где он находится и как доложить о полученной от вас боевой задаче.

Рыбалко одобрительно кивнул. Добро взгляделся в молодое, энергичное и, несмотря на усталость, оживленное лицо комбрига.

— Не беспокойтесь. Я это сделаю сам. Проводите нас с членом Военного совета.

Ночь по-осеннему черна. Водитель на минуту посветил фонариком. У машины командующий остановился.

— С рассветом уходи отсюда, иначе фриц задаст тебе жизни, — сказал он тоном заботливого старшего друга (Мельников по опыту знал: теперь сердце командующего открыто для боевого комбрига, который отныне стал «любимым сыном»).

Рыбалко понизил голос и, точно большую тайну выдавая, добавил:

— Действиями вашей бригады, подполковник, командующий фронтом доволен. Насколько мне известно, генерал армии Ватутин представил вашу Пятьдесят пятую к наименованию «Васильковской». Сегодня ночью ожидается приказ Ставки.

Подав руку комбригу:

— Верю вам и надеюсь, что завтра возьмете Паволочь. Задача трудная, но почетная. Это будет хороший подарок Родине в честь двадцать шестой годовщины Октября.

Бригада подполковника Драгунского выполнила приказ: вышибла немцев из Паволочи и отбивала все попытки врага вернуть себе село обратно. Через три дня радисты бригады, безуспешно пытавшиеся связаться со штабом корпуса или армии, наконец услышали голос своего командующего: «Говорит Громов. Поздравляю с победой.

Организуйте круговую оборону. Громите врага в тылу, мы идем к вам».

Но прийти не удалось — последовал сильный вражеский контрудар, и армия вынужденно перешла к обороне. К Паволочи прорвались остатки разбитой бригады Лупова. У Драгунского кончались боеприпасы и горючее, враг бомбил, обстреливал, атаковал непрерывно. Но танкисты верили: генерал не оставит их в беде.

Так оно и произошло.

Через несколько дней, к вечеру, над селом зарокотали моторы. Преследуемый «мессершмиттами», над самыми крышами летел «король воздуха» — «кукурузник». Он сел на огороде, и раздосадованные «мессеры» убралась. Через десяток минут автоматчики привели к комбригу двух молодых пилотов. Это были ребята из эскадрильи связи Третьей танковой армии. Они передали пакет от командующего. В приказе Рыбалко значилось: «Сегодня ночью ударом в северном направлении прорвать оборону. Разведать части противника, выйти из леса севернее Ставища. Вас встретят. Артиллерия обеспечит выход. Сигналы прохода через наши войска передадут летчики. Громов».

У-2 улетел. Комбриг приказал уничтожить оставшиеся без горючего грузовики. Жители тепло проводили танкистов, шедших на прорыв. Рейд по тылам врага был удачным. Верные, надежные «тридцатьчетверки» пробили колонне дорогу к своим. За рекой Каменкой, ставшей линией фронта, бригаду нетерпеливо ждали. Когда Драгунский явился в штаб армии на окраине Фастова, Рыбалко не узнал своего комбрига — настолько тот похудел, почернел, оброс щетиною.

— Подождите в соседней комнате, я занят.

Прошло полчаса. Вдруг комбриг-55 услышал громкий, радостный и сердитый вместе, голос Рыбалко:

— Да как же вы мне не сказали?! Давайте его сюда! Быстро! Ведь я его не узнал, такого помятого и заросшего. Входи, Драгунский, милости просим, входи!

Едва комбриг вошел, Павел Семенович протянул ему обе руки:

— Обед сюда! Парикмахера сюда! Чаю сюда! Все, что есть вкусного, сюда! Садись, я сейчас позвоню Ватутину.

Снял трубку и звонко, по-молодому доложил:

— Товарищ генерал армии, вышло! Драгунский здесь, у меня. Вышло!

Влажным выразительным взглядом обласкал комбрига: — Командующий фронтом просил передать бригаде благодарность, Действиями ее личного состава он доволен.

А когда подполковник обстоятельно доложил обо всем, сказал генерал:

— Не переживай, что вывел из строя часть техники. Это решение разумное, правильное. Так считает командующий, и я к нему присоединяюсь целиком и полностью. Знай, однако, мой друг: не скоро враг сложит оружие. Потребуются еще долгие месяцы борьбы. Полную победу принесут люди. Танки, машины, минометы — дело наживное...

В трудных оборонительных боях под городом Малином, куда Рыбалко послал Пятьдесят пятую бригаду в помощь командарму-60 И. Д. Черняховскому, Драгунский был тяжело ранен и увезен в госпиталь. Однако генерал Рыбалко никогда не забывал доблестных своих офицеров. В апреле сорок четвертого (армия в это время доформировывалась на Тернопольщине) в харьковский госпиталь приехал офицер из округа. Он вручил Драгунскому орден на Красного Знамени и Красной Звезды — за Киев и Павлово — и полковничьи погоны. На раненого это событие подействовало, должно быть, нисколько не хуже, чем самое редкое лекарство. А вскоре пришло письмо от начальника отдела кадров армии полковника Меркульева: «Генерал вызвал меня, интересовался твоим здоровьем, приказал отправить посылку с продуктами, а главное — передать следующее: милости прошу вместе кончать войну».

Полковник Драгунский приехал перед самой Львовско-Сандомирской операцией. Это наступление войск Первого Украинского фронта под командованием маршала Конева завершило освобождение от врага Украины и вывело наши армии к Висле. Решающую роль в сражении за Львов и Перемышль сыграли танковые армии генерал-полковников Рыбалко и Лелюшенко — Третья гвардейская и Четвертая.

На третий день наступления — 16 июня — Третья танковая была введена в прорыв — узкий, шести-восьмикилометровый коридор близ деревни Колтов. Фланги прорыва прикрыли от ударов врага артиллеристы генерала С. С. Волкенштейна. Следом за Третьей в коридор вошла армия Д. Д. Лелюшенко. Через несколько дней круп-

ная группировка вражеских войск оказалась в окружении в районе города Броды. А обе танковые армии шли вперед, беря в гигантское кольцо Львов и прикрывавшие его немецкие дивизии.

Действия танковой армии Рыбалко отличались смелостью оперативного решения и дерзостью в его осуществлении. С зажженными фарами, на полной скорости пролетели по узкому лесному коридору танкисты корпусов В. А. Митрофанова, В. В. Новикова, И. П. Сухова, бригады И. И. Якубовского. Успех решали внезапность и стремительность удара. По размытым дождями просекам выносились бригады к узлам дорог, обходили опорные пункты врага, с марша атаковали и сбивали его заслоны. Рыбалко торопил своих командиров — требовал повысить темп наступления, смело оставлять позади и на флангах немецкие гарнизоны, которыми предстояло заняться поспешающей за танкистами пехоте.

Танки, тяжело увязая в грязи по самые днища, упрямо шли и шли на запад. Мощные тягачи на подъемах вытаскивали застрявшие автомашины с боеприпасами, горючим, продовольствием. Конечная задача операции была — вырваться к Висле и форсировать ее на плечах отступающего противника.

Через две недели после начала наступления — 29 июня — танкисты Рыбалко увидели впереди широкую свинцово-серую гладь реки.

Это была Висла!

Войска Третьей гвардейской танковой армии только еще подходили к Висле, а генерал Рыбалко на своем командном пункте повесил план Большого Берлина. Изучал подступы к фашистской столице, запоминал названия улиц, площадей, парков, оценивал с военной точки зрения месторасположение тюрем и кладбищ, дорог и автострад, правительственных учреждений и промышленных предприятий.

Уже по Германии шли войска Первого Украинского, когда однажды в штабе фронта, оставшись с глазу на глаз с Рыбалко, маршал Конев сказал тихо, доверительно, словно бы по секрету (лицо Ивана Степановича было спокойным, но глаза блеснули, выдавая волнение):

— Имей в виду, Павел Семенович, Берлин будем брать...

И Рыбалко, тоже «потихоньку», исподволь стал настра-

ивать своих танкистов на мысль о том, что им обязательно придется штурмовать логово фашистского зверя.

Перед наступлением с Сандомирского плацдарма, вручая Золотые Звезды Героев трем друзьям — «танковым мушкетерам», командирам бригад, полковникам Александру Головачеву, Захару Слюсаренко, Давиду Драгунскому, сказал:

— Следующие награды желаю получить в Берлине...

На Нейсе танки Третьей гвардейской прорывали оборону вместе с пехотой. Рыбалко стоял на берегу, наблюдая, как «тридцатьчетверки» с задраенными люками, не дожидаясь наведения мостов, пошли через реку вброд, выбрасывая из выхлопных труб фонтаны воды. На одной из машин командующий разглядел задорную надпись: «У меня заправка до самого Берлина».

Накануне получения от маршала Конева директивы, в которой говорилось о форсировании Шпрее и развитии стремительного наступления с выходом на южную окраину Берлина, сидел Рыбалко в кабинете какого-то сбежавшего эсэсовского чина. Постучавшись, вошла жена немца и, лстиво улыбаясь, положила перед генералом книгу. Это был «Атлас командира РККА». На нем был штамп библиотеки Полтавского Дома Красной Армии. Фашист украл «Атлас» и притащил в свой особняк в числе других «русских трофеев».

Павел Семенинович немке сказал почему-то «данке» и открыл книгу на странице с картой Германии. Нашел сначала Берлин, черным зловещим спрутом расплзшийся в центре фашистской империи, прикинул расстояние до него от Шпрее — совсем близко было, на несколько форсированных переходов! Потом со стесненным воспоминаниями сердцем долго разглядывал листы с картами Верхнего Дона, Орловской и Курской областей, Харьковщины, Киевщины, Западной Украины, Польши...

В 3 часа ночи 18 апреля пришла директива командующего Первым Украинским фронтом.

Той же ночью Третья гвардейская танковая армия лесными дорогами вышла вслед за своим авангардом к Шпрее. Сильные передовые отряды проббили коридор в обороне врага, и армия, оторвавшись от пехоты, за рекой вышла на оперативный простор.

Противник на этом участке не успел даже занять подготовленную на западном берегу реки оборону. Армия стремительно шла к Берлину, но не с востока, где нахо-

дились мощные оборонительные сооружения, а с юга. Города и городки танкисты брали с налета. Чины фашистской администрации не успевали прятаться — они совершенно не предполагали, что русские появятся столь внезапно. Сопротивление, да и то почти незначительное, оказывали только гарнизоны небольших городов. Рыбалко начал тревожиться: ему казалось, что где-то враг готовит контрудар, для которого стянул все наличные силы.

В районе города Цоссен, где всю войну располагалась ставка верховного командования, армия задержалась на два дня, преодолевая заграждения внешнего кольца обороны фашистской столицы. Теперь у генерала Рыбалко камень с души свалился: он понял, что никакого контрудара врага не последует — просто-напросто немецкое командование в растерянности, оно оказалось слепым в своих оценках оперативных возможностей наших танковых соединений.

Пленные генералы делали заявления, что с юга русские танки они не ждали и оборона этой окраины Берлина занята была частями только после падения Цоссена. Пленные офицеры и солдаты либо были подавлены и деморализованы, либо повторяли геббельсовский лозунг: немцы-де тоже были под Москвою, да русские удержали столицу, значит и немцы сумеют отстоять свой Берлин...

В тылу и на флангах армии оставались в «блуждающих котлах» вражеские дивизии, обреченные на истребление вторыми эшелонами войск фронта. 23 апреля танкисты Рыбалко ворвались в фашистскую столицу в районе предместья Тельтов. На следующий день на КП Третьей гвардейской танковой армии приехал маршал Конев. С высоты многоэтажного дома расстилалась дальняя перспектива огромного города, Рыбалко узнавал Грюневальд, Ботанический сад, Вильгельмштрассе. План, висевший еще с лета минувшего года на КП армии, помогал теперь ориентироваться в гигантском городе, простирившемся сейчас у ног советских военачальников.

А внизу, вблизи дома, на котором они находились, войска форсировали Тельтов-канал. Огрызались фаустники и автоматчики врага. По огневым точкам в упор били танки и самоходки, орудия прямой наводки. Автоматчики, стрелки, снайперы из Двадцать восьмой армии генерала А. А. Лучинского шли впереди танков, расстреливая фаустников, а танки прикрывали пехоту огнем своих пушек и пулеметов.

Вражеская столица агонизировала. Окруженный гарнизон еще сопротивлялся, еще дрались, пробиваясь к западной окраине города, рыбалковцы, но исход сражения уже был предрешен. В очищенных от фашистских войск кварталах появлялись, сначала робко, потом все смелее, жители. Они очень ждали конца боев и теперь радовались, что все ужасы штурма позади, что свершилось неизбежное и они остались живы и невредимы. На глазах Рыбалко и Мельникова какую-то старуху женщины вытаскивали из подвала. Едва выбравшись, она оглянулась вокруг и вдруг закричала резким пронзительным голосом. Павел Семенович понимал по-немецки. Она удивлялась тому, что русские не убивают, не грабят, а спешат по делам, кормят немецких детей и женщин у кухонь и вообще похожи на людей. И старуха выкрикивала на всю улицу свое пронзительное, недоумевающее: «Варум, варум?» («Почему?»)

В самый канун падения Берлина доложили Павлу Семеновичу: погиб капитан Юрий Новиков, заместитель командира самоходного артиллерийского полка, старший сын комкора-7 генерала Новикова. Тело командира кто-то вытащил из горящей машины и принес на КП корпуса. Генерал командовал боем, а возле него лежал убитый сын. Командующий поехал к Василию Васильевичу. Они надолго уединились, два осиротевших на этой долгой и тяжелой войне отца, погоревали о своих мальчиках, не доживших до победы...

6 мая по приказу командующего фронтом ударная группировка, в которую вошла и Третья гвардейская танковая армия, начала наступление на Прагу, чтобы оказать помощь восставшей накануне столице братской Чехословакии. Марш-маневр танкистов, мотострелков, артиллеристов, конников через горы был стремительным, безостановочным. На переломе от ночи к утру 9 мая танковые и мотострелковые бригады армии Рыбалко вошли в Прагу, восторженно приветствуемые ее жителями. И в тот же день, 9 мая, Москва салютовала великой победе. Война была еще вчера, сегодня уже начался на земле мир.

В 1946 году маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Он приехал к своим избирате-

лям — артиллеристам дивизии прорыва, рядом с которыми его танкисты дрались на Букрине, у Колтова, на Сандомирском плацдарме, в Германии.

Маршала встретили долгими громовыми аплодисментами. Он стал на трибуну и, улыбаясь, проговорил:

— Вот теперь видите, какой я маленький и некрасивый. Что же вы мне хлопаете?..

Но какое им всем было дело до его внешности?! Они знали его по войне — самому тяжкому и самому верно-му испытанию, в котором проверяются лучшие стороны человеческой души, — знали и уважали боевого генерала Рыбалко, «Громова», его танкистов, бесстрашных, надежных, неунывающих, гордых своей принадлежностью к славной Третьей гвардейской танковой армии.

Полагалось кандидату в депутаты рассказать автобиографию. И маршал Рыбалко принялся говорить о себе. Он 1894 года рождения. Уроженец села Романовка Сумской области, украинец, из рабочих. Член ВКП(б) с двенадцатого года. Окончил трехклассную приходскую школу — среднего образования, стало быть, у него нет, но есть высшее военное. Воевал рядовым солдатом с пятнадцатого года под Перемышлем на австрийском фронте, а в семнадцатом ушел добровольцем в Красную гвардию и с тех пор служит в армии. Был комиссаром и командиром роты, батальона, эскадрона, полка. Дрался с Петлюрой, с немцами, гайдамаками, белополяками, с Врангелем, Махно, кулацкими бандами. Был и партизаном, служил у Буденного в Первой Конной. В Великую Отечественную ровно три года провоевал в Третьей танковой армии. Женат, имел сына, который тоже был танкистом и пропал без вести в сорок втором. За границей приходилось бывать: в Монголии и Китае — командиром кавалерийского эскадрона и военным советником, в Польше — военным аташе, и в Германии, как известно, находился в сорок пятом, во время Великой Отечественной войны. Имеет правительственные награды. Первую из них — орден боевого Красного Знамени — получил за гражданскую войну. Полководческими орденами награждался во время Великой Отечественной войны — тремя орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова и Богдана Хмельницкого 1-х степеней. Звание Героя Советского Союза получил за бои на Днестре, а второй Золотой Звезды удостоился за взятие Берлина.

Вот и вся его биография.

Маршал Советского Союза

ВАСИЛИЙ СОКОЛОВСКИЙ

Он считает, что самой высокой честью для него было командовать чудесными людьми советской закалки. Своими званиями и наградами он, командующий танковой армией, обязан прежде всего им — рядовым великой победы нашего народа над фашизмом.

И еще он хочет добавить, что считает большой честью для себя быть избранником народным и гордится тем, что выдвинули его кандидатуру его боевые друзья-артиллеристы.

Вновь гремят аплодисменты. Павел Семенович Рыбалко сходит с трибуны и идет к своему месту в президиуме, невысокий, худощавый, слегка сутуловатый. Идет, припадая на обе ноги, опираясь на свою палочку, неизменно спокойный, неторопливый, чуть задумчивый.

Таким его знали окружающие на войне, таким запомнили навсегда...

Как мало прожил он после войны!

28 августа 1948 года командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии маршал бронетанковых войск Рыбалко Павел Семенович умер «после продолжительной и тяжелой болезни», как сообщили скорбные строки некролога. Похоронили его под печальными березами Новодевичьего кладбища, бюст дважды Героя поставили далеко от столицы — на его родине, в селе Малая Истра, что возле города Лебедин, на Сумщине.

Кто не видел его при жизни и кто знал его лично и любил — а таких людей, как Рыбалко, нельзя не любить, — приходят к его могиле и приносят к ней живые цветы. Ветераны отгремевших войн и знающие только мирные дни юные школяры. Стараниями тех и других создан в одной из школ столицы музей Третьей гвардейской танковой армии. Он находится не на улице маршала Рыбалко близ Хорошевского шоссе, а на Ленинском проспекте. Проспект этот переходит в Киевское шоссе. А оно, как известно, от столицы устремляется на юго-запад — к Сумам, Киеву...

Будете в тех местах — помяните, незлым тихим словом война, солдата, командующего, маршала Павла Семеновича Рыбалко, который жил, служил, воевал в тех местах и в людской благодарной памяти с ними связан навечно.

Георгий МИРОНОВ

В один из апрельских дней 1942 года меня, молодого в то время капитана, вызвал командующий Сорок девятой армии генерал-лейтенант И. Г. Захаркин и сказал:

— Поедем на доклад к генералу Соколовскому. Захватите необходимые документы. — И перечислил все, что потребуется довести до сведения начальника штаба фронта.

Поначалу я немного ступешался. Мне никогда раньше не приходилось бывать в штабе фронта. В голове ворох мыслей. Как примут нас в вышестоящем штабе, сумеем ли мы собрать и доложить необходимые сведения о состоянии войск армии, каков он, генерал Соколовский, о котором у нас в ту пору ходили слухи как о человеке собранном, требовательном и волевом.

В оперативном отделе штаба армии всегда были наготове необходимые справки. Я взял карту обстановки в полосе армии, ведомости о боевом и численном составе войск и другие документы и явился к командующему. В путь мы отправились еще засветло. Ехали по фронтовым дорогам Подмосковья, совсем недавно отвоеванным у врага.

Два месяца тому назад я ехал по этой же дороге на фронт, получив назначение в штаб Сорок девятой после учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Тогда всюду были видны последствия разгрома гитлеровской армии. Обочины дороги были завалены разбитыми немецкими танками, машинами, повозками, лежали трупы лошадей и вражеских солдат. Почти все деревни и города были сожжены и разрушены. Население ютилось в землянках, погребах, подвалах. На каждом шагу встречались воронки и выбоины. Сейчас дорога была расчищена, воронки засыпаны, непрерывным потоком шли к фронту машины, обозы, войска. Нам часто приходилось обгонять или пропускать в узких местах колонны машин или войск. Весна вступала в свои права, и на почернев-

шем снегу то там, то здесь вырисовывались картины жестоких схваток.

— Здорово поколошматили! — сказал солдат-шофер, осторожно объезжая воронки от бомб и снарядов — следы недавних боев.

Я не ответил, мысленно прикидывая на известных мне данных по нашей Сорок девятой армии, какое же количество орудий, танков, самолетов и солдат потребовалось, чтобы впервые за всю войну остановить немецкую военную машину и заставить повернуть вспять. Мне тоже, как и солдату-шоферу, было приятно смотреть на результаты сокрушительного удара Советской Армии.

Поздно вечером, после тряской, надоедливой езды, машины остановились. Кто-то с полуслепым карманным фонариком проверил документы. И мы свернули налево, видимо к штабу фронта. Окружавшая обстановка ничем не выдавала, что мы подъезжаем к сердцу и мозгу колоссального войскового объединения. Подъездные пути к штабу на большом расстоянии тщательно замаскированы под окружающую местность и строго охраняются. Светомаскировка идеальная — ни одного луча света нигде не видно.

Когда машины остановились, нас сопроводили в бревенчатый дом, занимаемый В. Д. Соколовским. Я остался в приемной, а генерал И. Г. Захаркин, забрав у меня документы, пошел к нему на доклад.

Время ожидания тянулось медленно. Но вот дверь кабинета отворилась, и на пороге появился Василий Данилович Соколовский — один из руководителей грандиозной битвы за Москву. Он шел прямо ко мне. Я немного растерялся, однако представился как положено и даже успел заметить характерную прическу генерала — волосы, зачесанные набок. Они хорошо оттеняли его волевого лицо. Передо мной стоял стройный, подтянутый, еще молодой генерал. На лице, строгом и привлекательном, светилась дружеская улыбка.

Василий Данилович спросил меня, когда я прибыл на фронт, где служил раньше, как идет работа в оперативном отделе. Словом, это был обычный для первого знакомства разговор. Но он остался в моей душе на всю жизнь, потому что крупный военачальник не прошел мимо молодого капитана, выслушал рапорт и в той очень напряженной и сложной обстановке нашел несколько минут для беседы.

Потом Соколовский и Захаркин ушли к генералу Г. К. Жукову, а я все оставался под впечатлением первой встречи с Василием Даниловичем.

В дальнейшем мне довелось почти двадцать пять лет служить в объединениях и учреждениях Советских Вооруженных Сил, где прямым моим начальником был В. Д. Соколовский. Я видел его и в пору славных побед и в минуты тяжелых раздумий. Но в какой бы обстановке ни проходили эти встречи, я всегда ощущал в Василии Даниловиче подлинный талант крупного военачальника, волевого и решительного, целеустремленного и мужественного, готового отдать всего себя великому делу защиты социалистической Родины. Вот почему мне захотелось в меру своих сил и возможностей хотя бы в общих чертах осветить славный многолетний боевой путь этого большого военачальника и поделиться некоторыми своими личными впечатлениями о встречах и работе под его руководством.

Казалось, все в жизни Василия Соколовского складывалось так, что быть ему учителем.

В. Д. Соколовский родился 21 июля 1897 года в деревне Козлинки Заблудовской волости Белостокского уезда в семье крестьянина-бедняка. После окончания двухклассной учительской школы он некоторое время работал учителем в сельской школе. В 1914 году поступил в учительскую семинарию в городе Невеле Великолукского уезда (ныне Псковская область). Здесь же он принимал участие в работе студенческого революционного кружка. Царская охранка напала на след кружка, руководитель его солдат-большевик Урбан был арестован, а все члены, в том числе и Василий Данилович, попали под следствие, приостановленное лишь Февральской революцией.

В начале 1918 года Соколовский заканчивает учительскую семинарию, однако работать педагогом ему не пришлось. Свершившаяся Великая Октябрьская социалистическая революция все повернула по-своему. По декрету Совета Народных Комиссаров и под личным руководством В. И. Ленина в стране создавалась регулярная Рабоче-Крестьянская Красная Армия. В феврале 1918 года Василий Данилович добровольно вступил в ряды Красной Армии и был направлен на первые Московские

военно-инструкторские курсы. Учеба проходила ускоренными темпами. Курсанты нередко привлекались для ликвидации контрреволюционных банд. Василию Соколовскому особенно запомнилось участие в ночном бою против монархистской банды в купеческом клубе на Дмитровке.

По окончании курсов в мае 1918 года Соколовский был включен в состав экспедиционной группы и направлен на Восточный фронт для борьбы с бандой Семенова. Экспедиционная группа добралась до Екатеринбургa (ныне Свердловск), где столкнулась с мятежным чехословацким корпусом. Несколько человек из нее, в том числе и Соколовский, влились в красногвардейский отряд рабочих Урала, который вел бои с мятежниками. Соколовского назначили командиром разведывательной роты, затем адъютантом и, наконец, командиром полка, входившего в состав Второй дивизии под командованием Р. П. Эйдемана. Здесь, на Восточном фронте, приобрел красный командир Соколовский первый боевой опыт, в этих боях формировались его командирские качества.

В 1918 году по инициативе В. И. Ленина была открыта Военная академия РККА (тогда она называлась Академия Генерального штаба РККА). В ноябре состоялся первый набор слушателей. В их числе был и В. Д. Соколовский. Учеба проходила под руководством таких известных военных деятелей и педагогов, как А. Е. Снесарев (начальник академии), А. А. Свечин, В. Ф. Новицкий, С. Г. Лукирский и др.

В. И. Ленин уделял большое внимание академии РККА. Известны два посещения Владимиром Ильичем академии — в апреле и в августе 1919 года. Каждый раз он выступал перед слушателями. 19 апреля В. И. Ленин приехал в академию на проводы слушателей, уезжавших на фронт. Его выступление произвело огромное впечатление на курсантов, в том числе и на Соколовского, который рассказывал об этом впоследствии.

Ленин говорил о международном положении молодой Советской республики, охарактеризовал трудности, с которыми сталкиваются фронтовики, особо подчеркнул важность быстрейшего разгрома Колчака. Говорил о роли красных генштабистов, о необходимости для курсантов «выхода в практику». Затем В. И. Ленин отметил, что наша армия становится регулярной, строго централизованной, построенной по классовому принципу.

Владимир Ильич советовал хорошо учиться. Убывающим на фронт он желал умело использовать полученные знания, неустанно крепить воинскую дисциплину. В. И. Ленин закончил свое выступление словами: «Победа будет за нами!»

Первые минуты после выступления В. И. Ленина в зале стояла напряженная тишина, затем загремели аплодисменты, возгласы «ура».

Учеба в академии была организована по указанию В. И. Ленина. В течение зимы слушатели занимались в ее стенах, приобретая теоретические знания, летом и осенью направлялись в действующую армию и продолжали учебу на практике, в бою.

Первая такая практика для Соколовского началась в июне и закончилась в декабре 1919 года на Царицынском фронте в составе Десятой армии. Василий Данилович сначала работал старшим помощником начальника штаба Тридцать девятой стрелковой дивизии, затем командовал в ней бригадой. Дивизия участвовала в боях против армии Деникина, главным образом против белоказаков Шкуро, Мамонтова и Голубинцева.

Обогащенный боевой практикой Соколовский возвратился в академию и продолжил учебу до июня 1920 года. Затем его послали на Кавказский фронт. Здесь он был назначен на должность старшего помощника, а несколько позже и начальника штаба Тридцать второй стрелковой дивизии. Дивизия участвовала в боях за установление Советской власти в Азербайджане, в борьбе с дашнаками, в разгроме контрреволюционного восстания в Дагестане.

В эти годы сошлись жизненные пути Анны Петровны и Василия Даниловича. Анна Петровна Баженова работала в уездном комитете РКП(б) города Старицы, а затем добровольно вступила в Красную Армию. На Астраханском и Царицынском фронтах она работала в политотделе Десятой и Одиннадцатой армий агитатором, комиссаром госпиталя, секретарем партийной организации, затем была переведена на политическую работу в Азербайджанский главный штаб. После замужества и переезда в Москву поступила учиться в Военно-хозяйственную академию, однако семейные заботы не позволили Анне Петровне продолжать службу в армии. На протяжении многих лет супружеской жизни Анна

Петровна была настоящим соратником Василия Даниловича, боевой подругой в высоком смысле этого слова.

Военную академию Соколовский окончил осенью 1921 года. Окончил блестяще, в числе трех наиболее отличившихся слушателей. После торжественного собрания в кабинете начальника академии его спросили:

— Где хотите продолжать службу?

Василий Данилович ответил не задумываясь:

— Там, куда пошлет партия.

Один из членов выпускной комиссии попытался расшифровать поставленный вопрос:

— Вам, как отлично окончившему академию, предоставляется право выбора дальнейшего места службы.

— Мое место там, — ответил так же твердо Соколовский, — где я нужнее всего.

— Сами понимаете, сейчас самый горячий Туркестанский фронт.

— Вот туда меня и пошлите, — был окончательный ответ Соколовского.

Просьбу выпускника удовлетворили.

По дороге в Ташкент молодой чете Соколовских пришлось пережить большое семейное горе: умерла от болезни маленькая дочь. В Ташкенте Василий Данилович сразу же окунулся в кипучую работу штаба фронта. Анна Петровна стала активно работать среди женщин. Это помогло пережить тяжелую утрату.

В Туркестане Василий Данилович служил три года, пройдя путь от начальника оперативного управления штаба фронта до командующего группой войск Ферганской и Самаркандской областей. В одном из боев его настигла пуля басмача, но он оставался в строю. За успешное руководство войсками в борьбе с басмачеством, проявленную при этом смелость, находчивость и мужество В. Д. Соколовский был награжден орденом Красного Знамени.

После образования Туркестанской республики (1924 г.) Соколовский переводится в Московский военный округ и назначается на должность начальника штаба Четырнадцатой стрелковой дивизии. Свои служебные обязанности Соколовский выполняет успешно и уже через два года выдвигается на должность начальника штаба корпуса сначала в Северо-Кавказском, затем в Белорусском военных округах. На этих должностях Василий Данилович работал до 1930 года с небольшим перерывом

для учебы на высших академических курсах (1928 г.). Затем он переводится на командную работу и в течение пяти лет успешно командует Сорок третьей стрелковой дивизией Белорусского военного округа. В начале 1935 года снова переход на штабную работу: заместителем начальника штаба Приволжского, затем начальником штаба Уральского, а с 1938 года — начальником штаба столичного Московского военного округа.

В 1931 году Василий Данилович был принят в члены партии. С тех пор и до последнего дня жизни он — активный боец партии, твердо и непоколебимо боролся за претворение в жизнь ее генеральной линии.

Это были годы укрепления могущества Красной Армии на базе мощного развития народного хозяйства страны, совершенствования боевого мастерства советских воинов. Вместе со всей армией совершенствовалось военное мастерство и В. Д. Соколовского. Он приобретает всесторонний опыт руководства войсками в мирное время, их боевой и политической подготовкой, повышением мобилизационной готовности. Это был период становления его как крупного военачальника. Особенно хочется отметить его работу на посту начальника штаба Московского военного округа, занимавшего особое место в Красной Армии.

Московский военный округ, располагавшийся на обширной территории с большими мобилизационными ресурсами, к концу тридцатых годов превратился в центр формирования новых соединений, их подготовки и отправки в Западную Белоруссию и Украину, на финский фронт, в Прибалтику и на Дальний Восток. На этой работе во всем блеске проявились незаурядные организаторские способности Соколовского, его высокая штабная культура. Командовавший в то время Московским военным округом Маршал Советского Союза С. М. Буденный, аттестуя Соколовского, отмечал его умелое руководство и контроль за работой штаба и всех окружных управлений и отделов, особенно в организационно-мобилизационных вопросах. Семен Михайлович подчеркивал, что хорошая работа штаба округа оказала положительное влияние на повышение уровня боевой подготовки войск округа. В начале 1941 года Президиум Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в проведении мобилизационных мероприятий и организации боевой подготовки войск наградил В. Д. Соколовского орденом Ленина.

В феврале 1941 года Василий Данилович назначается на пост заместителя начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационным вопросам, где его организаторские способности и талант штабного работника развернулись во всю широту. С первых же дней пребывания на этом посту Василию Даниловичу пришлось окунуться в разработку очень важного общегосударственного документа — плана производства военной продукции на случай войны. В марте 1941 года разработка этого плана была закончена. Начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков и его заместитель генерал-лейтенант В. Д. Соколовский доложили план председателю Комитета обороны при Совнаркоме и получили одобрение.

В эти предвоенные месяцы Генеральным штабом проводились важные мероприятия по повышению боевой готовности Красной Армии. Формировались механизированные корпуса, авиационные дивизии, армия перевооружалась новыми танками, самолетами, противотанковой и зенитной артиллерией и другой новой военной техникой. Незадолго перед войной проводились большие мероприятия по отмобилизованию Красной Армии и ее стратегическому развертыванию. Все это составило главную заботу Василия Даниловича как заместителя начальника Генерального штаба.

К началу нападения фашистской Германии на Советский Союз не все удалось завершить в области реорганизации и перевооружения Красной Армии новой боевой техникой, а также ее стратегического развертывания. Слишком ограниченное время оказалось для решения многих неотложных задач. Однако сделано было немало. И генерал Соколовский — один из тех, чья доля заметна в этом большом деле.

Когда началась Великая Отечественная война, В. Д. Соколовский некоторое время продолжал работу в Генеральном штабе. Но уже в июле 1941 года он был назначен начальником штаба Западного фронта, войска которого прикрывали наиболее важное и опасное стратегическое направление первого периода войны.

Войсками Западного фронта в то время командовал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Они вели ожесточенные сражения под Смоленском. Времени на

вхождение в курс обстановки фактически не было, пришлось немедленно включиться в кипучую работу штаба по руководству боевыми действиями. В ходе Смоленского сражения Василий Данилович направлял усилия штаба фронта на поддержание непрерывного управления войсками, усиление отпора врагу, всячески поощрял у подчиненных инициативу, смелость, находчивость.

Гитлеровская группа армий «Центр» наносила удар на московском направлении, имея ближайшей задачей овладеть районом Смоленска. Советские войска в смоленском сражении 1941 года проявили величайшую стойкость и героизм. Несмотря на значительное превосходство врага в силах и средствах, безусловное господство в воздухе, войска Западного фронта выдержали его натиск, нанесли ему чувствительные удары, особенно под Рославлем, Смоленском и Ельней.

В сентябре 1941 года враг вынужден был приостановить наступление и перейти к обороне. Хотя противнику ценой больших потерь удалось захватить Смоленск, двухмесячное ожесточенное сражение в этом районе создало первую серьезную трещину в пресловутом «плане Барбаросса». Эти сражения явились большой школой для Василия Даниловича как руководителя крупного войскового штаба.

В сентябре 1941 года германское командование подготавливает «генеральное наступление» на Москву, вошедшее в историю под названием операции «Тайфун». На совещании в штабе группы армий «Центр» Гитлер поставил задачу: «Город (имеется в виду Москва. — *Прим. авт.*) должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель, будь то мужчина, или женщина, или ребенок, не могли его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой». К концу сентября гитлеровское командование за счет других фронтов сосредоточило на московском направлении крупнейшую группировку отборных войск и поставило ей задачу окружить и уничтожить советские войска в районе Брянска и Вязьмы, захватить Москву, выйти в тыл наших войск, оборонявших Ленинград.

Западный фронт, в командование которым вступил генерал-полковник И. С. Конев, занимал оборону на участке от озера Селигер до Ельни. В течение сентября войска фронта готовились к отражению наступления противника. Особое внимание уделялось окапыванию войск,

организации противотанковой обороны, накапливанию резервов. Подготавливая оборону, войска Западного фронта впервые в Великую Отечественную войну начали переходить от одиночных ячеек и окопов к сплошным траншеям, что усиливало стойкость войск к обороне.

В одном из распоряжений, составленных штабом фронта, приказывалось мобилизовать все силы армий, дивизий, включая тыловые части и учреждения, с целью закопать все прочно в землю с окопами полного профиля, в несколько линий, с ходами сообщений, с прочными заграждениями, противотанковыми препятствиями, дзотами. За счет развития оборонительных сооружений предписывалось постепенно накапливать армейские резервы.

Штаб фронта, возглавляемый генералом Соколовским, помимо планирования операции, непосредственно в войсках осуществлял помощь командованию в организации обороны. Командующий фронтом и начальник штаба подолгу находились в войсках, организуя их действия непосредственно на местности.

Василий Данилович Соколовский так организовал работу своих подчиненных, чтобы они все время были в курсе всех мероприятий, проводимых противником. Все полученные сведения немедленно обобщались, а выводы оформлялись в виде приказов и распоряжений, отдаваемых войскам. В одном из них говорилось:

«По имеющимся данным противник создает сильную группировку танков, авиации, пехоты в районах Духовщина, Смоленск, Задня, Ярцево, имея в виду в ближайшее время перейти в наступление в общем направлении — Вязьма.

Приказываю:

1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника.
2. Подготовить артиллерию для контрподготовки.
3. Тщательно продумать и подготовить вопросы противотанковой обороны, а также частных и общих контратак.
4. Подготовить противовоздушную оборону для отражения атак авиации противника.
5. Получение и мероприятия донести.

Конев, Лестев, Соколовский.

26 сентября 1941 года».

Враг перешел в наступление 30 сентября против Брянского фронта и 2 октября против Западного фронта. В результате ожесточенных сражений ему удалось прорвать оборону наших войск, окружить армии Западного и Резервного фронтов. Однако они продолжали упорно сопротивляться, даже оказавшись в окружении. Тем самым было выиграно время для организации обороны на Можайском рубеже. К концу октября первое «генеральное наступление» фашистов выдохлось, они вынуждены были перейти к обороне.

Так или иначе, но в начале октябрьского сражения наши войска пережили серьезные военные неудачи. Фронт обороны был прорван, четыре армии Западного и Резервного фронтов оказались в окружении.

В послевоенные годы эти вопросы не раз подвергались широкому обсуждению в нашей печати. Некоторые авторы все сводили к просчетам и ошибкам командования и штаба Западного фронта. В один из вечеров, кажется в феврале 1967 года, я работал вместе с Василием Даниловичем над теоретической статьей в его квартире в Хлебном переулке. Зашел разговор об октябрьских событиях 1941 года на Западном фронте.

— Ошибки и просчеты командования Западного фронта, — сказал Василий Данилович, — разумеется, были. Мы ошиблись в оценке сил и направлений ударов противника. Запоздали с отводом войск из угрожаемых районов. Но, констатируя все это, никак нельзя забывать, что враг удерживал стратегическую инициативу, на его стороне было подавляющее превосходство в силах, особенно в подвижности. А войска Западного фронта были слабо укомплектованы, испытывали острый недостаток в вооружении, боеприпасах. Командование фронтом ставило задачу на проведение контрподготовки, однако из-за недостатка артиллерии и боеприпасов провести ее не удалось. Определенную роль сыграло и то, что действия Западного и Резервного фронтов не были объединены одним командованием, хотя они сражались в одной полосе...

«Генеральное наступление» на московском направлении, как мы знаем, дорого обошлось врагу. По данным начальника штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера, потери немецко-фашистских войск в октябре составили 135 тысяч. По признанию немецких генералов — участников сражений, они были ошеломлены силой сопротивления советских войск и своими огромными по-

терями на подступах к Москве. Так, начальник штаба Четвертой полевой армии генерал Блюментритт признает: «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила». Командующий той же армией генерал Клюге, основываясь на больших потерях его армии в конце октября и письмах солдат домой, советовал командованию группы армий «Центр» отложить наступление на Москву до весны 1942 года.

10 октября в командование Западным фронтом вступил генерал армии Г. К. Жуков. Командование и штаб фронта приняли энергичные меры по восстановлению обороны и организации упорного сопротивления противнику на важнейших направлениях. Надо было создать прочную оборону на рубеже Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Калуга, развить оборону в глубину, создать вторые эшелоны и резервы, организовать разведку, управление, наладить материально-техническое обеспечение, поднять моральное состояние войск. Вспоминая об этих днях, Василий Данилович отмечал, что генерал армии Г. К. Жуков проявил исключительную волю, твердость, выдающиеся организаторские способности, в сложной обстановке он добился организации прочной обороны на подступах к Москве.

В своей работе Георгий Константинович опирался на штаб фронта, возглавляемый генерал-лейтенантом Соколовским. Штаб работал четко и организованно. Было восстановлено управление войсками, реорганизована разведка, из отступающих войск сформированы соединения, организованы инженерные работы на ряде передовых рубежей и в глубине обороны. По инициативе штаба фронта впервые в ходе войны создавались мобильные противотанковые батальоны, сыгравшие важную роль в отражении немецких танковых атак.

Трудно и даже невозможно описать напряженную деятельность начальника штаба фронта в период, когда враг рвался к столице нашей Родины. Однако некоторые детали, видимо, смогут дать представление читателям о том, как большие организаторские способности, творческий ум, замечательная память, умение быстро схватыв-

ать и всесторонне оценивать сложную обстановку и находить лучшее решение помогали Соколовскому успешно выполнить ответственные задачи.

Гитлер торопил своих генералов «в ближайшее время покончить с Москвой». Гитлеровское командование спешно подтягивало резервы, производило перегруппировку своих войск и 15—16 ноября возобновило наступление на Москву.

Западный фронт в ноябре сражался на 600-километровом участке. Советское Верховное Главнокомандование принимало меры по усилению Западного фронта. Организуя оборону, командование фронтом значительную часть резервов сосредоточивало на флангах против ударных группировок противника. На всех направлениях гитлеровские войска встречали упорное сопротивление советских войск; разгорались тяжелые бои за города Клин, Солнечногорск, на Ленинградском и Волоколамском шоссе, в районе Наро-Фоминска, Подольска, на подступах к Туле и на каширском направлении.

Штаб Западного фронта в эти дни работал самоотверженно и организованно, несмотря на сложную обстановку. Он располагался в Перхушкове, в непосредственной близости от сражавшихся войск. 2 декабря в кабинет Соколовского вбежал запыхавшийся адъютант и доложил:

— Товарищ генерал, к штабу приближается большая группировка немецких войск, штаб под угрозой удара противника.

Спокойный взгляд Василия Даниловича скользнул по лицу капитана.

— Только без паники. — Соколовский глубоко вздохнул и еще более спокойно спросил: — Много фашистов?

— Около полка, — ответил еще не пришедший в себя адъютант.

— А что делают наши охранные подразделения?

— Некоторые уже вступили в бой.

— Та-а-ак, — протянул Соколовский и снял телефонную трубку. — Мне командующего.

Доложив о сложившейся обстановке командующему фронтом и категорически отказавшись от переезда на новое место, Соколовский передал через адъютанта свой очередной приказ:

— Штабу продолжать работу. Всем свободным офицерам принять участие в обороне штаба.

Ответив коротко «есть», адъютант побежал выполнять приказание начальника штаба.

Тот факт, что командование и штаб Западного фронта не уходили в тыл, а продолжали руководить войсками с командного пункта, находившегося в непосредственной близости к району боевых действий, имело большое моральное значение для войск. Решающую роль играло то обстоятельство, что штаб обеспечивал устойчивое управление войсками даже в столь опасной обстановке. Следует заметить, что на протяжении всей Великой Отечественной войны почти не было случаев, чтобы штаб фронта находился так близко к полю боя. Это был риск, но он себя вполне оправдал.

Героическим сопротивлением советских войск под Москвой было сорвано наступление гитлеровских полчищ. Уже в конце ноября северо-западнее Москвы противник был, по существу, остановлен, а южнее Москвы Гудериан признавал невозможность выполнить поставленную Гитлером задачу. В результате контрударов советских войск в конце ноября инициатива в действиях на основных направлениях переходит в наши руки.

Кризис наступления немецко-фашистских войск под Москвой создавал предпосылки для успешного контрнаступления на главном стратегическом направлении осени 1941 года. Командующий Западным фронтом генерал-армии Г. К. Жуков и штаб фронта во главе с генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским правильно оценили обстановку, учли, что враг понес огромные потери и его соединения стали крайне малочисленными, вскрылась неподготовленность противника к ведению войны в зимних условиях, а главное — он уже не имел стратегических резервов. Обсудив сложившуюся обстановку, Г. К. Жуков поставил вопрос перед Верховным Главнокомандованием, а В. Д. Соколовский — перед начальником Генерального штаба о включении в состав фронта резервных армий и о подготовке контрнаступления. К такому же выводу приходит и Ставка Верховного Главнокомандования. В штабе фронта 30 ноября на карте разрабатывается план контрнаступления. В разработке его непосредственно участвуют Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, начальник оперативного управления штаба фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин и другие. В тот же день план докладывается в Ставку и утверждается без изменений.

Разумеется, идея контрнаступления вынашивалась как в Ставке, так и в штабе Западного фронта заранее, еще в начале ноября. Однако план контрнаступления заранее не разрабатывался, надо было прежде всего остановить противника, обескровить его ударные группировки. Ответственной задачей в подобной обстановке является определение момента перехода в контрнаступление. Ставка и командование фронтом эту задачу решили блестяще, переход наших войск в контрнаступление для противника оказался неожиданным и был осуществлен с высокими полководческим мастерством.

Даже профессиональным военным, прошедшим всю Великую Отечественную войну, трудно представить работу начальника штаба Западного фронта и всего штаба по управлению войсками в ходе контрнаступления под Москвой. На Западном фронте тогда было десять общевойсковых армий, или шестьдесят девять дивизий (стрелковых, кавалерийских, механизированных и танковых), ВВС фронта; фронт поддерживали, кроме того, Шестой истребительный авиационный корпус Московской зоны ПВО и авиационная оперативная группа И. Ф. Петрова. Фронт вел ожесточенное сражение в полосе шириной 600 километров. Со всеми объединениями надо было поддерживать бесперебойную связь, ставить задачи, получать от них информацию и т. п. Особую роль в этих условиях играла бесперебойная связь. Этому вопросу Василий Данилович уделял большое внимание. Начальником связи фронта работал талантливый связист генерал-майор войск связи Н. Д. Псурцев. С каждой армией штаб фронта имел телефонную связь ВЧ, телеграфную связь, радиосвязь и открытую телефонную связь по проводам, впрочем, последней пользовались редко.

Работая в штабе Сорок девятой армии, я чаще всего сталкивался с оперативной работой штаба Западного фронта. Мы всегда чувствовали, что именно эта сторона его деятельности находится в твердых руках Василия Даниловича.

Генерал Соколовский четко организовал поток информации от штаба фронта до армий и от армий в штаб фронта. В ходе контрнаступления к исходу каждого дня обычно поступали боевые директивы, приказы и боевые распоряжения, которые передавались шифром или по телеграфу и телефону ВЧ, а иногда — офицерами связи. Штабы армий должны были представлять боевые доне-

сения в 6, 12 и 15 часов, итоговое боевое донесение в 19 часов и оперативную сводку в 21 час ежедневно. Обычно такие документы передавались по телеграфу в закодированном виде (закрывались наименования соединений и частей, населенные пункты, должностные лица, остальное передавалось открыто). Этот порядок выдерживался с высокой точностью.

О контрнаступлении под Москвой много написано. Известно, что немцы были отброшены на 150—400 километров на запад, потеряли около полумиллиона солдат и офицеров — цвет вермахта. Гитлер резко реагировал на неудачи своих генералов: от занимаемых должностей были отстранены главнокомандующий сухопутных войск генерал-фельдмаршал фон Браухич, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий танковой армией генерал-полковник Гудериан, а его коллега генерал-полковник Гёпнер был даже разжалован и лишен всех чинов и отличий. Мне хотелось бы, забегая вперед, привести оценку исторической Московской битвы лично В. Д. Соколовским.

В ноябре 1966 года в нашей столице проходила научно-теоретическая конференция, посвященная 25-й годовщине разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. С основным докладом на ней выступил Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский. Участники конференции с большим вниманием выслушали глубокий и содержательный анализ тех исторических событий. Говоря о значении битвы, Василий Данилович отметил, что поражение вражеских войск под Москвой имело громадное политическое и стратегическое значение. В этой битве разгромлены лучшие кадровые войска гитлеровского вермахта, потери составили свыше полумиллиона солдат и офицеров, 75 процентов танковых и механизированных войск было разбито под Москвой. Развев миф о непобедимости немецкой армии. Гитлеровский план «молниеносной войны» против нашей страны полностью провалился. Немецко-фашистская армия была вынуждена впервые с начала второй мировой войны перейти к обороне. Вместо ожидавшейся скорой победы фашистская Германия встала перед фактом затяжной, проигрышной войны. Победа Советской Армии под Москвой оказала также большое влияние на ход военных операций на других театрах военных действий, способствовала еще большему сплочению антигитлеровской коалиции и усилению нацио-

нально-освободительной борьбы в поработанных гитлеровской Германией странах.

В битве под Москвой ярко проявился талант Соколовского как крупного военачальника. Он показал умение проникнуть в замыслы врага, быстро определить круг мероприятий, обеспечивающих наилучшее выполнение принятого нашим командованием решения, целеустремленно направить усилия генералов и офицеров штаба на выполнение поставленных задач. Все это обеспечило четкую работу в самых сложных условиях обстановки. Родина высоко оценила ратные дела Соколовского, наградив его за битву под Москвой орденом Ленина.

В связи с болезнью начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова в начале 1942 года В. Д. Соколовский непродолжительное время работает первым заместителем начальника Генерального штаба. Вскоре его снова направляют на фронт, сначала на должность начальника штаба при главнокомандующем западного направления, а после упразднения этого командования (май 1942) — начальником штаба Западного фронта. В июне 1942 года ему присваивается воинское звание генерал-полковник.

Летом 1942 года Западный фронт проводил ряд частных операций: в июле наступательную операцию на Брянском направлении против Второй танковой армии немцев; в августе — Ржевско-Вяземскую операцию по ликвидации немецкой группировки в Ржевском выступе. Эти и некоторые другие операции, хотя они и не привели к крупным территориальным успехам, сковали крупную группировку немецко-фашистских войск на центральном направлении, состоявшую из отборных соединений. Тем самым гитлеровскому командованию не удалось маневрировать этими силами на юг, где происходили ожесточенные сражения.

После отъезда Г. К. Жукова в Москву в связи с назначением заместителем Верховного Главнокомандующего (с 27 августа 1942 года) генерал-полковник В. Д. Соколовский некоторое время исполнял обязанности, а в феврале 1943 года был утвержден в должности командующего войсками Западного фронта.

В течение февраля и марта Западный фронт под его

командованием успешно провел наступательную операцию по ликвидации Ржевско-Вяземского плацдарма немецко-фашистских войск. Эта операция была подготовлена успешными действиями наших войск под Курском и в районе Орла. Гитлеровское командование вынуждено было перебросить часть сил группы армий «Центр» для усиления своих группировок на этих направлениях. Боясь нового Сталинграда и полного разгрома главных сил группы армий «Центр», оно приняло решение вывести свои войска из опасного «мешка».

О подготовке противника к отходу с плацдарма нашему командованию было известно. Западный фронт не располагал достаточными силами и средствами для прорыва его обороны. Командующий войсками фронта поставил задачу армиям не допустить отрыва вражеских частей и соединений, смело выходить на пути отхода, не давая им возможности организовать оборону на промежуточных рубежах.

Операция началась 27 февраля. Противнику не удалось оторваться от наших войск, преследование велось неотступно. Вскоре стали прибывать на усиление фронта стрелковые и артиллерийские дивизии, танковые и механизированные корпуса. Решением командующего фронтом они с ходу вводились в сражение. Обстановка для фашистских захватчиков резко ухудшилась, они уже не могли планомерно отступать, организуя оборону на промежуточных рубежах. Наши войска наносили чувствительные удары по противнику, окружали и уничтожали немецкие дивизии. К концу марта враг был отброшен на 130—160 километров. Положение Западного фронта значительно улучшилось, линия фронта сократилась почти на 300 километров. Западный фронт занял более выгодную позицию для дальнейшего продвижения вперед. За успешное выполнение этой операции генерал-полковник В. Д. Соколовский был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Летом 1943 года войска Западного фронта под командованием Соколовского (в августе ему было присвоено воинское звание генерала армии) успешно провели две наступательные операции — Орловскую во взаимодействии с Брянским и Центральным фронтами и Смоленскую во взаимодействии с Калининским фронтом.

В Орловской операции Западный фронт участвовал армиями своего левого крыла. Его войскам впервые пред-

стояло прорывать сильную, глубоко эшелонированную оборону противника, которую тот готовил около двух лет.

По решению командующего фронтом эта задача была возложена на Одиннадцатую гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна, ныне Маршала Советского Союза. Сильно укрепленную оборону противника невозможно было прорвать в одиночном боевом порядке. От командующего войсками фронта и командующего армией потребовалось высокое творчество, смелый подход к решению задачи прорыва. Они решили создать глубокое оперативное построение армии, высокой плотностью войск, танков, артиллерии и авиации на участке прорыва. Соединения строили свои боевые порядки в два-три эшелона, корпуса и дивизии получили узкие полосы прорыва (до 4 и 2 километров соответственно). Впервые за всю Великую Отечественную войну на участке прорыва создавались плотности до 200—260 орудий и минометов на 1 километр фронта. Такое построение войск обеспечивало надежное огневое подавление противника и своевременное наращивание усилий маневром вторых эшелонов и резервов.

12 июля Одиннадцатая гвардейская армия после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешла в наступление. К исходу 13 июля она прорвала оборону немцев на глубину до 25 километров. Это был замечательный успех. В последующие дни развернулись исключительно ожесточенные бои. Западному фронту противостояли отборные гитлеровские войска, возглавляемые специалистом по обороне генерал-полковником Моделем. Гитлеровское командование непрерывно перебрасывало резервы и войска с других участков, намереваясь любой ценой остановить наступление наших войск. Однако армии Западного фронта (помимо Одиннадцатой гвардейской, в наступление перешли Пятидесятая, Одиннадцатая общевойсковая и Четвертая танковая армии) упорно ломали сопротивление врага и к концу июля подошли к железной и шоссеиной дорогам Орел — Брянск. Тем самым была создана угроза окружения всей орловской группировки противника. Враг вынужден был оставить Орловский плацдарм. За успешное проведение Орловской операции генерал армии В. Д. Соколовский был награжден орденом Кутузова 1-й степени.

В ходе Орловской операции Западный фронт подготовил и другую — Смоленскую наступательную опера-

цию. О значении, которое придавалось Смоленской наступательной операции, свидетельствует такой факт, что в ходе ее подготовки, 3 августа 1943 года, на командный пункт фронта в район Юхнов прибыл Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, что, как известно, случалось крайне редко. Сталин интересовался ходом подготовки операции, боевой готовностью войск, их положением на фронте, количеством артиллерии и танков, которые должны были поддерживать наступление, оперативной маскировкой, расстановкой руководящих кадров командного состава. Командующий фронтом и его ближайшие помощники сделали исчерпывающие доклады Верховному Главнокомандующему. Сталин дал указания по организации и проведению операции и убыл в Москву. Западному фронту была поставлена задача во взаимодействии с Калининским фронтом прорвать оборону немцев, разгромить их смоленскую группировку и выйти на территорию Белоруссии.

Смоленская операция проводилась в сложных условиях. Западный фронт занимал участок от Ярцево до Кирова. Ему противостояли отборные немецкие дивизии, входившие в группу армий «Центр». Немцы подготовили оборону глубиной свыше 100 километров с сильными полевыми укреплениями. В составе фронта насчитывалось десять армий, танковый, механизированный и кавалерийский корпуса. Однако в дивизиях имелся большой некомплект личного состава, они были слабо обеспечены боевой техникой и особенно боеприпасами. Четвертая танковая армия, предназначавшаяся для поддержки Западного фронта, уже участвовала в Орловской операции. Ставка не могла выделить Западному фронту необходимое количество боеприпасов, авиации, артиллерии и танков, так как основные события происходили на южных участках советско-германского фронта.

Операция началась 7 августа и завершилась в октябре 1943 года. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Немецко-фашистское командование непрерывно усиливало свою группировку переброской соединений с других направлений (с 1 по 18 августа, например, было подтянуто с других участков 11 дивизий). Однако сдерживать наступление наших войск противнику не удалось. Войска фронта продвинулись на 200 километров, нанесли серьезное поражение группе армий «Центр», освободили Смоленскую область и древний русский город

Смоленск, на левом крыле вступили в пределы Белоруссии.

На завершающем этапе Смоленской операции в состав Западного фронта прибыла первая польская дивизия имени Тадеуша Костюшко под командованием Э. Берлинга. Это была полнокровная дивизия, полностью оснащенная боевой техникой и хорошо обученная. Она сосредоточилась вблизи тылов нашей Сорок девятой армии. Мы сразу же узнали о прибытии дивизии, все наши воины относились с большой чуткостью и уважением к польским воинам — братьям по оружию. Нечего греха таить — мы, офицеры Советской Армии, немного завидовали этой дивизии. Наши соединения уже изрядно измотались в результате непрерывных тяжелых боев, их укомплектованность не превышала 3—4 тысяч человек. Так всегда было на завершающем этапе операций Великой Отечественной войны. А польская дивизия в своем составе насчитывала 18 тысяч человек, каждый боец был хорошо вооружен, одет, подтянут.

Командующий войсками Западного фронта генерал армии Соколовский решил польскую дивизию ввести в бой в полосе Тридцать третьей армии под деревней Ленино и поставил ей задачу прорвать оборону немцев на западном берегу реки Мерея. Для поддержки дивизии была выделена артиллерия и авиация. Мне довелось видеть наступление этой дивизии с наблюдательного пункта командующего Сорок девятой армией, действовавшей по соседству с Тридцать третьей. Польские воины вслед за огнем валом преодолели болотистую пойму и реку Мерею и по всем правилам военного искусства стремительно ринулись вперед. Все, кто наблюдал эту атаку, не могли не отметить воинской доблести польских солдат и офицеров. Гитлеровцы стремились любой ценой сорвать наступление дивизии, они бросили против нее авиацию, резервы. Однако эти их попытки не смогли остановить польских воинов, дивизия прорвала оборону противника на своем участке, проникла в глубину и двое суток вела упорные бои бок о бок с советскими войсками. Годовщина этого боя теперь ежегодно отмечается в Польской Народной Республике как День Войска Польского. В 1968 году на месте боя первой польской дивизии выстроен величественный памятник с панорамой, увековечившей подвиг польских и советских воинов в районе Ленино в годы Великой Отечественной войны.

Об умении Василия Даниловича творчески решать стоящие боевые задачи свидетельствует и такой боевой эпизод. Сорок девятая армия не входила в состав главной ударной группировки фронта. Однако ее войска успешно вели наступление во взаимодействии с соседними армиями. Однажды врагу удалось приостановить наступление главной ударной группировки фронта на одном важном промежуточном рубеже. Две же дивизии нашей армии в ночном бою сумели прорвать его оборону. Требовалось немедленно развить успех. Однако в составе самой армии не было подвижных соединений. Когда решался этот вопрос, в штаб армии прибыл Василий Данилович. Он заслушал решение командующего армией генерал-лейтенанта И. Т. Гришина, которое сводилось к тому, чтобы немедленно ввести в сражение две резервные дивизии, расширить прорыв и одновременно развивать успех в глубину. Василий Данилович одобрил это решение, приказал стянуть артиллерию, танковый полк и противотанковые средства к участку прорыва и тут же отдал распоряжение о вызове штурмовой и истребительной авиации для поддержки наступления.

Отдав все распоряжения, Василий Данилович вышел на улицу отдохнуть. Штаб армии располагался в деревне, чудом уцелевшей. Стояла прекрасная погода. Василий Данилович долго ходил по тропинке вдоль сада. А тем временем появились наши самолеты. Начали вступать в сражение свежие дивизии. Несмотря на упорное сопротивление немцев, их оборона была сломлена, они вынуждены были оставить занятый рубеж.

В ходе Смоленской операции мне часто приходилось присутствовать при докладах командующего Сорок девятой армией генерал-лейтенанта И. Т. Гришина своих решений командующему фронтом В. Д. Соколовскому. Мне и самому неоднократно доводилось докладывать по телефону ВЧ обстановку в полосе армии командующему фронтом. Это обычно случалось тогда, когда в полосе наступления армии происходили какие-либо заминки, неприятности или какие-либо важные события — скажем, ввод в бой корпуса второго эшелона. В таких случаях командующий и нередко начальник штаба выезжали в войска, на командном пункте у ВЧ оставляли меня (я в это время был начальником оперативного отделения штаба армии). Я не помню случая, чтобы Василий Данилович выходил из себя даже в самых трудных ситуациях

боевой обстановки. Он внимательно выслушивал доклад, сам наносил обстановку на карту (это чувствовалось по уточняющим вопросам), давал четкие указания и заставлял их повторить, чтобы убедиться, правильно ли поняты его указания. Не было случая, чтобы Соколовский выражал недовольство тем, что обстановку ему, командующему фронтом, докладывал не командующий или начальник штаба армии. Он лишь спрашивал, где Гришин и Пастушихин и знаю ли я обстановку. Само собой разумеется, что я немедленно передавал указания командующего фронтом командующему армией и начальнику штаба по средствам связи или посылая офицера.

Помню и такой случай. Войска нашей армии во время наступления были задержаны противником на одном из очередных рубежей. Попытки прорвать оборону противника с ходу не дали желаемых результатов. Подтянув артиллерию и резервы, армия снова перешла в наступление, однако из-за недостаточного огневого подавления противника прорыв его обороны снова не удался. Бои длились непрерывно трое суток. Наконец враг не выдержал и ночью начал отводить свои войска на запад. Передовые отряды дивизий неотступно его преследовали. Однако главные силы несколько задержались. Командиры передовых отрядов об отходе противника, поскольку еще днем он оказывал упорное сопротивление. Все это задержало доклад армии в штаб фронта об изменении обстановки. Через два часа после нашего первого доклада была получена телеграмма от начальника штаба фронта генерала А. П. Покровского, в которой он от имени командующего фронтом в резкой форме указывал нам на нарушение незыблемого правила наших уставов и наставлений, требующих немедленного доклада вверх при неожиданном изменении обстановки (начало отхода противника). Мы знали, что подобные промахи не останутся безнаказанными, Василий Данилович был строг на этот счет. Лишь успешные действия войск армии, прорыв очередного рубежа обороны, на котором гитлеровцы рассчитывали задержать наступление наших войск, избавили нас тогда от строгого наказания.

За успешное проведение Смоленской операции В. Д. Соколовский награжден вторым орденом Суворова 1-й степени.

Зимой 1944 года Западный фронт проводил частные операции в районе Витебска и других районах. Больших успехов в этих боях фронт не добился. Он не располагал необходимыми силами и средствами для разгрома группировки немецко-фашистских войск в Белоруссии. Ведению крупных наступательных операций зимой не благоприятствовал и район действий. По этому поводу можно привести выдержку из документа, собственноручно написанного Василием Даниловичем:

«Я, как командующий Западным фронтом, лично докладывал Верховному Главнокомандующему, что условия местности в «Смоленских воротах» — этом лесисто-болотистом дефиле — не позволяют вести зимой широкие наступательные действия даже при наличии необходимых сил, и просил искать решения севернее или южнее «Смоленских ворот».

То же самое докладывал в Ставку ВГК и ее представитель на Западном фронте маршал артиллерии Н. Н. Воронов.

Остается еще добавить, что в ту зиму 1944 года болота, разрытые торфоразработки Оршской ГРЭС ввиду неустойчивости зимы и частых оттепелей не замерзли, а лишь покрылись снегом. Не только танки, но и люди неожиданно проваливались в зыбкую топь...

Однако Ставка, зная обо всех трудностях, которые испытывали войска фронта, тем не менее требовала продолжения наступления. Следовательно, для нее в тех условиях было важно, чтобы войска Соколовского продолжали активно сковывать противостоящие силы врага, не позволяя ему перебрасывать их на другие участки советско-германского фронта. Трудно себе представить, что Ставка могла рассчитывать на какие-либо значительные действия Западного фронта в той конкретно сложившейся обстановке да еще после того, когда из его состава ею были изъяты две общевойсковые армии, механизированный корпус и некоторые другие соединения.

В 1946 году был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Василию Даниловичу Соколовскому высокого звания Маршала Советского Союза.

Но это было уже после войны, а в 1944 году в соответствии с постановлением ГКО от 12 апреля 1944 года Западный фронт был разделен на два — Второй и Третий Белорусские. А его командующий был назначен на

должность начальника штаба Первого Украинского фронта.

Вскоре В. Д. Соколовский прибыл к новому месту службы. А вслед за этим в командование Первым Украинским фронтом вступил Маршал Советского Союза И. С. Конев. Не первый раз сходились военные дороги этих двух выдающихся военачальников, им не требовалось узнавать друг друга и срабатываться. Василий Данилович сразу же по приезде полностью окунулся в привычную и беспокойную стихию работы большого штаба.

В начале лета 1944 года Первый Украинский фронт занимал оборону на львовском направлении, имея перед собой сильную немецкую группу армий «Северная Украина». 24 июня Ставка поставила ему задачу подготовить и провести операцию с целью разгромить группировку противника на львовском и рава-русском направлениях. Фронт приступил к планированию операции, которая впоследствии получила название Львовско-Сандомирской.

Планирование такой операции представляло сложную задачу. Первый Украинский фронт имел в своем составе семь общевойсковых, три танковые и две воздушные армии — это в общей сложности 80 дивизий, помимо многих соединений и частей усиления. В его составе был и первый чехословацкий корпус под командованием генерала Свободы. Планирование операции осуществляли лично Конев, Соколовский и небольшая группа штабных генералов и офицеров.

Львовско-Сандомирская операция началась 13 июля и длилась до конца августа. В ходе ее войска фронта окружили и полностью уничтожили группировку противника в районе Броды (восемь дивизий), освободили Львов, положили начало освобождению дружественного польского народа, форсировали реку Висла и захватили знаменитый Сандомирский плацдарм. Операция отличалась высокой маневренностью, своеобразным вводом в прорыв танковых армий (две танковые армии вводились одна за другой по узкому коридору), переносом ударов с одного направления на другое, поучительными действиями подвижных групп в тылу противника, активными действиями больших масс авиации. В ходе операции Василий Данилович умело направлял деятельность штаба по руководству войсками, неоднократно выезжал на различные участки фронта, где обстановка усложнялась. За успеш-

ное проведение Львовско-Сандомирской операции генерал армии В. Д. Соколовский был награжден вторым орденом Кутузова 1-й степени.

Зимой 1945 года штаб Первого Украинского фронта во главе с Соколовским провел огромную работу по планированию и организации Висло-Одерской операции — крупнейшей стратегической наступательной операции Великой Отечественной войны. Первый Украинский фронт в тот период включал в себя восемь общевойсковых, две танковые и одну воздушную армии. Было принято решение нанести один мощный удар с Сандомирского плацдарма на участке в 39 километров. Здесь и сосредоточивались главные силы фронта, и создавались высокие плотности артиллерии, танков и авиации.

Коллектив штаба фронта работал с большим напряжением, вкладывая весь свой опыт и умение. Планирование операции проводилось в глубокой тайне. Перегруппировка и сосредоточение войск осуществлялось скрытно, только ночью, разведка велась по всему фронту, артиллерия проводилась отдельными орудиями и минометами, боевые порядки войск и все подготовительные мероприятия тщательно маскировались.

12 января 1945 года после мощной артиллерийской подготовки в сопровождении двойного огневого вала советские войска перешли в атаку. Оборона противника была быстро преодолена, введены в прорыв танковые армии, ударная группировка фронта устремилась на запад. 15 января был освобожден польский город Кельце. 17 января — крупный промышленный и административный центр Ченстохов, а 19 января — древний польский город Краков. За 20 дней войска фронта продвинулись на 250 километров, форсировали реку Одер и захватили обширный плацдарм.

Висло-Одерская операция отличалась небывалыми темпами, стремительностью маневра танковых войск, массовым использованием больших масс артиллерии, авиации. В ней проявились лучшие черты советского военного искусства, высокое мастерство командования и штабов взаимодействовавших фронтов, в том числе Первого Украинского фронта. Генерал армии В. Д. Соколовский за успешное проведение Висло-Одерской операции был удостоен награждения третьим орденом Суворова 1-й степени.

Бывший генерал немецко-фашистской армии Меллен-

тин писал по поводу нашей победы в Висло-Одерской операции: «...русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

Весной 1945 года Первый Украинский фронт одновременно с Первым и Вторым Белорусскими фронтами развернул подготовку Берлинской операции — завершающей операции Великой Отечественной войны. Замысел советского Верховного Главнокомандования сводился к тому, чтобы прорвать оборону врага на нескольких направлениях, рассеять его группировку, окружить гарнизон Берлина и захватить город. Первый Белорусский фронт наступал с Кюстринского плацдарма на Берлин. Первый Украинский фронт наносил удар из района Трибеля в обход Берлина с юга и второй — на Дрезден.

Штаб Первого Украинского фронта в сжатые сроки провел огромную работу по планированию и подготовке Берлинской операции. На направлении главного удара, как и в других операциях, создавались высокие плотности артиллерии, авиации и танков. Детально планировалась артиллерийская и авиационная подготовка, форсирование реки Нейсе, ввод в прорыв танковых армий, накопление необходимых материальных средств. Весь личный состав штаба, воодушевленный близкой победой, работал под руководством Василия Даниловича с энтузиазмом. А перед самым началом операции решением Ставки генерал В. Д. Соколовский был назначен первым заместителем командующего войсками Первого Белорусского фронта.

Сдав свои обязанности генералу армии И. Е. Петрову, В. Д. Соколовский 15 апреля выехал в штаб Первого Белорусского фронта. Василий Данилович с чувством большого удовлетворения воспринял свое новое ответственное назначение. В последние и решающие дни Великой Отечественной войны, как и в период битвы за Москву, он вновь оказался, таким образом, вместе с маршалом Г. К. Жуковым, работая под его командованием. Встреча двух военачальников произошла в теплой и в то же время деловой обстановке. Времени до начала опе-

рации оставалось совсем немного. Георгий Константинович познакомил Соколовского с обстановкой и дал указания о порядке работы по управлению войсками фронта.

Василий Данилович отправился на командный пункт командующего Пятой ударной армией генерал-полковника Н. Э. Берзарина. Этой армии предстояло прорывать оборону противника на направлении главного удара фронта. За два часа до рассвета началась мощная артиллерийская подготовка. Затем при свете 143 прожекторов войска фронта в сопровождении огневого вала перешли в атаку. Развернулось гигантское ожесточенное сражение. Используя выгодные для обороны условия местности, особенно в районе Зееловских высот, многочисленные каналы, реки, маневрируя резервами и прежде всего танковыми и моторизованными дивизиями, враг пытался любой ценой сдержать наступление наших войск. Однако все его попытки оказались тщетными. Советские войска уверенно продвигались вперед, ломая сопротивление противника. В ходе прорыва главной полосы обороны командующий фронтом решил ввести в сражение две танковые армии. К этому времени Василий Данилович приехал на командный пункт командующего Второй гвардейской танковой армией генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова, чтобы оказать помощь на месте. И в дальнейшем ходе наступления он непрерывно находился в войсках, организуя взаимодействие, контролируя и помогая выполнять распоряжения и приказы командования.

К 20 апреля войска фронта вплотную подошли к Берлину с севера и северо-востока. Гитлер предпринял лихорадочные усилия, чтобы остановить наступление советских войск. Срочно формировались новые отряды фольксштурма. На оборону Берлина были брошены полиция и выпущенные из тюрьмы уголовные преступники. Кстати, к этому времени, по существу, прекратилось сопротивление наступлению союзников на западном фронте. В городе сосредоточилась 300-тысячная группировка немецко-фашистских войск. Однако ничто уже не могло помочь Гитлеру.

Войска Первого Белорусского фронта одновременно атаковали Берлин на широком фронте и на ряде направлений проникли в центральные кварталы. В течение десяти дней продолжались жестокие уличные бои. Непосредственное руководство войсками, действовавшими в

центре города, по распоряжению Маршала Советского Союза Г. К. Жукова осуществлял генерал армии В. Д. Соколовский. Его можно было встретить на командных пунктах армии, корпуса, дивизии — там, где произошла заминка, он помогал более четко организовать действия наступающих частей, там же, где обозначался успех, принимал все меры, чтобы немедленно его развить. Генерал-полковник А. И. Радзиевский, бывший начальник штаба Второй гвардейской танковой армии, вспоминает, как в разгар уличного боя ему довелось встретиться с Василием Даниловичем под сильным огнем противника. Радзиевский упрашивал Василия Даниловича уйти в укрытие. Однако Соколовский оставался на месте, пока не обозначился наш успех на этом участке. Он не оставил поле боя и оставался на месте даже после того, когда получил серьезную контузию от близкого разрыва вражеского снаряда.

В 3 часа ночи 1 мая линию фронта перешел начальник штаба сухопутных войск Германии генерал пехоты Кребс. Он был доставлен в штаб Восьмой гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник В. И. Чуйков (ныне Маршал Советского Союза). Командующий фронтом приказал своему заместителю отправиться для ведения переговоров. Когда Соколовский встретился с Кребсом, тот заявил, что Гитлер покончил самоубийством, образовано новое германское правительство и что он, Кребс, уполномочен просить условия капитуляции. От имени советского Верховного Главнокомандования Соколовский ему заявил:

— Военные действия могут быть прекращены лишь при условии безоговорочной капитуляции. Личному составу гарантируется неприкосновенность, офицерам разрешается оставить при себе холодное оружие. Советское командование обещает помочь членам германского правительства связаться с правительством Дёница, находящимся в Мекленбурге, чтобы начать переговоры о перемирии.

В 5 часов 1 мая Василий Данилович позвонил командующему фронтом и доложил:

— Что-то они хитрят. Кребс заявляет, что не уполномочен решать вопросы о безоговорочной капитуляции. Этот вопрос, по его словам, может решать только новое правительство Германии во главе с Дёницем. Кребс добивается перемирия якобы для того, чтобы собрать в

Берлине правительство Дёница. Думаю, нам следует категорически требовать безоговорочной капитуляции.

— Верно, — одобрил решение Соколовского Жуков.

Получив условия капитуляции, Кребс отправился обратно. Как известно, в тот момент гитлеровское командование не согласилось на безоговорочную капитуляцию, бои в городе продолжались.

В 6 часов утра 2 мая сдался в плен комендант Берлина генерал Вейдлинг, а затем началась массовая сдача в плен немецких войск. В 15 часов 2 мая сопротивление берлинского гарнизона прекратилось, фашистская Германия капитулировала. Крупнейшая в военной истории Берлинская операция, в которой участвовали с двух сторон 3,5 миллиона человек, 50 тысяч орудий, 8 тысяч танков, 9 тысяч самолетов, завершилась полным разгромом группировки противника, развалом военной машины гитлеровской Германии, крахом фашистского режима. Она достойно венчала величайший подвиг советских людей в период Отечественной войны и означала триумф советского военного искусства.

В Берлинской операции с новой силой проявился полководческий талант Василия Даниловича Соколовского. Аттестуя его по службе в июле 1945 года, Главнокомандующий Группы советских оккупационных войск в Германии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал: «Высокой культуры, с большой военной эрудицией и организаторскими способностями генерал... Обладает большой силой воли и твердостью характера, смелый и энергичный, решительный и инициативный, постоянно требовательный к себе и подчиненным... В период Берлинской операции непосредственно руководил боевыми действиями по овладению Берлином и успешно выполнял задания командования фронтом».

Советское правительство, весь советский народ высоко оценили ратный подвиг Василия Даниловича Соколовского в Берлинской операции. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В первые послевоенные дни мне довелось дважды встречаться с Василием Даниловичем в Берлине. Насколько я помню, в середине мая 1945 года проходило совещание руководящего состава войск, находившихся на территории Германии. На совещание были пригла-

шены командующий, член Военного совета и начальник штаба нашей, Сорок девятой армии. Я их сопровождал как исполнявший обязанности начальника оперативного отдела. Здесь, почти через три года после первой встречи, я вновь увидел Василия Даниловича. Он почти не изменился, разве лишь добавились складки на мужественном лице да явственнее стала проглядываться седина на висках.

Вскоре после совещания нам была поставлена задача передать войска в состав Группы советских оккупационных войск в Германии, а штаб армии и части армейского подчинения передислоцировать на территорию СССР. Был разработан соответствующий план, и мне поручили доставить его в штаб Группы войск, одновременно доложив заместителю главкома генералу армии В. Д. Соколовскому о ходе выполнения приказа. Это было в начале июня 1945 года. Приехав из Витштока в Берлин, я сравнительно легко нашел особняк, где работал Василий Данилович. Меня встретил порученец В. Д. Соколовского полковник Вильямидов — старый знакомый. После его доклада Василий Данилович тотчас меня принял. Я представился и доложил о документах. К моему удивлению, Василий Данилович вспомнил нашу первую встречу весной 1942 года. Он тепло говорил о генерале И. Г. Захаркине, которого уже не было в живых. Затем спросил о моей службе, о планах на будущее. Я ответил, что солдат служит там, где ему прикажут. Генерал улыбнулся и велел сдать документы в штаб, а самому возвращаться в армию.

...В марте 1946 года В. Д. Соколовский был назначен Главнокомандующим Группы советских оккупационных войск в Германии и Главным начальствующим Советской военной администрации в Германии. Одновременно он являлся членом Контрольного совета от СССР по управлению Германией, куда входили по одному представителю от США, Великобритании и Франции.

В это время в советской зоне оккупации, как и во всей Германии, не было немецкого правительства. На Советскую военную администрацию возлагалось руководство политической, экономической и культурной жизнью немецкого народа в Восточной зоне. В ее задачу входило: проведение демилитаризации, денацификации, отмена фашистского законодательства, демократизация всей жизни, ликвидация наиболее тяжелых послед-

ствий войны, нормализация жизни, восстановление экономики, организация снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости и т. п.

Советская военная администрация под руководством Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского выполнила огромную работу. Она пробудила активность народных масс Восточной Германии, предоставила им право самим решать, какой должен существовать общественный строй, помогла строить миролюбивую, антиимпериалистическую Германскую Демократическую Республику, обуздать реакцию, не допускала вмешательства империалистических государств во внутренние дела немецкого народа. Она передавала опыт советского народа в развитии экономики, науки, техники, культуры, притом не механически, а с учетом традиций немецкого народа. Вся деятельность Советской военной администрации способствовала укреплению дружбы и сотрудничества между советским и немецким народами. Президиум Верховного Совета СССР за успешное руководство деятельностью Советской военной администрации в Германии наградили Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского орденом Ленина.

Советская военная администрация исполняла свои обязанности до 1949 года, когда было создано временное правительство Германской Демократической Республики.

Сейчас в буржуазной прессе, особенно в печати ФРГ, проскальзывают недружелюбные выпады по поводу деятельности Советской администрации в Германии. Но мировая прогрессивная общественность отмечает клеветнические доводы. В этой связи заслуживают внимания высказывания депутата английского парламента лейбориста Зиллиакуса, посетившего в свое время советскую оккупационную зону в Германии. Вот что он писал: «Я восхищен работой советских оккупационных властей, которые с таким вниманием и таким гуманизмом налаживали жизнь в своей зоне, предоставив демократическим силам полную свободу действий. Русские генералы, стоящие во главе Военной администрации, произвели на меня такое впечатление. Это люди, полностью компетентные в своей области, они всемерно помогают немецкому народу в восстановлении экономики и гордятся успехами, достигнутыми под их руководством».

В знак признания высоких заслуг в укреплении друж-

бы между советским и немецким народами и сохранении мира правительство Германской Демократической Республики в 1959 году наградило В. Д. Соколовского Золотым орденом за заслуги перед Отечеством. Председатель Совета Министров ГДР О. Гротеволь, поздравляя маршала Соколовского по этому поводу, писал: «Сегодня, через 15 лет после освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма, Вы можете с глубоким удовлетворением оглянуться назад. Ваша исключительная решимость и энергия, Ваша бескорыстная поддержка при восстановлении нашей политической, экономической и культурной жизни продолжают оказывать влияние на наш народ, они создали и укрепляют дружбу между нашими народами и представляют для нас неоценимую помощь в строительстве социализма в Германской Демократической Республике».

Я благодарю Вас за огромную работу, имеющую большое значение для немецкого народа и его развития, и желаю Вам здоровья и счастья, личного благополучия и наилучших успехов в строительстве коммунизма».

В 1965 году правительство ГДР наградило В. Д. Соколовского почетной застёжкой с бриллиантами и Золотым орденом за заслуги перед Отечеством — высшей наградой ГДР.

Послевоенный период в жизни В. Д. Соколовского до предела был насыщен напряженнейшей творческой работой, направленной на повышение боевой мощи Советских Вооруженных Сил. В марте 1949 года он был назначен первым заместителем министра обороны СССР, а в июле 1952 года — начальником Генерального штаба Советских Вооруженных Сил и первым заместителем министра обороны. Василий Данилович пришел на эти ответственные посты, обладая высокой культурой, глубокими знаниями военного дела, огромным опытом командной и штабной работы, большим политическим багажом.

Более одиннадцати лет В. Д. Соколовский работал в Министерстве обороны, из них восемь лет на посту начальника Генерального штаба. В этот период в Советских Вооруженных Силах шел процесс бурного развития, небывалого роста боевого могущества, происходили истинные революционные изменения во всех областях военного дела. И все это совершалось в сложной международной обстановке, когда империалистические страны,

прежде всего США, открыто готовили ядерную войну. Надо было находить правильное решение сложнейших проблем военного строительства, чтобы надежно обеспечить безопасность Родины, мирный труд советского народа — строителя коммунизма.

Правильно понимая политику партии в области советского военного строительства, В. Д. Соколовский, будучи начальником Генерального штаба, неуклонно претворял ее в жизнь. Когда усилиями советских ученых в нашей стране было создано атомное и термоядерное оружие, встал вопрос, в каком направлении развивать его, какие запасы создавать, чтобы надежно обеспечить обороноспособность страны в условиях усиления агрессивности империализма и угрозы ядерного нападения. Эта проблема успешно решена при большом и активном личном участии Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского.

Не менее сложные проблемы возникали и в связи с созданием носителей ядерного оружия. В США в то время усиленно развивалась стратегическая авиация, которая рассматривалась в качестве основного носителя ядерных бомб. В Советском Союзе были своевременно выявлены преимущества ракетного оружия, определено его значение для обороны страны. В составе Советских Вооруженных Сил создается новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения. Создание и становление их проходило под неослабным и повседневным руководством Центрального Комитета нашей партии. В. Д. Соколовский приложил немало усилий для претворения в жизнь указаний партии по жизненно важным для обороны страны вопросам.

Коммунистическая партия своевременно определила пути военного строительства в новых условиях. Появление ракетно-ядерного оружия повлекло за собой перевооружение и реорганизацию Советских Вооруженных Сил. Это, в свою очередь, потребовало пересмотра многих положений военной доктрины, определения характера и способов ведения ракетно-ядерной войны, решения проблем начального периода войны, нового подхода к решению вопросов боевой готовности Вооруженных Сил, обучения и воспитания личного состава. Одновременно решались вопросы укрепления боевого сотрудничества с армиями социалистических стран.

Неуклонно руководствуясь политикой партии, направленной на развитие Вооруженных Сил и постоянное по-

вышение их боевой готовности, В. Д. Соколовский активно участвовал в разработке многих из этих проблем. С особой силой проявился его талант в области военной стратегии. Он много работал, часто засиживался в своем кабинете по ночам, регулярно собирал к себе ближайших помощников, с которыми обсуждал наиболее сложные проблемы военного строительства и военного искусства. Василий Данилович часто выступал с лекциями и докладами перед руководящим составом Вооруженных Сил по новым вопросам, на страницах военной печати регулярно появлялись его статьи. Его устные и печатные выступления отличались глубиной проникновения в сложные проблемы, творческим подходом к их разрешению, убедительностью и доходчивостью. Конечно, многие выдвигаемые им новые положения в той или иной области часто вызывали несогласия, дискуссии. Однако Василий Данилович обладал замечательным умением научно обосновать, убедительно доказать свою точку зрения.

В период работы в Генеральном штабе особенно заметно проявились и такие замечательные качества, присущие Соколовскому, как высокая принципиальность, рассудительность, глубокий и гибкий подход к решению сложных вопросов, мужество, настойчивое претворение в жизнь правильных решений, умение опереться на коллег, прислушаться к разумному совету и взять на себя всю полноту ответственности. Своей энергией, настойчивостью, внимательным отношением к людям Василий Данилович пробуждал инициативу, творческий подход к делу. При подготовке сложных вопросов исполнителям не всегда сразу удавалось нащупать нужные пути, случались и просчеты. В живом деле это неизбежно. Василий Данилович в таких случаях реагировал спокойно, терпеливо разбирал ошибки, не размениваясь на мелочи, добивался, чтобы исполнитель понял, вник в существо дела.

Помнится, как в конце 1958 года группе генералов и офицеров Генерального штаба В. Д. Соколовский поручил разработать один документ по вопросам военного искусства, который отражал бы происходящие процессы революционных изменений в военном деле, обусловленных появлением ракетно-ядерного оружия. Василий Данилович вызвал всех нас, исполнителей, и дал указания по содержанию работы. После напряженного труда документ был подготовлен и доложен начальнику Генераль-

ного штаба. А вскоре было назначено совещание, на котором Василий Данилович провел обстоятельный анализ выполненной работы. Он показал, что документ грешит многими недостатками. Мы «защищались». Начальник Генерального штаба выслушивал наши возражения и, если мы ошибались в чем-то, спокойно разъяснял суть вопроса. Совещание закончилось только тогда, когда никаких неясностей у собравшихся не оставалось.

Василий Данилович всегда придавал большое значение подбору и расстановке кадров. Он всячески поощрял способных, инициативных офицеров, представлял им необходимую свободу действий, оберегал авторитет командиров и начальников. Ближайшими его помощниками по работе в Генеральном штабе были такие видные военные деятели, как генералы армии М. С. Малинин, В. Д. Иванов, С. П. Иванов, генерал-полковники Н. О. Павловский, А. А. Грызлов, Н. И. Четвериков и др. Он с большой теплотой отзывался о своих соратниках по работе в Генеральном штабе.

По долгу службы В. Д. Соколовский много внимания уделял подготовке руководящих кадров и высших штабов. Разработка директивных указаний, замыслов и планов проведения крупных учений и военных игр проходила под его непосредственным руководством. Нередко ему самому приходилось руководить такими учениями и военными играми в войсках и в военных академиях. Василий Данилович заботился о том, чтобы все мероприятия оперативной подготовки отражали самый передовой уровень развития военной науки и военного искусства.

Я участвовал во всех учениях и военных играх, которыми руководил Василий Данилович. Он всегда создавал острую, динамичную обстановку. Решения участников выслушивал спокойно, за ошибочные решения не уличал разное. Вместо этого он создавал обстановку, которая должна возникнуть как результат неправильного решения. Разумеется, такой способ лучше всего способствовал действительности обучения генералов и офицеров.

В. Д. Соколовский в своей работе всегда поддерживал самую тесную связь с политическими органами, опирался на партийную организацию. Он часто выступал с обстоятельными докладами на собраниях партийного актива, принимал активное участие в политико-воспитательной работе с личным составом. Большое значение при-

давал он овладению марксистско-ленинской теорией, учил всех нас руководствоваться ею в своей повседневной практической работе.

В конце 1959 года тяжелый недуг на длительное время приковал Василия Даниловича к постели. Хотя потом его здоровье улучшилось, все же оно не позволило ему работать с такой огромной нагрузкой, как прежде. Весной 1960 года Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский был назначен генеральным инспектором группы генеральных инспекторов Министерства обороны. Насколько позволяло здоровье, он продолжал плодотворно трудиться на благо нашей Родины.

В последние годы Василий Данилович много работал над развитием советской военной теории, главным образом в области стратегии, а также истории Великой Отечественной войны. Он часто выступал в печати, под его руководством были разработаны книги «Военная стратегия», «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и др. Много сил от него потребовало участие в работе главной редакционной коллегии шеститомной истории Великой Отечественной войны Советского Союза. Часто появлялись его статьи на страницах военных и невоенных журналов, газет не только в нашей стране, но и за рубежом. Он регулярно выступал с лекциями и докладами на военно-теоретические и политические темы. Его лекции и доклады были наполнены глубоким содержанием, они всегда с интересом воспринимались слушателями. На этой работе Василий Данилович показал себя как видный военный теоретик.

Мне хочется хотя бы коротко сказать о книге «Военная стратегия», написанной авторским коллективом под руководством В. Д. Соколовского. В создании ее Василий Данилович принимал самое активное участие, писал целые разделы, направлял авторов, редактировал. Книга вышла из печати тремя изданиями, переведена и издана во многих зарубежных странах. Она рассчитана на широкий круг читателей — военных и невоенных — и отражает мнение авторов по важнейшим вопросам стратегии как высшей области военного искусства.

В последние годы жизни В. Д. Соколовского мне особенно часто приходилось работать вместе с ним над военно-теоретическими проблемами и совместно выступать

в печати. Я всегда восхищался разносторонними знаниями и огромным его опытом, умением глубоко проникать в сущность явлений, быстро схватывать главное, делать глубокие обобщения, всесторонне анализировать сложные вопросы, давать верные прогнозы и излагать их ясно, доходчиво и убедительно. Работать вместе с ним над теоретическими вопросами было легко и приятно.

Василий Данилович работал непрерывно. На его рабочем столе всегда можно было видеть начатую рукопись очередной статьи, раскрытую книгу, журнал. Он внимательно следил за военно-теоретической мыслью у нас и за рубежом, всегда был в курсе последних военных событий, новых военно-теоретических работ, особенно в области военной стратегии.

Хотелось бы особо выделить и такую важную сторону деятельности Маршала Советского Союза Соколовского, как активное его участие в общественной и политической жизни страны. Он был депутатом Верховного Совета СССР семи созывов, активно работал в комиссиях Верховного Совета. Его хорошо знали трудящиеся Кировского избирательного округа Волгограда, Калачевского избирательного округа Волгоградской области, Оренбургского избирательного округа и воины Группы советских войск в Германии, где его выбирали депутатом Верховного Совета. Ему часто приходилось решать самые различные вопросы, с которыми к нему обращались избиратели. Вот некоторые из них: помощь в строительстве Волгоградской ГЭС, в частности выделение понтонов для наводки моста, ускорение реконструкции тепловозоремонтного завода, выделение средств на строительство учебного корпуса и общежития для студентов сельскохозяйственного института, на строительство Дома культуры для рабочих и служащих Оренбургпромстроя, благоустройство Оренбурга, обеспечение жилплощадью трудящихся, помощь в лечении и многие другие. Многочисленные обращения избирателей по пенсионным вопросам, оказанию материальной помощи и другим вопросам В. Д. Соколовский решал быстро и, если они законны, всегда положительно.

В. Д. Соколовский — участник XIX, XX, XXI, XXII и XXIII съездов КПСС как делегат с решающим голосом. На XIX, XX и XXI съездах избирался членом ЦК КПСС, а на XXII и XXIII съездах — кандидатом

в члены ЦК КПСС. Ему часто приходилось выполнять ответственные поручения Центрального Комитета нашей партии. Он входил в состав правительственных делегаций Советского Союза на конференциях и встречах на высшем уровне, где решались международные проблемы; на переговорах в Потсдаме по мирному урегулированию, на московских и лондонских переговорах, на Совещаниях глав правительств в Женеве, на ташкентских переговорах, а также неоднократно выезжал в некоторые государства для выполнения отдельных правительственных заданий. На этой работе Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский проявил незаурядные способности решать не только военные, но также государственные и международные политические вопросы.

В феврале 1968 года Соколовский посетил Францию по приглашению издательской фирмы, готовившей к печати пятитомный труд советских авторов «СССР во второй мировой войне». Поездка длилась шесть дней, была напряженной и полезной. Василий Данилович посетил Париж, Марсель, Ниццу, Бордо, Гавр и другие города. Было много встреч с политическими и военными деятелями Франции, пресс-конференций с французскими и иностранными журналистами. Дружеская встреча и беседа состоялась с бывшим начальником генерального штаба вооруженных сил Франции генералом армии Айере. В речи на приеме генерал Айере отметил решающую роль СССР в разгроме фашистской Германии. Он сказал, что вся свободная Франция следила и рукоплескала победам Красной Армии и вела борьбу на своей территории с фашистскими оккупантами. Мы рады приветствовать во Франции, говорил Айере, одного из прославленных полководцев СССР, героя войны и победителя Маршала Советского Союза Соколовского, который хорошо известен и как видный военный теоретик.

В Париже состоялась теплая и дружественная встреча маршала В. Д. Соколовского с генеральным секретарем Коммунистической партии Франции товарищем Вальдеком Роше, секретарем ЦК КПФ товарищем Жаком Дюкло, членами политбюро, секретарями ЦК КПФ и ответственными работниками ЦК.

Поездка Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского во Францию имела важное значение в деле популяризации великого вклада Советского Союза в победу над фашистской Германией среди французского народа. В то

же время она способствовала улучшению культурных связей между Советским Союзом и Францией.

Хотелось бы отметить такую важную черту Василия Даниловича, как верность дружбе. Он был очень общительный человек, внимательный к людям, поддерживал многие годы самые тесные связи с соратниками. Особенно трогательной была у него дружба с Хамракулом Турсункуловым — прославленным председателем Узбекского колхоза, трижды Героем Социалистического Труда. Они вместе сражались на Туркестанском фронте, Турсункулов был тогда разведчиком. Они пронесли эту дружбу через всю жизнь.

У Василия Даниловича были самые тесные связи с подрастающим поколением. Ему часто писали пионеры, комсомольцы, они просили Василия Даниловича поделиться личными воспоминаниями о событиях на том или ином участке фронта, о военных действиях, которыми он руководил. Василий Данилович всегда охотно и подробно отвечал на письма, которые публиковались в местной печати или хранятся в школьных музеях, как, например, в селе Токи Тернопольской области.

Незадолго перед празднованием пятидесятилетия нашей социалистической Родины Василий Данилович обратился с письмом к молодежи Львовщины, в котором писал: «Вам, наша славная советская молодежь, есть у кого брать пример, у кого учиться! Ваши деды, отцы и матери совершали чудеса героизма в боях и труде в годы революции и гражданской войны, в годы пятилеток, в тяжелые годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы восстановления и развития народного хозяйства СССР. Старшее поколение советских людей передает эстафету строителей коммунизма в надежные руки молодого поколения. У вас есть все условия для учебы, труда и отдыха. Используйте же эти условия, которые создали для вас старшие поколения, разумно и со всей полнотой. Родина ждет от вас, молодых, сильных и жизнерадостных, отдачи всех сил и знаний на дело строительства коммунистического общества. Если же над нашей страной нависнет опасность, то вы по примеру старших поколений с оружием в руках отстоите дело Великого Октября от любого врага!»

Вечером 30 апреля 1968 года, накануне Первого мая, Василий Данилович внезапно тяжело заболел. Врачи оказались бессильными чем-либо помочь, и он буквально

таял на глазах. Последняя наша встреча состоялась 6 мая в кремлевской больнице. Василий Данилович был в тяжелом состоянии, однако мысль его работала по-прежнему четко. В ночь на 10 мая сердце Василия Даниловича перестало биться...

Личная судьба маршала В. Д. Соколовского была безраздельно связана с судьбой советского народа, пережившего труднейшие испытания и одержавшего всемирно-исторические победы. Вся его жизнь, деятельность, все его поступки были направлены на службу интересам Родины, народа, партии. И Родина щедро отмечала ратные подвиги В. Д. Соколовского, присвоив ему высокое звание Героя Советского Союза, наградив его восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, тремя орденами Кутузова 1-й степени, многими медалями и пашкой с золотым гербом СССР. Кроме того, он был награжден высшими орденами и медалями ГДР, ЧССР, ПНР, МНР, Югославии, Франции, Великобритании, США, Бельгии и других стран. Советские люди с благодарностью называют его имя в ряду славных сынов, составляющих гордость советского народа.

Генерал-майор М. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Генерал армии АНДРЕЙ ХРУЛЕВ

— Учиться надо, учиться...

Эти слова, сказанные Андреем Васильевичем Хрулевым в 1940 году на одном из совещаний генералов и офицеров, занимавшихся в Наркомате обороны вопросами материального обеспечения Красной Армии, глубоко запали мне в память. Видимо, потому, что уж очень убедительно они были сказаны. Вспоминаю и генерала, к которому было обращено это напутствие. Он внимательно выслушал Андрея Васильевича, а потом негромко спросил:

— А где же учиться, ведь в академии этому нас не учили...

На это Хрулев ответил:

— У жизни надо учиться. В академии всему научить невозможно. Жизнь — вот самая лучшая академия...

И хотя А. В. Хрулеву не было тогда еще и пятидесяти лет, все мы, молодые офицеры, работавшие вместе с ним и под его руководством, знали, что у него за плечами большая жизнь, знали, что он, питерский рабочий, участвовал в революции, активно дрался на фронтах гражданской войны, был красногвардейцем, командиром, комиссаром, занимал ответственные политические и хозяйственные посты в Красной Армии. Он был делегатом ряда партийных съездов и конференций. Все это значительно поднимало авторитет Хрулева в глазах подчиненных, и поэтому относились мы к нему с большим уважением, прислушивались к каждому его слову, к каждому замечанию. Привлекали нас также боевитость, собранность, целеустремленность, какое-то особенное умение воодушевлять людей, зажигать страсть к делу.

Родился Андрей Васильевич Хрулев 30 сентября 1892 года в деревне Большая Александровка Ямбургского уезда Петербургской губернии в семье крестьянина-ремесленника кузнечного дела. С детских лет познал трудовую жизнь, полную лишений. Работал вначале уче-

ником и подмастерьем в частных мастерских, а в 1915 году вступил в трудовую семью питерских рабочих. В бурные революционные дни 1917 года Андрей Васильевич вместе с революционным отрядом питерского пролетариата один из первых и активнейших красногвардейцев Пороховского района Петрограда успешно выполняет все возложенные на него задания.

Знаменательная дата в жизни А. В. Хрулева — март 1918 года. Именно тогда он стал членом Коммунистической партии, неразрывно связав всю свою жизнь с борьбой партии за утверждение идеалов социализма и коммунизма, за дело Великой Октябрьской социалистической революции.

1918 год. Полыхает пожар гражданской войны, идут жестокие битвы с полчищами белогвардейцев и иностранных интервентов. Трудное для молодой Советской республики время. Именно в эту пору, а точнее в августе, Андрей Васильевич добровольно вступил в ряды Красной Армии, отстаивавшей в тяжелых боях завоевания молодой Советской республики. Это был важный период укрепления Красной Армии, период перехода от комплектования ее добровольцами к созданию регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В разгар ожесточенной борьбы с интервентами и белогвардейцами на фронтах войны резко усилилась подрывная деятельность контрреволюции и в тылу. А. В. Хрулев, будучи командиром-комендантом революционной охраны Пороховского района Петрограда, повел активную борьбу с врагами революции.

Прошло немного времени, и А. В. Хрулеву уже доверили политическую работу в частях, которые вели бои на различных фронтах. Где бы ни пахотился в этот период молодой комиссар, отзыв о нем оставался неизменным: «Хороший партиец, стойкий и выдержанный». Являясь работником политотдела, а затем военным комиссаром полка и дивизии, он всегда находился в гуще красноармейских масс. Чутким, отзывчивым товарищем, боевым комиссаром и храбрым воином знали его бойцы и командиры Одиннадцатой кавалерийской дивизии прославленной Первой Конной. В составе этой легендарной армии он сражался против белогвардейских войск Деникина, белополяков, Врангеля, громил контрреволюционные банды на Украине и в Белоруссии.

Однажды в боях между населенными пунктами Бе-

лая Глина, Средний Егорлык и станица Егорлыкская, где действовали основные силы Первой Конной армии, Одиннадцатая кавалерийская дивизия столкнулась с превосходящими силами деникинцев. Советские бойцы с трудом сдерживали их натиск. Дивизии угрожало окружение.

— Товарищ комдив, — обратился Хрулев к своему командиру.

— Слушаю, комиссар.

— Есть один план. Разрешите пробраться в Четвертую дивизию, рассказать о нашем трудном положении. Они нам помогут.

— Помочь-то помогут, — качает головой командир, — но как ты попадешь туда, когда кругом беляки.

— Прорвусь... Сквозь огонь прорвусь.

— Ну давай, только зря голову под пули не подставляй.

И Хрулев под огнем врага прорвался в соседнюю кавдивизию. Вернулся он вовремя и с подмогой. Ударом во фланг кавалеристы соседней дивизии не только помогли Одиннадцатой отбить яростные атаки врага, но и разбить его. За находчивость и храбрость отважный комиссар был награжден орденом Красного Знамени.

Беззаветно преданный делу нашей партии, решительный и смелый, умеющий в тяжелых боях сохранять хладнокровие и выдержку, мужество и стойкость, А. В. Хрулев в годы гражданской войны вырос в крупного политического работника нашей армии, комиссара ленинской школы.

Отгремели залпы гражданской войны. Страна залечивала боевые раны, восстанавливала разрушенное хозяйство. Но угроза военного нападения империалистических агрессоров не отпала. Партия, рабочий класс внимательно слушали голос своего вождя и учителя В. И. Ленина, который на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года говорил: «... взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний мы не вправе допускать ни на секунду».

Было ясно, что и в мирных условиях требуется наращивать мощь Вооруженных Сил Советского государства.

Коммунистическая партия и Советское правительство, следуя заветам В. И. Ленина, принимали все меры, чтобы наша армия и флот были в высокой степени боевой готовности, чтобы они могли надежно защищать мирный труд советского народа.

После окончания гражданской войны начался новый этап военного строительства — переход Вооруженных Сил на мирное положение. В этот период осуществлялась реорганизация Красной Армии, принимались меры к улучшению политико-воспитательной работы и подготовке командного и политического состава, настойчиво изучался боевой опыт, создавались новые уставы Советских Вооруженных Сил. Под руководством Коммунистической партии решались сложные вопросы организационного строительства Красной Армии, налаживалась подготовка военно-политических кадров. Уже тогда было обращено особое внимание на необходимость укрепления специальных технических частей: пулеметных, артиллерийских, автоброневых, авиационных и других, на обеспечение их всем необходимым.

Андрей Васильевич, будучи в 1922—1924 годах военным комиссаром полка и дивизии, показал себя энергичным и инициативным политическим работником, верным проводником политики партии в армейских массах. В аттестации на военного комиссара Четвертой кавалерийской дивизии А. В. Хрулева за 1923 год записано: «Энергичен, обладает инициативой. Имеет большой боевой опыт. Хороший организатор и администратор».

В 1925 году его направили учиться на военно-политические академические курсы высшего политсостава Красной Армии. И там отмечалось его усердие и настойчивость в изучении военного дела. Он упорно овладевал общественно-политическими науками, глубоко и всесторонне изучал экономические и морально-политические возможности Советского государства и возможности его вероятных противников.

Успешно закончив учебу, А. В. Хрулев снова отправился в войска. Здесь он на практике применял полученные теоретические знания и боевой опыт гражданской войны. Будучи более трех лет военным комиссаром Десятой кавалерийской дивизии, он вновь показал себя боевым политическим вожаком. Андрей Васильевич не чуждался низовой «черновой» работы, всегда стремился быть среди людей. В дивизии, прошедшей огромный боевой

путь, он пользовался большим и заслуженным авторитетом, его любили бойцы и командиры. Командование, отмечая хорошее знание дела и большой политический кругозор, аттестовало его как достойного на выдвижение.

В 1928 году он был назначен заместителем начальника политуправления Московского военного округа. На этом посту он отдавал много сил, энергии, знаний и опыта укреплению боевой мощи войск округа. Здесь уместно подчеркнуть, что политические органы в армии наряду с огромной работой, проводимой по идейно-политическому воспитанию личного состава, никогда не стояли в стороне от вопросов материального обеспечения войск, от войскового хозяйства. Они всегда заботились о том, чтобы все бойцы были хорошо накормлены, одеты, обуты, чтобы организован и благоустроен был их быт.

Кто-кто, а Андрей Васильевич Хрулев за многие годы пребывания в армии в должности начальника политотдела, комиссара, а потом заместителя начальника политического управления столичного военного округа хорошо понимал, что значит своевременное обеспечение воинов всем необходимым, что положено для службы, выполнения учебных и боевых задач, насколько велика роль служб снабжения в обеспечении высокой боеготовности войск. Андрей Васильевич часто бывал в частях, подразделениях, подолгу беседовал с бойцами, командирами и всегда был не только начальником, но и старшим товарищем-коммунистом.

Однажды в беседе с молодым солдатом Хрулев уловил нотки недовольства по части снабжения. Он спросил с некоторой иронией:

— Это кто же обидел молодого солдата?

— Да меня трудно обидеть, товарищ командир, — отвечал тот. — Мы все понемногу обижены. Обмотки мешают мотористам работать на машинах. Чуть зацепил — и пошла раскрутка.

— А может, моторист еще не научился как следует закручивать обмотки? — все с той же лукавинкой продолжал Хрулев.

— По третьему служим, — докладывал невозмутимый моторист, — а все никак не приемлет самолет обмотки.

После этого разговора с солдатом Хрулев поставил во-

прос о снабжении некоторых технических частей сапогами, и вскоре этот вопрос был решен положительно.

Находясь на службе в столичном военном округе, Хрулев много внимания уделял развитию и совершенствованию войскового и оперативного тыла, оснащению его техническими средствами, улучшению организации материального, технического и медицинского обеспечения войск. На проводившихся в ту пору учениях и военных маневрах он добивался сколачивания тыловых частей и войск в полевой обстановке, в условиях, приближенных к боевым.

У Хрулева было сильно развито чувство рачительного хозяина народного добра. Это и явилось одной из причин того, что его назначили начальником финансово-планового управления РККА. И вот в тридцатые годы под его руководством стала проводиться в жизнь очень важная перестройка системы хозяйства военного ведомства, наводился должный порядок в войсковом хозяйстве, внедрялась строжайшая финансовая дисциплина сверху донизу. Перед самой войной — новое назначение. Хрулева переводят в Киевский особый военный округ — начальником военно-строительного управления. Здесь он провел большую работу, проявляя настойчивость в выполнении заданий партии и правительства по строительству объектов оборонного значения, высокую принципиальность в решении многих других вопросов строительства Советских Вооруженных Сил и дальнейшего укрепления тыла. Военные строители, деятельность которых возглавлял Андрей Васильевич, за сравнительно короткий срок построили много всевозможных складов, аэродромов, гаражей и других важных объектов, а также добротных военных городков, лагерей, казарм, жилых домов для семей офицерского состава.

В его партийной характеристике за этот период указывается: «Тов. Хрулев проявил энергичность и умение в руководстве аппаратом управления и строительными участками, в расстановке кадров, в мобилизации их на выполнение плана строительства. План первого полугодия до прихода в управление тов. Хрулева был выполнен на 25 процентов, а за второе полугодие под руководством тов. Хрулева на 57 процентов».

В эти годы руководством Наркомата обороны проводилась значительная работа по организации органов снабжения и обслуживания в направлении дальнейшей

централизации тылового обеспечения войск. Это вызывалось количественным ростом наших Вооруженных Сил, их техническим переоснащением, увеличением материальных потребностей и, конечно, нарастанием военной угрозы. В осуществлении этих мероприятий Хрулев принимал особенно активное участие.

С 1940 года Андрей Васильевич работал в органах тыла начальником снабжения, а затем был выдвинут на пост Главного интенданта Красной Армии, объединявшего под своим руководством обеспечение войск по службам продовольственного, вещевого, обозно-хозяйственного снабжения и квартирного довольствия.

Но вот грянула война...

Внезапное разбойничье нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года поставило нашу страну в исключительно тяжелое положение. Несмотря на стойкость и мужество, которые проявляли воины Советской Армии в развернувшихся на тысячекилометровом фронте ожесточенных боях с гитлеровскими захватчиками, сдерживать во много раз превосходящие силы врага, заранее отмобилизованные, тщательно подготовленные, было очень трудно. Фашистские орды, хотя и несли большие потери, упорно рвались вперед, на восток.

Коммунистическая партия с первых же дней войны развернула огромную деятельность по организации отпора агрессору. Партией решались неотложные задачи организаторской, политической, военной и хозяйственной работы, осуществлялись мероприятия, направленные на то, чтобы повысить нашу боеспособность, выстоять перед вражескими полчищами и обеспечить их полный разгром. Призывая советский народ мужественно отстаивать каждую пядь родной земли, партия и правительство указывали на необходимость организованно провести мобилизацию, принять все меры к быстрому продвижению транспортов и эшелонов с войсками к районам боевых действий, взять под охрану электростанции, связь, промышленные и другие предприятия. При вынужденном отходе требовалось уничтожать все, что невозможно вывезти, не оставлять противнику материальных средств и транспорт. На временно оккупированной врагом территории предлагалось создавать партизанские отряды, дивер-

сионные группы, подпольные партийные организации для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Важнейшей задачей, выдвинутой партией, явилась перестройка в кратчайший срок народного хозяйства страны на военный лад, чтобы обеспечить действующую армию достаточным количеством боевой техники, вооружения, боеприпасов и других материальных средств. Все это нашло отражение в народнохозяйственном плане на третий квартал 1941 года, предусматривавшем значительное увеличение производства военной продукции по сравнению с довоенным планом.

Перестраивая работу промышленности, сельского хозяйства, транспорта на нужды войны, партия приняла меры к улучшению партийного руководства военным хозяйством, повышению деятельности местных органов власти, профсоюзных и комсомольских организаций.

В ряду неотложных мероприятий важнейшее место занимало дальнейшее укрепление тыла Советской Армии, совершенствование его организационной структуры и методов работы. Организация тылового обеспечения войск — дело весьма разностороннее и трудное. Трудное даже в мирное время, а тем более во время войны. Ведь как ни старайся, а запасов материальных средств, скажем, таких, как боеприпасы, горючее, продовольствие, обмундирование, запасные детали для ремонта техники и т. д., заблаговременно для ведения большой войны создать невозможно. Во-первых, это весьма накладно для экономики страны, а во-вторых, и это, пожалуй, главное — они вскоре устаревают.

Военное дело, боевая техника, оружие в наш век так быстро развиваются, что сегодня, скажем, хороши такие-то танки, самолеты, корабли, а завтра они уже оказываются безнадежно устаревшими, их надо заменять новыми. А к новым чаще всего требуются и другие боеприпасы, запасные части, агрегаты. Даже продовольствие и обмундирование можно хранить лишь определенный срок, после чего их надо освежать, иначе они окажутся непригодны к употреблению. Значит, запасы материальных средств могут быть созданы заранее только в определенном количестве для ведения лишь небольшой или только первых месяцев большой войны, то есть пока будет обеспечен перевод хозяйства на военный лад. Производство же основной массы, потребной для ведения боевых действий, так же как и оружия, боевой техники,

приходится организовывать на предприятиях страны в ходе уже начавшейся вооруженной борьбы.

Но и это еще не все. Одно дело, если наши войска наступают и мы не теряем своей территории, промышленных предприятий, расположенных на ней, а напротив, что-то даже приобретаем. И совсем другое, когда войскам приходится вести тяжелые оборонительные бои, отступать под напором превосходящих сил противника. Именно такое положение создалось у нас в начале войны, летом и осенью 1941 года.

Особенно трудно пришлось нашему народу, когда немецко-фашистские войска захватили Белоруссию, Молдавию, Латвию, Литву, Эстонию, большую часть Украины, блокировали Ленинград и подошли к Москве. Советский Союз временно потерял значительную часть территории, на которой размещались важнейшие промышленные объекты, большие запасы материальных средств, производилось много сельскохозяйственной продукции.

Крайне отрицательно сказалось на работе тыла и то, что большинство запасов, созданных в предвоенный период, находилось в приграничных округах — в Ленинградском, Прибалтийском, особом Западном, особом Киевском, Одесском и др. Думалось, что будет практичнее их держать поближе к войскам. Однако нашей армии пришлось отступать. В результате мы лишились в этих округах значительного количества материальных средств, которые были захвачены противником или уничтожены нами при отходе. Только некоторую часть из них удалось использовать для обеспечения действующей армии.

В первые месяцы фашистского нашествия тыловая обстановка на фронтах, как и боевая, была крайне неустойчивой и менялась каждый день. Тыловые части и учреждения должны были очень часто перемещаться и работать на ходу. Связь нередко нарушалась. Зачастую грузы прибывали в назначенные пункты выгрузки, когда адресата там уже не было. В связи с прорывом подвижных групп противника в оперативную глубину наши тыловые части и учреждения попадали под удары врага и несли потери. Некоторые соединения и армии лишились своих тыловых подразделений и служб. В ходе первых месяцев войны выяснилось несоответствие количества отобработанных тыловых учреждений фактической потребности в них.

Предстояла чрезвычайно трудная организаторская ра-

бота. Необходимо было решать много сложных проблем, и решать быстро, в самые короткие сроки. В этих условиях наша партия и правительство приняли энергичные меры, направленные на резкое улучшение работы тыла Красной Армии в условиях Великой Отечественной войны.

В конце июля 1941 года после предварительного доклада своих соображений ряду членов Государственного Комитета обороны А. В. Хрулев разработал проект решения об организации тыла Советской Армии на военное время. После тщательного обсуждения проекта 28 июля 1941 года было принято постановление ГКО, а 1 августа того же года по этому вопросу был издан приказ наркома обороны.

В соответствии с постановлением ГКО и приказом народного комиссара обороны от 1 августа 1941 года учреждалась должность начальника тыла Красной Армии и было образовано Главное управление тыла в составе штаба начальника тыла, управления военных сообщений, автодорожного управления. Начальнику тыла также были подчинены: главное интендантское управление, управление снабжения горючим, главное — военно-санитарное и ветеринарное управления. Такой централизованной организации дела обеспечения многомиллионной армии всем необходимым для жизни и боя еще не знала ни одна армия мира. Принятое решение о коренной перестройке и централизации управления тылом полностью соответствовало условиям ведения войны.

Генерал-лейтенант А. В. Хрулев был назначен начальником тыла Советской Армии и заместителем наркома обороны. Его заместителями стали генерал-майор М. В. Захаров, ныне начальник Генерального штаба, Маршал Советского Союза, и генерал-майор П. А. Ермолин, военным комиссаром — дивизионный комиссар В. А. Баюков, начальником штаба тыла — генерал-майор П. В. Уткин, которого в сентябре заменил М. П. Миловский.

На начальника тыла Советской Армии возлагалась организация подвоза фронтам вооружения, боевой техники и всех видов материальных средств; организация восстановления и строительства путей сообщения; доставка воинских пополнений фронтам и новым формированиям; обеспечение эвакуации раненых и больных с территории военных действий, руководство санитарной и

ветеринарной службами Советской Армии и устройство лечебных учреждений; организация и распределение воинских складов и баз между фронтами и военными округами; распределение для заготовки продовольствия тыловых районов между фронтами (отдельными армиями) и разрешение заготовок из местных средств в соответствии с решением правительства и многое другое.

Объединение в одних руках многих органов тыла и управления ими, подвоза и эвакуации позволяло более оперативно решать все вопросы работы тыла, упорядочить обеспечение войск материальными средствами, рационально использовать все виды транспорта и установить твердый воинский порядок в тыловых частях и учреждениях.

Во фронтах и в армиях также были созданы управления тыла во главе с начальником тыла фронта (армии), который являлся одновременно заместителем командующего войсками. А. В. Хрулев много внимания уделял подбору руководящих кадров тыла. На должности начальников тыла фронтов — заместителей командующих войсками назначались крупные военные работники, имевшие большой опыт управления войсками. Так, на Западный фронт был направлен генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов, Ленинградский — генерал-лейтенант В. К. Мордвинов, Резервный — генерал-лейтенант М. С. Хозин, Брянский — генерал-лейтенант М. А. Рейтер, Юго-Западный — генерал-лейтенант И. Г. Советников, Южный — генерал-лейтенант И. К. Смирнов. Некоторые из них вскоре по разным причинам были переведены на другие фронты. На их место прибыли новые товарищи. Все они работали старательно, с большим напряжением сил. Андрей Васильевич тщательно инструктировал каждого, кто назначался начальником тыла фронта, по вопросам организации работы, наиболее эффективного использования имеющихся в распоряжении материальных средств, привлечения для обеспечения войск местных ресурсов, давал советы и рекомендации, как лучше строить взаимоотношения с командующими войсками, членами военных советов.

Центральный Комитет нашей партии, Государственный Комитет обороны направили в созданные органы тыла Советской Армии большую группу опытных работников из различных областей народного хозяйства страны. Начальником управления снабжения горючим был

назначен начальник Главнефтьсбыта при СНК СССР М. И. Кормилицын, помощником начальника управления вещевого снабжения стал заместитель наркома легкой промышленности Н. С. Сметанин, а помощником начальника управления продснабжения — бывший нарком заготовок СССР П. С. Степанов. Они хорошо знали предприятия, их специфику, местонахождение и размеры материальных запасов и сырья.

Для того чтобы тыл успешно выдержал все испытания в войне и бесперебойно обеспечивал наши Вооруженные Силы всем необходимым, нужна была кипучая деятельность многих тысяч тружеников военного тыла от солдата до генерала, нужен был знающий дело, волевой, энергичный руководитель, обладающий высокими организаторскими способностями, который смог бы четко и твердо управлять огромным тыловым организмом в условиях ведения тяжелой и длительной войны.

Теперь, когда после окончания войны минуло уже четверть века и мы все явственнее ощущаем значение беспримерного подвига народа, завоевавшего под руководством КПСС всемирно-историческую победу, с тем большим правом и основанием можем сказать, что наша партия нашла такого руководителя в лице генерала Андрея Васильевича Хрулева. Ко времени вступления в должность начальника тыла Советской Армии А. В. Хрулев уже сложился как крупный военный деятель, опытный партийный работник, талантливый хозяйственник, прошедший большой и трудный жизненный путь. На ответственном посту, который поручила Андрею Васильевичу партия и который он занимал в течение всей Великой Отечественной войны, его исключительный организаторский талант проявился во всем своем многообразии.

Если людям моего поколения, участникам минувшей войны, кому больше, кому меньше, но все же известно, насколько сложные и трудные задачи приходилось решать А. В. Хрулеву, а также штабу, управлениям и ведомствам, которые он объединял, то многим читателям, которые об этом не знают, следует, на мой взгляд, рассказать об этом несколько подробнее.

Тот, кто работал в ту пору в службах тыла, помнит, как генерал Хрулев лично проверял выполнение мероприятий по тыловому обеспечению войск фронтов и отдельных армий. Этому же он требовал от штаба тыла,

главных и центральных довольствующих и обеспечивающих управлений Советской Армии. Руководимые им штаб и управления должны были ежедневно знать, как обеспечены войска, состояние и возможности тыловых соединений, частей и учреждений центрального подчинения и фронтов, а также и то, как выполняются планы заказов и поставок промышленными и сельскохозяйственными предприятиями.

Такая четкая организация работы позволяла А. В. Хрулеву постоянно знать о наличии запасов военного имущества во фронтах, армиях и на базах. К тому же А. В. Хрулев постоянно и тесно был связан с Госпланом, со всеми наркоматами и ведомствами, выполнявшими заказы для нужд фронта. Это позволяло быстрее решать вопросы увеличения производства различных видов материальных средств, идущих на обеспечение действующей армии, организовать накопление необходимых запасов и своевременно доставлять их войскам. Он завоевал глубокое уважение и большой авторитет среди начальников главных и центральных управлений, штаба и служб тыла Советской Армии, гражданских учреждений и ведомств, с которыми был в постоянном контакте. А. В. Хрулев умел сочетать интересы армии и народного хозяйства и правильно использовать те огромные материальные ресурсы, которые советский народ предоставлял нашим Вооруженным Силам, направляя их на своевременное обеспечение войск, а следовательно, на быстрое достижение победы. Он нацеливал штаб тыла Советской Армии, центральные довольствующие управления, органы тыла фронтов и армий на необходимость постоянно оказывать помощь гражданским наркоматам в эвакуации фабрик, заводов, имущества МТС, колхозов, совхозов, продовольствия, скота, в уборке урожая, а также в организации ввода в действие эвакуированных предприятий.

Андрей Васильевич расценивал обеспечение армии не как хозяйственную, снабженческую функцию, а как оперативно-стратегическую деятельность, как важнейшую государственную задачу. Став начальником тыла Советской Армии, генерал Хрулев интересовался буквально всеми деталями работы сложнейшего тылового организма, спускался до самых «низов», принимал энергичные меры, направленные на лучшее снабжение войск всем необходимым.

Сводный полк Второго Украинского фронта во главе с Р. Я. Малиновским на параде Победы. Москва, 24 июня 1945 г.

Министр обороны СССР Р. Я. Малиновский беседует с пионерами.

Министр обороны СССР Р. Я. Малиновский принимает отважную четверку (А. Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский, И. Федотов), дрейфовавшую в течение двух месяцев в Тихом океане. 30 марта 1960 г.

Комбриг К. К. Рокоссовский (сидит в центре) среди командиров и политработников — участников разгрома банд барона Унгерна в 1921—1922 гг.

Командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский и член Военного совета фронта К. Ф. Телегин на НП командующего Шестьдесят пятой армией. 30 января 1943 г.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский прибыл на КП командующего Шестьдесят пятой армией для постановки задачи. Слева направо: командующий Шестьдесят пятой армией П. И. Батов, член Военного совета армии Н. А. Радецкий и К. К. Рокоссовский. Деревня Пнево, Польша, сентябрь 1944 г.

Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский на Неревском плацдарме. Октябрь 1944 г.

Бои
на улицах
Варшавы.

Возложение венков на могилу, где похоронено сердце М. И. Кутузова в Бунцлау. 1946 г. Слева направо: генерал П. И. Батов, К. К. Рокоссовский, член Военного совета Северной группы войск А. Г. Русских.

Друзья-однополчане из
Четырнадцатой майкопской
кавалерийской дивизии.
Первой конной армии.
Справа налево: П. Рыбалко,
А. Молотов, М. Симиновский.
Майкоп, 1923 г.

Комбриг П. С. Рыбалко с сыном Вилем, курсантом Орловского танкового училища. Орел, май, 1940 г.

Командующий Третьей танковой армией П. С. Рыбалко. Польша, 1944 г.

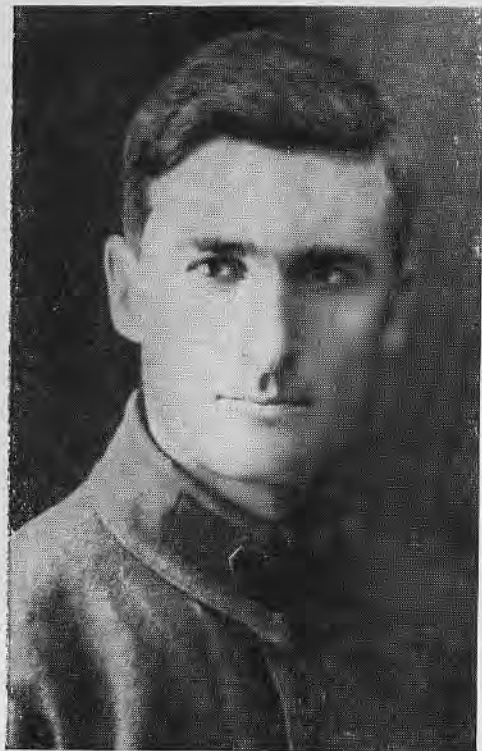
В штабе Третьей гвардейской танковой армии в дни боев на Сандомирском плацдарме. 1944 г. Справа налево: П. С. Рыбалко, командир Первого гвардейского штурмового авиакорпуса В. Г. Рязанов, начальник штаба армии Д. Д. Бахметьев.

Командарм П. С. Рыбалко с группой генералов и офицеров у стен поверженного рейхстага. 2 мая 1945 г.

Танкисты на отдыхе.

Комбриг
В. Д. Соколовский.

В. Д. Соколовский на Западном фронте. 1942 г.

Участники боев с басмачами. Крайний слева — В. Д. Соколовский. Коканд, май 1922 г.

Маршал Советского Союза
В. Д. Соколовский.

На параде частей Первой конной армии в станице Лабинской, 1923 г. Слева направо: С. М. Буденный, О. И. Городовиков, Н. К. Щелоков, С. К. Тимошенко, А. В. Хрулев.

Начальник тыла
Красной Армии
генерал-лейтенант
А. В. Хрулев.

Генерал армии
А. В. Хрулев.

Генерал-майор
Т. Т. Хрюкин.

Военный совет Четвертого Украинского фронта. Слева направо: генерал-лейтенант авиации Т. Т. Хрюкин, начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. С. Бирюзов, член Военного совета фронта генерал-майор Н. Е. Субботин, командующий войсками фронта Ф. И. Толбухин.

В освобожденном Севастополе.

Командующий войсками Первого Прибалтийского фронта генерал армии И. Х. Баграмян и генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин среди французских летчиков-добровольцев полка «Нормандия — Неман».

На приеме у главнокомандующего Военно-Воздушных Сил Советской Армии Главного маршала авиации А. А. Новикова в связи с отъездом французских летчиков-добровольцев из полка «Нормандия — Неман» на родину. Второй слева стоит генерал Т. Т. Хрюкин.

Как-то ему доложили, что фронты имеют чрезвычайно большое количество различных стационарных складов. Андрей Васильевич встретился с одним из командующих фронтом, и у них состоялась такая беседа. Хрулев заинтересовался:

— Сколько тыловых складов на вашем фронте?
Командующий, немного подумав, назвал цифру:

— Сто.

— А сколько складов в армейском и войсковом тылу?

— Что-то около двадцати пяти.

— Не многовато ли, как вы думаете?

— Многовато — это не то слово, товарищ Хрулев. Можно прямо сказать: очень много. Громоздкие тылы мешают быстрым и маневренным действиям войск.

Как выяснилось из последующего разговора, из общего количества железнодорожных эшелонов, требовавшихся для перевозки стрелковой дивизии, более 30 процентов занимали тыловые части и подразделения. А ведь транспорт перебрасывал не одну сотню дивизий.

— Так дальше дело не пойдет, — заключил беседу Хрулев.

Им немедленно были приняты энергичные меры. Чтобы сделать оперативный тыл более маневренным, в сентябре 1944 года были учреждены фронтовые полевые склады по основным видам материальных средств, а в армиях введены полевые армейские базы. Одновременно во фронтах и армиях уменьшалось общее количество стационарных баз, складов, мастерских, медицинских, ветеринарных и других учреждений, часть которых передавалась в ведение главных и центральных управлений. Значительно усовершенствован был и войсковой тыл. Подверглись реорганизации те тыловые части и учреждения, которые оказались громоздкими и малопригодными к маневренной войне.

По решению ЦК партии во фронтах и армиях были учреждены политотделы тыловых частей и учреждений, это значительно повысило роль и активность политработников и партийных организаций в решении задач по тыловому обеспечению войск и воспитанию личного состава тыла.

Теперь уже общепризнанным является тот факт, что коренная реорганизация структуры органов тыла Советской Армии в центре, на фронтах и в армиях, проведенная в начале войны, самым деятельным участником кото-

рой был А. В. Хрулев, имела исключительно большое значение в улучшении работы. В общем 1941 год — первый год Великой Отечественной войны — был годом становления и укрепления тыла Советской Армии. Наши Вооруженные Силы получили мощный и разветвленный аппарат управления тылом, обеспечивший тесную и непосредственную связь с народным хозяйством, правильное и рациональное использование всех громадных материальных ресурсов, которые страна предоставляла фронту, их своевременную доставку в действующую армию.

Февраль 1942 года. Железнодорожный транспорт испытывает серьезные трудности. Нарушены транспортные связи важнейших экономических районов страны с действующей армией, что отрицательно сказывается на деятельности всех отраслей народного хозяйства. Причина — отсутствие достаточного количества паровозов, вагонов, топлива, а также недостатки в руководстве транспортом. Нужно было резко улучшить работу транспорта, прежде всего железных дорог. Специально созданная комиссия Государственного Комитета обороны установила необходимость укрепления руководства в Наркомате путей сообщения для того, чтобы выправить положение дел на железных дорогах страны.

И вот в этот ответственный момент партия поручает заместителю наркома обороны — начальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулеву возглавить еще и Наркомат путей сообщения. Вот как сам Андрей Васильевич описывал это свое новое назначение:

«На одном из заседаний ГКО были выработаны подробные решения о неотложных мерах для улучшения работы железных дорог. Когда вопрос был исчерпан, председатель ГКО задержал меня.

— Вам придется быть наркомом путей сообщения, — сказал он. — Этот вопрос уже решен. Вступайте в должность и действуйте. Задачи вам ясны.

Заметив мое замешательство при таком неожиданном обороте дела, он объяснил:

— Я отдаю себе отчет в том, как сложна и ответственна выполняемая вами работа начальника тыла. Но снабжение фронтов — это прежде всего подвоз. Поэтому соединение в одном лице двух должностей — народного комиссара путей сообщения и начальника

тыла — позволит наиболее надежно решить вопрос о подаче в действующую армию всего, что необходимо для разгрома врага. На посту наркома путей сообщения вы станете ближе ко всему народному хозяйству, которое тесно соприкасается с железнодорожным транспортом и во многом от него зависит...

Мои попытки отказаться от такого назначения были категорически отклонены.

В тревожном раздумье я возвращался из Кремля. Как практически сочетать выполнение новых сложных обязанностей с кропотливой работой по управлению тылом Советской Армии, которая и без того поглощала по 20 часов в сутки? Найдется ли сразу общий язык с руководящими работниками столь сложного механизма, как аппарат НКПС? Там сложились свои привычные взгляды на организацию перевозок, свой режим и стиль работы, и все это надлежало привести в соответствие с биением пульса военного времени, с нуждами армии. Как лучше организовать работу, чтобы не страдало дело ни тут, ни там?»

Жизнь показала, что Андрей Васильевич Хрулев нашел ответы на все эти вопросы, сумел поставить дело на прочную государственную основу. Многое пришлось пересмотреть, многое решать заново, но работа транспорта явно пошла в гору.

Одна из больших трудностей в работе транспорта состояла в том, что подвижной состав (вагоны, платформы, цистерны) и паровозы, уходившие с грузами к фронту, долго не возвращались обратно. Поезда, уходя на запад, отрывались от своих депо, складов топлива и пунктов ремонта. Паровозные бригады иногда теряли связь с участками, к которым они были прикреплены.

— Как будем выходить из такого положения? — спросил Хрулев паровозников на одном из совещаний.

Были высказаны различные точки зрения.

— Даже там, где поездным бригадам приходится действовать недалеко от своих депо, они зачастую не имеют никакой помощи, так как большинство депо в прифронтовой полосе разрушены врагом. Надо быстрее восстанавливать ремонтную базу.

— Дорогое и долгое удовольствие, — возражали некоторые.

— По-моему, — говорил молодой машинист, — надо сделать так, чтобы мы, паровозники, не были связаны

с конкретным депо. Если разрушено одно, пусть берет на обслуживание другое.

Кто-то возразил и ему:

— А если на сотни километров нет поблизости ни одних ремонтных мастерских, что делать тогда?

— Надо создавать передвижные паровозно-вагонные мастерские.

На совещании паровозников было высказано множество деловых конкретных предложений. Обобщив их и согласовав с ведущими специалистами Наркомата путей сообщения В. А. Гарныком, А. П. Михеевым, К. И. Даниленко, А. В. Хрулев предложил создать военизированные паровозные колонны особого резерва НКПС. Такие формирования позволили по-хозяйски выйти из трудного положения.

В каждую паровозную колонну включалось по 30 паровозов, имевших комплексные паровозные и кондукторские бригады и бригады поездных вагонных мастеров. Весь этот личный состав размещался в специальных вагонах, постоянно следовавших в колонне. Каждая колонна имела свои передвижные бани, прачечные, вещевой склад и 15-дневный запас продовольствия. Для ремонта паровозов колонны были снабжены запасными частями и материалами, подвижными ремонтными средствами и станочным оборудованием.

Таким образом, колонны не зависели от депо. Они могли работать на любом участке и на плечах любой длины. Паровозные колонны благодаря активному участию в их создании генерала А. В. Хрулева стали боеспособными воинскими частями, оснащенными всем необходимым. Успех этого дела превзошел все ожидания.

Учитывая положительный опыт первых 10 колонн, ГКО обязал А. В. Хрулева организовать на прифронтовых и тыловых дорогах еще 35 колонн (750 паровозов). Когда зимой 1942/43 года развернулось наступление нашей армии на ряде фронтов, то перевозки в основном осуществлялись силами военизированных паровозных колонн. В перевозках для Сталинградского фронта одновременно участвовало свыше 500 колонных паровозов, а в районе Курской дуги — более 600.

Паровозный парк колонн особого резерва, объединивший около 2000 паровозов, закончил войну без существенных потерь. Наша страна не имела паровозных кладбищ, какие оставила после себя первая мировая война.

Немецко-фашистское командование, стремясь задержать продвижение советских войск, пыталось организовать оборону на водных рубежах. Поэтому для советских войск очень важно было с ходу занять плацдармы, а затем все возрастающим потоком перебрасывать через реки боевую технику и все необходимое для фронта. Противник взрывал мосты, и, чтобы выполнить поставленную боевую задачу, приходилось их восстанавливать в короткие сроки. Это делали железнодорожные войска и специальные формирования НКПС, созданные по приказу А. В. Хрулева.

Они действовали оперативно и четко. Подготовку к восстановлению днепровских мостов железнодорожные войска начали еще задолго до подхода наших войск к рубежу Днепра (составляли проекты восстановления мостов, заготавливали лесоматериалы, приводили в исправное состояние технику и т. д.). Это способствовало увеличению темпов восстановления мостов. Например, железнодорожный мост у Киева был построен за 13 суток. Это было выдающимся достижением советских железнодорожников. Ни во второй мировой войне, ни раньше, ни позже никто таких темпов не показывал.

Кроме моста у Киева, железнодорожные войска и спецформирования НКПС в этот же период восстановили мосты через Днепр у Кременчуга и Днепропетровска. В связи с тем, что во время восстановления моста у Днепропетровска на плацдарме шли ожесточенные бои и войска, действовавшие на правобережном плацдарме, не могли длительное время обойтись без железнодорожного подвоза, А. В. Хрулев по указанию ГКО отдал приказ о сооружении в районе Днепропетровска железнодорожной понтонной переправы. Сооруженная в течение 7,5 суток (впервые в Великой Отечественной войне) железнодорожная понтонная переправа сыграла важную роль в обеспечении войск, проводивших операцию по расширению и укреплению плацдарма на правом берегу. За 27 суток эксплуатации через переправу было пропущено 247 поездов с левого на правый берег и 133 поезда в обратном направлении.

Еще много можно было бы приводить примеров умелого руководства А. В. Хрулевым железнодорожным транспортом, однако основной его работой был тыл Советской Армии. А поэтому вернемся снова к главной нашей теме.

Генерал Хрулев не был кабинетным работником. Несмотря на огромную занятость, он часто выезжал на фронт и на объекты тыла, чтобы выяснить, как обеспечены войска, помочь на месте в решении трудных задач. В чрезвычайно тяжелые дни октября 1941 года Андрей Васильевич принял энергичные меры к обеспечению фронтов боеприпасами, горючим, продовольствием, позаботился о том, чтобы на фронтовые, армейские и войсковые склады к наступлению морозов были доставлены теплые вещи: шапки-ушанки, полушубки, валенки, теплое белье, меховые рукавицы. Он выезжал на Западный, Калининский, Северо-Западный и Волховский фронты, выкал во все тонкости тылового обеспечения войск. Однако, пожалуй, самая большая работа была им проведена на Ленинградском фронте.

Когда был блокирован Ленинград, решением ГКО ответственность за доставку продовольствия и всех других материальных средств Ленинграду была возложена лично на генерала Хрулева.

Положение было необычайно трудное. Осенью 1941 года противнику удалось перехватить все наши сухопутные транспортные коммуникации, ведущие к Ленинграду. Пришлось ввести строжайший режим снабжения населения продуктами питания. Несмотря на самую жесткую экономию, запасы продовольствия с каждым днем уменьшались. Особенно тяжелое положение сложилось с хлебом. Хлеб выпекался с различными примесями (солод, рисовые отруби, мучная пыль, пищевая целлюлоза и др.). Нормы выдачи его населению в период блокады снижались четыре раза. Минимальная норма для рабочих и инженерно-технических работников достигла 250 граммов в сутки, служащих, иждивенцев и детей — по 125 граммов. Пришлось резко снизить нормы выдачи других продуктов. Вскоре в городе совсем не стало топлива, вышел из строя водопровод, остановилась электростанция. Вследствие невероятных лишений и истощения умирали люди.

Тяжелые условия блокады потребовали от специалистов штаба и управления тыла в центре и от личного состава Ленинградского фронта исключительно напряженной работы, массового трудового и боевого героизма в решении проблем обеспечения войск и населения Ленинграда. А. В. Хрулев понимал это и стремился мобилизовать все и всех на преодоление возникших труд-

ностей. Он ведет частые переговоры с секретарем ЦК партии и членом Военного совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым, с другими членами Военного совета и руководителями партийных и советских органов Ленинграда.

— Что же будем делать, товарищи? — спросил Хрулев собравшихся на экстренное совещание руководящих работников Ленинградского фронта, города и области.

Руководители помолчали в раздумье, потом стали вносить предложения.

— Необходимо использовать для подвоза материальных средств транспортную авиацию.

Кто-то возразил:

— Авиацию нужно использовать, но она не сможет восполнить и одной трети суточного расхода продуктов питания. Надо искать другие средства доставки.

— А почему бы не пустить грузы по Ладожскому озеру?

И сразу же пошел конкретный разговор о практическом использовании водной магистрали. А среди присутствовавших были руководители партийных и советских органов Ленинграда А. А. Кузнецов, Н. В. Соловьев, Я. Ф. Капустин, П. С. Попков, Т. Ф. Штыков, Д. В. Павлов и др.

Через много лет после этого исторического совещания Д. В. Павлов будет писать в своих воспоминаниях:

«Быстро и правильно оценивая складывавшуюся обстановку на фронте, начальник тыла Советской Армии генерал армии А. В. Хрулев со свойственной ему энергией потребовал от своего штаба первоочередной отгрузки продовольствия Ленинграду. Была установлена четкая система контроля за погрузкой вагонов. Каждому маршруту присваивался номер установленной серии. На всем протяжении пути администрация железных дорог и служба ВОСО пристально следили за продвижением составов, идущих под известной им серией, и в случае задержки поездов офицеры службы ВОСО, железнодорожники тут же принимали меры к устранению помех и продвижению маршрутов к месту назначения. При такой организации доставки, несмотря на многочисленные препятствия, маршруты с продовольствием непрерывно поступали на станцию Волхов. Отсюда грузы доставлялись на речную пристань Гостинополье, расположенную в 9 километрах от Волхова. Здесь в начале октября образовались горы

мешков с мукой и крупой, скопилось множество бочек и ящиков с жирами и консервами, лежали туши мяса... Сосредоточение большого количества грузов в непосредственной близости от неприятеля вызывало серьезные опасения за их сохранность: все могло быть уничтожено пожаром. Вывоз же грузов с пристани был ничтожным — не хватало плавсредств, баржи и буксиры часто выходили из строя от вражеских бомб и жестоких штормов.

Для ускорения перевозок материальных средств по Ладожскому озеру было собрано все, что могло плавать на этом водном бассейне. Приняли меры к постройке новых судов, барж, паромных железнодорожных переправ. А когда озеро замерзло, на нем проложили знаменитый ледовый путь, который народ назвал «Дорогой жизни». В постройке его участвовали военные дорожники, работники промышленности, водного и железнодорожного транспорта. Сооружать дорогу активно помогало гражданское население. Общее руководство дорогой было возложено на заместителя начальника тыла Ленинградского фронта генерал-майора А. М. Шилова, начальником ее был капитан 1-го ранга М. А. Нефедов, военным комиссаром — И. В. Шикин.

Днем и ночью под вражеским огнем возили в осажденный город продовольствие, боеприпасы и вывозили из Ленинграда женщин, детей, раненых и больных. Достаточно сказать, что только за зиму 1941/42 года по «Дороге жизни» была поставлена в Ленинград 361 тысяча тонн грузов (из них продовольствия около 75 процентов), а из Ленинграда эвакуировано 514 тысяч человек.

А. В. Хрулев мобилизовал специалистов, чтобы изучить возможности для строительства трубопровода через Ладожское озеро, и в навигацию 1942 года трубопровод по дну озера был проложен, по нему было перекачано несколько тысяч тонн горючего.

Когда наши войска прорвали кольцо вражеской блокады Ленинграда, туда сразу же стали направляться эшелоны с необходимыми материальными средствами. Чтобы быстрее восполнить потребности войск фронта и населения города, по распоряжению Андрея Васильевича в Ленинград направили поезда с продовольствием и некоторые фронты.

А какая колоссальная работа была проделана органами тыла по обеспечению наших войск, участвовавших в разгроме гитлеровцев под Сталинградом, на Курской

дуге и во всех других наступательных операциях Великой Отечественной войны. В период боев за Сталинград, например, немецко-фашистское командование основные силы своей авиации бросило на уничтожение тыла фронтов, включая и железнодорожные коммуникации. Чтобы темп перевозок не снижался, принимались решительные меры к быстрейшему восстановлению разрушенных железнодорожных путей. Кроме того, при активном участии А. В. Хрулева были сформированы крупные автомобильные соединения. Они приняли на себя огромную тяжесть перевозок различных грузов, необходимых для защитников волжской твердыни, и создания запасов материальных средств для снабжения фронтов, участвовавших в окружении и разгроме группировки немецко-фашистских войск. Создание таких соединений сыграло очень важную роль.

При подготовке контрнаступления предстояло осуществить колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов: Сталинградского, Донского и особенно для вновь создаваемого Юго-Западного. И задача эта также была решена успешно. На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. Только с 1 по 20 ноября через Волгу для этого фронта было переправлено 160 тысяч солдат и офицеров, 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов и около 4 тысяч тонн продовольствия. За период с 20 ноября по 5 декабря 1942 года фронтам в районе Сталинграда было перевезено более 120 тысяч тонн грузов и эвакуировано 24 тысячи раненых.

А взять Курскую битву. Фронтам в район Курской дуги в 1943 году по планам центральных органов было подвезено 3572 эшелона (171 789 вагонов), среди которых 1410 эшелонов с артиллерией, танками, частями РВГК и около 150 тысяч вагонов с материальными средствами. Четко организованная работа по подвозу позволила создать необходимые запасы материальных средств не только для ведения ожесточенных оборонительных сражений, но и для обеспечения контрнаступления. А. В. Хрулев осуществлял тщательный контроль за продвижением транспортов с грузами к фронтам, за обеспеченностью

войск материальными средствами, привлекал к этому штаб тыла и все довольствующие управления.

В своих воспоминаниях бывший командующий войсками Сталинградского фронта, ныне Маршал Советского Союза А. И. Еременко пишет: «Военачальники-фронттовики с огромной благодарностью вспоминают внимание и заботу, с которыми относился Андрей Васильевич к нуждам войск, его постоянное стремление обеспечить действующую армию всем необходимым для боя и победы над врагом».

Подобных отзывов об А. В. Хрулеве можно привести много. Ему были присущи чуткость к нуждам и запросам фронтов, внимательное отношение к предложениям, направленным на дальнейшее улучшение организации работы тыла.

Помню, зимой 1942 года он прибыл к нам на Волховский фронт, где я в ту пору работал начальником оргпланового отдела. Обстановка на фронте была тяжелой — суровая зима, бездорожье. Тыловых частей и учреждений для решения задач по бесперебойному обеспечению войск не хватало. Имеющиеся части работали с огромным напряжением. Большой настойчивости в просьбе выделить нам дополнительные средства мы не проявляли, так как знали, что их мало у начальника тыла Советской Армии, а потребность в них ощущалась на многих других фронтах, решающих весьма важные задачи. И командующий войсками фронта генерал армии К. А. Мерецков сдерживал нас в таких просьбах. Но теперь, с разрешения командующего, мы изложили их товарищу Хрулеву.

А. В. Хрулев побывал не только в штабе фронта, а в ряде частей, в госпитале, проверил организацию питания, обеспеченность воинов теплой зимней одеждой, оказание медицинской помощи раненым и больным, то есть внимательно во всем разобрался. Затем выслушал наши просьбы и, убедившись в их обоснованности, тут же позвонил в Москву и через штаб тыла отдал соответствующие распоряжения. Буквально через несколько дней к нам на фронт в качестве усиления прибыли госпитали, дорожные и автомобильные батальоны. Были усилены средствами транспорта и другие тыловые подразделения и части.

Тогда же мы внесли предложение, что для более четкой и оперативной организации тылового обеспечения войск было бы целесообразно вместо оргпланового отдела

во фронте иметь штаб тыла, а в армии — создать армейскую базу. Андрей Васильевич записал эти предложения, сказав: «Приеду в Москву, разберусь». И разобрался. Позже мы узнали, что А. В. Хрулев интересовался мнением руководства тылом ряда других фронтов по этим вопросам, изучил все предложения. Убедившись в их целесообразности, он добился реализации и проведения их в жизнь. Вскоре во фронте вместо оргпланового отдела был создан штаб тыла — основной орган управления тыловыми частями и учреждениями фронта, в армии — полевая армейская база. Это явилось шагом в дальнейшем развитии и совершенствовании организационной структуры фронтового и армейского тыла.

Все, кто работал вместе с А. В. Хрулевым в годы Великой Отечественной войны, знали его как человека не только чуткого и инициативного, но смелого и решительного в отстаивании своих планов и предложений. Он постоянно входил с предложениями в Генеральный штаб, ГКО, к Верховному Главнокомандующему, проявляя при этом большую настойчивость и принципиальность.

— В годы Великой Отечественной войны мне часто приходилось встречаться с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, — рассказывал нам однажды Андрей Васильевич. — Сталин, повседневно занятый решением больших общегосударственных задач, решением международных проблем, руководством военными действиями на фронтах, хлопотами об оснащении наших Вооруженных Сил новейшим оружием и боевой техникой, проявлял исключительную заботу о материальном обеспечении войск. Он постоянно интересовался, как бойцы на фронте питаются, своевременно ли обеспечиваются обмундированием, особенно зимой, как организована медицинская помощь, доставка медикаментов, банно-прачечное обслуживание.

В армию уже с первых дней войны пришло много женщин и девушек. Они работали в штабах, столовых, госпиталях, на складах, базах, многие из них были активными бойцами: снайперами, летчицами, артиллеристами, танкистами, связистами и т. д. Для них не было заранее пошито обмундирование, и поэтому они ходили в мужском. Когда Сталину доложили об этом, он приказал немедлен-

но изготовить обмундирование для женщин и как можно быстрее обеспечить всех.

— Вопросы снабжения чрезвычайно разнообразны, — говорил Андрей Васильевич, — но многие из них можно было быстро решать только при условии, если об этом будет указание ГКО или распоряжение Верховного Главнокомандующего. Зная это, я шел обычно на заседание ГКО с двумя папками: в одной — бумаги и распоряжения, которые будут рассматриваться на заседании, в другой — которые рассматриваться не будут, но их необходимо доложить Верховному Главнокомандующему. И. В. Сталин узнал об этом и, бывало, когда закончится заседание ГКО, говорил:

— Ну, а теперь давайте рассмотрим бумаги, что у вас в особой папке.

По указанию Ставки А. В. Хрулев разрабатывал более совершенные организационные формы и принципы работы тыла всех звеньев. Во время войны развивалась структура не только органов управления тылом в центре, во фронтах и армиях, но и войскового тыла. С увеличением размаха проводимых операций он становился все более подвижным и производительным. Тыл приобретал мобильность, соответствующую маневренности боевых действий войск того времени.

В решении боьдших и сложных задач военного строительства в настоящее время, особенно в связи с происшедшей научно-технической революцией, мы часто обращаемся к опыту организации работы тыла в годы Великой Отечественной войны. Стараемся перенимать из него все лучшее, разумеется, с учетом изменений, происшедших за послевоенные годы. Думается, что нам и впредь не раз придется обращаться к этому богатейшему источнику, который далеко еще не исчерпан.

В ходе Великой Отечественной войны роль тыла Советской Армии в деле победы над гитлеровской коалицией возрастала по мере увеличения размаха наступательных операций, сокращения сроков их проведения. Операции Советской Армии, проводившиеся в составе фронта, группы фронтов, требовали все больше и больше запасов материальных средств, усилия транспортных, медицинских, ремонтных, аэродромных служб. Органы тыла принимали необходимые меры к тому, чтобы обеспечить все возрастающие потребности во имя быстрой победы над фашизмом.

Говоря, например, о подготовке завершающей Берлинской операции, ее огромном размахе, большой наступательной способности войск, бывший командующий Первым Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: «У нас была полная уверенность в том, что войска не будут испытывать недостатка в боеприпасах, горючем, продовольствии. И действительно, снабжение было организовано так, что, когда мы начинали штурм самого Берлина, боеприпасов оказалось столько же, сколько их было при выходе с плацдарма на Одере. За время наступления от Одера до Берлина они непрерывно пополнялись».

Из глубины страны на фронт в течение всей войны доставлялись тысячи орудий, танков, самолетов, автомобилей, огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, инженерного, вещевого и другого имущества. Достаточно сказать, что за годы Великой Отечественной войны было израсходовано более 10 миллионов тонн боеприпасов, свыше 13 миллионов тонн горючего (не считая топлива, израсходованного Военно-Морским Флотом), около 40 миллионов тонн продовольствия и фуража, многие десятки миллионов комплектов обмундирования и обуви. С завистью смотрели фашистские вояки на обмундирование, обувь и снаряжение советских воинов, которыми они бесперебойно обеспечивались с учетом климатических условий в районе боевых действий.

Конечно, чтобы расходовать такое огромное количество материальных средств, их нужно было иметь. И они создавались героическим трудом советских людей, которые не покладая рук работали на фабриках и заводах, на нефтепромыслах и в рудниках, колхозах и совхозах, в научных учреждениях и лабораториях под лозунгом, данным нашей родной партией еще в начале войны: «Все для фронта, все для победы над врагом!»

Разумеется, что всеми колоссальными средствами, которые изготовляли советские люди, нужно было по-хозяйски распорядиться, принять от предприятия страны, подсчитать, куда, кому, когда, в каких размерах и каким транспортом доставить в соответствии с замыслом Верховного Главнокомандования и командования фронтами. Следовательно, необходимо было постоянно знать положение дел в народном хозяйстве страны и на фронтах, знать, как развиваются боевые действия в каждый конкретный период, и предвидеть их развитие. Вот такими

способностями и обладал генерал армии А. В. Хрулев. Это высокое воинское звание ему было присвоено 7 ноября 1943 года.

Когда мы говорим о работе начальника тыла всех Вооруженных Сил страны, то уместно было бы привести некоторые цифры, ибо без них просто невозможно представить масштабы деятельности руководителя.

Возьмем для примера такой частный вопрос, как подвоз оружия, боеприпасов и других материалов к линии фронта. Известно, что враг, стремясь нарушить работу железных дорог, подвергал их систематической бомбардировке, производил массовые разрушения пути в период отступления. За время войны авиация противника совершила около 20 тысяч налетов на железные дороги нашей страны, было сброшено около 250 тысяч бомб, которых достаточно, чтобы вывести из строя все железные дороги Европы. За время войны фашистами было разрушено на территории СССР около 65 тысяч километров верхнего строения пути на перегонах и станциях, около 2 тысяч мостов и 12 тысяч малых искусственных сооружений, тысячи станций, сотни депо, разъездов и других объектов. Таких разрушений история войн еще не знала.

Вот где потребовалась колоссальная организаторская работа начальника тыла Советской Армии и самоотверженный труд советских воинов, большого отряда наших славных железнодорожников.

За время войны нашими железнодорожными войсками совместно с приданными им спецформированиями НКПС при активной помощи местного населения было восстановлено и перешито около 170 тысяч километров железнодорожных путей, введено в строй свыше 14 тысяч мостов, 75 тысяч километров линий связи, восстановлено около 1,5 тысячи пунктов водоснабжения, построено более 12 тысяч километров новых железнодорожных линий. Перевезено по железным дорогам около 20 миллионов вагонов с войсками и грузами.

Колоссальная работа железнодорожного транспорта дополнялась напряженными автомобильными перевозками. К концу войны в Вооруженных Силах имелось 665 тысяч грузовых автомобилей. Автотранспортом за годы войны перевезено более 145 миллионов тонн различных грузов; морским и речным — более 4,3 миллиона человек, 212 тысяч лошадей, 10,6 тысячи орудий, 54,6 тыся-

чи танков, 48,9 тысячи автомашин и более 22 миллионов тонн грузов; воздушным — более 1,5 миллиона человек и 140 тысяч тонн различных грузов.

Или возьмем такой вопрос, как медицинское и ветеринарное обеспечение войск. Огромнейшую работу проделала медицинская служба Вооруженных Сил за годы войны. Десятки тысяч медицинских работников — врачи, фельдшеры, медицинские сестры и санитары — на фронте и в тылу обеспечивали своевременную медицинскую помощь и эффективное лечение раненых и больных воинов. Максимальное их число в короткие сроки было введено в строй. Наша медицинская служба не допустила распространения эпидемий в армии и среди населения. Много трудился и личный состав ветеринарной службы, чтобы оказать помощь раненым и больным лошадям, предупредить их заболеваемость.

Большую работу осуществляли органы тыла Советской Армии и по обеспечению советских партизан, доставляя им оружие, боеприпасы, медикаменты и другое имущество. Только белорусским партизанам были доставлены 400 тысяч тонн взрывчатых веществ, 100 миллионов патронов, 5 тысяч пулеметов, более 15 тысяч автоматов и другое оружие, боеприпасы, минно-взрывная техника, медикаменты.

Тыл Советской Армии обеспечивал польские, чехословацкие и другие войска, сформированные на советской территории, которые дрались плечом к плечу с советскими войсками против общего врага. На их обеспечение лишь продовольствием, вещевым и обочно-хозяйственным имуществом были затрачены миллиарды рублей.

Известно также, что в ходе войны наша армия активно помогала народному хозяйству страны рабочей силой, транспортом, топливом, сырьем. Воины восстанавливали на освобожденной территории предприятия пищевой и нефтеперерабатывающей промышленности, помогали в проведении сева, уборке урожая, строили дома для колхозников в разоренных гитлеровцами районах, делали многое другое. Однако по условиям обстановки эту помощь чаще всего приходилось осуществлять силами и средствами тыловых частей и учреждений. Эта крайне важная, государственной значимости работа тоже требовала много сил и времени от начальника тыла Советской Армии, продуманности и организованности в ее выполнении. А. В. Хрулев пристально следил за решением этой задачи,

поставленной партией и правительством, своевременно выделяя необходимые силы и средства.

Советская Армия помогала также восстанавливать промышленность, сельское хозяйство и транспорт в освобожденных ею странах, снабжала голодающее население продовольствием, оказывала ему необходимую медицинскую помощь. И здесь требовались прежде всего усилия наших тыловых органов. Помню, как во время Яско-Кишиневской операции к нам, на Второй Украинский фронт, по заданию А. В. Хрулева прибыл его начальник штаба генерал М. П. Миловский. Он передал распоряжение начальника тыла Советской Армии, как и какими средствами помочь населению Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Польши, на территории которых вступали наши войска, какие предприятия, транспортные узлы восстановить, что впоследствии и было сделано.

Гуманизм воинов Советской Армии проявился и в оказании всесторонней помощи трудовому народу Германии.

Партия сразу же послала в поверженный Берлин вместе с членом Государственного Комитета обороны А. И. Микояном и А. В. Хрулева. По решению Советского правительства в помощь населению иностранных государств было передано из запасов Советской Армии более 900 тысяч тонн продовольствия.

Возможно, и суховаты приведенные выше цифры, но они свидетельствуют о колоссальной работе тыла Советской Армии, проведенной под руководством нашей партии и Советского правительства в годы Великой Отечественной войны.

Советские войска получали от народного хозяйства все необходимое для жизни и боевой деятельности. В этой связи вспоминается такой случай. Как-то к начальнику тыла Советской Армии генералу Хрулеву пришел М. М. Загю, профессор военной академии, бывший генерал царской армии, почти 80-летний старик. Взволнованный, он долго жал руку Андрею Васильевичу, и вначале даже непонятно было, за что горячо благодарил его.

— Большое солдатское спасибо вам, Андрей Васильевич. От чистого сердца. В пояс кланяюсь вам...

— За что же, товарищ генерал?

— За то истинное чудо, какое явилось мне на сцене лет моих. Я еще не забыл и до гроба не забуду, как уже

на втором году войны России с Германией русской армии всего не хватало, всего решительно: снарядов и патронов, амуниции и медикаментов, даже провианта, даже курева. А теперь у нашей армии всего вдоволь. Поистине чудо из чудес. И за это от старого, бывалого солдата нижайшее русское спасибо вам.

— Не мне за все это спасибо, — ответил генерал Хрулев, — а нашей стране, нашему социалистическому строю, социалистическому государству, Коммунистической партии спасибо.

Андрей Васильевич Хрулев был весьма требовательным начальником, но в то же время очень чутким, заботливым и отзывчивым. Он всячески развивал инициативу подчиненных, доверял им и помогал искать правильные пути решения возникающих вопросов. Если он видел, что у человека встречаются трудности, то подбадривал его и говорил: «Ничего, поможем, действуйте». Он был доступен всем — от генерала до солдата. К Хрулеву приходили в любое время суток люди не только из управлений, ему подчиненных, но и из других ведомств: артиллеристы, танкисты, авиаторы, наркомы и их представители, директора заводов, рабочие, командиры и солдаты со своими нуждами. Если это в какой-то степени касалось работы тыла и транспорта, Андрей Васильевич вызывал соответствующих специалистов и вместе с ними решал вопросы. А если обнаруживались какие-либо неполадки, упущения, то принимал решительные меры к быстрейшему их устранению.

Всегда предельно занятый, Андрей Васильевич находил время следить за пополнением органов тыла высококвалифицированными специалистами. Их готовили в Военной академии тыла и снабжения, Военно-транспортной академии, Военно-медицинской и Военно-морской медицинских академиях, Военно-ветеринарной академии и в других учебных заведениях. Много сил и энергии отдавал А. В. Хрулев воспитанию тыловых работников крупного масштаба.

Воины советского тыла, деятельность которых объединял и направлял генерал армии А. В. Хрулев, показали множество примеров мужества и бесстрашия. Среди отличившихся на войне немало имен, которые ныне широко известны у нас в стране. Упомянем прежде всего

героев — защитников Бреста. Это помощник командира Сорок четвертого стрелкового полка по снабжению капитан И. Н. Зубачев. Он один из руководителей героической обороны крепости. А начальник вещевой службы этого же полка старший лейтенант Н. И. Зориков, будучи тяжело раненным (осколок вражеского снаряда оторвал ему руку), спасал материальные ценности и обеспечивал воинов всем необходимым. Заведующий делопроизводством продовольственно-фуражной службы Восемьдесят четвертого стрелкового полка старший сержант С. М. Кувалин под непрерывным огнем врага доставлял продукты защитникам цитадели. Военфельдшер медико-санитарного батальона Р. И. Абакумова оказывала днем и ночью помощь раненым.

Однажды А. В. Хрулеву доложили, что работник тыла И. П. Середа совершил подвиг.

— Кто такой Середа? — спросил Хрулев.

— Повар, — был ответ.

— Повар? А какой же подвиг он мог совершить?

Вот какую историю поведал представитель отдела кадров А. В. Хрулеву.

Когда часть, в которой служил И. П. Середа, вела бои с противником в районе Двинска, он расположил свои три походные кухни в небольшом овраге, за боевыми порядками подразделений. Когда обед был готов, повар оставил у кухонь своего помощника, а сам побежал на командный пункт доложить командиру, что можно начинать обед. Середа прихватил с собой топор, чтобы нарубить по дороге дров.

Вдруг на опушке леса повар увидел фашистский танк, который, ведя огонь на ходу, двигался к командному пункту. Середа, упав навзничь, притворился мертвым. А сам думал, что же ему предпринять, как остановить тяжелую машину. Решение созрело мгновенно. Когда танк подошел к месту, где лежал Середа, повар быстро вскочил и со всей силой ударил обухом топора по стволу пулемета и погнул его. Затем он нанес несколько ударов по стволу пушки. Ошеломленные таким неожиданным дерзким нападением, фашисты растерялись. Танк остановился. Подоспевшие советские воины помогли отважному повару захватить вражескую машину.

Выслушав рассказ о подвиге, Хрулев сказал:

— Этот повар — герой, настоящий герой. Надо представить его к высшей правительственной награде.

И. П. Середе было присвоено звание Героя Советского Союза.

Советские воины хорошо знают имя еще одного Героя Советского Союза — сержанта В. П. Мирошниченко. Он совершил подвиг в оборонительный период битвы под Москвой. Было это так. Возглавляя команду подрывников на мосту через реку Снопоть, сержант Мирошниченко получил приказ на подрыв моста в тот момент, когда на противоположном берегу появились фашистские мотоциклисты. Вражеский обстрел моста привел к повреждению электровзрывательной сети. Оставалось одно: подползти вплотную к заряду и взорвать его огнем способом, пожертвовав собою. Мирошниченко был ранен, но настойчиво пробирался к цели. Отважный сержант поджег заряд, когда фашистские автоматчики уже были на мосту. Мост взлетел в воздух вместе с бежавшими по нему фашистами. Погиб и сам герой. Имя его навечно зачислено в списки Н-ской части.

А сколько героизма требовалось от воинов тыла при доставке грузов по «Дороге жизни» в Ленинград! Как и на многих фронтовых дорогах, на этой трассе были выставлены яркие плакаты. Вот один из них: «Водитель, помни! Каждые два рейса обеспечивают десять тысяч ленинградских жизней. Борис за два рейса!» И водители боролись. Среди них широко развернуто было социалистическое соревнование. Они для всех водителей служили примером в выполнении воинского долга. Шофер Е. Васильев за две смены подряд сделал восемь рейсов; не выпуская из рук руля, он проделал 1029 километров тяжелого пути, перевезя на своем ГАЗе 12 тонн ценного груза. Водители А. П. Бойкин, Ф. Б. Емельянов, А. П. Кондрин, И. С. Патека, В. И. Сердюков, М. С. Твердохлебов, В. Д. Типков и многие другие являлись подлинными героями Ладожской трассы. Работая сутками без сна и отдыха, они вели свои машины в пургу и метель под угрозой провала под лед. Об этой дороге много написано. Ее по праву называют символом мужества, залогом победы. В одном из подразделений, обслуживавшем ледовый путь, была сложена песня:

Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.

Не меньшего, а порой и значительно большего мужества и героизма от воинов тыла требовалось при доставке материальных средств через Волгу защитникам Сталинграда, войскам, громившим врага в Орловско-Курской битве, в битве за Кавказ, на Днестре и в других операциях Великой Отечественной войны.

Выполняя требования Центрального Комитета партии о необходимости проведения во всех частях и подразделениях целеустремленной партийно-политической работы, А. В. Хрулев постоянно нацеливал начальников тыла фронтов и армий, политорганы и партийные организации тыловых частей и учреждений на то, чтобы подвиги героев становились как можно быстрее достоянием всего личного состава тыла, чтобы на их примерах учились другие. И надо сказать, что командиры, политработники, партийные и комсомольские организации повседневно вели воспитательную работу с большим знанием дела. В результате ее воины тыловых частей и подразделений проявляли массовый героизм, как и воины боевых частей и подразделений.

Весь ход войны показал, что тыл Советской Армии вполне справился с возложенными на него огромными задачами. Министр Вооруженных Сил СССР в приказе № 38 от 25 августа 1946 года отмечал: «В Великой Отечественной войне личный состав органов Тыла — интенданты, медицинские работники, автомобилисты, дорожники, работники военных сообщений, службы снабжения горючим и ветеринары успешно справились с поставленными перед ними задачами по обеспечению фронта».

Личный состав органов Тыла достойно выполнил свой долг перед Родиной».

Фашистская Германия разгромлена, враг безоговорочно капитулировал. Казалось бы, теперь можно залечить раны и строить мирную жизнь. Однако на Дальнем Востоке все еще горел очаг войны. Нашим Верховным Главнокомандованием в короткий срок была спланирована, организована и всесторонне обеспечена стратегическая наступательная операция на огромных пространствах Дальнего Востока и Забайкалья против империалистической Японии. Поистине казалось чудом в течение каких-то 10 дней добиться разгрома самой сильной японской

группировки войск — Квантунской армии — и заставить Японию капитулировать. И конечно, одним из решающих факторов, обеспечивших блестящую победу, была титаническая работа тыла, центра и фронтов, проведенная как при подготовке, так и в ходе операции.

Генерал А. В. Хрулев со своим штабом руководил тыловым обеспечением беспримерной по краткости сроков проведения кампании, планировал снабжение, организовал доставку на Дальний Восток необходимых материальных средств. При подготовке стратегической операции в район боевых действий было доставлено около 130 тысяч вагонов с войсками и грузами по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на расстояние 10—13 тысяч километров. Все фронты к началу операции имели достаточное количество материальных средств.

Справедливую оценку работы тыла в кампании на Дальнем Востоке сделал авторский коллектив под редакцией Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского в историко-мемуарном очерке «Финал». В нем говорится: «Трудно описать, но неизмеримо труднее было выполнить возложенную на органы тыла огромную работу по материально-техническому обеспечению войск в предстоящей войне против империалистической Японии».

Воспоминания непосредственных участников операции и пожелтевшие от времени архивные документы позволяют воспроизвести грандиозную картину творческих усилий и напряженного труда многих тысяч людей, не считавшихся ни со временем, ни с огромными трудностями, связанными с тяжелыми климатическими и географическими условиями, для того, чтобы выполнить свои задачи в установленные сроки и тем самым приблизить час победы».

Действительно, так и было. Автору данной статьи, работавшему в ту пору начальником штаба тыла Забайкальского фронта, лично пришлось убедиться, насколько физико-географические и климатические условия театра военных действий, слабо развитая железнодорожная и дорожная сеть отрицательно влияли на организацию тыла, а крайне сжатые сроки обеспечения такой крупной кампании по разгрому японского империализма потребовали чрезвычайно напряженной работы всех тыловых частей и учреждений. И не только тыловых. Скажем

прямо, что эта задача была успешно решена, потому что, как и в обеспечении наступательных операций, проводимых на западе против войск гитлеровской Германии, ее решением занимались военные советы фронтов, командующие фронтами и армиями, командиры всех степеней, политорганы. Все понимали, что от того, будут ли вовремя накоплены запасы материально-технических средств в достаточном количестве, будут ли своевременно построены дороги и мосты, насколько эффективной окажется организация подвоза боеприпасов, горючего, продовольствия, воды, дров, то есть от обеспечения войск в ходе наступления, будет зависеть успех операции в целом.

Успешное тыловое обеспечение боевых действий на Дальнем Востоке во многом определялось работой центральных органов тыла. Для непосредственного руководства тыловым обеспечением в Ставку Главнокомандующего на Дальний Восток была направлена оперативная группа тыла Советской Армии во главе с заместителем А. В. Хрулева генералом В. И. Виноградовым. Ей предоставлялись широкие права в решении всех вопросов, связанных с обеспечением действующих фронтов. И она выполнила эту задачу. Большую помощь фронтам оказывали сам Андрей Васильевич и подчиненный ему аппарат, особенно при подготовке стратегической операции.

Война закончилась нашей полной победой. Наступили мирные будни, но для Хрулева они были заполнены напряженным трудом. Андрей Васильевич много и плодотворно трудился, занимал после войны в течение ряда лет ответственные посты в Вооруженных Силах и в министерствах, связанных с восстановлением экономики страны. И здесь он проявил себя как талантливый организатор и неутомимый труженик. До последних дней жизни Андрей Васильевич принимал активное участие в общественно-политической деятельности, неоднократно избирался депутатом Московского городского Совета и Верховного Совета СССР, вел большую работу в качестве заместителя председателя Комитета ветеранов войны.

Большие заслуги А. В. Хрулева перед Родиной высоко оценены нашей партией и правительством. Он был награжден шестнадцатью советскими орденами и медалями и шестью иностранными.

Вся жизнь А. В. Хрулева, которую он прошел от петербургского рабочего-красногвардейца до генерала армии — заместителя наркома обороны, начальника тыла Советской Армии, — это пример беззаветного служения своему народу, Родине, великому делу Коммунистической партии.

Умер Андрей Васильевич в 1962 году. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Генерал-полковник Ф. МАЛЫХИН

Генерал-полковник авиации ТИМОФЕЙ ХРЮКИН

Знакомясь с жизнью и деятельностью советских военачальников, нельзя не заметить многих общих черт в пройденном ими пути. Общее заключается прежде всего в том, что вышли они из толщи народной, а Советская власть сделала возможным, создала условия, при которых во всю ширь смогли развернуться их способности и талант.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание на справедливость сказанного, познакомившись с судьбами героев нашей книги. В ней были названы советские полководцы и военачальники, чьи имена навсегда записаны в славную летопись Советских Вооруженных Сил. Читая книгу, мы узнавали, что каждый из них ведет свою родословную не от привилегированных в прошлом эксплуататорских классов, а является сыном трудового народа. Отсюда общность жизненного пути: в царской России рано познал нужду, тяжелый труд; в первую мировую войну призван рядовым, в лучшем случае прошел ускоренную подготовку военного времени, выпущен младшим офицером и отправлен служить «царю и отечеству», а когда грянула в 1917 году в России Великая Октябрьская социалистическая революция, добровольно вступил в Красную Армию, чтобы защищать интересы трудового народа.

Росла наша страна. Росли сыны и дочери рабочих и крестьян. И в том, что лучшие из них, самые способные и талантливые, поднялись до вершин руководящей деятельности, — знамение нашей советской действительности, результат благотворных перемен, которые принес в жизнь народов России Великий Октябрь.

Жизненный путь Тимофея Тимофеевича Хрюкина не представляет исключения из правила. Правда, он принадлежит уже к следующему поколению советских людей. Ко времени революции в России Тимофей только еще достиг, как у нас говорят, школьного возраста. Учиться

же ему довелось значительно позже. Молодому советскому читателю очень трудно будет себе представить, однако факт остается фактом: будущий известный всей стране авиационный военачальник, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин до пятнадцати лет оставался неграмотным.

Родился Тимофей Тимофеевич в городе Ейске 21 июня 1910 года. И солнца много в тех краях, и лето долгое, а море Азовское ласковое. Но не тепло и ласка запомнились ему в детстве, начинавшемся в кожном приморском городе. Да и было ли оно, детство? Когда-то дед его, пытаясь избавить семейство от нужды, все дольше и дольше оставался в городе на заработках, а потом и вовсе осел там, стал ломовым извозчиком. А отцу Тимофея пришлось проделать обратный путь. От зари до зари гнул он спину, работая каменщиком. И мать, потомственная рыбацка, помогала ему изо всех сил, занимаясь легким трудом прачки. А нужда тем не менее ходила за ними по пятам. Прокормить большую семью в городе становилось все труднее. И снова подались Хрюкины на новое место, но теперь уже из города в станицу.

С восьми лет Тимофей вместо школы стал гнуть спину на богатых казаков. Немного подрос — взбунтовался, надоело быть подневольным и получать тумачи ни за что ни про что. Сбежал из дому и два года беспризорничал. Но в стране уже свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Закончилась полной победой над силами внешней и внутренней контрреволюции гражданская война. Началась коренная перестройка всей жизни, ломка прежнего уклада и созидание новых начал. Вся страна — и стар и млад — училась. Слово «ликбез» — ликвидация безграмотности — прочно входило в быт трудового народа.

Вошло оно и в жизнь Тимофея Хрюкина. И все перевернуло. К тому времени, когда новая власть помогла пареньку освоить грамоту, за его плечами были уже немалые трудовые университеты: чернорабочий, грузчик, молотобоец в железнодорожном депо... С самых первых шагов учеба пробудила в нем неуемную жажду знаний, раскрыла незаурядные способности. Продолжая работу, он закончил школу взрослых. В 1926 году вступил в комсомол. Спустя некоторое время его выдвинули на ком-

сомольскую работу. Был избран секретарем райкома комсомола. Работал и продолжал учиться на рабфаке. С 1929 года стал членом партии. По окончании рабфака в 1932 году поступил в сельскохозяйственный институт. По партийному набору был принят в Ворошиловградскую авиационную школу пилотов.

Восемнадцать месяцев напряженной учебы пролетели незаметно. Теоретические занятия по аэродинамике, воздушной навигации, бомбометанию, воздушно-стрелковой подготовке, аэрофоторазведке, авиационной технике, тактике авиации, учебно-тренировочные полеты, строевая подготовка и спорт — все это заполняло до предела учебные будни и с головой поглотило молодого, жадного к знаниям курсанта.

Казалось, совсем недавно Тимофей Хрюкин сдал последний экзамен, выполнил самостоятельный зачетный полет на учебно-боевом самолете. Совсем свежи в памяти воспоминания о выпускном вечере, на котором зачитали приказ наркома обороны, утверждавший вчерашних курсантов в почетном звании военных летчиков. Молодые летчики — командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии с волнением слушали добрые напутствия своих старших товарищей, школьных преподавателей и инструкторов.

— Летной вам погоды, высокого неба, друзья!

Да, это было совсем недавно, если измерять пережитое только минувшим с тех пор временем. Но если оглянуться и прикинуть, сколько событий в него вместились, сколько путей-дорог пройдено за немногие годы, то срок неизмеримо удлиняется.

Военный летчик Хрюкин не сгибался под самым сильным ветром, не прятался от суровых бурь. Он был все время на переднем крае. Когда генерал Франко при вооруженной поддержке фашистской Германии и Италии развязал гражданскую войну в далекой Испании, чтобы удушить республику, Тимофей Хрюкин был в числе первых, кто подал рапорт, желая отправиться туда добровольцем, чтобы бороться против фашистов. Там он получил первую боевую закалку, водил свой бомбардировщик в небе героической Испании, нанося удары по войскам мятежников. Вернулся на Родину с почетом, заслужил первую боевую награду — орден Красного Знамени.

Прошло совсем немного времени — и снова отправился Хрюкин в далекий путь. Но теперь уже не на запад,

а на восток, где все ярче разгорался еще один очаг, втягивавший человечество во вторую мировую войну, — в Китай. Здесь он оказался вместе с теми советскими патриотами-интернационалистами, которые по зову своего сердца выступили с оружием против японских милитаристов, помогая братскому китайскому народу в его справедливой, освободительной борьбе против империалистического агрессора. Теперь он возглавлял уже группу бомбардировщиков.

Нашим летчикам приходилось действовать порой в очень сложных условиях. Руководителям советских авиаторов-добровольцев (их командующим был П. В. Рычагов, а военным комиссаром А. Г. Рытов) стало известно, что на одном из аэродромов на острове Тайвань японцы формируют крупное авиационное соединение. Уничтожить вражескую технику на земле, не дожидаясь, пока она поднимется в воздух, было очень заманчиво. Но чтобы нанести такой удар по аэродрому противника, нашим летчикам на самолетах типа СБ надо было пролететь расстояние, практически равное предельному радиусу действия. А 120 километров маршрута пролегли над морем, которое отделяет остров от материка. Надо было преодолеть созданный вокруг базы истребительный заслон — ведь противник наверняка создал его. Надо было, наконец, отыскать нужную цель — аэродром, на котором формировалось японское авиационное соединение, прикрытый горами, что само по себе представлялось весьма нелегкой задачей. И при всем этом следует иметь в виду, что наши бомбардировщики не могли рассчитывать на поддержку своих истребителей — для них по тем временам подобные расстояния были недостижимы.

Как ни было сложно это задание, командиры групп бомбардировщиков сделали все, чтобы подготовить к его выполнению летный состав наилучшим образом. Результат этого дерзкого налета оказался необычайно эффективным, так как японцы совершенно его не ожидали. Авиационная база была разгромлена советскими бомбардировщиками, а сами они невредимыми возвратились на аэродром Ханькоу.

Т. Т. Хрюкин сражался с японцами храбро и зарекомендовал себя как умный и смелый командир, однако далеко не каждый боевой полет руководимой им группы удавался легко и просто. Генерал А. Г. Рытов рассказал в своих воспоминаниях об одном случае, когда очередной

полет группы Хрюкина чуть не закончился для него весьма печально. Дело было так.

Зашел в один из дней А. Г. Рытов к П. Ф. Жигареву, который был тогда советским авиационным атташе в Китае. Видит, Павел Федорович крайне сердит и отчитывает за что-то Тимофея Хрюкина. Тот стоит, понуро склонив голову и теребя карандаш в руках.

— Нет, ты только полюбуйся на него, — с укоризной в голосе говорит Рытову Жигарев, указывая на Хрюкина. — Растерял всех своих летчиков и сам только случайно остался живым.

Заложив руки за спину, Павел Федорович еще раз пробежал от стола до двери и обратно, разгневанный остановился перед Хрюкиным:

— Где теперь искать ваших летчиков, где?

Потом отошел от него и, обращаясь к Рытову, распорядился:

— Все. К чертовой матери! Отправить его в Москву.

Комиссар пока еще не понял, что же все-таки произошло, а поэтому не спешил высказывать свое мнение. Хрюкин был ему известен как очень опытный летчик и хороший командир. Слыл он за храбреца, и подчиненные его уважали. Рытов спросил Жигарева о причине гнева.

Несколько поостыв, Павел Федорович сказал:

— Этот молодец завел двенадцать самолетов за облака и там растерял их, как беспечная наседка теряет цыплят в крапиве.

— А куда он их собирался вести? — спросил Андрей Герасимович.

— Разве не знаешь? Тоже мне комиссар, — переводя разговор на шуточный лад, продолжал Жигарев. — У Нанкина скучились японские военные корабли. Вот и задумали ударить по ним. А вышел конфуз...

Оказалось, Хрюкин не учел, что в этот район его летчики ни разу не ходили. Попав в облака, они растеряли друг друга. Домой нашли дорогу только три экипажа. Остальные приземлились где попало. Было от чего вскипеть Жигареву и потерять дар речи даже такому храброму человеку, как Хрюкин.

— Тимофей Тимофеевич, — осторожно попытался заступиться за Хрюкина комиссар группы советских добровольцев, — дал, конечно, маху. «Не зная броду, не суйся в воду», — гласит народная пословица. Наказать

его, может быть, и следует. Но ведь сделал он это не по злому умыслу. Хотелось как лучше, а получилось...

— Хотел, хотел... Из добрых побуждений кафтана не сошьешь, — стоял на своем Жигарев.

— Да ведь и мы с вами, Павел Федорович, немножко виноваты. Погоду знали, подготовку летчиков тоже. Однако вылет не запретили, наоборот, подбадривали: давай, давай...

— А у него на плечах своей головы нет, — кивнул Жигарев в сторону Хрюкина.

— Как нет? — заметив перемену к лучшему, Рытов уже решительнее встал на защиту Хрюкина. — Есть, да еще какая — забубенная!

— Во-во, забубенная, — подхватил Жигарев и слегка улыбнулся...

Комиссар Рытов горячо вступился за Хрюкина, потому что не считал возможным остаться безучастным к судьбе человека, летчика, командира, который уже немалой предыдущей боевой деятельностью по правунискал безупречный авторитет, а тут вдруг в трудных обстоятельствах допустил оплошность. Комиссар не ошибся. Тимофей Тимофеевич продолжал руководить действиями группы летчиков-бомбардировщиков и вместе с ними успешно выполнил немало ответственных боевых заданий.

Одним из самых сложных среди них было участие в уничтожении японского авианосца. За это советского командира Т. Т. Хрюкина наградило орденом китайское правительство. А 22 февраля 1939 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Тимофею Тимофеевичу Хрюкину звания Героя Советского Союза. 4 мая 1940 года ему было присвоено воинское звание комдива, а ровно через месяц (в связи с введением генеральских званий) — генерал-майора авиации.

Имя этого несколько сурового на вид человека с Золотой Звездой Героя на мундире стало известно всей стране уже в предвоенный период, хотя иногда ему и самому казалось, что совсем еще недавно он начинал свой путь летчика в Ворошиловградской авиационной школе. Генерал был очень молод: ему едва перевалило за тридцать в канун Великой Отечественной войны. Однако он уже имел на своем личном боевом счету около 100 боевых вылетов. Он не только умел водить в бой самолеты и

метко бомбить врага, но и владел искусством управления авиационными частями. Эти знания и навыки очень пригодились ему в самом недалеком будущем.

Война застала генерал-майора авиации Т. Т. Хрюкина на юге Украины. Незадолго перед тем он закончил высшие курсы Академии Генерального штаба и приказом наркома обороны от 27 мая 1941 года был назначен командующим военно-воздушными силами Двенадцатой общевойсковой армии, которая дислоцировалась недалеко от государственной границы. То, что командующий совсем недавно приступил к исполнению своих должностных обязанностей, не помешало ему проявить незаурядные организаторские способности.

Вверенные генералу Хрюкину авиасоединения и части были своевременно приведены в боевую готовность. Авиационную технику и личный состав удалось переместить на запасные аэродромы. Это уберегло ВВС Двенадцатой армии от тяжелых потерь при первом внезапном ударе врага по стационарным аэродромам. В воздухе сразу же развернулись ожесточенные бои. Уже в 4 часа 22 июня 1941 года в полосе действий военно-воздушных сил, которыми командовал Хрюкин, было сбито 13 фашистских бомбардировщиков. Свои же потери составили 8 самолетов.

Обстановка на фронте менялась быстро. В тяжелых июльских боях 1941 года авиачасти генерала Т. Т. Хрюкина причинили немалый урон танковым колоннам генерала Клейста, самоотверженно помогая наземным войскам сдерживать мощный натиск ударных группировок. Командование этой армии проявляло большое искусство, срывая все попытки врага наводить переправы через Днепр. Все имевшиеся в распоряжении командующего авиационные силы были сосредоточены для уничтожения скоплений вражеских войск перед переправами. Летчики, поддерживавшие Двенадцатую армию с воздуха, наносили непрерывные массированные удары по подходящим ударным группировкам противника и в течение месяца разрушили девять его переправ на Днепре, самоотверженно дрались с гитлеровскими стервятниками над Уманью и Киевом, за что получили пять благодарностей от Военного совета армии.

Особенность действий ВВС Двенадцатой армии заклю-

чалась в том, что генерал Хрюкин использовал имевшиеся силы сосредоточенно, что было явлением довольно необычным для того времени. Общевойсковые начальники, вполне понятно, требовали, чтобы их соединения непременно имели в оперативном подчинении пусть самую минимальную часть сил авиации. А так как сил этих вообще в то время было очень мало, делить их приходилось по крохам. И без того малочисленные, они ослаблялись таким образом еще больше. Тимофеем Тимофеевичем Хрюкиным, противоборствуя тенденции равномерного распределения авиации по всему фронту, старался добиться такого положения, чтобы она оставалась собранной в кулак. Часто по этому поводу возникали ожесточенные споры, высказывались резкие возражения. Но генерал отличался великой настойчивостью и непреклонностью. Он не раз имел возможность убедиться в преимуществе массированных ударов авиации перед действиями рассредоточенных групп самолетов, поэтому горячо отстаивал свою точку зрения, убеждал сомневающихся. Иногда по решению командующего в воздух поднималась одновременно треть или половина всех наличных сил авиации и наносила удар по наиболее уязвимому месту врага, где намечалось главное направление его наступления.

Благодаря взаимодействию авиации с наземными войсками группа Клейста, несмотря на неоднократные ожесточенные попытки, так и не смогла форсировать Днепр, как первоначально было задумано немецко-фашистским командованием, в районе Днепропетровска. Клейст был вынужден перебросить свои войска из этого района севернее, к Кременчугу. Сказать, что в этом была прежде всего заслуга авиации под командованием Т. Т. Хрюкина, — значит впасть в крайность и допустить ошибку, сбросив со счетов героическое сопротивление наших наземных войск, с безаветной храбростью и самоотверженностью сдерживавших бешеный натиск превосходящих сил врага. Но бесспорно одно: летчики генерала Хрюкина дрались не менее самоотверженно и храбро. Они внесли свою лепту в общее дело, сумели оказать эффективную поддержку наземным войскам. И в этом была немалая заслуга их командующего — Тимофея Тимофеевича Хрюкина.

Полученный выигрыш времени в тех условиях был очень важен, ибо в конечном итоге обуславливал срыв замыслов Гитлера, делавшего ставку на «молниеносную»

войну. Все возраставшее сопротивление Советской Армии, в частности на направлении группы немецко-фашистских армий «Юг», спутало карты агрессоров. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии с беспокойством писал в своем служебном дневнике о замедлении продвижения группировки Клейста. «Моменты, беспокоящие командование группы армий «Юг», — отмечал он в записи за 20 июля 1941 года. —... б) Командование группы армий учитывает возможность того, что противник будет упорно оборонять промышленный район Днепрпетровск — Кривой Рог и окажет сопротивление на западной границе этого района, т. е. западнее р. Днепр».

Другой деятель гитлеровского вермахта, генерал Блюментрит, с сожалением вспоминал о том, что события на советско-германском фронте уже в июле 1941 года заставили руководство немецко-фашистской армии спешно пересматривать свои планы. «В конце июля и начале августа, — пишет Блюментрит, — мы потеряли несколько драгоценных недель, пока наше верховное командование размышляло о том, какой стратегии лучше всего придерживаться».

В жестоких боях накапливался опыт ведения борьбы с сильным и коварным врагом.

В августе 1941 года генерал Т. Т. Хрюкин получил новое ответственное назначение — командующим военно-воздушными силами вновь создававшегося Карельского фронта. Ему предстояло организовать прикрытие с воздуха Мурманска и Кировской железной дороги, соединяющей центр страны с незамерзающим портом на Севере. Это была задача огромной важности.

Вспомним, что в планах Гитлера намечалось осуществить в кратчайший срок захват Мурманска, а также перекрыть движение поездов по жизненно важной для нашей Родины Кировской железной дороге. С этой целью гитлеровцы сосредоточили здесь отборные войска. Среди них были и гренадеры-эсэсовцы, и горные егеря, штурмовавшие остров Крит, и тирольские стрелки, овладевшие Нарвиком. Эти войска победным маршем прошли по Франции, Греции, Норвегии. Сюда были направлены все силы 5-го воздушного флота Германии. В распоряжении гитлеровских летчиков была удобная аэродромная сеть, созданная немцами до войны в Норвегии и Финляндии. На север, в Баренцево море, немецко-фашистское командование перебросило значительные силы своего военно-

морского флота, в том числе линкоры «Тирпиц», «Шарнгорст», крейсер «Принц Евгений», десятки миноносцев, подводные лодки, вспомогательные суда.

Отборные войска ударной группировки нацеливались на Мурманск, на Советскую Карелию, на Кировскую железную дорогу. В случае успеха гитлеровские захватчики вышли бы в район Вологды и стали наступать на Москву с севера.

Совместно с наземными соединениями нашей авиации предстояло сорвать эти далеко идущие планы врага. Военно-воздушные силы Карельского фронта, которыми Ставка Верховного Главнокомандования поручила командовать генерал-майору авиации Т. Т. Хрюкину, обязаны были, помимо надежного прикрытия с воздуха всего района действий и железнодорожной магистрали, совместно с Северным флотом и его авиацией охранять и корректировать движение судов, которые шли из Англии. И все это ВВС фронта приходилось делать, испытывая острый недостаток в боевых машинах.

Генерал Хрюкин принимал самые экстренные меры, чтобы немедленно расширить самолетный парк, подобрать нужные кадры, которые могли бы правильно оценить сложившуюся обстановку и действовать энергично, проявляя максимум инициативы и расторопности.

Число трудностей отнюдь не уменьшилось, когда в результате настойчивых просьб командующего в состав ВВС Карельского фронта стали, наконец, поступать боевые машины. Дело в том, что при крайней нужде в современных для того времени скоростных истребителях потребности и заявки ВВС фронта не могли быть удовлетворены полностью, да еще отечественными самолетами. Хрюкину приказали осваивать авиационную технику, поступавшую в СССР из США и Великобритании. Понимая, что надежд на получение отечественных боевых машин в потребных количествах пока что не имеется, Тимофеевич и его помощники горячо взялись за дело. Но вскоре оказалось, что оно связано с такими трудностями, которые даже невозможно было сразу себе представить.

Американские и английские самолеты поступали крайне неравномерно. И когда они, наконец, приходили, часто оказывалось, что к ним нет сборочных механизмов или, что еще хуже, в некомплекте специальное самолетное оборудование. Затруднения возникали и при освоении

незнакомых типов самолетов летным составом, потому что никому из советских летчиков не приходилось летать на подобных машинах. Но медлить было нельзя.

Ряд трудностей обуславливался особенностями самого театра военных действий. Местность на Севере, как известно, малоориентирная или вообще безориентирная. Глазу летчика, как говорят, не за что уцепиться: населенные пункты редки, ландшафт однообразный. Земля надолго покрыта снегом, еще более усиливающим монотонность условий, в которых проходит полет. Это крайне утомляет летный состав. Добавьте еще долгую полярную ночь и трескучие морозы — и тогда станет ясно, в какой сложной обстановке должны были действовать летчики, штурманы, техники и младшие авиационные специалисты. К тому же аэродромов не хватало. А те, что имелись, не всегда были удобны для выполнения боевых заданий.

Командующему военно-воздушными силами Карельского фронта и его штабу приходилось решать великое множество самых неотложных дел. Генерал Хрюкин непосредственно занимался и организацией учебы летного состава, и перевооружением частей, и развитием аэродромной сети, средств радионавигации и светомаяков, и другими малыми и большими делами. Даже такой вопрос, как планирование рабочего дня для боевых частей и самого руководства, приобретал здесь особое значение. Летом день на Севере длится непрерывно, значит, нужно строго спланировать, в какие часы отдыхать командиру части и в какие — его заместителю. На каждый самолет генерал Хрюкин решил прикрепить по два экипажа летчиков: одни бодрствуют в первую, другие — во вторую половину суток. Так обеспечивалась круглосуточная боевая готовность без увеличения количества самих частей.

Удалось увеличить и число действующих аэродромов. Новые аэродромы строили в виде посадочных полос между гор и в тундре. Сооружали деревянные решетчатые полосы, превращая таким образом топкие болота в более или менее сносные аэродромы. Делали и насыпные площадки: срезали холмы и этим грунтом засыпали овраги. Через глубокие и широкие овраги перекидывали деревянные эстакады, которые, соединив два обрыва, превращались в полосы для взлета и посадки.

Командующий настойчиво внедрял в сознание своих подчиненных мысль о том, что если в авиации вообще нет

мелочей, то в условиях Севера эта истина во сто крат важнее. Усилия всех командиров, партийно-политического аппарата направлялись на повседневное ее разъяснение всему личному составу. В преддверии приближающейся зимы генерал Хрюкин усиленно стал интересоваться даже такими, казалось бы, деталями, как состояние водомаслогреек в авиационных частях. Все чаще приходилось слышать от него вопрос, как представляет себе инженерно-технический состав подготовку самолетов к запуску при сильных морозах. Тимофей Тимофеевич по личному опыту, как участник советско-финляндской войны 1939 — 1940 годов, знал, что пренебрежительное отношение к условиям подготовки и эксплуатации боевой техники зимой на Севере может обойтись весьма дорого. Вот почему с таким пристальным вниманием при выездах в части он обращался к любой детали.

На одном из аэродромов командующий однажды спросил инженера части, почему поблизости от самолетных стоянок не имеется бани. Вопрос был задан без видимой связи со всем предыдущим, и в глазах сопровождавших его командиров генерал увидел недоумение — и только. Инженер поспешил доложить, что помещение для бани у них сооружено добротное, но находится там, где размещено жилье для личного состава, а не у самолетных стоянок.

Командующий ничего больше не сказал по этому поводу. Но при подведении итогов своего осмотра аэродрома, для чего по его приказу были собраны все начальники, вплоть до командиров и техников авиационных звеньев, вновь поставил вопрос об этой злополучной бане.

— Значит, не знаете, зачем нужна баня поблизости от стоянок? — обратился он к собравшимся. — Жаль... А есть ли среди вас участники советско-финляндской войны?

В ответ поднялось несколько рук, но очень немного. И тогда генерал рассказал, как вот в этих самых краях в морозную зиму 1939/40 года техники и мотористы нередко в течение суток не могли запустить моторы на ТБ-3. А на бомбардировщиках типа СБ не раз наблюдались случаи, когда от сильного холода лопались масляные бачки. Масло на морозе загустевало настолько, что заправить им самолет не представлялось никакой возможности. Бывало так, что самолет, моторы которого были прогреты всего лишь 15—20 минут назад, уже успе-

вал застыть, а тогда, сколько ни крути винт автостартером, — никакого эффекта.

— Однажды, — продолжал свой рассказ Т. Т. Хрюкин, — перед наступлением надо было нанести бомбовый удар по переднему краю противника. Командующий армией Г. М. Штерн отдал приказ. Однако самолеты в воздух поднять не удалось, хотя инженерно-технический состав с самого рассвета трудился на аэродроме. Чтобы было удобнее работать, механики и техники сбрасывали рукавицы, голые руки примерзали к металлу, но моторы не запускались. Вот тогда кто-то и вспомнил про баню:

«Давайте бочку с маслом в баню закатим, да там и разогреем как следует, а потом будем заливать в моторы горячее масло».

Так и сделали, удивляясь, что раньше не додумались до такого простого решения. Подогретое масло сделало свое дело, и вскоре полк бомбардировщиков ушел на задание.

Так что подумайте насчет бани поблизости от стоянок самолетов. Точнее говоря, это будет не баня, а специальное помещение с хорошей печью и котлом для подогрева, — закончил совещание генерал Хрюкин.

Самоотверженным трудом командующего, его помощников и всего личного состава в невероятно трудных условиях создавались военно-воздушные силы Карельского фронта. Тимофей Тимофеевич Хрюкин проявил себя как блестящий организатор и умелый военачальник, осуществлявший гибкое и твердое руководство боевыми действиями авиации. Части ВВС, действовавшие на Карельском фронте, наносили ощутимые удары по аэродромам противника, не раз неожиданно для врага с большой эффективностью штурмовали наиболее крупные из них.

Немецко-финским войскам, несмотря на большое превосходство в боевой технике и людях, так и не удалось осуществить свои планы захвата Советского Заполярья. Провалилась и фронтальная их атака на Мурманск, и попытки прорваться южнее — на Кандалакшу и Лоухи, чтобы перерезать Кировскую железную дорогу. Во всем этом сыграла свою роль авиация Карельского фронта, которой руководил генерал Хрюкин.

В бесплодных попытках к наступлению враг потерял десятки тысяч солдат и офицеров и вынужден был перейти к обороне. После этого фашисты хотели путем интенсивных налетов с воздуха блокировать железнодорожную

магистраль и Мурманский порт. На Карельском фронте развернулись напряженные воздушные бои, настоящие воздушные сражения, в которых одновременно участвовало по 100—200 самолетов с каждой стороны. И снова замыслы противника были сорваны. Летчики генерала Хрюкина уничтожали в небе Заполярья лучшие кадры Пятого немецкого воздушного флота. Порт Мурманск продолжал работать без каких-либо существенных перебоев, а по железной дороге шли и шли советские поезда.

Бои на Карельском фронте были очень серьезной проверкой сил и способностей каждого бойца и командира. Авиационный генерал Т. Т. Хрюкин с честью ее выдержал. Он на деле доказал, что любое дело, если вложить в него душу, умение, отвагу, мужество и талант, является выполнимым.

В начале июня 1942 года Тимофея Тимофеевича вызвали в Москву. Здесь генерала ожидало новое ответственное назначение.

К весне 1942 года гитлеровское командование, оправившись после зимних поражений и пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, стало концентрировать силы для нового крупного наступления. На этот раз Гитлер, будучи уже не в состоянии организовать наступление на всем советско-германском фронте, намеревался нанести удар на его южном крыле, захватить междуречье Волги и Дона и Кавказ. По его расчетам, в результате летнего наступления гитлеровские войска должны были не только выйти к берегам Волги, но и форсировать ее и, таким образом, перерезать важнейший путь снабжения Советской Армии и всей страны. Овладев Кавказом, Гитлер надеялся использовать советскую нефть, в которой Германия испытывала острую нужду.

С началом немецко-фашистского наступления летом 1942 года для Советской Армии сложилась весьма трудная обстановка. Гитлеровские войска вышли к Воронежу и Ростову-на-Дону. Приволжские степи стали ареной кровопролитных сражений. Именно в это время генералу Т. Т. Хрюкину Ставка Верховного Главнокомандования и приказала возглавить военно-воздушные силы Юго-Западного фронта. Как и на Севере, командующему в сложнейшей обстановке пришлось руководить боевыми действиями авиации и одновременно решать огромный

круг организационных вопросов, связанных с созданием нового авиационного объединения.

Дело в том, что именно в этот период происходила реорганизация всей фронтовой авиации. Практика боевых действий показала, что существовавшая до весны 1942 года организация, при которой основная часть бомбардировочных, истребительных и штурмовых авиационных частей входила в состав общевойсковых армий, не отвечала требованиям войны, так как приводила к распылению сил. Поэтому авиационные части изымались из общевойсковых армий. Различные и по составу и по предназначению авиационные группы — резервные, ударные, маневренные — расформировывались. Вся авиация фронтов сводилась в крупные объединения — воздушные армии, состоявшие, как правило, из однородных авиационных дивизий — бомбардировочных, истребительных и штурмовых.

Соответственно этому на базе ВВС Юго-Западного фронта создавалась воздушная армия, получившая порядковый номер восьмой. Т. Т. Хрюкин с огромной энергией и желанием окунулся в работу по созданию Восьмой воздушной: это было осуществлением давней его мечты. Тимофей Тимофеевич прекрасно понимал, что проводившаяся по решению Государственного Комитета обороны реорганизация Военно-Воздушных Сил является крупнейшим мероприятием, которое позволит централизованно руководить авиационными частями и соединениями, облегчит сосредоточение авиационных сил на решающих направлениях. Короче говоря, новая организация позволяла более эффективно использовать боевую мощь ВВС.

Однако дел в связи с реорганизацией было, как говорится, невпроворот. Тимофей Тимофеевич был физически очень крепким человеком. Высокий, стройный, атлетически сложенный тридцатидвухлетний генерал не спал сутками. Он руководил боевыми действиями авиации и одновременно успевал познакомиться с новой материальной частью, которая прибывала в воздушную армию. На вооружение поступали истребители ЯКи и ЛАГГи, бомбардировщики ПЕ-2, штурмовики ИЛ-2. Надо было организовать переучивание летного состава на новую боевую технику в самые сжатые сроки, ибо и наземные и воздушные сражения становились все более ожесточенными.

Очень часто для летчиков, которые впервые самостоя-

тельно отправлялись в воздух на новом для себя самолете, этот учебно-тренировочный вылет вдруг превращался в боевой: где-то рядом появлялись вражеские самолеты. Недостаточная выучка, недоработка какого бы то ни было элемента летной подготовки в процессе наземной учебы оплачивались кровью.

Это была слишком дорогая цена. Вот почему командующий был так суров и непримирим к любым послаблениям в организации учебы летного состава. Теоретические занятия, поиски и отработка наилучших боевых приемов использования авиации не прекращались в Восьмой воздушной армии ни на минуту, даже в самый разгар боев. Очень часто командующий, находясь на том или ином аэродроме, сразу же после посадки самолетов, вернувшихся с задания, беседовал с летчиками. У них еще не остыл накал только что закончившегося боя. Генерал в таких случаях своими вопросами очень профессионально и тонко подстегивал летчиков к оживленному обмену мнениями. Порой начинали говорить все наперебой, дополняя один другого деталями, штрихами. Так вырисовывалась цельная картина, из которой делались надлежащие выводы.

Именно в итоге подобных бесед с летным составом, в результате умелого обобщения накопленного боевого опыта в боях на подступах к Сталинграду в Восьмой воздушной армии родился новый метод действий штурмовой авиации. До этого «Ильюшины», как правило, сбрасывали бомбы с бреющего полета, когда самолет летит у самой поверхности земли. При этом взрыватель обязательно должен срабатывать с замедлением. Почему? Да потому, что иначе от взрыва бомбы неминуемо пострадает собственный самолет. Взрыв с замедлением гарантирует безопасность экипажу, сбросившему бомбу. Но ведь и противник сумеет использовать время, которое пройдет от момента ее падения и до момента взрыва, для того чтобы спрятаться в укрытиях или удалиться на безопасное расстояние...

А нельзя ли бомбить на «Ильюшиных» с пикирования? Тогда ведь можно применить взрыватели мгновенного действия (бомба взорвется сразу же при соприкосновении с целью).

Командующий поставил этот вопрос перед специалистами. Получив от них положительный ответ, генерал сам выехал к штурмовикам, снова и снова говорил с летчи-

ками, обсудил в частях, как же практически лучше всего осуществить задуманное. Затем, взвесив все «за» и «против», генерал Хрюкин приказал применить новый метод действий штурмовиков в бою. В результате эффективность штурмовых ударов «Ильюшиных» при поддержке наземных войск значительно возросла.

В летних сражениях 1942 года командующий Восьмой воздушной армией, используя накопленный опыт борьбы, особенно последовательно и твердо осуществлял принцип массированного применения сил на направлениях главного удара. Под Купянском, например, Клейст бросил в сражение против наших войск около полутысячи танков. С воздуха их прикрывала отборная эскадра немецко-фашистской авиации. Чтобы противодействовать этому мощному танковому удару, с нашей стороны в бой было введено до 180 истребителей. Противник в итоге завязавшихся в воздухе ожесточенных схваток потерял не менее 90 самолетов. Эскадра «Питкус» практически потеряла боеспособность, и гитлеровское командование вынуждено было отвести ее в тыл на переформирование.

С середины июля 1942 года генерал Хрюкин возглавил воздушную оборону города-героя на Волге. В оборонительный период Сталинградской битвы наша авиация численно уступала противнику. Вспомним хотя бы самое общее количественное соотношение сил борющихся сторон. На сталинградское направление немецко-фашистское командование бросило отборные полевые войска, насчитывавшие в общей сложности до трех десятков дивизий. С воздуха их поддерживали эскадры Четвертого воздушного флота в составе 1200 самолетов. В дальнейшем силы врага непрерывно наращивались.

Войска Сталинградского фронта почти вдвое уступали противнику в танках, орудиях и живой силе. По фронтовой же авиации численное превосходство врага было еще большим. Достаточно сказать, что на 12 июля 1942 года в Восьмой воздушной армии, поддерживавшей этот фронт, в строю было немногим более 300 самолетов. На поддержку Сталинградского фронта привлекались, кроме того, до 150—200 бомбардировщиков авиации дальнего действия да еще одна истребительная дивизия ПВО, имевшая 50—60 самолетов. В общей сложности советская авиационная группировка насчитывала 500—580 самолетов.

Как известно, 26 июля немецко-фашистским войскам

удалось прорваться в тыл нашей Шестьдесят второй армии. Часть ее войск оказалась в окружении в районе Верхне-Бузиновки. Наше командование предприняло контрудары соединениями Сталинградского фронта. Для поддержки их с воздуха генерал Хрюкин поднял все имевшиеся в его распоряжении силы авиации. Наступление противника было приостановлено, наши войска вышли из окружения.

31 июля танковые соединения врага, форсировав Дон, устремились к Волге вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград. Немецкая авиация, обеспечивая их продвижение к Сталинграду, ежедневно совершала до 700 самолето-вылетов. Фашистские бомбардировщики, надежно прикрытые истребителями, свистели. Главная опасность теперь угрожала Сталинграду с юго-запада. В связи с этим по приказу Т. Т. Хрюкина около сотни самолетов для борьбы с вражескими танками были сосредоточены на ближайших аэродромах. Отлично действовали, прикрывая наши наземные войска в районах Абганерово и Тингута, истребительные авиадивизии, которыми командовали полковники Б. А. Сиднев и И. П. Ларюшкин, летчики штурмовых авиадивизий под командованием полковников В. А. Срывкина и М. И. Горлаченко, бомбардировщики из дивизии под командованием полковника А. С. Егорова. Летчикам этих соединений ежедневно приходилось совершать по 3—4 боевых вылета. Командующий армией для повышения эффективности боевых действий снова и снова требовал от подчиненных командиров массированных действий частей и соединений. Не только истребители, но и бомбардировщики и штурмовики стали практиковать удары крупными группами. Такая тактика полностью себя оправдала: противник нес большой урон в танках, орудиях и живой силе, темпы его продвижения сокращались, наши потери в самолетах снижались.

Однако, решительно и смело маневрируя имевшимися силами и средствами, сосредоточивая почти все, что возможно, на направлениях, где возникла наибольшая опасность для обороны, генерал Хрюкин именно в самые тяжелые дни и недели Сталинградской эпопеи осуществил давнюю свою мечту: он создал специальную авиационную истребительную часть для борьбы с авиацией противника. Летчики ее не должны были связываться решением каких-то задач по прикрытию определенных наземных

объектов или сопровождению своих бомбардировщиков. Их основное, главное дело — появляться на наиболее вероятных направлениях полетов вражеских самолетов, вести непрерывный поиск воздушного противника, а обнаружив его, вступать в бой с ним и уничтожать. Это был тот самый метод ведения борьбы за завоевание господства в воздухе, который стал известен затем как метод свободной охоты. Объектами атак охотников могли быть и другие цели — железнодорожные эшелоны, колонны машин, склады и т. д.

В разгар оборонительного сражения на Волге немецко-фашистское командование, как известно, перебросило к Сталинграду одну из лучших своих эскадр, считавшуюся ударной мощью германской авиации. Ее костяк составляли ветераны воздушного флота, матерые воздушные стервятники. Имена многих из них были знакомы Т. Т. Хрюкину еще по Испании. Тогда они помогали мятежнику Франко утопить в крови народ, борющийся за республику.

События 23 августа 1942 года показали, что гитлеровцы не только намерены превратить Сталинград в руины, но и пытаются навести страх и ужас на защитников города. В тот день фашистские воздушные пираты подвергли город варварской бомбардировке, произведя в течение суток свыше 2 тысяч самолетов-вылетов.

Против отборных фашистских вояк требовалось создать не только надежный щит, но и разящий меч. Тимофей Тимофеевич по своему испанскому опыту знал, что у гитлеровцев заметно поубавится спеси и бахвальства, если они встретят надлежащий отпор.

Вполне понятно, что авиационная часть, которую начал создавать командующий, должна была комплектоваться из отборных летчиков, прекрасно подготовленных тактически, безукоризненно владеющих техникой пилотирования, умеющих вести снайперский огонь из самолетного оружия. Это должны быть воздушные асы в полном смысле слова, готовые в критическую минуту умереть, нежели изменить воинскому долгу. Только тогда они справятся со сложнейшими задачами в любых условиях, а часть в целом оправдает свое назначение.

Прежде всего Тимофей Тимофеевич стал подбирать полк в составе Восьмой воздушной, на базе которого можно было бы организовать нужную ему часть. Он остановил свой выбор на Девятом гвардейском истребительном

авиационном полку. О славных боевых делах его летчиков генерал Т. Т. Хрюкин слышал с самых первых дней Великой Отечественной войны. В 1941-м Тимофей Тимофеевич командовал ВВС Двенадцатой армии. А по соседству, на Южном фронте, воевал полк майора Л. Л. Шестакова, именовавшийся тогда Шестидесят девятым истребительным авиационным. Его летчики в самых первых боевых схватках проявили высокое мастерство, отвагу и героизм. С начала войны и по 3 сентября авиаполк Л. Л. Шестакова произвел около 2 тысяч боевых вылетов.

Следующей блестящей страницей в его боевой деятельности стала героическая эпопея обороны Одессы. Лишь один этот истребительный авиационный полк был оставлен оборонять город вместе с наземными частями. Его аэродромом стали четыре небольшие площадки, удаленные от переднего края всего на 8—12 километров. Эти площадки подвергались систематическому артиллерийскому обстрелу. Но, несмотря на это, летчики полка ежедневно совершали по 4—7 боевых вылетов. На весь фронт гремела боевая слава авиационного командира Л. Л. Шестакова и комиссара полка Н. А. Верховца, увлекавших своими смелыми действиями на подвиги всех летчиков полка. Вот только один пример: 9 августа 1941 года группа истребителей, возглавляемая майором Л. Л. Шестаковым, после штурмовки вражеских войск в районе Катаржино вступила в бой против дюжины «мессершмиттов». Семь из них были сбиты. А группа Шестакова со своей стороны потерь не имела.

Когда генерал Хрюкин ознакомился с боевой биографией летчиков полка Шестакова, он обращал особенное внимание именно на такие факты. Они свидетельствовали не просто об отваге и героизме, но служили показателем безупречного профессионального мастерства, высокого тактического умения, морально-политической стойкости. Этими качествами в полной мере обладали и командир эскадрильи старший лейтенант П. В. Полоз, и военный комиссар эскадрильи старший политрук С. А. Куница, и командиры звеньев старший лейтенант А. Т. Череватенко, лейтенанты А. А. Маланов и В. А. Серогодский, и рядовые тогда еще летчики лейтенанты А. В. Алелюхин, И. Г. Королев. Все они были затем удостоены звания Героя Советского Союза. Коммунист-политработник С. А. Куница за короткое время в боях за Одессу успел совершить 150 боевых вылетов, сбив при этом шесть вра-

жеских самолетов. Советское правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза. А всего к тому времени, когда с полком познакомился Т. Т. Хрюкин, высокие звания Героя Советского Союза были уже присвоены двенадцати его летчикам. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили боевые действия этой части в период обороны Одессы, наградив ее орденом Красного Знамени. Одной из первых вошла она в славные ряды советской гвардии.

У командующего Восьмой воздушной армией были все основания полагать, что выбор им сделан правильный. По его распоряжению в Девятый гвардейский полк стали отбирать наиболее подготовленных летчиков из других истребительных авиационных частей. Тимофей Тимофеевич сам окончательно решал вопрос о пригодности того или иного летчика и лично с ним беседовал. Если кандидат казался ему подходящим, тогда Хрюкин задавал вопрос, не без умысла оставляемый на самый конец разговора: согласен ли он пойти в полк на меньшую должность, нежели занимаемая им к тому времени?

Генерал сам всегда почитал прежде всего интересы дела. И в других умел ценить то же самое. Он, например, с первого знакомства проникся симпатией к будущему прославленному советскому асу Амет-Хану Султану. И не последнюю роль в этом сыграло, пожалуй, то обстоятельство, что Амет-Хан, когда Хрюкин предложил ему, к тому времени уже командиру эскадрильи, должность командира звена, сразу же согласился, не оговаривая для себя никаких особых условий и не спрашивая, сохранят или не сохранят ему денежное содержание по прежней должности. Кстати, командующий заблаговременно позаботился и об этом в отношении всех летчиков, согласившихся перейти в полк на низшие должности. Он добился того, что их материальные интересы не были ущемлены.

Созданный по инициативе Т. Т. Хрюкина истребительный авиационный полк мастеров воздушного боя полностью оправдал свое предназначение. Его летчики стали широко и активно практиковать перехват вражеских самолетов путем вылета из засад. Они смело вступали в бой против больших групп воздушного противника и наносили ему ощутимый урон. Так, В. Д. Лавриненков, ставший впоследствии дважды Героем Советского Союза, только за один месяц боев на Волге уничтожил 16 немец-

ких самолетов. Быстро рос счет одержанных воздушных побед и у других летчиков полка.

Многое было сделано генералом Т. Т. Хрюкиным в период Сталинградской битвы и для улучшения управления боевыми действиями авиационных частей и подразделений. Еще в период боев за переправы в районе Калача по его распоряжению был организован наземный пункт управления истребителей. С него осуществлялось наблюдение за воздушной обстановкой и оповещение истребительных авиачастей, находившихся на аэродромах, и летчиков в воздухе о действиях самолетов противника. Отсюда же стали наводить наши истребители на воздушные цели командами по радио и управлять ими в зоне видимости. Появилась возможность планомерного наращивания сил в воздухе за счет вызова групп истребителей в нужный район. На пункте наземного управления находился заместитель командующего воздушной армией, поочередно бывали там командиры авиационных истребительных соединений и частей. Это способствовало более оперативному руководству боевыми действиями авиации, повышало их эффективность.

В дальнейшем организация наземных пунктов управления, выделение авиационных представителей на командные пункты общевойсковых армий стали правилом. Кроме того, генерал Т. Т. Хрюкин приказал организовать недалеко от командного пункта командующего войсками фронта вспомогательный пункт управления воздушной армии (ВПУ). Отсюда сам командующий или его заместитель лично руководили боевыми действиями авиации, согласовывая ее удары с задачами сухопутных войск.

В конце октября соединения Восьмой воздушной армии и авиации дальнего действия провели специальную воздушную операцию, утвержденную Ставкой Верховного Главнокомандования, по уничтожению самолетов противника на аэродромах. Эта операция, которой руководил Т. Т. Хрюкин, отличалась тщательной подготовкой и четким планированием.

Днем 28 октября части бомбардировочной и штурмовой авиадивизий атаковали пять аэродромов в тылу противника. А в ночь на 29 октября к операции подключились еще одна ночная бомбардировочная авиадивизия и дальние бомбардировщики трех соединений. Удару подверглись еще восемь вражеских аэродромов. В общей

сложности нашей авиацией было произведено 502 боевых вылета, в результате которых противник потерял несколько десятков своих самолетов. На ряде аэродромов были повреждены взлетно-посадочные полосы, что вынудило немецкую авиацию в ряде случаев перебраться на тыловые аэродромы и снизило ее активность.

В ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом Восьмая воздушная армия сосредоточила основные свои усилия на поддержке ударной группировки Сталинградского фронта — Пятьдесят седьмой и Пятьдесят первой общевойсковых армий. Заслуга командующего генерала Т. Т. Хрюкина и штаба воздушной армии, возглавляемого полковником Н. Г. Селезевым, опять-таки заключалась в том, что тщательно была продумана каждая деталь в предстоящих боевых действиях авиации. Генерал Хрюкин в ходе войны не раз выступал как руководитель-новатор. Контрнаступление не было исключением в этом смысле. В нем впервые в наступательной операции фронта боевые действия Восьмой воздушной армии были спланированы в форме авиационного наступления. План предусматривал непрерывные действия авиации при подготовке атаки, в ходе ее и в период наступления наземных войск в глубине вражеской обороны.

Решение командующего воздушной армией, утвержденное Военным советом Сталинградского фронта, предусматривало проведение авиационной подготовки в ночь перед наступлением общевойсковых армий. Для этого привлекались ночные бомбардировщики ПО-2. Перед атакой были намечены также удары штурмовиков по вражеским штабам и узлам связи. Прикрытие своих войск намечалось осуществить патрулированием истребителей, содействие вводу в сражение механизированных и кавалерийских корпусов — ударами штурмовой авиации по огненным точкам и резервам противника. Кроме того, для воздействия по вражеским резервам была специально выделена одна бомбардировочная дивизия. А для лучшего взаимодействия с мехкорпусами после ввода их в прорыв генерал Хрюкин придал каждому из них по одному штурмовому и по одному бомбардировочному авиационному полку. Не забыл командующий предусмотреть применение части сил авиации в интересах легендарной Шестьдесят второй армии, непосредственно оборонявшей Сталинград, в случае перехода противника в наступление в ее полосе.

В первые дни контрнаступления боевые действия авиации были ограничены крайне неблагоприятными условиями погоды. Туман и низкая облачность совершенно исключали действия больших групп самолетов. В воздух поднимались только самые подготовленные летчики, и действовали они на малой высоте преимущественно отдельными самолетами. Летчики Восьмой воздушной произвели для поддержки своих наземных войск 340 самолето-вылетов. Много это или мало? Много, если иметь в виду, что немецкие самолеты в те дни практически вообще не летали. Вылет в подобных метеорологических условиях сам по себе являлся подвигом. Однако в полной мере намеченный план погода позволила осуществить начиная с 24 ноября. В каждый из последующих дней совершалось большее количество самолето-вылетов, нежели за все первые пять дней операции.

В декабре гитлеровское командование предприняло отчаянную попытку деблокировать свою попавшую в котел под Сталинградом группировку. Разгорелись ожесточенные сражения на земле и в воздухе. Соединения и части Восьмой воздушной армии днем и ночью наносили удары по танковым и пехотным дивизиям Манштейна, равным им к Сталинграду.

В критический момент, когда коридор, отделявший окруженную группировку Паулюса от пробивавшейся к ней извне группировки Манштейна, сузился до 40—50 километров, Тимофей Тимофеевич Хрюкин обратился с приказом к подчиненным войскам. «20 декабря, — говорилось в нем, — день решающих боев по уничтожению прорвавшейся танковой группировки противника. Военный совет Сталинградского фронта требует от всего личного состава Восьмой воздушной армии особо напряженной работы по уничтожению врага с воздуха в тесном взаимодействии с войсками фронта. Каждый вылет штурмовика, бомбардировщика должен нанести как можно больше поражений врагу». И летчики Восьмой воздушной в ответ на призыв своего командарма в течение четырех дней произвели 758 боевых вылетов. Непрерывные их удары с воздуха, наносившиеся с 20 по 23 декабря, помогли войскам Второй гвардейской армии остановить врага на реке Мышкове.

Не менее успешно действовала Восьмая воздушная и в последующий завершающий период Сталинградской битвы. Ее летчики, выполняя боевые задачи по осуще-

ствлению блокады окруженных немецко-фашистских войск с воздуха во взаимодействии с Семнадцатой воздушной армией, авиацией дальнего действия и частично ВВС Северо-Кавказского фронта, день за днем уничтожали фашистские самолеты на аэродромах Тагинской, Морозовского, Сальска, Зверева, Шахт, Ворошиловграда, Новочеркаска и Ростова.

Отмечая личные заслуги командующего Восьмой воздушной армией в Сталинградской битве, командующий Сталинградским фронтом генерал А. И. Еременко писал в боевой характеристике: «Товарищ Хрюкин хорошо масштабировав действия авиации и решительно громил мотомеханизированные войска противника, умело сочетал различные способы боевых действий. Благодаря четко организованной воздушной блокаде его летчики уничтожили 480 транспортных самолетов противника...»

После того как Сталинградский фронт с 30 декабря 1942 года был преобразован в Южный, Восьмая воздушная армия переключилась на поддержку его соединений, перешедших в наступление на ростовском направлении. Воздушная блокада всецело стала осуществляться Шестнадцатой воздушной армией, входившей в состав Донского фронта.

...2 февраля в районе Сталинграда смолк последний выстрел. Советские Вооруженные Силы торжествовали одну из выдающихся своих побед в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. И в час великого торжества Военный совет Шестидесяти второй армии генерала В. И. Чуйкова — той самой, на чью долю выпали наиболее тяжелые испытания с первого и до последнего дня Сталинградской битвы, — Военный совет этой героической армии обратился со словами признательности к летчикам Восьмой воздушной:

«Празднуя победу, мы не забывали, что она завоевана также и вами, товарищи летчики, штурманы, стрелки, младшие авиационные специалисты, бойцы, командиры и политработники объединения тов. Хрюкина. Те восторженные отзывы о нашей победе, которыми пестрят страницы газет, в равной мере относятся и к вам... С самых первых дней борьбы за Сталинград мы днем и ночью непрерывно чувствовали вашу помощь с воздуха... В невероятно трудных и неравных условиях борьбы вы крепко бомбили и штурмовали огневые позиции врага, истребляли немецкую авиацию на земле и в воздухе... За это

от имени всех бойцов и командиров армии выносим вам глубокую благодарность».

Тимофей Тимофеевич, когда ему вручили это письмо, несколько раз с глубоким волнением перечитывал его вместе со своим заместителем по политической части бригадным комиссаром А. И. Вихоревым. А потом распорядился, чтобы его прочли всему личному составу армии при проведении митингов в соединениях и частях: генерал очень хорошо понимал силу мобилизующего воздействия на массы воинов проникновенного слова, тем более что шло оно от братьев по оружию. К организации партийно-политической работы он всегда относился с большим вниманием.

Восьмая воздушная во главе с Т. Т. Хрюкиным с честью выдержала сложнейший боевой экзамен и по праву заслужила высокую оценку своих действий. За боевые подвиги, отвагу и героизм свыше 3 тысяч ее воинов-авиаторов были награждены орденами и медалями. 17 летчиков удостоились звания Героя Советского Союза. Девять авиационных дивизий были преобразованы в гвардейские. Два авиационных корпуса, 12 дивизий и 21 полк получили почетные наименования. Заслуги самого командующего были отмечены присвоением Т. Т. Хрюкину воинского звания генерал-лейтенанта авиации и награждением полководческим орденом Суворова.

А впереди были новые бои и операции: освобождение Ростова-на-Дону, прорыв на реке Миусе, разгром гитлеровцев в Донбассе, борьба за освобождение Крыма. В этих сражениях продолжала расти боевая слава авиаторов Восьмой воздушной армии, которые под командованием генерала Хрюкина показывали образцы высокого боевого мастерства и отваги, вызывая восторг у воинов наземных войск. Соединения и части, входившие в ее состав, накопили богатый боевой опыт, в них сложились замечательные традиции.

По всему фронту гремела слава о летчиках Третьего истребительного Никопольского авиационного корпуса, которым командовал генерал-майор авиации Евгений Яковлевич Савицкий. Столь же блестящими боевыми успехами отличался летный состав Седьмого штурмового авиационного корпуса, Первой гвардейской штурмовой Сталинградской, Краснознаменной, Шестой гвардейской

бомбардировочной Сталинградской, Шестой гвардейской истребительной Донской авиационных дивизий и ряда других соединений и частей.

Мы уже рассказывали о том, как в разгар Сталинградской битвы был создан полк мастеров воздушного боя, который генерал Хрюкин по праву считал своим детищем. Отборные асы Девятого гвардейского полка во главе со своим командиром Л. Л. Шестаковым буквально наводили ужас на гитлеровцев в небе Сталинграда. Осенью 1943 года Л. Л. Шестакову было поручено сформировать и подготовить к боевым действиям второй особый полк асов, и в начале 1944 года он уже участвовал в боях за освобождение Украины. К сожалению, нелепый случай весной 1944 года оборвал жизнь храбрейшего из храбрых авиационных командиров — Льва Львовича Шестакова. 13 марта над станцией Давыдовцы, неподалеку от Хмельницкого, гвардии полковник Шестаков и его ведомый обнаружили в воздухе группу из двух десятков фашистских бомбардировщиков.

Это несколько не смутило Шестакова. И он сам и его подчиненные давно уже били врага не числом, а умением. Передав по радио команду своему ведомому, Лев Львович устремился в атаку на лидера вражеской группы. Одна короткая очередь из пушек, и ведущий бомбардировщик, загоревшись, пошел к земле. Новый заход в атаку — еще один факел вспыхнул в воздухе. Но тут и случилось непоправимое. Снаряды, выпущенные из пушек твердой рукой Шестакова, попали, видимо, в бензобаки. Бомбардировщик от взрыва разлетелся на куски. Взрывная волна поразила и истребитель. Самолет Шестакова перевернулся и, потеряв управление, тоже упал на землю.

Так погиб первый командир гвардейского истребительного авиационного полка, который вошел в боевую летопись советской авиации под именем созвездия Героев. Двадцать шесть его летчиков удостоились высшего отличия — звания Героя Советского Союза, четверо из них — А. В. Алелюхин, Амет-Хан Султан, П. Я. Головачев, В. Д. Лавринейков — дважды были награждены медалью «Золотая Звезда».

Тимофей Тимофеевич Хрюкин при первой возможности выезжал в подчиненные ему соединения и части, стремился почаще бывать с летчиками и авиационными специалистами. А в Девятом гвардейском полку бывал особенно часто. Он знал здесь всех по именам вплоть до

рядового летчика. Бывало, сам проводил занятия с летным составом, иногда лично ставил или уточнял боевую задачу, присутствовал на летно-тактических разборах. Находясь на командном пункте, генерал очень часто узнавал летчика в воздухе, как говорят, «по почерку», ему даже не нужно было спрашивать позывной.

Однажды на Миусфронте командующий, подъезжая к пункту управления, увидел, как пара наших истребителей атаковала большую группу «юнкерсов», которые приближались к переднему краю. Ведущий и ведомый врезались в гущу вражеских бомбардировщиков, стремительно пикируя сверху. Ведущий с ходу один за другим поджег два самолета. Остальные пошли наутек. А пара наших истребителей свечой устремилась вверх, чтобы затем, используя преимущество в высоте, снова найти себе объект для неотразимой атаки. Генералу Хрюкину не нужно было спрашивать, что это за летчик. По дерзости и орлиной повадке он уже узнал его. Поэтому, когда подъехал на пункт управления, то, пожалуй, не спрашивал, а лишь уточнял:

— Амет-Хан?

— Так точно, товарищ генерал, — последовал ответ от офицера наведения.

Назавтра командующий попросил послать в полк самолет ПО-2 и привезти к нему Амет-Хана и его ведомого. Командующий тепло принял летчиков, расспрашивал о деталях боя, поздравлял с очередной победой и, пожелав им новых успехов, награждал ценными подарками.

Среди плеяды храбрых Тимофей Тимофеевич особенно любил и выделял Амет-Хана, этого бесстрашного летчика-истребителя, чей талант раскрылся в Девятом гвардейском полку во всем неповторимом своем блеске. Скромный, даже застенчивый на земле, он совершенно преобразился в воздухе и мало имел равных себе по дерзости и упорству в бою даже среди самых известных асов. Амет-Хан командовал в Девятом гвардейском авиаскадрильей, самолеты которой имели отличительный знак — окрашенные в желтый цвет конусы винтов, а на фюзеляже силуэт орла. Командующий считал, что этот символ был удивительно под стать манере ведения боя самого комэска. От его стремительного удара сверху врагу очень редко удавалось уйти безнаказанно.

Неотразимость орлиного удара Амет-Хана Султана

Тимофею Тимофеевичу вновь довелось увидеть в один из горячих дней сражения осенью 1943 года. Генерал Хрюкин руководил действиями своей авиации, находясь непосредственно на КП командующего фронтом. Вместе с Ф. И. Толбухиным здесь же был и член Военного совета фронта Н. Е. Субботин.

Наши наземные войска прорывали оборону на реке Молочной. Операция развивалась тяжело. Враг сопротивлялся с упорством обреченного. Гитлеровское командование любой ценой стремилось удержать за собой выгодные оборонительные рубежи на подступах к Крыму. Не менее ожесточенные схватки происходили и в воздухе.

...Вот на горизонте показалась очередная партия немецких самолетов, направляясь к переднему краю. Двенадцать Ю-88, сопровождаемые четверкой «мессершмиттов». А наших истребителей в этот момент поблизости — только два звена во главе с Амет-Ханом Султаном.

— Эх, Тимофей Тимофеевич, испортят нам сейчас эти бомбардировщики всю обедню, — хмурится Федор Иванович Толбухин.

— Полагаю, товарищ командующий, — отвечает Хрюкин, — наши истребители не позволят им этого.

— Посмотрим...

Не успел генерал Хрюкин взять в руки микрофон, чтобы подать по радио команду, как наши истребители, как бы угадав его мысль, с набором высоты пошли навстречу врагу. Ведущий группы приказал одной четверке связать боем истребители прикрытия. Затем негромко скомандовал остальным:

— Атакуем!

Его самолет стремительно пошел вниз, за ним ведомый и другая пара...

С первой же атаки наши истребители нарушили строй вражеских самолетов, а Амет-Хан меткой очередью сбил бомбардировщик. Опасаясь новых атак и видя, что истребители сопровождения уже закружились в стремительной карусели, экипажи других бомбардировщиков поспешили неприцельно сбросить бомбы и начали разворачиваться на обратный курс.

— Лихо он его, — с удовлетворением проговорил Толбухин. — Надо наградить героя...

Генерал Хрюкин, тут же назвав позывной Амет-Хана по радио, сказал:

— Поздравляю вас с награждением орденом Красного Знамени.

Т. Т. Хрюкин умел требовать с подчиненных, но умел он по достоинству оценить и их заслуги, заботился о них всегда по-отцовски.

В этой связи стоит воспроизвести еще один эпизод из воспоминаний генерала А. Г. Рытова, который с осени 1943 года вновь стал служить вместе с Т. Т. Хрюкиным, но теперь уже в качестве его заместителя по политической части.

Когда весной 1944 года началась непосредственная борьба за изгнание гитлеровских захватчиков из Крыма, командующий Восьмой воздушной, как и всегда, тщательно продумывал план предстоящих действий. И вот за пять дней до начала нашего наступления возникла идея — сделать упреждающий налет на вражеские аэродромы, чтобы обезвредить вражескую авиацию. Ведь у противника имелось до 300 самолетов — сила, с которой нельзя было не считаться.

На следующий день Хрюкин вылетел к командующему фронтом Ф. И. Толбухину и вскоре позвонил оттуда Рытову:

— Все в порядке. Замысел одобрен.

Удар оказался неожиданным для противника и, безусловно, способствовал безраздельному господству в воздухе нашей авиации. И в период наступления наземных войск Четвертого Украинского фронта в Крыму эффективные действия ее произвели благоприятное впечатление на представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Наблюдая с КП командующего фронтом, как под прикрытием истребителей наши штурмовики наносят удары по переднему краю, он похвалил:

— Молодцы летчики!

Когда войска, прорвав вражескую оборону, продвинулись вперед и шум сражения начал несколько стихать, А. Г. Рытов подошел к Василевскому и представился:

— Заместитель командующего воздушной армией по политчасти полковник Рытов.

— А давно присвоено вам звание полковника, товарищ Рытов? — спросил Василевский.

Вместо Рытова маршалу ответил Тимофей Тимофеевич:

— Он, товарищ маршал, еще до финской войны был полковым комиссаром. В начале Отечественной войны ему присвоили звание бригадного комиссара, а когда ввели единые звания — почему-то опять сделали полковником.

Василевский рассмеялся и пообещал разобраться.

Вскоре после этого поступил приказ о присвоении А. Г. Рытову звания генерал-майора авиации, а в газете был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Суворова.

С 19 апреля войска Четвертого Украинского фронта начали готовиться к штурму Севастополя. Авиачасти Восьмой воздушной армии по решению командующего перебазировались на передовые аэродромы (к этому времени в ее состав были переведены и соединения Четвертой воздушной армии, поддерживавшие Отдельную Приморскую армию). За шесть суток до начала штурма в дело вступили авиация дальнего действия и фронтовые бомбардировщики. В ходе предварительной авиационной подготовки они сбросили на укрепления, порт и скопления гитлеровских войск свыше 2 тысяч тонн крупнокалиберных и примерно 24 тысячи мелких противотанковых бомб.

С 5 мая, когда началось наступление на Севастопольский укрепленный район, авиация, руководимая генералом Хрюкиным, непрерывно и надежно обеспечивала действия своих наземных войск. Одним из самых напряженных дней в этой операции для авиации стало 7 мая. Гул моторов ни на минуту не смолкал в воздухе. Враг упорно сопротивлялся на Сапун-горе и высоте Сахарная Головка. Туда и устремлялись группы штурмовиков, а над ними шли пикирующие бомбардировщики. Летчики огнем пушек и бомбами выкуривали гитлеровских солдат из укрытий и траншей, подавляли огонь артиллерии и минометов, располагавшихся на обратных скатах. В течение одного этого дня они совершили три тысячи боевых вылетов, уничтожили в воздушных боях 53 вражеских самолета. К вечеру 7 мая победное Красное знамя заалело на Сапун-горе. А 9 мая 1944 года город-герой Севастополь полностью был освобожден от фашистов. Для овладения им немецко-фашистские войска затратили двести пятьдесят дней. Разгромили же их в Крыму советские войска за тридцать пять дней. И в этом немалая заслуга авиаторов.

На имя Тимофея Тимофеевича Хрюкина в те дни пришло немало благодарственных отзывов о героических действиях летчиков Восьмой воздушной армии.

«Прошу передать мою искреннюю благодарность, — писал в одном из них командир стрелкового корпуса генерал-майор П. К. Кошевой, — летчикам вашей армии за отличную поддержку с воздуха в боях от Сиваша — Каранки до Севастополя... Во время штурма Сапун-горы авиация поддерживала пехоту и артиллерию корпуса волей летчиков и силой мотора».

«Работу штурмовой авиации, взаимодействовавшей с 55 ск (стрелковым корпусом), — писал командир другого стрелкового корпуса гвардии генерал-майор П. Е. Ловягин, — оцениваю отлично. Объявляю благодарность всему личному составу».

«Неоценимую помощь пехоте оказала штурмовая, ночная и дневная бомбардировочная авиация. Ее удары точно согласовывались по месту и времени с действиями пехоты», — так писал командующий Пятьдесят первой армией генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, особо выделяя последней фразой искусство командующего воздушной армией и его штаба.

11 мая 1944 года Тимофею Тимофеевичу Хрюкину было присвоено воинское звание генерал-полковника авиации, чем подчеркивалось признание его заслуг как военачальника и зрелого руководителя крупного авиационного объединения. Многим отличившимся в боях соединениям и частям воздушной армии было присвоено почетное наименование Севастопольских. И вновь тысячи воинов-авиаторов Восьмой воздушной удостоились высоких правительственных наград. Командир Третьего истребительного авиационного корпуса генерал Е. Я. Савицкий, командир эскадрильи гвардейского штурмового авиаполка старший лейтенант Л. И. Беда и другие стали Героями Советского Союза, а командир эскадрильи Девятого гвардейского истребительного авиаполка майор В. Д. Лавриненков вторично был удостоен этого высокого звания. Памятник на Малаховом кургане навсегда увековечил ратный подвиг воздушных воинов армии генерала Хрюкина, символизируя их высокое мастерство, отвагу, героизм и беспредельную преданность Родине.

Не успел стихнуть грохот ожесточенных сражений в Крыму, как Тимофей Тимофеевич загорелся выдвинутой в Политуправлении фронта идеей использовать наступив-

шую передышку для того, чтобы восстановить превращенную фашистскими варварами в руины и щебень всесоюзную детскую здравницу — пионерский лагерь «Артек». Командующий сам ездил осматривать «Артек», затем вместе со своими помощниками горячо обсуждал, какие конкретно силы и средства можно выделить от армии для восстановительных работ вместе с другими частями фронта. И какой же радостью светились глаза Тимофея Тимофеевича, когда некоторое время спустя в один из восстановленных корпусов приехали первые отдыхающие! Это были детишки из Ленинграда, пережившие вместе со взрослыми нечеловеческие лишения вражеской блокады. Генерал был полон счастьем солдата и отца за всех этих вихрастых, худых, не по возрасту серьезных мальчишек и девчонок...

Через несколько дней он покинул Крым и отправился к новому месту службы, чтобы вступить в командование Первой воздушной армией.

Среди наступательных операций второй половины 1944 года особое место занимает Белорусская операция, для участия в которой привлекались войска Первого Прибалтийского и трех Белорусских фронтов и корабли Днепровской военной флотилии. Регулярным войскам активно помогали белорусские партизаны. Важная роль отводилась Военно-Воздушным Силам: в составе советских фронтовых объединений находились пять воздушных армий, насчитывавших 5700 боевых самолетов.

Первая воздушная армия обеспечивала с воздуха наземные войска Третьего Белорусского фронта, которыми командовал талантливый советский полководец Иван Данилович Черняховский. Они очень быстро сработались друг с другом — самый молодой командующий войсками фронта и его заместитель по авиации — самый молодой командующий воздушной армией.

Сразу же после первого знакомства Иван Данилович имел возможность убедиться, что Хрюкин — человек дела, отличающийся кипучей энергией и настойчивостью в достижении поставленной цели.

В подготовительный период к операции очень большую работу в войсках выполняли представители Ставки Верховного Главнокомандования. Координацию действий Третьего Белорусского и Первого Прибалтийского фрон-

тов осуществлял Маршал Советского Союза А. М. Василевский. И он сам и руководящий состав фронта изо дня в день совершали перелеты в полосе фронта, а то и за его пределы. Командующему воздушной армией было поручено обеспечить безопасность этих перелетов, организовав надежное сопровождение транспортных самолетов истребителями. Т. Т. Хрюкин решил возложить выполнение ответственной задачи на один из полков истребительной авиадивизии, которой командовал генерал-майор авиации Г. Н. Захаров. Самого ее командира Тимофей Тимофеевич хорошо знал еще по довоенным временам: вместе служили добровольцами в Испании и Китае. Это был прекрасный боевой летчик и вдумчивый командир-воспитатель. Познакомился командующий и с частями соединения Г. Н. Захарова. Все полки имели богатый опыт и хорошо зарекомендовали себя в боях. С весны 1943 года в состав этой дивизии входила и эскадрилья французских добровольцев, реорганизованная затем в полк «Нормандия».

В конце мая генерал Захаров возглавил перелет полка «Нормандия» на фронтовой аэродром Дубровка из Тулы, где французские летчики провели зиму, отдыхая после летних сражений 1943 года и обучая вновь прибывшее пополнение.

В первые же дни прибытия «Нормандии» на фронт генерал Т. Т. Хрюкин прилетел в Дубровку и лично познакомился с французскими летчиками. Состав полка «Нормандия» в то время был самым большим с момента прибытия в ноябре 1942 года первой группы французских летчиков-добровольцев на советскую землю. К началу Белорусской операции он имел в своем составе четыре эскадрильи («Руан», «Гавр», «Шербур», «Кан»), 61 летчика и 249 человек советского инженерно-технического состава. На вооружении полка находились 55 советских самолетов-истребителей Як-9. По докладу командира полка подполковника Пуйяда и его заместителя майора Дельфино, 51 экипаж был полностью подготовлен к боевым действиям.

Однако командующий воздушной армией посоветовал французским летчикам не спешить с вылетами на боевые задания, лучше отрабатывать слетанность пар, звеньев и эскадрилий, налаживать четкое взаимодействие между ними.

— Надо, чтобы французские летчики постепенно втягивались в воздушные бои, — говорил он генералу Захаро-

ву. — Начинайте с дежурств в готовности номер один. С заданиями за линию фронта пока не посылайте...

Вместе с французскими добровольцами на аэродроме Дубровка базировался и наш Восемнадцатый гвардейский истребительный авиаполк, которым командовал подполковник А. Е. Голубов. Генерал Захаров давал самую лучшую аттестацию гвардейцам. Охрану перелетов представителей Ставки ВГК и руководящего состава фронта он также предложил поручить летчикам этого полка.

— Голубов со своими орлами, товарищ командующий, отлично справится с задачей.

Хрюкин согласился и в последующие дни с удовлетворением убедился в прекрасной боевой выучке и высоких морально-боевых качествах летчиков Восемнадцатого гвардейского и их командира. Поставленную задачу они выполняли отлично.

Не менее ответственным делом для всей воздушной армии в канун нашего наступления была борьба с вражескими воздушными разведчиками. Командующий фронтом генерал И. Д. Черняховский строжайше потребовал не допустить возможности наблюдения противником с воздуха перегруппировок и сосредоточения наших наземных войск перед началом операции. Штаб воздушной армии разработал необходимые мероприятия, которые генерал Хрюкин изложил в специальном приказе.

И надо же было так случиться, что вскоре после издания этого приказа немецкий самолет-разведчик пролетел в наш тыл и возвратился за линию фронта, прежде чем дежурная группа истребителей А. Е. Голубова успела его перехватить, хотя и поднялась она в воздух после получения команды без промедления.

Генерал Хрюкин немедленно вызвал к себе на КП командира полка.

— Я вас весьма ценю, — сказал он. — Однако от должности отстраню, если еще хоть один воздушный разведчик безнаказанно будет летать в районе, за который вы отвечаете.

— Товарищ командующий, оправдываться не буду. Но прошу вашего распоряжения, чтобы сигналы от радиолокаторов и постов ВНОС поступали прямо к нашему оперативному дежурному, а не по лестнице: штаб — дивизия — полк. На это уходит слишком много времени.

Разобравшись в том, как передаются сигналы о воздушном противнике на аэродромы, где находятся дежурные подразделения истребителей, и убедившись в справедливости сказанного командиром полка, генерал Хрюкин изменил порядок оповещения: сначала сигнал передавать дежурным истребителям, а затем уже дублировать его для вышестоящих штабов.

На другой день, а было это 14 июня 1944 года, как рассказал мне Анатолий Емельянович Голубов, он поднялся с утра пораньше в воздух. Сам хотел проверить, насколько быстро и точно смогут обнаружить самолет в воздухе наши радиолокаторы. Дело это было тогда еще новое, непривычное. И вот стал он резко менять высоту и направление полета, а затем запрашивал у расчетов, где находится самолет. На каждый запрос ответ следовал без промедления. Сверившись по карте с местностью, Голубов убеждался, что координаты дают ему точные.

...Вот снова на очередной его запрос последовал быстрый ответ с земли. Точно названа высота полета — 6000 метров, район, где он находился, и курс. Но почти сразу же вслед за этим в наушниках шлемофона снова раздался теперь уже встревоженный голос, говоривший о том, что в воздухе обнаружены два самолета противника — бомбардировщик Ю-88 в сопровождении истребителя МЕ-109.

Сориентировавшись по карте, Голубов увидел, что самолеты противника уже успели проникнуть за линию фронта на 15—20 километров и приближаются к Дубровке. «А вдруг сейчас развернутся на обратный курс... — подумал летчик. — Не хватало только, чтобы и эти ушли, как вчера». И мгновенно отжав ручку управления от себя, он перевел самолет в пикирование. Информация по радио помогла своевременно обнаружить оба самолета. Немецкий истребитель находился ближе к нему и выше «юнкерса». Но Голубов, не задумываясь, ринулся в атаку на бомбардировщик, ибо именно он вел разведку и фотографирование и ему никак нельзя было дать уйти. Немецкий истребитель бросился было на вырубку своему подопечному, думая преградить путь советскому ЯКу. Между тем «юнкерс» уже запылал от меткой очереди и пошел к земле. Его экипаж выбросился с парашютами.

Теперь «мессер» решил убраться восвояси, уклонившись от боя. Однако красноразведный истребитель не дал

ему такой возможности. Почуввав опасность и видя, что ЯК настигает его, фашист заметался из стороны в сторону. Не тут-то было. С короткой дистанции двумя очередями из пушек и пулеметов А. Е. Голубов покончил и со вторым вражеским самолетом. Он упал и разбился вместе с летчиком недалеко от аэродрома Дубровка.

...Спасшийся на парашюте летчик самолета Ю-88, переодевшись в гражданский костюм, пытался скрыться в лесу. Но к месту его приземления вовремя подоспел командир дивизии генерал Захаров, летевший на связном самолете. Он и пленил этого перепуганного обер-лейтенанта, который тут же был доставлен в штаб, где дал ценные показания.

Финал этого боя был такой. Еще не зная фамилии летчика, одержавшего блестящие победы в воздушном бою в районе аэродрома Дубровка прямо на глазах у всего личного состава, Тимофей Тимофеевич Хрюкин приказал немедленно доставить его в штаб воздушной армии.

Прибыл подполковник А. Е. Голубов.

— А я вас не вызывал... — начал было Хрюкин.

— Вы вызывали летчика, сбившего два самолета над Дубровкой.

— Так это вы?! — Глаза командующего озорно заблестели, а обычно суровое лицо озарилось приветливой, доброй улыбкой. — Поздравляю и беру свои слова обратно..

Вызвав начальника отдела кадров, Тимофей Тимофеевич дал указание подготовить наградной лист на подполковника А. Е. Голубова и тут же вручил ему орден Красного Знамени. Тем самым командующий пунктуально выполнял требование собственного приказа от 30 мая 1944 года. Он назывался «Об организации борьбы с разведчиками противника» и содержал, в частности, пункт, в котором говорилось: «Уничтожение разведчика противника и особенно пленение экипажа считать высоким боевым отличием. Летчика, сбившего самолет противника, немедленно представлять к правительственной награде».

С самого первого дня Белорусской стратегической операции летчики генерала Т. Т. Хрюкина активно содействовали успеху своих наземных войск. Хотя утром 23 и 24 июня наличие туманов сильно затрудняло действия авиации, 160 бомбардировщиков ПЕ-2 перед началом атаки нанесли удар на южном участке Третьего Белорусско-

го фронта. А с началом атаки наши наступавшие войска мелкими группами непрерывно поддерживали штурмовики ИЛ-2. Летчики Первой воздушной бомбовыми ударами помогли сломить сопротивление узла обороны противника на оршанском направлении. Они оказали самую активную поддержку в разгроме и окружении немецко-фашистских войск в районе Витебска, в освобождении Орши, Минска и других больших и малых населенных пунктов Белоруссии. Столь же активно и успешно действовала авиация под командованием Т. Т. Хрюкина, поддерживая дальнейшее стремительное наступление сухопутных войск Третьего Белорусского фронта в направлении на Даугавпилс, Вильнюс.

Восточно-Прусская операция и штурм Кенигсберга венчали славный боевой путь Тимофея Тимофеевича Хрюкина в годы Великой Отечественной войны. В первый ее год ему пришлось отражать бешеный натиск врага, который пытался штурмовать жизненные центры нашей страны на Севере. А на заключительном ее этапе он штурмовал Кенигсберг — вражескую крепость, которую гитлеровцы считали неприступной.

...На второй день операции по овладению Кенигсбергом перед авиационными соединениями была поставлена задача наращивать удар, чтобы ускорить продвижение наземных войск. С этой целью части авиации должны были бомбить вражескую крепость днем. Впервые такая задача поручалась тяжелым бомбардировщикам. И генерал-полковник авиации Хрюкин сделал все, чтобы надежно обеспечить их помощью своих истребителей и штурмовиков. Небо над Кенигсбергом было очищено от фашистских самолетов.

Непрерывно, днем и ночью продолжался этот всеокупающий штурм. В ночь с 9 на 10 апреля остатки гарнизона крепости и города Кенигсберг капитулировали.

После окончания героического штурма десятки и сотни отличившихся воинов всех родов войск были отмечены высокими правительственными наградами. Их удостоились и многие летчики Первой воздушной армии. 19 апреля 1945 года прилетела весть из Москвы о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Тимофею Тимофеевичу Хрюкину присвоено звание дважды Героя Советского Союза. Этому сообщению радовались все его боевые друзья и товарищи, все авиаторы, с которыми он добывал победу над врагом.

В годы Великой Отечественной войны имя генерала Тимофея Тимофеевича Хрюкина слышал, пожалуй, каждый советский человек. Неоднократно упоминалось оно в приказах Верховного Главнокомандующего, где назывались имена военачальников и полководцев, части и соединения, отличившиеся в боях. Генерал-полковник авиации Хрюкин — военачальник советской закалки, коммунист-боец — все свои силы, талант, творческую энергию неутомимого организатора отдал своей Родине. В послевоенные годы Т. Т. Хрюкин занимал ряд ответственных должностей в Военно-Воздушных Силах, окончил Академию Генерального штаба. Партия и правительство доверили ему высокий пост заместителя главнокомандующего ВВС по военно-учебным заведениям. Он находился в расцвете сил, был полон больших творческих планов. Однако трагический случай решающим образом подорвал его здоровье. Находясь на учениях, генерал Хрюкин ехал в штаб на автомашине. Неожиданно на дороге показалась группа женщин. Водитель уже не успевал предотвратить несчастье. Мгновенно оценив обстановку, Тимофей Тимофеевич решительно взялся за руль автомашины и направил ее в кювет, чтобы избежать столкновения и спасти людей... Врачи спасли жизнь генерала путем сложнейшей операции. Могучий организм, казалось, справился с тяжелой травмой. Но это была только временная отсрочка. 19 июля 1953 года Тимофей Тимофеевич умер, так и оставшись навсегда в памяти народной самым молодым авиационным генералом, который благодаря своему таланту достиг вершин руководящей деятельности в Советских Военно-Воздушных Силах.

Полковник А. КИСЕЛЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Генерал армии Алексей Антонов. <i>С. Штеменко</i>	7
Генерал армии Николай Ватутин. <i>К. Крайнюков</i>	39
Главный маршал артиллерии Николай Воронов. <i>Ф. Самсонов</i>	80
Маршал Советского Союза Леонид Говоров. <i>А. Киселев</i>	111
Адмирал Арсений Головкин. <i>В. Милютин</i>	147
Маршал авиации Семен Жаворонков. <i>А. Крылов, В. Соколов</i>	186
Маршал Советского Союза Родион Малиновский. <i>М. Захаров</i>	221
Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский. <i>И. Багов</i>	257
Маршал бронетанковых войск Павел Рыбалко. <i>Г. Миронов</i>	292
Маршал Советского Союза Василий Соколовский. <i>М. Чердиченко</i>	331
Генерал армии Андрей Хрулев. <i>Ф. Малыгин</i>	372
Генерал-полковник авиации Тимофей Хрюкин. <i>А. Киселев</i>	408

1 р. 06 к.

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я